

902.6 (с54)

T-78

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

14

УДК 517.512.01

ИНСТИТУТ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ И ТЕОРИИ
УСЛОВИЙ

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕОРИИ
УСЛОВИЙ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

УДК 517.512.01

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 14

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

902.6(С54)
Т-78

902.6
М34

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 14

Т Р У Д Ы
СЕМИРЕЧЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
„ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА“

Составлены под руководством
А. Н. БЕРНШТАМА

Российский Институт истории
и природного наследия
Библиотека

ПРОВЕРЕНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА
И И С
Инв. № 534

Z

БИБЛИОТЕКА
И И С
Инв. № 436

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЗИКИ

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СЕРИЯ ФИЗИКА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
чл.-корр. АН СССР А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ИЗДАНИЕ
1972

1972

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий том трудов Семиреченской археологической экспедиции содержит публикацию материалов — извлечения из полевых дневников и описание находок, собранных в четырех экспедиционных сезонах 1938—1941 гг.¹

Центральной темой работ 1938—1940 гг. было исследование памятников древностей в Чуйской долине: изучение исторической топографии и раскопки поселений, в крупном масштабе проведенные на руинах двух городов — в Баласагуне и Сарыге в 1939—1940 гг.

Особый интерес представляют результаты вскрытия на городище Кысмычи, на правом берегу р. Чу (Казахстан), предположительно отождествляемом нами с городом Якалыг. Работы на городище Кысмычи были осуществлены Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра совместно с Казахским филиалом Академии Наук СССР в 1940 г., все остальные обследования в Чуйской долине проводились при активной поддержке Комитета Наук при СНК Киргизской ССР.

Работы 1939—1940 гг. велись по плану, принятому и при обследовании Таласской долины, т. е. широкая разведка сочеталась с разведочными шурфами на городищах и стационарами на объектах наиболее интересных с историко-археологической точки зрения. Каковы бы ни были масштабы работ на городищах Сарыг и Баласагун, их следует все же признать предварительными, ибо удельный вес вскрытой площади, сравнительно со всей площадью города, остается незначительным (см. гл. II, табл. II—XXVII).

Работы 1941 г. имели совершенно иной характер. Это была археологическая разведка в связи со строительством Большого Чуйского канала; особенности этих работ отражены ниже в специальном разделе II части.

Для полного понимания памятников Чуйской долины мы предприняли разведки и в прилегающих районах, без знания которых нельзя осмыслить памятники и собственно Чуйской долины. Разведки были проведены в долинах Малого и Большого Кемина и в котловине озера Иссык-куль. Памятники этих мест, будучи тесно связаны с памятниками Чуйской долины, в то же время являются переходным звеном к памятникам Тянь-шаня и подробное их исследование в дальнейшем, несомненно, откроет яркую страницу в истории Тянь-шаня.

Учреждения-участники экспедиции отмечены выше, личный состав экспедиции состоял из сотрудников ИИМК: нач. экспедиции А. Н. Бернштам, научные сотрудники — Л. Г. Розина, М. В. Лупшиан, И. В. Щербаков и бывшие тогда студентами археологического отделения исторического факультета Ленинградского Государственного университета: Агеева Е. И., Бенедиктов И. К., Зубакина О. М., Михельс Г. Л., Рощин И. А. От научно-исследовательских организаций Киргизии в исследовании Чуйской долины в 1940 г. принимали участие Егизов и Байтыгулов.

Обзор полевых работ за эти годы уже появлялся в печати.¹

Нашли свое отражение в печати и работы, проведенные в связи со строительством Большого Чуйского канала и общим строительством в Чуйской долине (табл. XXVIII—XCIV).²

¹ См. наши статьи: КСИИМК, IV, 1940; ВДИ, 2, 1940; Наука и Жизнь, 1940; А. Н. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; Историческая наука в Киргизии (сб. «Наука в Киргизии за 20 лет». Фрунзе, 1946). Широко информировалась общественность через местную республиканскую печать (см., напр., газ. «Сов. Киргизия» от 15 и 19 VII 1940). Отклики об этих работах см.: КСИИМК, I, 1939; ВДИ, 2, 1940; Antiquities, декабрь 1940; American Anthropologist, т. 42, вып. 2; Известия КирФАН, II—III, 1945 (статья С. Ильсова.)

² А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943. Первые отчеты см. в газ. «Сов. Киргизия», 21 V и «Moskaw-news» 4 и 22 VI 1941.

¹ Первый том посвящен Таласской долине. С 1944 г. начала работы Тяньшано-Алайская экспедиция и с 1947 г. Южно-Казахстанская под нашим руководством. Обе экспедиции продолжают работать над тематикой, начатой Семиреченской экспедицией 1936—1941 гг.

Многочисленные находки этих экспедиций были освещены, кроме вышеуказанных отчетов, в наших специальных публикациях и статьях на историко-культурные темы.¹ Исследования этих лет дали возможность осветить некоторые периоды истории Киргизстана в обобщающих трудах,² а также в серии научно-популярных статей.³ Поскольку в указанных работах широко была представлена главным образом историческая тематика, в настоящей работе основное внимание уделено публикации архео-

¹ Согдийская колонизация Семиречья, КСИИМК, VI; Тюркешские монеты, ТОВ, II; Путеводитель по историко-археологическому отделу Краеведческого музея. Фрунзе, 1943 (совм. с М. С. Акимовой); Академик В. В. Бартольд как историк Киргизстана (Предисловие к книге В. В. Бартольда «Очерк истории Семиречья». Фрунзе, 1943); Строительные приемы древних водчих и использование их опыта в современной практике. Труды КирФАН, вып. 1, 1943; Некоторые итоги археологических работ в Семиречье, КСИИМК, XIII; Уйгурская эпиграфика Семиречья, I, Эпиграфика Востока, I, М.—Л., 1947; Сукулукская терракота, КСИИМК, XIV; Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью, там же, XVII; Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины, там же, XIX; Образ сасанидского царя, там же, XXIII; Новый тип тюркешских монет (печатается); Уйгурская эпиграфика Семиречья, II. Эпиграфика Востока, II; Новые эпиграфические находки в Семиречье, там же.

² А. Бернштам. История киргизского народа и Киргизстана, т. I (с древнейших времен до монгольского завоевания); Очерки по истории Киргизской ССР, ч. I; История народов СССР, ч. III—IV, Л., 1940; История изобразительного искусства Киргизстана. См. Рефераты работ за 1945 г. ОИФ, М.—Л., 1947.

³ А. Бернштам. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942; Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942 (обе переизданы на киргизском языке в г. Фрунзе в 1943 г.). Ср. журн. «Советтик Кыргызстан», № 7—8, 1942; № 3, 1943; Труды КирФАН ИЯЛИ, вып. 1, 1946. Ср. газ. «Сов. Киргизия» 30 VI, 4 и 27 VII, 18 VIII 1943.

логического материала, а собственно исторические наблюдения сконцентрированы вокруг вопросов исторической географии и истории культуры и искусства, не имеющих должного отражения в вышеуказанных работах.

Другой спецификой настоящей публикации является собственно археологическая классификация находок, нашедшая свое отражение, естественно только в кратком виде, в статье «Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня»¹ и в книжке «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала».²

В подготовке этой работы к печати приняли участие сотрудники экспедиции С. С. Сорокин, Л. Г. Розина и Е. И. Агеева, обрабатывавшие полевые дневники участников экспедиции, погибших в дни Великой Отечественной войны, а также тех, которые по независящим от них обстоятельствам не смогли сами подготовить свои материалы. Только двое из состава экспедиции, кроме вышеуказанных, провели подготовительную работу над дневниками — И. К. Бенедиктов вчерне еще в 1941 г. подготовил к печати свои дневники по Сарыгу, а Г. Л. Михельс в 1942 г. обработал основную часть дневников участников археологического надзора.

С. С. Сорокину принадлежит основная роль в подготовке графического материала. Почти все таблицы, чертежи и карты выполнены им.

Все фотоработы выполнены Ф. И. Балдерманом, И. В. Щербаковым, М. Г. Агоронян.

¹ Советская Археология, т. XI, см. табл. ХСV.

² Фрунзе, 1943 г.

Часть I. ДРЕВНИЕ ГОРОДА ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Глава I

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1938—1940 гг.

(Табл. I—XXVII)

В напечатанных ранее отчетах и публикациях мы уже старались осветить историю исследования Чуйской долины и частично поделиться нашими наблюдениями по этому району. Ниже мы попытаемся дать общий обзор наших исследований за 1938—1940 гг., главным образом в Чуйской долине, которой и посвящен настоящий том. Наши обследования иногда захватывали сопредельные районы (Кемин и Иссык-Куль), но более углубленное их изучение предстоит еще впереди (табл. I). Мы придерживаемся хронологического принципа повествования, чтобы картина накопления наших знаний и характер развертывания работ в Чуйской долине выступили с наибольшей наглядностью.

Но прежде чем перейти к обзору работ экспедиции в 1938—1940 гг., позволим себе привести основные данные письменных источников, на которые мы опирались как на руководящий материал для установления топографии городов и их локализации. Публикация переводов арабо-персоязычных известий о Семиречье содержится в первом томе трудов. Здесь же мы только напомним об этих данных в связи с исследованиями в Чуйской долине.

Вопросы исторической топографии Чуйской долины привлекали внимание многих исследователей и в их числе таких знатоков арабо-персидской литературы, как В. Бартольд¹ и В. Минорский.² В. Бартольд неоднократно возвращался к этой проблеме, начав заниматься ею еще со времени своего первого путешествия в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. Предположения В. Бартольда в части локализации городов подтвердились в основ-

ном последующими изысканиями, хотя против них весьма решительно выступал в свое время Н. Петровский.¹

§ 1. ОБЩИЙ ОБЗОР ГОРОДОВ VIII—XVI вв. ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

В арабо- и персоязычной географической литературе сохранилось немало сведений о городах Северной Киргизии. Однако, если в отношении Таласа или, точнее, города «Тараз-Талас» имеются более или менее подробные сведения, то о городах Чуйской долины и Верхнего Таласа сведения чрезвычайно скудны и, главное, немногочисленны.

Арабоязычный автор IX в. ал-Хорезми упоминает в Чуйской долине город Невакет и сообщает его географические координаты: широта 44°, долгота 104°. Указание только на город Невакет объясняется на наш взгляд тем, что в VIII в. этот город стал известен арабам как ставка каганов западных тюрок.

Более подробные данные заключены в сочинении ибн-Хордадбега (IX в.), описавшего маршрут от Испиджаба до Верхнего Барсхана, причем он сообщает, главным образом, о левобережье Чу. Его сведения перестают быть конкретными, когда он в своих описаниях доходит до восточных границ Чуйской долины, т. е. до тех мест, где в долину входит Большой Кемин и Боомское ущелье и стоит скала, именуемая киргизами «колыбель Джоолоя» (к востоку от Семеновского моста).

Характерно, что многие авторы IX века, прекрасно осведомленные о жизни Средней Азии и имеющие среди предшественников такого автора как ибн-Хордадбех и, быть может, Факых, ничего не говорят о городах Северной Киргизии (Якуби — IX в., Белазури — IX в.).

¹ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. СПб., 1897.

² V. Minorsky. *Hudud al-Alam*. GMS, новая серия, т. IX, Лондон, 1937.

¹ ЗВО, т. VIII.

Табари (IX—X вв.) упоминает о городе Невакете в связи с выступлением тюрок против арабов, а также говорит о Суябе, без каких-либо подробностей в отношении обоих пунктов, свидетельствуя тем самым, что он в этой части пользовался источниками VIII в., как и ал-Хорезми, минуя данные ибн-Хордадбега.

Снова, подобно ибн-Хордадбегу, перечисляет города Северной Киргизии Кудам (X в.), независимо от ибн-Хордадбега пользовавшийся одинаковыми с ним первоисточниками. Вот его описание городов Чуйской долины от Мирки на восток: «От Мирки до Аспары по пустыне, такой же как пустыня Кулана, 4 фарсаха, от Аспары до Нузкета, большого селения, 8 фарсахов. От Нузкета до Харранджувана, а это большое селение, 4 фарсаха. От Харранджувана до Джуля (جول), а это большое селение, 4 фарсаха. От Джуля до Сарыга, а это большое селение, 7 фарсахов. От Сарыга до селения тюркского кагана хакана 4 фарсаха. От селения тюркского хакана до Кирмирау 2 фарсаха. От Кирмирау до города Невакета 2 фарсаха. От города Невакета до Бунджикета 2 фарсаха, а это большое селение и рядом с ним селение... Этот Невакет большой город, оттуда дорога в Барсхан, называемый Баркаб, фарсах, а от Бунджикета до Суяба 2 фарсаха. Суяб — два селения, одно из них называется Кубал, а второе Сагур-кубал. От Сагур-кубала до Барсхана, а это верхний и он граница Китая, 15 дней пути ходом караванов по пастбищам и водам, а для почты тюрок путь трех дней». Этот замечательный текст, равно как и текст ибн-Хордадбега, дает возможность довольно точно восстановить историческую карту Чуйской долины и отождествить современные развалины древних городов с древними их названиями. На этом неоднократно останавливался В. Бартольд, этого мнения придерживаемся и мы.

В безымянной рукописи «Худуд-ал-Алам» упоминаются отдельные города Северной Киргизии, но явно без какого-либо маршрутного порядка. Таковы указания, что Нункет (видимо, Нузкет, отмеченный после Мирки) находится около горы. Суяб отнесен к округу тухси, т. е. тюргешей, причем говорится, что это «большое селение, и оттуда выходит 20 000 человек». Видимо, к области племен тухси следует отнести еще два селения: «Беклелиг — большое селение, на согдийском языке это селение называют Расмакна, дихкана его называют Инал Тегин и с ним садится на коня 3000 человек», и «Уркес — находится между двумя селениями тухси, в нем немного людей, он процветает и люди богаты».

Из других городов по Верхнему Таласу в «Худуд-ал-Алам» упоминается Шельджи (без всяких комментариев) и Невакет — в Чуйской долине. Сюда, быть может, следует отнести и Яганкес.

Наиболее подробно перечисляет названия селений и городов автор X в. Макдиси, к сожалению, без точной их локализации, однако в некотором порядке (т. е. с запада на восток).

По Таласу в округе города Тараза им упомянуты (на территории Киргизской ССР) Атлах, Куль, Сусы и Текабкет.

Далее после Текабкета у него упоминается Баласагун (очевидно, здесь Макдиси переходит к перечислению чуйских городов). За Баласагуном идут города Лабан, Шуй, Абалыг, Маданкет. К Иссыккульским и чуйским городам, видимо, надо причислять Барсхан, Балаг, Джакаркан, Яг, Якалыг, Раванджан, Катак, Шур, Чашма, Диль, Авас, Джаркерд.

В другом месте, помимо перечисленных городов, Макдиси еще упоминает после Мирки: Нушкет, Лакра, Джамук, Урду, Навикет, Будухкет.

Весьма интересные сведения о городах Северной Киргизии сообщает Гардизи — автор XI в., писавший на персидском языке, переводы из сочинения которого были сделаны В. Бартольдом еще в отчете 1893—1894 гг. Гардизи свидетельствует о тюргешах и азийцах Чу, Кемина и, видимо, Иссык-куля, на западных берегах которого он отмечает племена чигилей. Любопытно, что у входа в Боомское ущелье, по дороге в Иссык-куль, он отмечает урочище Джиль, что соответствует и современному названию местности (Джилыарык). Последнее указывает на древность тюркской топонимии этого района.

Так как Гардизи называет тюргешей (704—766 гг.) еще «ябгу» (наименование, употреблявшееся в более раннее время), можно полагать, что в своих сообщениях он в основной части опирается на источники VIII в. С другой стороны, ему известны и синхронные ему события, быть может, конца X—начала XI вв., находящие свое подтверждение у блестящего знатока этой эпохи и этих мест Махмуда Кашгарского. Приводимые Гардизи сведения и данные карты Махмуда Кашгарского были составлены И. И. Умняковым в его работе «Самая древняя турецкая карта мира (XI в.)».¹

Фактически этими источниками исчерпываются указания арабо- и персоязычной литературы о городах Северной Киргизии для карлукской (саманидской) поры. Последующие авторы, хотя и возвращаются к своим предшественникам, но все же дополняют их сведения более современными для них данными. Наиболее ярким автором является Махмуд Кашгарский (XI в.).

Махмуд Кашгарский упоминает Баласагун, на языке чигилей Куз-орду. Область, где нахо-

¹ Труды Самаркандского Гос. пед. института им. А. М. Горького, т. 1, вып. 1. Самарканд, 1940. И. И. Умняков ищет Суяб в Чуйской долине, с чем мы согласиться не можем и о чем уже неоднократно говорили в печати. См. нашу статью: «К исторической топографии Чуйской долины». ВДИ, 2, 1940.

дился Баласагун, называлась Аргу, т. е. «место между горами». В этом отношении географический ландшафт верхнего течения Чу оправдывает это топонимическое название. Здесь, возле высокого холма (?) находился город Узукенд. Около Баласагуна назван город Урду. Кроме того, Махмуд Кашгарский упоминает на Иссык-куле, около Барсхана, городок Чигиль, а по Таласу — Атлах и, в спорной транскрипции, Суяб. В безымянном сочинении XII в. «Муджмилъ ат-теварих», при перечислении титулов владельцев, упоминается ряд городов и их владетелей. Из них, несомненно, расположены на изучаемой нами территории следующие: «Царя Суяба называют Иланшах; царя Лабана называют Категин Лабан; царя Бунджикета называют Кульбакар; царя Хуркутала называют Маглыга; царя Аслыга (?) называют Инал Тегин; царя Салыга (Сарыг?) называют Каладжур; царя Барсхана называют Тебин Барсхан, царя Шельджи называют Хилаш Эркен».

Самани, автор XII в., говорит о Баласагуне, что это один из районов, пограничных с тюрками, близости от Кашгара, за рекой Сейхуном, он описывает также и город Шельджи: «одно из селений Тараза, вроде города, это один из городов областей, пограничных с тюрками».

Якут (XII—XIII вв.) в описании интересующих нас городов ничего нового не добавляет к сказанному Самани, равно как и другие авторы монгольского времени (ибн-Асир XIII в., Джуейни XIII в., Карши XIV в., Рашид-ад-Дин XIV в.). Впрочем Рашид-ад-Дин отмечает на р. Чу два больших селения: Тарсаент (буквально «христианское селение») и Карбалык. Перечисленные выше авторы имеют большее значение для истории этого района, в частности, для истории Баласагуна (взятие города Мухаммедом Хорезмшахом и т. п.), чем для исторической географии.

Важные данные приводит Абульфёда (XIV в.) в отношении города Шельджи. Повторяя данные предшественников о Шельджи как крепости, пограничной с тюрками, он добавляет, что Шельджи отстоит от Тараза на 4 фарсаха. Это расстояние примерно соответствует действительности — от Тараза (г. Джамбул) до Шельджи (Садыр-кургана) 35 км. В отношении Баласагуна он повторяет сообщения Самани, что это город, пограничный с тюрками.

Последующие авторы Вассаф, ал-Омари (XIV в.) сообщают названия городов, очевидно существовавших и после монгольского завоевания. Здесь важно отметить упоминание ал-Омари о городах Барсакен (Барсхан), Огуз Дабан (Лабан?), Джуль и Баласагун.

Для времени Тимура наибольшей полнотой отличаются сведения об Ашпаре, используемые нами ниже, а также маршруты походов (например, 1390 г.) с подробным перечислением местной семиреченской топонимики у Шереф-ад-

Дина, не получившей еще достаточно удовлетворительного объяснения. Для источников этого времени — от Вассафа до Мухамеда Хайдера — характерно, что в отношении Семиречья они оперируют уже с топонимическими названиями и имена городов ими уже не упоминаются.

Для тимуровского времени характерно восстановление некоторых городов, очевидно тех, где в каких-то размерах еще теплилась жизнь. Судя по сообщениям историка тимуровского времени (ибн-Арабшах, XV в.), таким городом была Ашпара.

В описании походов Тимура в Моголистан Шереф-ад-Дин Езди также упоминает Ашпару. Абд-ар-Раззак Самарканди (XV в.) не упоминает городов, а перечисляет, главным образом, урочища, где были тимуровские войска. Среди них любопытно отметить рр. Аксу и Кызыл-су.

Джурджани (XV в.) упоминает Ташрабат и мелкие селения Чу и Иссык-куля, среди которых трудно найти следы ранее известных городов. В основном это также топонимические названия. Такого же типа указания Мирхонда (XV в.) и Бабура (XV—XVI вв.).

К XVI в. городская жизнь окончательно прекращается, и сочинение XVI в. Мухаммеда Хайдера говорит уже не о городах, а о развалинах былых центров.

Перечисленные выше сообщения древних авторов дают возможность сделать следующие выводы.

Если сопоставить сведения китайцев о Чу со свидетельствами арабо и персоязычных авторов, то оказывается, что по сравнению с VII в. в VIII—X вв. резко увеличивается количество городов и оседлых поселений Северной Киргизии. Наибольшее количество их видимо появляется в X в., что следует из списков поселений у Мақдиси. С караханидского времени количество мелких поселений уменьшается за счет увеличения городских центров, которые продолжают свое существование до монгол, а Тараз, Баласагун и Шельджи — и несколько позднее. В тимуровскую эпоху почти все города прекратили свое существование, остались некоторые, искусственно поддерживаемые Тимуром и его потомками (по письменным источникам достоверно лишь упоминание об Ашпаре). Характерно, что названия исчезнувших городов были даже забыты и вместо исчезнувших названий городов начинает господствовать в XV—XVI вв. местная топонимика.

Эти явления объясняются теми историческими причинами, о которых мы неоднократно заявляли в ряде работ.¹

Хотя свидетельства письменных источников и чрезвычайно важны для установления древ-

¹ Прежде всего, в «Археологическом очерке Северной Киргизии», Фрунзе, 1941, и «Памятниках старины Таласской долины», Алма-ата, 1941. Сведения из арабо- и персоязычной литературы о Чуйской долине приведены в «Трудах Семиреченской археологической экспедиции», Таласская долина, Алма-ата, 1950.

них названий городов, все же, как можно было выше убедиться, они не дают никаких сведений о их внешнем виде, внутренней жизни, как, например, это характерно для мусульманских авторов в отношении городов Мерва, Бухары, Самарканда и немногих других. При этих условиях археологическое обследование развалин приобретает особую силу и значение.

В последующих параграфах нами будет дано описание памятников по важнейшим пунктам, обследованным экспедициями Комитета наук при СНК КирССР и Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1938—1940 гг.

§ 2. ОБСЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩ ДОЛИНЫ р. ЧУ В 1938 г.

В 1938 г., после окончания работ в Таласской долине, экспедиция начала обследования наиболее крупных и интересных городищ в Чуйской долине, расположенных между гг. Фрунзе и Токмаком. При этом мы ставили перед собой следующие задачи. Во-первых, выявление общих или отличительных черт, присущих городищам долин рр. Чу и Таласа; во-вторых, выяснение дальнейших перспектив развернутого исследования городищ Чуйского района; в-третьих, сбор дополнительного материала для определения местонахождения древнего города Баласагуна. Разрешение поставленных задач облегчалось тем, что для данной местности имелась прекрасная сводка письменных известий. Кроме того, данный район был уже первично обследован В. Бартольдом, а в 1929 г. здесь проводилась археологическая рекогносцировка квалифицированными специалистами (А. И. Тереножкин).

В Чуйской долине нами было обследовано четыре городища: городище Малый Ак-пешин, Большой Ак-пешин, городище Бурана, городище Красная Речка (табл. II, 5; III, 5; VI—XXVII). Из первых трех городищ наибольший интерес представляет Большой Ак-пешин, резко отличающийся от остальных и своими размерами и планом сооружений, несомненно городского типа (табл. XVIII).

Городища Малый и Большой Ак-пешин расположены неподалеку друг от друга. К ним ведет дорога из г. Токмака, в южном направлении от него. Вскоре за Токмаком дорога сворачивает на запад и, оставляя в стороне с. Покровку, выходит через колхоз «Большевик» к вышеназванным городищам. В этой же местности, на восточной окраине поселка колхоза «Большевик», находятся остатки турткуля, типа небольшого караван-сарая. Западнее колхоза «Большевик» местность сильно всхолмлена и прорезана глубокими оврагами, по дну которых местами бьют родники и даже протекают небольшие ручьи. На одном из холмов расположено укрепление Малый Ак-пешин. Укрепление имеет высокие мощные стены,

в плане оно представляет почти квадрат (127×126 м), ориентированный по странам света. В северо-восточном углу имеется небольшая цитадель размером 26.5×22 м, с топографическим знаком в центре. По углам укрепления видны оплывшие бугры — развалины башен, такие же бугры имеются в центре каждой стены. Подземный материал попадает редко, фрагменты керамики невыразительны. Малый Ак-пешин явно представлял собой крепость — укрепленный рибат большого города, развалины которого — Большой Ак-пешин — находятся примерно в двух километрах к югу.

Грандиозные развалины Ак-пешина состоят из трех основных комплексов: 1) основного укрепленного городища с цитаделью в юго-западном углу; 2) серии мелких построек со строго очерченным замкнутым планом, типа самостоятельных замков, к югу от городища; 3) части городища с мелкими буграми построек, окруженных дополнительной стеной (табл. XVIII).

Первый комплекс представлял собой древнейшую и основную часть города. Это — крепость, в плане приближающаяся к четырехугольнику, ориентированному почти по странам света; длина северной ее стороны 826 м, восточной — 580 м. В юго-западном углу крепости находится мощная цитадель, квадратная в плане (25×25 м), с четырьмя угловыми башнями. Северо-западная башня частично раскопана предшествующими исследователями. Восточную стену цитадели в середине прорезает ложбина глубиной до 2 м. На поверхности ее и в выкидах из старого раскопа обнаружены мелкие фрагменты керамики. Среди них обращает на себя внимание маленькая вертикальная ручка от сосуда, на верхнем ее изгибе штамп в виде кружка с крестом посередине. Здесь же найден фрагмент крышки хума (или достархана), имевшей плоское основание и невысокие стенки, украшенные снаружи штампованием орнаментом в виде рельефных кругов с изображением горных козлов в центре. Обе находки, особенно вторая, принадлежат к ранним образцам карлукского времени, восходящим к согдийским типам керамики V—VII вв. н. э.

Стены центральной крепости были сильно укреплены; они имели башни, от которых остались оплывшие бугры. По восточной стене таких башен 10, по западной — 9. Восточная и западная стены, очевидно, глухие, никаких четко выраженных проемов — калиток или ворот — в них не обнаружено. Ясно прослеживаются ворота в южной стене. Здесь, в центре, на протяжении 8 м стена как бы отступает внутрь городища, открывая проход по левую и правую стороны. Ворота защищены по краям двумя мощными башнями. Кроме того, укрепление ворот усилено еще валом, идущим параллельно стене. Такого же типа конструкция, но более слабо выраженная, находится

и в северной стене. Вся поверхность городища покрыта буграми и впадинами. Хорошо очерчивается «двор» вокруг цитадели, где были заложены два шурфа, вскрывшие мощные завалы строительного мусора. На площади городища встречается большое количество неполивной керамики, мелкобитой и без орнамента.

С южной стороны центральной части городища расположено большое количество бугров, представляющих собой развалины отдельных построек и замков. На одном из таких бугров был заложен разведочный шурф, вскрывший разрушенное здание. Под обломками потолка и стен был найден человеческий костяк; обнаружено большое количество мелкобитой керамики. Архаичность керамики из шурфа и из других бугров говорит о том, что постройки этой части городища либо предшествовали, либо синхронны возникновению центральной крепости.

К востоку от крепости находился турткуль, развалины его сильно оплыли, участок распадается. Ориентирован он по странам света, но несколько сдвинут в ориентировке к западу. Длина его сторон 305 (северная и южная) на 380 м (восточная и западная). Этот турткуль окружен стеной-валом, которая начинается у северо-восточного угла центрального сооружения. Стена идет с запада на восток с небольшим падением к югу на протяжении 310 м, отклоняется на юг опять-таки протяжением на 310 м, затем на юго-запад на 210 м, поднимается в северо-западном направлении на 240 м и под небольшим углом (70×60 м) примыкает к юго-восточному углу городища. Вал этот невысок, до 2 м, сильно распахан. В южной части этой территории много мелких бугров от разрушенных построек, на поверхности которых обнаружено большое количество фрагментов черепицы своеобразной техники. Это сине-серая в изломе черепица с отпечатками рядна на тыльной стороне. Рядно накладывалось на форму, чтобы не прилипала глина. Поверхность черепиц затертая, почти лощеная. Высота черепицы 7 см, толщина 1.5—2 см.

Подъемный материал с городища Ак-пешин почти ничем не отличается от материала, полученного из трех разведочных шурфов, но все же значительно разнообразнее. Среди фрагментов керамики имеются венчики от больших сосудов с очень широким отверстием, орнаментированные гребенчатой волнистой полосой, прямой или изогнутой в виде восьмерок, гладкие венчики хумов, угловые в сечении (отогнутые под прямым углом). Среди хозяйственной посуды средней величины преобладают сосуды с коническим туловом, с невысокой горловиной и прямыми венчиками. Донья конических сосудов и неполивных пиаля преимущественно плоские. Найден фрагмент подставки с ножкой. Ручки сосудов обычных типов: горизонтальные, вертикальные, петлеобразные. По форме,

материалу и технике изготовления керамика Ак-пешина аналогична керамике из раскопок в Таразе. Крышки, найденные лишь фрагментами, украшены сравнительно тонкими линиями врезного орнамента или крупным грубоватым рисунком волнистой лепки по краю и желобками и ямками по всему фону. Керамика изготовлена из хорошего, довольно плотного, теста, за исключением жаровен, сделанных из глины с значительной примесью дресвы. Особо надо выделить упомянутые выше черепицы крыш из серого хорошего теста с ясно видимыми отпечатками ткани на внутренней стороне.

В пяти километрах к югу от Большого Ак-пешина расположены развалины другого городища, так называемого городища Бурана. Городище Бурана в плане представляет собой прямоугольник, ориентированный по странам света. Целиком сохранилась западная стена, почти полностью северная и южная, восточная стена почти совершенно разрушена весенними разливами р. Бурана. В центре городища прорезывает глубокий арык. Стены до 3 м высотой, сложены из пахсы, что ясно прослеживается по срезам. Сохранившаяся длина сторон городища: северной 480 м, западной 560, южной 386. Вероятная длина южной и северной стен — до 600 м. Внутри городища имеются следы построек, особенно четко прослеживаемые в северо-западном углу городища. В восточной части городища расположена знаменитая «башня Бурана» (минарет мечети).¹ К северу от минарета — бугор, повидимому, развалины самой мечети (размеры 136 × 100 м, при максимальной высоте в 11 м). Ворота четко прослеживаются в западной стене (проем 14 м). В северо-восточном углу городища обнаружен выход водопровода на самом берегу ложа потока. Очевидно здесь была чигирная установка или запруда, с помощью которой вода направлялась в городище. Подъемный материал на городище представлен поливной и неполивной посудой, в основном, караханидской эпохи.

Весьма интересный комплекс представляет городище Красная Речка, расположенное на восточной околице с. Красная Речка (табл. VIII). Развалины тянутся в восточном направлении до половины дороги в с. Ивановка, на севере почти доходят до р. Чу, с юга их пересекает линия шоссе-ной дороги. Основная масса развалин города находится примерно в 25 км от развалин Ак-пешина. Остатки городища стоят среди множества мелких тепе и холмов на месте разрушенных построек замков, количество которых исчисляется десятками на территории не больше 15—20 кв. км. Обследование этих развалин и самого городища показало, что они старше

¹ А. Бернштам. Башня Бурана. Фрунзе, 1946. — Подробнее о памятниках архитектуры см. в нашей книге. «Архитектурные памятники Киргизии», М., 1950.

городских сооружений. Развалины замков имеют размеры 95×55 м и 80×60 м. Они представляют собой возвышенную площадку, в одном конце которой расположена цитадель — жилище владетеля древнего сооружения. На этих буграх была найдена тюркешская монета, вертикальная ручка сосуда, овальная в сечении, с согдийской надписью вязью «bandt» — «полный» (чтение А. А. Фреймана).¹ Почерк курсивный, идентичный палеографии согдийских документов с горы Муг.

Городские строения представляют собой сложное сочетание разновременных сооружений, постепенно объединяющихся в единый комплекс. В центре стоит турткуль, ориентированный по странам света. Эта центральная часть с трех сторон имеет пристройки. С западной стороны пристроек две. Первая в виде вала, ограничивающего незастроенную поверхность. Размеры сторон 150 м (южная и северная стены) и 44 м западная. Восточную стену образует западная стена центрального сооружения. К этой западной пристройке примыкает южная, которая имеет стороны 80 м (западную) и 150 м (южную). Внутри же много бугров от старых зданий и в северо-западном углу цитадель размером 40×30 м. К югу от центральной части находится вытянутое подпрямоугольное сооружение с низким и оплывшим валом, с длиной сторон 300 м (северная и южная) и 100 м (восточная и западная). Западная стена является как бы продолжением западной стены центрального сооружения.

Восточная пристройка имеет неправильный план. Длина ее северного обреза, падающего немного к югу (здесь валы слабее всего выражены), имеет 57 м, восточная — 356 м. Своей западной стороной с помощью перемычки она соединена с центральным сооружением, а в юго-западном углу вклинивается южная пристройка. В юго-восточном углу восточного сооружения имеется высокая цитадель размером 25×20 м с примыкающим к ней двориком, расположенным в южной части. Наружный вал восточного сооружения имеет протяженность в 110 м. Наиболее укрепленный вид имеет центральное сооружение, т. е. турткуль, но решить вопрос — оно ли является наиболее старым — было чрезвычайно трудно без соответствующих раскопочных работ на всех участках города.

Керамика, собранная на городище и в его обрезах, содержала, наряду с фрагментами сосудов старых образцов, и фрагменты, относящиеся к более поздней культуре, типа III слоя Тараза, т. е. XI—XII вв.

Подъемный материал с городища Красной Речки и Малтабарского холма, находящегося в 5 км к юго-востоку от цитадели городища,

совершенно аналогичен и представлен только неполивной керамикой, весьма мало орнаментированной. Этот материал в общей своей массе представляет фрагменты грубой кухонной посуды, как то: хумы, котлообразные сосуды, горшки, кувшины.

Характерными формами данного материала являются: грубо сработанные массивные донца с плоской подставкой, весьма часто встречающиеся на городищах Киргизии; горизонтальные ручки, круглые и витые, небольшие петлеобразные, плоские в разрезе, угловые вертикальные, в разрезе эллипсоидные широкие, плоские; очень часто ручки всех видов у основания имеют одну или две ямки, округлые или миндалевидные. Характерными образцами венчиков являются, например, венчики хумов с треугольной в сечении закраиной, с плоской, а в некоторых случаях широкой верхней площадкой, причем наружная грань часто орнаментирована глубоко врезанными полосками или большими продолговатыми ямками. Не менее характерны и венчики хумов, сильно отогнутые и загнутые книзу, шириной 6 см. Часто венчик орнаментирован волнистой линией или просто ямками по всей верхней площадке. У котлообразных сосудов венчик отогнут наружу под углом или приплюснут в виде каймы к стенке сосуда. У кувшинов венчики прямые, иногда с каймой волнистого налета, в одном случае наблюдался расширенный над горловиной венчик.

Имеется несколько фрагментов крышек (хумов или достарханов), поверхность которых орнаментирована резными линиями, вдавленными тупым инструментом, иногда в виде елочки; встречаются также криволинейный орнамент и вдавленные просто пальцем ямки. На некоторых фрагментах имеется орнамент, нанесенный гребенкой — обычный и много раз повторяющийся тип орнамента. Найден один фрагмент маленького бокового носика. Кроме того, найден большой пестик из розоватого камня. Многие фрагменты керамики имеют обмазку светлым ангобом. Тесто фрагментов преимущественно довольно плотное, в некоторых со значительной примесью дресвы, в изломе желтое и красноватое.

Следует сказать еще несколько слов об обследованных нами городищах Чуйской долины. Вопрос о том, каким древним памятникам соответствуют городище Бурана и находящееся поблизости городище Ак-пешин, неоднократно обсуждался в научной литературе. Предположение В. Бартольда о том, что городище Ак-пешин соответствует древнему городу Баласагуну¹ вызвало решительные, но, надо отметить, слабо аргументированные возражения Н. Петровского.² Аргументация В. Бартольда, указавшего, в частности, на мусуль-

¹ А. А. Фрейман. Древнейшая согдийская надпись. ВДИ, 3 (8), 1939.

¹ В. Бартольд. Отчет, стр. 21.

² Подробно у В. Бартольда. (Отчет, стр. 28 и сл.).

манского автора Кудаму, описавшего путь из Тараза в Баласагун, не оставляет сомнения в том, что Баласагун находился по северную сторону Киргизского Алатау. Кудаму определенно говорит, что от Нижнего Барсхана (Уч-курган) до Касри-баса (за несколько километров до с. Луговое) «справа от него горы, а налево пески и гальки, в ней [в пустыне] ехидны, она тянется до границы Кимаков».¹ Таким образом Баласагун находился на данной территории.

Более сложный вопрос, какое именно из городищ является развалинами древнего Баласагуна. Вблизи от развалин Ак-пешин находятся огромные развалины Краснореченского городища.² Однако мы склонны согласиться с предположениями В. Бартольда по следующим соображениям.

Напомним, что город Баласагун, как известно, был столицей караханидов XI—XII вв., а затем каракитаев во второй половине XII в. В недалеко лежащем от Ак-пешина городище, городище Бурана, сохранился минарет — классический памятник караханидской культуры. Несомненно, что такие классические памятники архитектуры могли быть только в местах, тяготеющих к центрам политической власти караханидов. Таково, во всяком случае, размещение первоклассных архитектурных памятников караханидской эпохи. Стоит вспомнить хотя бы Узгенский комплекс. Таким образом, и городище Бурана с его минаретом караханидской архитектуры следует рассматривать как предместье крупного политического центра. Если предположить, что Ак-пешин действительно является древним Баласагуном, городище Бурана можно было бы отождествить с рибатом Баласагуна — Кирмирау.

Важен и другой, на первый взгляд не имеющий особого значения, факт. На развалинах Ак-пешина была найдена черепица характерного сине-серого излома, с отпечатками ткани рядна на внутренней стороне и с гладкой, почти лощеной поверхностью. Такого типа черепицы в керамическом инвентаре мусульманских городищ — редкость. Аналогии им в среднеазиатской керамике мы не знаем. В то же время абсолютно идентичные образцы подобной черепицы мы находим в киданьских городищах Маньчжурии и Амура. Сходство в технике выделки настолько велико, что у нас не остается сомнений в том, что мастер, изготовлявший здесь эти черепицы, связан по своему происхождению с каракитайской культурой. Естественно, что в конце XII в., когда Баласагун стал столицей каракитаев, в нем должны были появиться и мастера-караки-таи, перенесшие с собой соответственные традиции в области ремесла и искусства. Их

изделия и были найдены в городище Ак-пешин. Характерно, что черепица обнаружена на буграх, примыкающих к городищу с юго-востока. Как видно из плана, к основной части городища, возникновение которого еще связано с эпохой первой колонизации согдийцев, примыкает позднейшая пристройка. Там и были найдены развалины с киданьской черепицей. Нельзя пройти мимо этого явления, не сделав соответствующих выводов. Мы считаем, во-первых, что эти находки являются одним из доказательств, что Ак-пешин это Баласагун; во-вторых, что расширение Баласагуна при каракитаях проходило в юго-восточном и южном направлениях. Необходимо отметить еще и то, что шурфовка на городище в трех местах показала, что верхние слои в самом городе и за его стенами — в «замках» — представляют собой мощный пласт разрушенного строительного материала — пахсы и сырцового кирпича. Керамики почти нет, находимые фрагменты представлены мелко дроблеными образцами. Шурф, заложенный за основным валом крепости, в одной из построек, вскрыл ту же картину разрушения. Надо сказать, что под завалом строительного мусора обнаружены остатки человеческого скелета, явно попавшего сюда не в результате захоронения. Невольно вспоминается рассказ Джувейни о разгроме Баласагуна каракитаями, отступающими под натиском Хорезмшаха Мухаммеда. Вот что говорит об этом Джувейни: «Когда оно [войско каракитаев, — А. Б.] дошло до Баласагуна, жители последнего полагали, что султан [Мухаммед Хорезмшах, — А. Б.] завладеет этими местами, и заперли ворота. Когда войско каракитаев пришло туда, они не пустили его, завязали бой и сильно сражались 16 дней, думая, что султан идет следом за ними [караки-таями]. Хотя Махмуд Тей и эмиры Гурхана устраивали соглашения с ними и давали им советы, они не доверяли. Наконец, каракитайское войско, которое было повсюду, собралось целиком, слонов, которых забрали у султанского войска, погнало на ворота и сломало их. Со всех сторон войска показали силу, вошли в город, пустили в ход мечи и никому не оказали пощады. Трое суток они избивали. В числе убитых были 7000 уважаемых именитых людей, войско Гурхана сильно разбогатело от обилия добычи. . .».

Повидимому эта значительная толща строительных завалов, которую мы наблюдали в Ак-пешине, и является последствием разгрома и разграбления города Баласагуна. Этому не противоречит и тот факт, что монголы, которые впоследствии завоевали Семиречье, дали прозвание Баласагуну — «хороший город» — «Гобалык»; прозвали они его так потому, что город не оказал им сопротивления. Вряд ли после разгрома Баласагуна каракитаями жители его могли оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление.

¹ Обращаю внимание на термин «налево», опять свидетельствующий о севере.

² Известия Туркестанского Отдела РГО, т. XVIII.

Наконец, еще один факт. Город Баласагун был вначале согдийской колонией. Об этом наиболее ясно свидетельствует Махмуд Кашгарский словами: «Жители Баласагуна говорят по-согдийски и тюркски», и далее: «сугдак-люди [согдийцы, — А. Б.], которые поселились в Баласагуне. Они из Согда, который между Бухарой и Самаркандом, но они приняли обличье тюрков и их обычаи».

В подъемном материале у цитадели были обнаружены фрагменты керамики явно согдийского происхождения. Наиболее выразительна находка части крышки хума, украшенной круглыми медальонами и опоясанной на лепными кружками сасанидского типа, с изображением горных козлов в центре.

На основании вышеприведенного следует принять городище Ак-пешин за развалины города Баласагуна. В таком случае городище Красная Речка, находящееся в 25 км к западу от него, можно отождествить с «большим селением Сарыг». Расстояние между Сарыгом и Баласагуном по Кудаме и ибн-Хордадбеху было равно 4 фарсахам.

По своей структуре городище Красная Речка напоминает развалины Ак-пешина. План его так же сложен и образован такой же сложной системой индивидуальных построек-зámков. «Зámки» около Краснореченского городища дают в массе более архаичную керамику, чем само городище, и, повидимому, они предшествовали его появлению. Так, на одном из бугров — развалин такого зámка — была найдена упомянутая выше ручка сосуда с согдийской надписью.¹ Но и на городище среди сравнительно поздней керамики XI—XII вв. найдены и более ранние образцы, свидетельствующие, что в период бытования этих зámков, возникших еще в V—VII вв., существовала и общая для них крепость того же времени, впоследствии ставшая завязью города Сарыг. Такой тип расселения наблюден в чистом виде, в классических формах, С. П. Толстовым² и А. И. Терножкиным в Хорезме, где ими на пространстве в 12 кв. км обнаружено до 60 малых крепостей-«зámков».

Такой тип расселения, несомненно, не характерен для феодального способа производства.³ Считать эти «зámки» зámками феодалов нелепо, ибо не могли же поместиться на площади в несколько квадратных километров десятки феодалов. Так называемые «зámки» представляют собою укрепленные поселения — виллы свободной рабовладельческой согдийской знати. Каждый «зámок» был крепостью рабовладельца, в которой он мог укрыться, в случае необходимости, от собственных рабов. Выросшая на основе рабовладельческого строя, согдий-

ская колонизация Семиречья перенесла сюда и свои формы расселения: дихканские зámки-кешки — аристократические виллы.

Обследованием комплексов городищ Ак-пешин и Красная Речка ограничились наши работы 1938 г., так как в этот экспедиционный сезон основное внимание было уделено исследованию города Тараза. Однако произведенные наблюдения, утвердившие представление о местоположении древней столицы Баласагуна и выявившие важность комплекса Сарыга, определили планирование и содержание работ 1939—1940 гг. Наряду с исследованием этих руин, должна была принять более углубленный характер и разведка по Чуйской долине и прилегающим районам. Это и было сделано в следующем, 1939 г.

§ 3. РАБОТЫ 1939 г. В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ И ДОЛИНАХ МАЛОГО И БОЛЬШОГО КЕМИНА

В 1939 г. археологическая экспедиция Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и Комитета наук при СНК КирССР занималась исследованием памятников в Чуйской долине и в долинах рр. Малого и Большого Кемина.¹

В Чуйской долине на городище Красная Речка были проведены большие раскопочные работы. Раскопки меньшего масштаба производились на городище Ак-пешин и в долине р. Чон-кемина — могильник времени VI—IX вв. н. э. В результате работ 1939 г. в основном закончено составление археологической карты Чуйской долины на отрезке от г. Фрунзе до Боомского ущелья.

Ниже мы изложим результаты работ в порядке следования по маршруту экспедиции 1939 г.

Основные раскопочные работы были поставлены на городище древнего Сарыга (табл. VIII—XVII). Сарыг расположен в 30 км к востоку от г. Фрунзе и начинается непосредственно у восточной околицы села Красная Речка. Краснореченские развалины — сложный комплекс. Бугры, окружающие городище в собственном смысле этого слова (расположено городище ближе к правому берегу р. Чу), представляют собой остатки древних построек, занимающих весьма большую территорию, примерно в 10—15 кв. км. Эти постройки различаются по внешним признакам и делятся на три типа. Первый тип — небольшие тепе с примыкающими к ним прямоугольными площадками, приподнятыми на два-три метра над

¹ ВДИ № 3 (8), 1939 г.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

³ О таком типе расселения см.: А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан. ЗКВ, I.

¹ В работах экспедиции принимали участие: начальник экспедиции А. Н. Бернштам, гг. Л. Г. Розина, М. В. Лушпан (сотрудники ИИМК), студенты Исфака Ленинградского университета гг. Е. И. Агеева, И. К. Бенедиктов, Г. Л. Михельс. Фотографические работы вел фотограф Киргизского пединститута Ф. И. Бальдерман.

окружающей местностью; второй тип — такие же тепе, но стоящие внутри четырехугольных укреплений; третий тип — обыкновенные небольшие турткули — четырехугольные постройки; несколько таких построек, вытянутых в одну линию, образуют кварталы. В то время, как постройки первых двух типов не образуют строгого плана и разбросаны в беспорядке по всей обследованной территории, третий тип построек подчинен известному плану; эти постройки в противоположность постройкам первых двух типов стоят компактно, образуя как бы одну улицу.

Само городище расположено северней этих развалин, непосредственно над богатой растительностью поймой р. Чу. Городище имеет весьма сложный план. Оно обнесено двойным рядом стен-валов. На его приподнятой части в юго-восточном углу помещается цитадель. Западная часть, кроме того, обнесена еще прямоугольным валом, образующим дополнительное укрепление городища.

Таким образом, чисто конструктивно городище представляет собой сложный комплекс строительных сооружений разных типов и, видимо, разнообразных функций. Для выявления отдельных элементов поселения и были заложены раскопы, давшие в результате достаточный материал для того, чтобы определить назначение этих сооружений и понять ход образования всего сложного комплекса в целом. Раскопы были заложены: три на тепе вне стен городища, открывшие домусульманские постройки (раскопы I, III, VII); один на четырехугольной постройке, также вне стен городища (раскоп V); три раскопа на самом городище, из них один на наиболее низком месте городища, другой на наиболее высоком, около цитадели, и третий на укрепленной части турткуля. Таким образом, раскопами были охвачены, во-первых, разные пункты краснореченского комплекса, во-вторых, разные культурные горизонты комплекса. Раскопкам не подвергалась лишь цитадель городища. Остановимся на характеристике результатов раскопок.

Раскоп первый был заложен на одиночно стоящем тепе, имеющем небольшую прямоугольную площадку с севера (табл. XV). Начат был раскоп с северного края площадки, где, по рассказам местного населения, выкапывали «глиняные ящики с костями». В указанном месте целых глиняных гробиков-оссуариев уже не оказалось. Были найдены лишь черепки разбитых оссуариев и их крышек, причем большинство их было, видимо, овальной формы. Однако здесь был обнаружен небольшой хум, высотой 44 см, диаметром тоже 44 см, весь в трещинах, который рассыпался после зачистки. В нем оказался человеческий костяк. Хум был прикрыт богато орнаментированной крышкой с ручкой. Крышка имела орнамент сасанидского типа в виде кружков и рельеф-

ных жгутовых полос, насыщающих всю внешнюю плоскость крышки. В раскопе на площадке было обнаружено огромное количество костяков, перекрытых конструкциями из сырцового кирпича (гл. II § 1), как правило, без всякого инвентаря, положенных в самых разнообразных направлениях, навзничь, с вытянутыми по бокам руками. Костяки лежали в разных горизонтах, в беспорядке на вертикальном отрезке слоя, непосредственно под слоем дерна и до глубины 1.20 м. В толще глины, слабо насыщенной культурными остатками, лежали, кроме костяков, фрагменты грубой посуды; причем большинство от двух типов сосудов; изредка попадались одиночные куски от оссуариев, среди которых выделяется один фрагмент своим налипным орнаментом в виде шишечек и рельефной полосы. На глубине около метра в этом своеобразном слое были найдены четыре тюркешских монеты прекрасной сохранности и один электрический брактеат.

Брактеат круглый, диаметром 3 см и представляет собой оттиск какого-то штампа (табл. L, 3). По краю идет бордюр в виде кружков, ближе к правой части — погрудное изображение мужчины с повернутой в три четверти головой, в нарядном головном уборе. Лицо изображенного мужчины имеет ряд типических черт: брови сильно изогнуты, разрез глаз несколько направлен сверху вниз; большие усы опущены книзу, подбородок гладкий, без бороды. На голове надет какой-то убор, четко отграниченный внизу околышем. Убор богато украшен впереди и с боков. От трех металлических (?) боковых украшений спускаются вниз к плечу, видимо, матерчатые полосы. По крайней к лицу полосе идет ряд ямочек. На правом плече, около лица, пышный бант. На груди, у шеи, круглые бляшки, возможно застежки плаща. Описываемый нами брактеат относится к весьма раннему времени, примерно к первым векам н. э. Но об этом ниже.

На самом тепе раскопами обнаружен замок из сырцовой кладки, состоящий из восьми комнат (раскоп не закончен). Комнаты перпендикулярны к средней комнате (коридору), направленной с востока на запад (с одной стороны три, с другой четыре комнаты). Постройка сложена из чередующихся слоев сырцового кирпича (размерами: $0.22 \times 0.22 \times 0.06$ м; $0.25 \times 0.25 \times 0.08$ м; $0.26 \times 0.10 \times 0.08$ м; $0.28 \times 0.13 \times 0.10$ м), положенного «торчком» и «ложком», на них лежат глиняные блоки размерами $1.00 \times 1.00 \times 1.20$ м и $0.90 \times 0.80 \times 1.00$ м. Узкие комнаты (от 1.00 до 1.30 м) были перекрыты коробовым, полуциркульным сводом из сырцового кирпича, от которого сохранилась лишь часть, самое начало перекрытия (Р. I). Раскопки комнат не закончены. В одной комнате был заложен шурф, который при глубине в 4 м от верха стен еще не дошел до пола. Совершенно оче-

видно, что здание было двухэтажным и пол второго (потолок первого) этажа обрушился; доказательством этого служат завалы рушеных дувала, стен и перекрытий комнаты. Стены замка гладко обмазаны глиной и затерты, без росписи. Около дверных коробок стены профилированы уступчиками, имеющими, вероятно, декоративное, а частично, возможно, и конструктивное значение (для крепления дверных коробок).

Несомненно, что первый раскоп дал интереснейший объект архитектурного порядка, и завершение раскопа позволит дать его полное описание и реконструкцию. К выводам, к которым приводят раскопки на тепе, мы возвратимся ниже в связи с общими выводами по раскопкам на Красной Речке в целом.

Раскоп III был заложен на таком же тепе и в таком же месте, как раскоп I, т. е. на площадке в северной части. Тепе это аналогичной конструкции — к холму примыкает небольшая площадка с севера. Раскопом, заложенным на этой площадке, были вскрыты фрагменты грубой, частью закопченной посуды, со следами росписи в виде широких полос, — сицей и черной.

На глубине 0.90 м выявились зольные пятна толщиной до 0.20 м и разбросанные кости животных. Ниже зольных пятен находки керамики прекратились. На глубине 1.45 м было встречено захоронение — детский костяк, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Около левого плеча лежали шесть альчиков (косточек барана, используемых как игральные кости); лопатка, шейные позвонки и нижняя часть затылочной кости черепа были окрашены окисью меди в зеленый цвет.

Ниже погребения были опять обнаружены фрагменты керамики. На глубине 1.90—2 м — разбросанные сырцовые кирпичи, зола, древесные угли.

При расширении раскопа на восток, на глубине 0.95 м под завалом сырцовых кирпичей (размером 24 × 25 и 25 × 20 на 4.5 см) и битой керамики был обнаружен детский костяк. Захоронение нарушено, кости лежали в беспорядке, череп раздавлен. Около черепа найдены два медных браслета с петельками на обоих концах (диам. 4.2 см), сферический медный предмет с прорезом посередине (диам. 1.5 см), 4 бараньих косточки (альчика); по правую сторону черепа стоял маленький глиняный кувшинчик высотой 8.5 см; над черепом лежали два неполных кольца из медной проволоки с нанизанными на ней матовобелыми камешками округлой формы. Левее черепа лежала медная куфическая монета саманидского чекана, Насра II, 932 г.,¹ использованная как украшение; медное украшение в виде блишки,

односторонне выпуклой, с тремя сферическими отростками; три раковины с просверленными отверстиями и большое количество бус — 20 мелких (диам. 1—1.5 мм) разного цвета, преимущественно черного, затем 10 черных бус покрупнее (от 3 до 5 мм в сечении), шаровидной формы, три белых перламутровых, две из пасты (одна с голубыми полосками диам. 1.7 мм), три стеклянных, одна янтарная каплевидной формы, две каменных, из которых одна вытянутой кубышкообразной формы, молочно-белого цвета, другая в виде подвески вытянутой кубышкообразной формы на кубическом основании с отверстием для пронизи. Всего около костяка была найдена 41 буса (табл. XIII).

Рядом с этим костяком, к востоку от него, был найден еще один детский костяк, ориентированный с юго-запада на северо-восток. Череп раздавлен, кости ног отсутствуют. Около кистей рук были найдены 27 бус, одна из них коричневой пасты. Около черепа лежали две матовые белые плоские круглые бусы из камня, бусина в виде развилки из коралла, одна синяя плоская подквадратной формы.

Несколько выше детского костяка лежал скелет взрослого мужчины, без вещей, с ориентировкой головы на северо-запад. Далее на глубине 1.30 м был вскрыт детский костяк, ориентированный головой на юго-восток. Кости сильно нарушены. Под черепом оказалось четыре коралловых развилочки, пять бус различной величины и формы (шаровидной, боченкообразной и подквадратной) из молочно-белого камня. Одна пронизка удлиненной формы, профилированная поперечными желобками. Кроме того, найдено было 48 медных бус, окрашенных в разные цвета, разбросанных по всему костяку.

Почти в том же горизонте, на глубине 1.25 м, был открыт костяк взрослого человека, ориентированный на северо-восток. С правой стороны черепа лежал медный крючок.

Наконец на глубине 1.40 м был найден последний костяк взрослого, также ориентированный головой на северо-восток. Около черепа у нижней челюсти были замечены следы медной окиси. Вещей не было найдено.

Ниже костяков на глубине 1.70—2 м снова залегал культурный слой, насыщенный фрагментами сосудов и зернами каких-то злаков.

Из сказанного видно, что погребения составляют последний слой этого тепе, причем кладбище расположено на остатках старого строения, заброшенного ко времени возникновения на нем этого кладбища. Перекрывавшие погребения осколки керамики являются выброшенными нарушенного культурного слоя при совершении захоронений. В этом отношении данное кладбище совершенно аналогично кладбищу на согдийском замке.

Находки на этом тепе дали основания для датировки кладбища. Куфическая саманидская монета, использованная в качестве украшения,

¹ Определение монет, здесь и далее, любезно произведено М. Е. Массоном, которому, пользуясь случаем, приношу свою глубокую благодарность.

янтарные и коралловые бусы позволяют датировать его временем не раньше X в., скорее всего — XI—XII вв.

Кроме того, были начаты раскопки еще одного тепе аналогичного типа (Р. VII). Раскоп был заложен с восточной стороны тепе и подошел к постройке с ровной окружающей тепе местности. Когда траншея врезалась в тепе, начала обнаруживаться глинобитная стена, покрытая известковой штукатуркой с фресковой росписью красным, синим и желтым цветом, в виде какого-то геометрического узора. Ввиду невозможности сохранить фреску от непогоды и случайных разрушений, раскоп был прекращен, и стена с фреской была засыпана.

Остановимся, наконец, на следующем раскопе вне стен городища (Р. V) (табл. VII, 5; IX, 6; XXVII, 3). Здесь раскапывалась постройка четырехугольной формы, стоящая в ряду аналогичных построек, как бы составлявших вместе один квартал.

Постройка эта ориентирована сторонами по странам света, в плане представляет собой квадрат с длиной сторон 17.50×17.00 м. В сезон 1939 г. постройка была раскопана, примерно, на половину ее общей площади. Раскопки выявили восточную и южную стены из сырцового кирпича. От последней, внутрь постройки отходят остатки стен, примыкающих к ней перпендикулярно и составлявших, по видимому, части комнат. Находки, хотя и начались, в основном, почти под дерном, все же, главным образом, распространены на глубине ниже 1 м. Наверху найдены лишь фрагменты посуды, среди них венчик сосуда с надписью согдийским шрифтом, со следами старого излома. Венчик с надписью был обнаружен на глубине 0.37 м и, возможно, попал в данный раскоп случайно. По палеографическим особенностям (выработанный курсив согдийского письма) надпись относится к VIII—XI вв. н. э.¹

На глубине 0.75 м и ниже до глубины 1.55 м в культурном слое встречены большие, раздавленные и целые, сосуды — от горшков вплоть до хумов. Большинство сосудов имело расширенное тулово, маленькие, часто петлеобразные ручки, устье более широкое, чем дно. Поверхность сосудов чаще гладкая, лишь в некоторых случаях украшенная врезным орнаментом. Сосуды сделаны на гончарном круге, тесто хорошего промеса. Встречаются и сосуды с красным лощением. В этом же слое культурных остатков, характеризующем пол здания, обнаружены в большом количестве железные предметы бытового назначения (трубки, тесла, скобы, скребла), монета караханидского чекада, обожженные кирпичи разм. 25×25 см, 23×23 см и 48×25 см и золотые пяты.

Среди керамики обращает на себя внимание чашечка в виде опрокинутого усеченного ко-

нуса, ручной лепки, с петлеобразной ручкой и пятой (диам. устья 7 см, высота 5.5 см), целый горшок, гладкий, без орнамента, с крышкой, край которой обработан под жгут, на крышке ручка в виде пуговики. Следует отметить чрезвычайно малое количество поливы, найдено лишь несколько мелких фрагментов белой с зеленой и белой с коричневой окраски. Неоднократно встречаются фрагменты двусторонней поливы, совершенно очевидно относящейся к сравнительно позднему времени.

Монеты караханидского времени (часть из них Арслана, XI в.), кирпич, полива заставляют относить постройку к XI—XII вв. Обилие железных предметов в виде готовых изделий, подвесок, шлака позволяют предполагать, что мы здесь имеем дело с мастерской кузнеца-ремесленника, но, как показало окончание раскопа в 1940 г., обитатель этого жилища занимался и виноделием.

Раскопы на городище дали следующую картину.

Раскоп II был заложен на впадине внутри городища, расположенной в юго-восточной части цитадели. Здесь местные жители выбрали жженный кирпич. Слой земли примерно до метра (0.80—1 м) содержал лишь единичные вкрапления мало характерной керамики. Ниже этого слоя грунт стал рыхлым со следами угольков. На глубине 1.45 м был обнаружен кирпичный пол, на котором лежали остатки обгоревших балок. Положение балок дает возможность предполагать, что это обрушившиеся во время пожара стропила двускатной крыши. Вместе со сгоревшими деревянными конструкциями перекрытия лежали также остатки перегоревшей соломы и камыша-тия, причем в последнем можно уловить следы плетения. Общая характеристика слоев следующая: 1) дерн и рыхлая засыпь — 0.75 м; 2) твердый слой убитой глины — 0.30 м; 3) рыхлый слой с углями, золой, вкраплениями штукатурки — 0.60 м, затем следует кирпичный пол. Раскоп выявил внутренние обрезы сырцового кладки по северной, восточной и южной стенам. Западная стена нарушена кладочислательскими котлованами и сохранилась только частями. Размер обожженного кирпича на полу варьирует: $22 \times 25 \times 3.5$ см, $23 \times 23 \times 4$ см, $31 \times 17 \times 4$ см. Кирпичи на полу имеют желобчатый орнамент зигзагом. Стены сложены из крупного сырцового кирпича 30×10 см, ширина неизвестна. Кладка кирпича в стенах «ложком»; имеются следы обмазки и побелки. На полу находился алебастровый штук с орнаментом растительного содержания и со следами раскраски розового тона. Находок в постройке было очень мало. Кроме обломков строительного материала, кирпичей, лепного штука штукатурки, обмазки с побелкой, были найдены фрагменты грубой керамики (среди нее плоский, круглый в плане чирак) и поливной (белая полива с коричневым и черным орна-

¹ Наше чтение надписи см.: Уйгурская эпиграфика Семиречья, II. Эпиграфика Востока, II.

ментом в виде вихревой розетки и желтая полива). Полива была найдена в чрезвычайно мелких фрагментах, причем ее очень мало. На полу обнаружена черенковая железная, ромбическая в сечении, стрела, тюргешская монета VIII в., остаток железного горшка с зернами какого-то злака, по всей вероятности ячменя. В завале, засыпавшем здание, была найдена явно относящаяся к другому времени ручка от сосуда желтого лощения, с наlepным овальным медальоном. Внутри медальона изображена фигура женщины, одна рука которой (левая) согнута в локте и поднята вверх, другая опущена на нижнюю область живота.

Изображение на ручке сосуда относится к категории так называемых поздних мотивов кушанского типа, по всей вероятности буддийского происхождения или, верней, подражание последнему. Датировать его можно временем не позже V в. н. э. (табл. X, 3).

Таким образом, раскоп выявил остатки здания, впущенного в землю ниже уровня горизонта на 1.5 м. По манере строительства и характеру отделки стен, отчасти по находкам, оно может быть отнесено к концу карлукского времени и, несомненно, бытовало и позднее, в караханидскую эпоху XI—XII вв.

Следующий раскоп был заложен у цитадели, на самой высокой части шахристана. Задачей этого раскопа (Р. IV) было прорубить толщ культурного слоя и дойти до самых глубоких слоев, с оставлением на площади раскопа остатков строительных сооружений. Раскоп выявил культурные этапы, соответствующие обычным трем крупным хронологическим делениям — от раннемусульманского до домонгольского периода.

Первый слой (от поверхности) окончился на глубине 1.25 м плотнобитым лёссом (полом) и строительными остатками в виде сырцовых стен. В полу были зачищены ямы диаметром 0.90 м, при глубине 2.60 м, и более мелкие ямки диаметром 0.75 × 0.30 м, при глубине 0.50—0.30 м, полусферической формы с остатками золы и углей. Этот слой имел огромное количество керамики в мягкой засыпи, причем наибольшая насыщенность слоя связана с глубинной отметкой 0.70 м, где стали попадаться целые горшки. Преобладала неполиваная керамика. Этот слой был перекрыт слоем рушенного самана. Возможно, что керамика, находящаяся над слоем плотного самана (расположенного на глубине 0.30—0.60 м), относится к слою, соответствующему времени с конца XII до начала XIII вв.

Первый слой (до горизонта пола с ямками) дал большое количество образцов керамики, подчас украшенной штампом и резными линиями, и в меньших размерах поливаную керамику, представленную лишь фрагментами белой, желтой и светлозеленой поливы. Обнаружены были и куфические монеты караханид-

ского типа. Слой кончился, в среднем, на метровой глубине.

Второй слой начался ниже уровня пола. Он был намного беднее культурными остатками, керамика не особенно отличалась от керамики первого слоя. Встречалось стекло, полива с коричневой росписью, стеклянный шлак, была вскрыта хозяйственная яма с золой и костями животных. В этом слое были найдены две тюргешские монеты VIII в.

Третий слой начинался на уровне 2.50 м. Здесь снова обнаружили зольные пятна и показалось устье новой выгребной ямы с золой, костями животных и керамикой. Для этого слоя характерны ручки сосудов с наlepами, штампованный и резной орнамент, красное лощение. И тут была найдена тюргешская монета. Слой, прослеженный только по колодцу, закончился на глубине 5.50 м. Из находок отметим: сосуд красного лощения с небольшим конусовидным поддоном, выпуклым туловом и мягко сужающейся горловиной. Он имел одну вертикальную угловую ручку с шишечкой. Общая высота 16 см, диам. тулова 12 см, высота горловины 10 см, диам. дна 6 см, горловины почти 8 см. Сосуд богато орнаментирован: по центру горловины идет штампованный орнамент очень мелкой работы — кружки с лучами «солнца» (?), по плечикам второй пояс с орнаментом, выполненным той же техникой, с рисунком в виде французской буквы S. С трех сторон — против ручки и с боков — наlepы медальонов с парными (друг над другом) изображениями кружков с лучами, подобными первому поясу. Из других предметов интересен грубой выделки светильник на трех ножках с плоской массивной площадью.

В исследованном раскопе следует отметить следующие явления. Первый слой, наряду с позднего типа поливой и набором синхронной ей кухонной посуды, имел монеты караханидского типа. Слой мы датировем XI—XII вв. Второй слой содержал, наряду с поливой, только тюргешские монеты VIII в. и неполиваную керамику, имеющую ряд более архаичных черт, по сравнению с первым слоем. Такая комбинация, наблюдаемая в Таразе в более широком масштабе, позволила датировать аналогичный слой VIII—X вв. Напомним, что в условиях Семиречья, где не знали саманидской монеты, тюргешская медная продолжала бытовать вплоть до ранних илеков.¹ Характерной особенностью третьего слоя является отсутствие поливы, архаичский тип сосудов, уходящих в доисламскую согдийскую эпоху, и те же тюргешские монеты. Таким образом, конечная датировка этого слоя не должна относиться ко времени более раннему, чем середина VIII в., а возникнуть он мог раньше, скорее всего

¹ А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. ТОВ, II.

в конце VI—начале VII вв. (первый этап второй согдийской колонизации Семиречья).

Отметим, наконец, небольшие работы, проведенные на западной стороне городища, в его наиболее укрепленной части. Раскоп (VI) был заложен в центре этого укрепления.

После снятия дернового слоя начались фрагменты грубой посуды, жженые кирпичи. На глубине 0.60—0.70 м выявился весьма разнообразный и характерный слой, содержащий поливную и неполивную керамику, жернова ручной мельницы, бусы (черные с серыми прожилками, пастовая, стеклянная с красным и белым рисунком), медные украшения, кольца, гладкие без особых украшений браслеты, тюркешская монета. Здесь же выявились сырцовые стены с обмазкой желтоватого цвета, отделяющейся от стены, толщиной 0.4—0.5 см, обгорелые балки, уголь и зола. На глубине 0.70 м был зачищен фрагмент сырцовой стены с резным орнаментом в виде вытянутого горизонтально стебля с завитком. Плоскость, не затронутая гравировкой, расписана синей, белой, коричневой и черной красками. Этот небольшой раскоп также был прекращен ввиду того, что дальнейшая раскопка раскрыла бы росписи, сохранить которые было трудно. Этот шурф бесспорно открыл интереснейшее здание, видимо, женскую половину дома, времени не позже X в. К этой датировке склоняет сочетание типичной керамики этого времени с тюркешской монетой (карлукский слой) и отделка стен (табл. XII), совершенно аналогичная росписям Самарры (как известно, памятника середины IX в.).¹

Экспедиция 1939 г. произвела также исследование Чуйской долины вплоть до долин Малого и Большого Кемина. На городище у Токмака—Ак-пешине — была произведена шурфовка в районе так называемого киданьского квартала, где во время разведки 1938 г. были найдены фрагменты черепицы киданьского типа. Шурфы были заложены на буграх—развалинах старых построек. На глубине 0.30—0.55 м обнаружен был завал черепицы. Ниже этого завала оказался битый сырцовый кирпич и затем обломки керамики, круглые налеты для черепиц китайского типа, толстостенные сосуды в виде чаш типа «тагара», мелкие фрагменты штукатурки. В районе киданьского квартала намечались планы четырехугольных построек в несколько комнат, а рядом с постройками — хауз (бассейн для воды).

К востоку от городища Ак-пешин, примерно в 35 км от него, в сел. Орловка, обнаружены развалины большого поселения, значительная часть которых скрыта под современными постройками. Здесь, при строительных работах

находили старую посуду и тому подобные следы культурного слоя. Местоположение этих развалин в 90 км от г. Фрунзе, т. е. в 15 фарсах от Джуля, соответствует местоположению древнего города Невакета, от которого шла дорога на Суяб. В. Бартольд предполагал, что Суяб находился на правом берегу р. Чу в местности Карабулак. Однако обследование Карабулака, долины Малого Кемина, ущелья Далпаран показало, что здесь нет никаких руин городских поселений. В районе Карабулака, на территории совхоза им. Ильича, где при строительных работах находили обожженный кирпич, было, правда, обнаружено древнее поселение, однако, слишком малое по размерам. В ущелье Далпаран была обнаружена тюркского времени курганная группа с каменными бабами. Такие каменные бабы, по рассказам местных жителей, были неоднократно обнаружены при полевых работах. Нами на территории совхоза было встречено три. Все они тюркского типа. Две из них со сложенными на животе руками, держащими чашу. Черты лица оконтурены выемками. Третья баба высечена желобками на камне подпрямоугольной формы. Лицо сделано весьма схематично, и от первых двух экземпляров она отличается исключительной примитивностью изображения.

Из долины Малого Кемина, через Капкаджол экспедиция проследовала в долину Большого Кемина (Чон-кемин), в с. Новороссийское.

В 1 км к западу от с. Новороссийского расположено огромное городище. Городище представляет собой прямоугольник, ориентированный сторонами по странам света, с длиной сторон в 500—600 м. Северная и южная стены длиннее западной и восточной. Стены имеют башни, выступающие наружу. Цитадели на городище не было. Поверхность городища покрыта мелкими буграми. Шурфы (было заложено два шурфа) на городище дали очень слабый культурный слой, с грубой керамикой раннемусульманского типа и фрагменты кочевнических котлов. Найден чирак темнозеленой поливы, но вообще поливной керамики мало.

На другом берегу Чон-кемина, против ущелья Тарсу, на правом берегу горной речки того же названия, стоит второе укрепление, квадратное в плане, со сторонами, ориентированными по странам света. Длина сторон 200 м. Подъемный материал на Тарсуйском городище адекватен керамике из шурфов Новороссийского городища. По расспросным сведениям удалось установить, что такого же типа городище находится вверх по Чон-кемину. Вдоль оврагов, образованных горными потоками в долине Чон-кемина, ущелий Тарсу, Калмак-ашу и др., имеются цепочки «сарматского» типа курганов. Такого же типа курганы и курганы эпохи бронзы были обнаружены

¹ E. Herzfeld. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. Берлин, 1933.

на «прилавках» — около местности Кашка-джол в 1945 г.

К западу от Новороссийского городища в ущелье Чон-кемина, на небольшой площадке экспедиция обнаружила курганный тюркского времени.¹ Количество насыпей курганов, выступающих над поверхностью, сравнительно невелико, так как многие из них завалены землей и камнями, скатившимися с нависающих над могильником гор. Все же местами прослеживаются не только каменные насыпи курганов, но и каменные выкладки над грунтовыми могилами. С севера на юг от могил тянулись ряды обтесанных камней, вкопанных в землю и лишь на 10—20 см выступающих над поверхностью. Часть этих камней оказалась каменными бабами, с изображением лиц, исполненных желобчатой техникой, иногда дополненной небольшими выемками плоскости. На одном таком камне было изображение мужского лица с большой окладистой бородой, обозначенной контуром и исчерченной вертикальными полосками. Часть каменных баб оказалась уже выкопанной. Бросается в глаза разнообразный типаж на изображениях. В частности, отмеченное выше изображение мужского лица с бородой имело черты несомненно не тюрка, а скорей согдийца. Следует вспомнить, что изваяния, которые ставились на курганах тюрков, должны были изображать врагов, убитых похороненным при его жизни. Если это так, то нет ничего удивительного, что среди изображений находится лицо с чертами явно восточно-иранского (согдийского) происхождения. Изваяния эти массивны (до 240 кг), отличаются скупой, но выразительной отделкой лица и торса. На одном изваянии изображены серьги калачиком салтовского типа. По технике исполнения изваяния из с. Новороссийского весьма сходны с Далпаранскими изваяниями.

Обследование долин Малого и Большого Кемина в районах, непосредственно примыкающих к Чуйской долине, и городищ, расположенных к востоку от г. Фрунзе, позволяет поставить ряд вопросов исторической географии.

Прежде всего остановимся на итогах раскопок Краснореченского городища. Раскопки выявили весьма интересную историю сложения этого комплекса поселений. Совершенно ясно, что образованию города здесь предшествовала застройка района отдельными «виллами» — укрепленными домами, типа согдийских кешков. Дома имели массивные стены и представляли собой крепости в миниатюре. Тип постройки и план первоначального земледельческого посе-

ления аналогичен структуре поселений Хорезмского оазиса; такая архитектура могла быть порождена только условиями позднего этапа рабовладельческого способа производства. Эти постройки наглядно выражают ойкосный характер хозяйства их обитателей — согдийских поселенцев. Мы уже говорили, что при такой скученности, «виллы-крепости» никак нельзя считать феодальными замками. Напомним также о находках в Краснореченских развалинах, относящихся к первым векам н. э., кушанского брактеата из электрона и ручки сосуда с буддийским изображением.

Кешки, как тип поселения, начали отмирать ко времени, близкому к арабскому завоеванию, вероятно не ранее VII в., когда здесь значительно усилилась политическая роль тюрков. Кешки постепенно пустели в связи с развитием поселения городского типа — городища Красной Речки. Брошенные дома были использованы под кладбище. К этому времени, т. е. к VII—VIII вв., относятся остатки зороастрийских погребений (Р. I) и сложение мощного культурного слоя на городище (слой III, Р. IV) с характерной позднесогдийской и неполливной керамикой, с тюркешскими монетами.

Однако полный расцвет города наступает позднее, в карлукскую эпоху. К этому времени относятся слой II (Р. IV), постройка с расписной штукатуркой (Р. VI) и, возможно, возникновение постройки из раскопа II. Выдвигаемую датировку подтверждают характерные находки в этих пунктах: те же тюркешские монеты, бытующие при карлуках, полива, роспись, впущенные в землю постройки с кирпичными полами, резьба и штамп на неполливной керамике.

Наряду с шахристаном развивается и рабад (Р. V), образующий значительный комплекс сооружений вне стен города.

Мы не можем фиксировать особенного расцвета поселения в караханидский период, хотя несомненно, что в эту пору город продолжал свое существование. Об этом, кроме находок караханидских монет в культурных слоях города (слой I, Р. IV), свидетельствует караханидское кладбище, в некоторых случаях перекрывающее зороастрийское (Р. I, Р. III). Погребения датируются как комплексом находок (янтарь, коралл), так и саманидской монетой (Р. III).

Палеоантропологические данные, собранные на караханидском кладбище, свидетельствуют об исключительном многообразии этнического состава населения.¹ На это в известной степени указывает и факт находки согдийских и сирийских надписей.²

¹ В 1945 г. мы раскопали в этом некрополе могилу эпохи поздней бронзы. Наверху была плоская каменная выкладка, квадратной формы. Костяк был ориентирован с запада на восток. Слева от костяка лежал бронзовый нож в виде пластины без обособленной рукоятки.

¹ По заключению антрополога Е. Жирова, среди этих черепов имеются тунгусоидные, северноиранские длинноголовые, южносибирские и др.

² Сирийская надпись высечена на кирпичном надгробии, найденном на городище. А. Я. Борисува удалось здесь прочесть «Георгий кузнец».

Встает, естественно, вопрос о том, как в древности назывался этот город. Маршрутники Кудамы и ибн-Хордадбега отмечают «большое селение Сарыг», отстоящее на 4 фарсаха от Баласагуна (городище Ак-пешин) и на 7 фарсах от Джуля (г. Фрунзе). Местоположение Краснореченского городища больше всего соответствует этим расстояниям (25 км от Ак-пешина, 35 км от Фрунзе). Некоторую неточность расстояния от Джуля (на один фарсах) можно не принимать во внимание, ибо арабские географы неоднократно расходятся в своих показаниях. Более сложный вопрос встает в связи с тем, что имя города, собственно, известно для IX и X вв., а затем оно исчезает. Только в безыменной рукописи «Муджмил-ат-теварих» имеется указание, относящееся к началу XII в., что «в городе Салыге сидит царь Каладжур». Переход *p* в *л* в тюркских языках вполне закономерен, однако, в данном случае, если считать оба названия тюркскими, в связи с фонетическим изменением резко меняется и значение: первое слово будет обозначать «желтый», второе — вид подати.

Допустим даже, что в XII в. город Сарыг назывался Салыг и был, вероятно, заселен тюркским племенем халаджами, от чего и произошло имя их правителя,¹ тем не менее, ни в каких других источниках это поселение не упоминается со второй половины X и до начала XII в. Для нас несомненно, что город потерял свое название Сарыг в конце X в. и позже выступает уже под другим названием. Макдиси (конец X в.) и Махмуд Кашгарский (XI в.) упоминают около Баласагуна, к сожалению, без ориентировки и указания на расстояние, город Урду, имеющий стену, ров и цитадель. Соппадающие описания Макдиси и Махмуда Кашгарского позволяют отождествлять городище Красная Речка с упомянутым городом. Другого решения вопроса мы не находим.² Интересно, что город сохранил тюркское название, несмотря на то, что конструктивно (цитадель) он согдийского происхождения.

В аналогичном положении находится вопрос о названии и города Баласагуна, с той только разницей, что оно не известно для ранних эпох (IX—середина X вв.) и появляется лишь с конца X в. (Макдиси). До этого времени, видимо, город существует под названием «ставка тюркешского кагана». К доказательствам того, что Баласагуну соответствуют развалины Ак-пешина мы здесь возвращаться не будем. Во-первых, достаточно убедительно по этому поводу уже высказался В. В. Бартольд,³ во-вторых, археологическую аргументацию мы уже приводили раньше.⁴ Несомненно,

что раскопки на городище Ак-пешин дадут ряд дополнительных данных. Намеченное нами решение вопроса — Красная речка — Сарыг — Урду; Ак-пешин — Ставка тюркешского кагана — Баласагун; Орловка — Невакет, — соответствует маршрутным данным и укладывается в общую систему городов Семиречья.

Последним вопросом исторической топографии, выясненным во время экспедиции 1939 г., является вопрос о Суябе. Впервые Суяб отмечается китайскими источниками в VII в., а как поселение он фигурирует главным образом с VIII в. В мусульманских источниках он упоминается с середины IX в. до середины XI в., т. е. от Хордадбега до Гардизи. Суяб все время был ставкой каганов со времени посещения его Сюань Цзаном (VII в.) до XI в., начиная с владычества западных тюрков, возможно племен дулу, вплоть до тюркешей и карлуков. Суяб находился, по Кудаме, в 4 фарсах от Невакета и, судя по данным других авторов, был расположен в горах (Гардизи). Для того, чтобы достичь Суяба, следовало переправиться через реку Чу. Весьма ценно показание о Суябе Сюань Цзана. Вот, что он о нем сообщает: «проехав, примерно, 500 ли на северо-запад от озера Цзин-чу [Иссык-куль] он достиг города на р. Су-е [Чу]. Этот город имеет в окружности от шести до семи ли; он является местом встречи купцов, приезжающих из различных государств. Почва пригодна для развития красного проса, пшеницы и винограда; садовая растительность редкая. Так как климат здесь холодный и свирепствует ледяной ветер, жители носят одежду из валеной шерсти. К западу от Су-е расположено около десятка изолированных поселений, находящихся под управлением начальников, друг от друга независимых, но подвластных тую [тюркам]».¹ Нетрудно видеть из этого описания и вышеприведенных топографических данных, что открытое экспедицией Новороссийское городище скорее всего можно отождествить с Суябом. Во-первых, оно отстоит от Невакета — Орловки на расстоянии около 35 км, что почти соответствует 5 фарсахам Кудамы ибн-Хордадбега (других городищ в этом районе нет), и все города Чуйской долины расположены к западу от него; во-вторых, общая длина стен Новороссийского городища равна примерно 3 км, что полностью соответствует 6—7 ли, указанным Сюань Цзаном; в-третьих, Суяб существовал, судя по письменным данным, с середины VII в. до середины XII в., что подтверждают культурные остатки городища; в-четвертых, по Кудаме, Суяб состоял из двух частей: Сагур-кубала и Кубала, что опять соответствует расположению городищ у с. Новороссийское и Тарсу; в-пятых, Суяб представлял собой не город согдийского происхождения,

¹ Лучше было бы здесь видеть «Карачур».

² Этим самым мы отрицаем имевшее место в литературе мнение, что Краснореченские развалины являются Баласагуном (см. Известия Туркестанск. общества РГО, т. XVIII, 1924).

³ В. В. Бартольд. Отчет, стр. 28 и сл.

⁴ См. нашу статью в ВДИ, № 4 (9), 1939

¹ Да Тан Синой цзи, цз. I л. 86 и сл.

а ставку кочевников, чему также соответствует культурный слой, отсутствие на городище цитадели и окружение тюркскими кладбищами; наконец, в-шестых, нельзя не узнать в описании климатических условий Суяба своеобразных (по сравнению с Чуйской долиной) климатических условий долины Чон-кемина, ледяной ветер которой с ледников Заилийского и Кунгей-алатау испытывали сами сотрудники экспедиции уже в конце сентября.

Как ставка кагана кочевников он перестал существовать весьма рано, видимо после разгрома карлуками в 766 г. Ставки каганов переносятся на запад, они были в Невакете, Баласагуна (ставка тюркешского кагана), Урду (бывшем Сарыге).

Расположение Суяба недалеко от впадения р. Чон-кемина в р. Чу объясняет, по нашему мнению, и своеобразное происхождение этого названия — тюрко-согдийское *su + jab*. Река Чу была сплошь освоена согдийским населением, река Чон-кемин всегда оставалась в руках кочевников-тюрков. Слияние этих двух рек повлияло и на оригинальное образование древнего названия среднего течения реки Чу, которая после выхода из ущелья в долину, имела уже скрещенное название — тюркского и согдийского происхождения — Суяб.

Знакомство с местностью дало возможность также найти один древний перевал, который вел от Иссык-куля в Суяб — этот перевал носит характерное название Калмак-ашу. Известно, что термин «Калмак» обычно применяется местным населением к местам весьма древнего происхождения. Несомненно, что этим перевалом пользовались в древности для выхода из долины р. Чон-кемина. Перевал приводит к западному берегу Иссык-куля (ныне районный центр Балыкчи). Если считать, что Сюань Цзан прибыл к Иссык-кулю в район Барскаунского ущелья или Тонского городища (южный берег Иссык-куля) и перевалил через горы к Суябу (в ставку кагана), пройдя 500 ли, то это более всего соответствует маршруту через Калмак-ашу. Всего естественнее предполагать именно этот путь, так как Сюань-цзан перевалил через горы, в то время как Боомская дорога проходит не через перевал, а идет по ущелью.

Подводя итоги экспедиции 1939 г., можно сказать, что основные этапы археологической разведки в части обследования левобережья реки Чу были закончены. Экспедиция выявила основные города этой области, собрала материал для составления археологической карты района.

За советский период археологами¹ в Чуйской долине зафиксированы памятники, относящиеся к основным историческим эпохам, которые переживала долина. Исследование усуньских, тюркских, согдийских, мусульман-

ских, каракитайских памятников старины, а также находки и обследования конца XIX в. (открытие и исследование Поярковым и Пантусовым несторианских кладбищ в 1886 г., поездка В. В. Бартольда 1893—1894 гг.) позволяют, наряду с детализацией по обследованию района и продвижению работ в горные районы (Чон-кемин, Иссык-куль, Джумгал, Нарын), поставить уже стационарные работы, характер которых можно планировать в зависимости от текущих требований исторической науки. Такими стационарными пунктами должны быть: городище Красная Речка — Сарыг, дающее богатейший материал к истории возникновения семиреченского города, и городища Ак-пешин — развалины Баласагуна, двухкратной столицы Средней Азии.

Ближайшей же задачей являлась углубленная разведка с раскопками курганов кочевников. Это и было сделано в последующем 1940 г.

§ 4. ИТОГИ РАБОТ 1940 г. В СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ

Летом 1940 г. (июль—август) экспедиция Комитета наук при СНК Киргизской ССР и Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра продолжили археологическое изучение Киргизии.¹

В задачу экспедиции входило: постановка работ стационарного типа на городищах Красная Речка и Ак-пешин, продолжение разведки по Северному Притяньшанью, в частности в районе оз. Иссык-куль и рекогносцировка по маршруту Фрунзе—Мирки.

Вначале экспедиция провела разведку по маршруту Фрунзе—Мирки. Здесь экспедиция занималась уточнением расположения древних городов Северного Притяньшанья. Местоположение древнего города Мирки известно благодаря тому, что современное поселение сохранило старое название XI в. К востоку от Мирки в 4 фарсах древние мусульманские авторы отмечали город Аспара (табл. III, 1). Экспедиция нашла развалины этого города, которые

¹ См. о работах предшествующих лет § 2 и 3, а также наши статьи: Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, № 2 (11), 1939; Археологические работы в Семиречье. КСИИМК, IV, 1940.; Историческая топография Чуйской долины. ВДИ, 2, 1940.

Экспедиция работала с 1 июля по 11 августа 1940 г. В экспедиции принимали участие: А. Н. Бернштам, Л. Г. Розина и И. В. Шербаков (Ленинград, ИИМК), И. Бенедиктов, Г. Михельс, И. Рошин, Е. Агеева, О. Зубакина (Ленинград, ЛГУ), Егизов и Байтыгулов (Фрунзе, Комитет наук) и от Каз. филиала Академии Наук В. Шахматов (Алма-ата).

Начальник экспедиции А. Бернштам. Все фотографические работы и консервация производились И. Шербаковым. Руководила ответственными раскопками (буддийский храм) Л. Розина, она же производила съемку большей части планов. Бенедиктов и Михельс были ответственны за раскопы на Красной Речке и в Ак-пешине.

¹ См. статью А. Терепожкина, ВДИ, 1 (2), 1938.

стоят в 3 км к западу от границы Киргизии с Казахстаном, на территории Миркинского района, Джамбульской области (Казахстан). Развалины расположены у самого поселка Чалдывар на правом берегу сая, идущего из Аспаринского ущелья. Тождество развалин с древним городом Аспара установлено, во-первых, потому, что развалины носят до сих пор древнее название Аспара или Ашпара (иногда их называют Асран-тобе); во-вторых, потому, что они расположены в 25 км от древнего города Мирки, что соответствует 4 фарсахам, разделявшим эти города; в-третьих, по характеру самих развалин. Дело в том, что город Аспара, после его разрушения монголами в начале XIII в., был затем восстановлен Тимуром и превращен в город-крепость, долженствующую в ряду других подобных крепостей обеспечивать тыл тимуровским войскам, готовящимся к походу на Китай. Сохранившиеся до нас развалины города Аспара несут в себе следы грандиозной строительной деятельности Тимура — одна высота цитадели равна 18 м, а стены местами достигают высоты 5—8 м.

От «Большого селения» Мирки, как именовали этот город древние авторы, километрах в 10 к востоку около Меркенского свекло-совхоза находится небольшой турткуль с длиной сторон 50 м, ориентированный сторонами по странам света. Как и многие ему подобные, развалины этого турткуля представляют остатки древнего каравансарая, расположенного на пути из Мирки в древний город Аспару, до которого, согласно Кудаме и ибн-Хордадбеку, было 4 фарсаха, т. е. 24 км. Около турткуля находятся развалины сравнительно нового мазара (XIX в.), сложенного из обожженного кирпича. От мазара сохранилась лишь порталная часть, обращенная на север, остальные стены разобраны местными жителями.

Город Аспара упоминается еще в сочинениях IX в. (ибн-Хордадбек и Кудаме), и, видимо, существовал до XV в. Последними годами его существования были годы владычества Тимура, когда он превратил Аспару в крепость, долженствующую обеспечить тыл его войскам перед его походом в Моголистан и Китай. Следует отметить, что в XI—XII вв. имя города Аспара исчезает, что заставляет нас предполагать об упадке его значения при караханидах.

Город Аспара расположен на своеобразном полуострове, образованном разветвлением р. Аспара, в прошлом он, видимо, омывался с двух сторон речкой. Ныне по старому руслу Аспары, вплотную подходящему к западной стене древнего города и образовавшему здесь сравнительно неглубокие сая, течет небольшой ручеек. По левому берегу старого русла расположен поселок Чалдывар и проходит дорога на железнодорожный полустанок того же названия.

Несpośredственно спускаясь ко дну старого русла р. Аспары, идет крутая стена цитадели города. Она достигает в наиболее высоком месте 18 м. Цитадель почти прямоугольная в плане, несколько особого типа. Ее западная сторона образует часть западной стены всего городища. Вся цитадель имеет размеры, примерно, 250 × 150 м. В ее северо-западном углу находятся развалины помещения размером 50 × 30 м, окомтуренные валом. С юга к цитадели примыкает прямоугольная площадка размером 100 × 50 м, западная стена которой является продолжением западной стены цитадели. Эта линия стен понижается и переходит под тупым углом в южную стену. Спустя 100 м, этот участок стены снова загибается на север, где подходит, почти впритык, к южной стене цитадели.

К северной стороне цитадели примыкает башня, план которой четко выражен в развалинах. Верхняя часть башни имеет размеры 25 × 15 м. Она защищает вход в шахристан. Цитадель отгорожена от шахристана не только мощной стеной, но и глубоким ровом, увеличивающим скат стен до 8,5 м внутри городища. Собственно шахристан образует сравнительно гладкая площадка, обведенная мощными стенами и глубоким ровом. Ров обходит весь город и смыкается с саям — старым руслом р. Аспара. Если река была запружена, то она могла наполнить ров своей водой. Стены цитадели и шахристана были укреплены башнями, а восточная стена имела специальное мощное сооружение, выступающее вперед и защищавшее не только оба фланга стен, но и вход в город, который был здесь расположен. На большом протяжении вокруг этого комплекса городских развалин прослеживается ломаный периметр стен, окружавших постройки, расположенные за пределами шахристана, от которых лишь в некоторых случаях сохранились небольшие бугорки.

Поверхность городища изрыта, в шахристане находится небольшое казахское кладбище. Собранные на поверхности керамика представляет главным образом грубую неполивную посуду серого, иногда розоватого теста, толстостенную, с большой примесью кварца. Керамика в этом отношении весьма сходна с керамикой верхних слоев Садыр-кургана, также тимуридского времени.

Характерной чертой аспаринских развалин является монументальность стен и сравнительно хорошая их сохранность. Объясняется это тем, что, возобновленные при Тимуре, они не испытали разрушительного действия войны и, подобно стенам Садыр-кургана и Кысмычи (см. ниже), прекрасно сохранились. Сравнительно подробные сведения об Аспаре сообщает ибн-Арабшах (XV в.). Он говорит, что Тимур послал в страну Джете (так называлась страна Моголистан) своего внука Мухаммед Султана и эмира Сейф-ад-Дина, которые

«заняли там долины и поля и построили несколько крепостей, самая отдаленная из них называется Ашпара. Они построили в ней неприступную крепость, готовую к грабежу и опустошению». Далее говорится, что после возвращения Мухаммеда Султана и Сейф-ад-Дина в Самарканд, в Ашпаре был оставлен эмир Аргуншах, которому был дан один туман (10 000) чагатайского войска и сборные отряды.

В 1403 г. Тимур отправил в Ашпару эмира Алладада, которому пришлось в Ашпаре выдерживать натиск монгол. Это заставило Тимура послать подкрепление в Ашпару в 1403—1405 гг. и построить крепость Баш Хамра (?) в десяти днях пути от Ашпары. Впоследствии крепость Баш Хамра пришла в упадок, так как она находилась в районе борьбы Тимура и монгол, и была вследствие этого разрушена.

После смерти Тимура, в 1405 г., Ашпара остается в руках его бывшего полководца Алладада, который и поселился в Ашпаре, укрепился там и перевез туда свою семью. Вскоре Ашпара снова подверглась нападению монгол.

Перед своей смертью в 1404 г. Тимур, по сообщению Шереф-ад-Дина Иезди, отдал Ашпару, а также Ташкент, Сайрам, Янги и другие города вплоть до Китая (Восточный Туркестан) своему внуку Улугбеку. При Улугбеке Ашпара, по сообщению Абд-ар-Раззак Самарканди, была в руках монгол: «Улугбек узнал, что часть войска врагов зимует в пределах Ашпары». Собственно, из этого сообщения можно сделать вывод, что Ашпары, быть может, как города уже не существовало. Всего вероятней, что наступление монгол на Ашпару в начале XV в. оборвало жизнь этого города.

То, что г. Ашпара упоминается у Джурджани, указывает лишь на то, что он в данном случае списал сообщения о нем у своих предшественников, ибо Мирхонд, описывая поход Улугбека в 1425 г. вплоть до Красной Речки, говорит, что, возвращаясь обратно, они решили остановиться в местности Ашпара, а о городе уже нет никаких упоминаний. Очевидно в 30-х годах XV в. и перестала существовать Ашпара. Эту дату подтверждает и керамический материал с верхних горизонтов городища.

В 8 фарсах от Ашпара находился г. Нузкет (табл. IV, 1), о котором известно, что это было большое селение, которое, судя по источникам, прекратило свое существование, во всяком случае как крупный центр, после X в. В письменных источниках X—XII вв. нет его описаний, лишь в «Худуд-ал-Алам» (X в.) упоминается его название. Городу Нузкету, как выяснила экспедиция, соответствуют развалины около селения Карабалты, в 2 км к северу от последнего, носящие название Шиштепе. Городище древнего Нузкета, весьма значительное по размерам (сторона вала до 200 м),

чрезвычайно интересно тем, что в нем легко проследить путь формирования средневекового города Чуйской долины. Цитадель городища, находящаяся в юго-западном углу шахристана, сохранила в себе все черты древнего согдийского замка.

Далее на восток, еще в 4 фарсах, было расположено большое селение Харран-джуван (табл. IV, 3). О городище Харран-джуван Макдиси, автор X в., сообщает: «В нем преобладают неверные, а султан его мусульманин; вокруг него стена и среди нее цитадель, в которой живет дикхан». Под словом «неверные» здесь следует понимать тюркское кочевое население, что наложило свой отпечаток и на название селения. Вторая часть его названия — «Джуван» — является тюркским словом «огромный», причем попутно отметим, что источник правильно запечатлел джекающую форму термина (начальный звук «дж»), характерную для тюркских племен западнотюркского каганата.¹ С г. Харран-джуван мы сопоставляем развалины, расположенные к северу от п. Сталинское, за селами Сретенское и Предтеченское, на правом берегу р. Аксу. Этому соответствует расстояние от г. Нузкета, а также характер и местоположение развалин, носящих здесь имя Чалдывар. Так же, как и в описании Макдиси, в этих развалинах цитадель стоит в центре города, и замок дикхана обнесен стеной. Около замка сохранились хаузы для воды. Весьма интересно и местоположение развалин. Из всех городов Чуйской долины они дальше всех выдвинулись к северу. От развалин селения идет серия безымянных городищ в сторону с. Степное, к броду через р. Чу, известному под именем Тай-кичу. В этом районе, населенном в древности кочевниками, г. Харран-джуван являлся центром, который обеспечивал охрану торговли между кочевниками и городским населением и поддерживал расположенные от него к северу на территории кочевников селения. Наибольший расцвет городищ, растянувшихся в сторону Курдайского перевала и Илийского бассейна, падает на XI—XII вв. Опасное местоположение г. Харран-джувана принуждало создать целую систему защитных укреплений. Город со всех сторон окружен крепостями-хиснами. Одна из них находится в восточной части с. Сталинское, другая почти в центре поселка и известна у местного населения под названием «крепость».

От Харран-джувана в 4 фарсах был расположен г. «Джуль» (табл. III, 2). Название города также бесспорно тюркское и в той же характерной джекающей форме. В переводе оно означает — степь. В. Бартольд отождествлял г. «Джуль» с г. Фрунзе, но развалины в г. Фрунзе относятся к кокандскому времени.

¹ А. Н. Бернштам. О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра», 1939.

На указанном источниками расстоянии от Харран-джувана (4 фарсаха) находятся развалины, известные под именем Чола-казак. Они расположены в 8 км к западу от г. Фрунзе, на шоссе Фрунзе—Каралабты. Городище ныне сильно разрушено, но некогда представляло собой грандиозное сооружение, состоящее из двух построек, концентрически расположенных в карре. Достаточно указать, что длина наружной стены городища равна почти 300 м. Далее маршрутные данные отмечают, что расстояние от Джуля до г. Сарыга равно 7 фарсахам. Это составляет 42 км. Именно это расстояние отделяет описываемые развалины от городища Красная Речка, тождество которого с древним городом Сарыг мы уже установили. Все это позволяет нам отождествить развалины Чола-казак с Джулем.

Локализация последующих городов до Суяба была произведена во время экспедиции 1939 г.¹ Тогда и было установлено, что Сарыг — Краснореченское городище, Баласагун — Акпешин, Невакет — Орловка, Суяб — Новороссийское городище.

Мы не останавливаемся на других, более мелких памятниках по маршруту Мирки—Фрунзе. Отметим лишь, что между этими городами расположены укрепленные караван-сарай в виде турткулей, а также крепости-рабаты, представляющие собой мощные, хотя и небольших размеров укрепления, с высокими стенами, с башнями посередине стен и по углам. Таковы рабаты на левом берегу Сукулукка в 0.5 км ниже с. Кагановичское, рабат в центре с. Романовское и др. У западной околицы с. Петропавловское было обследовано поселение сельского типа.

По всему пройденному маршруту составлена археологическая карта (табл. I), сфотографированы и замерены памятники, собран подъемный материал. Исследования нашей экспедиции, проведенные в дополнение к работам, которые здесь производились раньше (обследование В. Бартольда² в 1894 г. и А. Тереножкина в 1929 г.³), позволили составить полное впечатление об этом районе. Отождествление развалин с древними городами вообще проведено впервые.

Чтобы окончательно разрешить задачу локализации древних городов Северной Киргизии, была совершена небольшая поездка на Средний Талас. Городища, расположенные к северу от ущелий Большая и Малая Капка, были частично нами осмотрены еще в 1938 г. Более детальное и полное обследование было

сделано в 1940 г. научным сотрудником Джамбульского археологического пункта Г. Падевичем. Вместе с ним мы снова осмотрели эти городища.

Из развалин Среднего Таласа наше внимание привлекли городища Май-тобе, к югу от с. Серафимовки, и городище Джуван-тобе, около с. Солдатское. Дело в том, что до сих пор нам не было ясно, где находились два больших древних города — Хамукет, или Джамукет, и г. Атлах. Оба города были достаточно крупными и известными в древности. С первым связано было переселение согдийских дикхан из Бухары в начале VII в., в районе второго произошла известная битва между китайскими и арабскими войсками в июле 751 г. Города эти В. В. Бартольд гипотетически помещал к северу от Тараза, не связывая, однако, их с какими-либо определенными городищами. Наше обследование Нижнего Таласа и раскопки в г. Таразе (г. Джамбул) в 1936—1938 гг., а также дальнейшие исследования археологических памятников долины Таласа, проводимые Джамбуловским археологическим пунктом, опровергли гипотезу В. Бартольда. К югу же от Тараза имеются две группы развалин, которые могут соответствовать Хамукету и Атлаху. Встает вопрос, какие из этих развалин следует связать с тем или иным городом. Мы связываем Майтобинские развалины с Хамукетом, а Джуватобинские с Атлахом. И вот почему.

Дело в том, что, описывая битву арабских и китайских войск, мусульманские и китайские авторы указывают, что она произошла на берегу Таласа, то у г. Атлаха, то у г. Тараза. Противоречивость этих сведений объясняется, видимо, тем, что гг. Атлах и Тараз стоят на берегу одной и той же реки — Таласа. Те же авторы показывают, что Атлах по величине не уступает г. Таразу. Очевидно из этого, что наиболее крупное городище, стоящее на самом берегу р. Талас, расположенное рядом с Таразом и одинаковое с ним по размерам, и должно быть древним Атлахом. Таким городищем являются Джувантобинские развалины.

Определением местоположения Атлаха в известной мере уточняется и местоположение Хамукета, также большого города. Но о последнем мы, кроме того, знаем, что он был создан согдийскими поселенцами, дикханами, и, следовательно, здесь скорее всего следует ожидать наличия старых дикханских замков. Такими замками, в сочетании с городским поселением, являются развалины Май-тобе. Итак, и в Таласской долине окончательно установлено расположение древних городских центров. Напомним, что города Верхнего Таласа: Шельджи, Сусы, Куль и Текабкет были изучены еще во время экспедиции 1938 г.¹

¹ См. нашу статью: «К исторической топографии Чуйской долины». ВДИ, 2 (11), 1940.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг.

³ А. Тереножкин. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. Проблемы истории докапиталистических формаций, № 5—6, 1935.

¹ См. наш отчет: ВДИ, № 2 (9), 1939.

Таким образом, указанными выше двумя маршрутными обследованиями была замкнута цепь разведок в долинах Таласа и Чу. Обследования проводились экспедицией Комитета наук и ИИМК и были согласованы с экспедициями Казахского филиала Академии Наук, с 1936 г. изучавшими смежные с северной Киргизией районы.

Следующим этапом работ явилось продолжение разведки от Чуйской долины на восток, в сторону Иссык-куля, и на юг, в сторону Кочкарской долины. Центральной задачей этого маршрута являлось отыскание области Верхний Барсхан, которая была расположена в Иссык-кульской котловине, и выяснение трасы торгового пути из Средней Азии в Китай.

Вопрос о Верхнем Барсхане в свое время так и не был разрешен поездкой В. Бартольда, не поднимался он в научной литературе и после его исследований этого края. По письменным источникам было известно, что область Верхний Барсхан состояла из пяти малых и четырех больших поселений. Однако кроме указаний о подводных развалинах на южном берегу Иссык-куля (Койсара), в литературе не приводилось никаких сведений о городищах вблизи этого озера.

Экспедицией 1940 г. была открыта область Верхнего Барсхана (табл. II—V). Она начинается у Тонского залива (к западу от поселка Кольцовка, совр. Кунчыгыш), где она отгорожена от примыкающих горных долин и ущелий монументальной стеной, тянущейся на протяжении свыше километра (табл. V). Стена сложена из сырцовых блоков и сохранилась местами до 3 м высоты. Прекрасное стратегическое положение стены, перегораживавшей сравнительно небольшой участок, позволяло обезопасить южный берег Иссык-куля от вторжения кочевников, населяющих горные долины Терской Алатау. Около южного конца стены, на левом берегу сая, находится первое поселение Верхнего Барсхана (табл. III, 4 и IV, 4). Следующие поселения расположены за стеной, к востоку, на самом берегу Иссык-куля, второе в 20 км к востоку от с. Кольцовка, третье — на правом берегу р. Тосор, четвертое — на правом берегу р. Тамга, между рр. Тамга и Барскауи. Характерно, что ущелье и р. Барскауи сохранили древние названия. Еще Томашек в 80-х годах указал на сходство названий Барскауи и Барсхан, что помогло ему правильно прочесть древнее название области, неясно написанное в арабских источниках. До него это название читали, из-за неправильного расположения диакритических точек: «Нушджан».¹

Характерно, что уже поселение у р. Тамга частью подмыто Иссык-кулем. Видимо, начи-

¹ См. по этому поводу: В. Бартольд. О христианстве в домонгольский период. Зап. Вост. отд., т. VIII, вып. 1—2. — Лучшее описание Верхнего Барсхана дано у Гардизи (XI в.).

ная с этого пункта и далее на восток, все старые поселения смыты озером, ибо пятое известное нам поселение расположено уже под водой — это Койсаринские развалины. Из сохранившихся на суше известно еще поселение между Джаргаланом и Тюпом на мысу у самого озера, а также Тюпское городище (седьмое по счету). Таким образом, из 9 поселений Верхнего Барсхана экспедиция обнаружила 7. Очевидно, недостающие два находились на участке между р. Тамга и городищем Койсара и были смыты водами Иссык-куля.

Крайним поселением на востоке является Тюпское городище (табл. IV, 5). Оно построено на прибрежном холме, отрезанном от материка глубокими рвами, видимо это были естественные протоки искусственно углубленные человеком. Склоны холма были подрезаны, чтобы сделать их еще круче; венчает этот холм мощная оборонительная стена. Собщение с материком осуществлялось при помощи перемычки, насыпанной через восточный ров городища. Сильные укрепления городища свидетельствуют, что оно несло функции охраны Верхнего Барсхана со стороны северного берега Иссык-куля. На юге это осуществляла стена у Тюпского залива.

Как к южной границе Верхнего Барсхана, так и к северу от Тюпского городища идут каравансарай. По северному берегу они встречаются чаще; на южном же берегу они были зафиксированы лишь в пределах долины Актерека. По северному берегу следы караванной дороги идут до Чолпан-ата, а затем исчезают. Начинается пустынный берег с изредка попадающимися курганами.

Перед экспедицией естественно встал вопрос. Если от Тюпского залива до западного берега Иссык-куля нет следов торгового пути, если на северном берегу каравансарай исчезают с района Чолпан-ата (в направлении с востока на запад), если, наконец, в Боомском ущелье также нет следов древних каравансараяев, то где же тогда проходила караванная дорога? Ответ на этот вопрос заключается в следующем. Дорога шла в другом направлении. От Чолпан-ата она пересекала Кунгей в районе перевала Когойрок и выходила в богатую, населенную кочевниками, долину Чонкемина. Здесь у перевала имеются развалины древнего поселения, далее дорога тянется по долине до Новороссийского городища — древнего города Суяба. После Суяба она входит в богатую и густонаселенную Чуйскую долину, древнюю область Су-е.

Открытие области Верхний Барсхан и установление трасы древнего караванного пути и было главным результатом разведки в районе Иссык-куля.

Мы не будем останавливаться подробно на других памятниках старины, открытых в районе Кочкорки. Здесь были обследованы усунь-

ские курганы III в. до н. э.—II в. н. э., а также городище около известных гумбезов «Кырк Чоро» (табл. III, 6). Городище это XI—XII вв., без цитадели, что характерно для городов данного времени, т. е. позднего, несогдийского происхождения. По своим типическим чертам городище принадлежит к тому типу оседлых поселений, которые возникают в среде кочевников в караханидскую эпоху. К этой датировке склоняет и подъемный материал, собранный экспедицией на городище. Обследованием Кочкорки экспедиция положила начало изучению Тянь-шаня.

Несколько слов следует сказать об обследованном нами городище Кысмычи на правом берегу р. Чу, более подробно об этих раскопках будет сказано ниже, в главе II.

Городище Кысмычи расположено на самом краю надпойменной террасы и весьма искусно использует систему естественных бугров (табл. III, 3). Городище имеет цитадель и примыкающий к ней с севера и востока шахристан. Шахристан окружает ломаная линия стен, периметр которой достигает до 10 км. Эта стена обходит город с запада, севера и востока и обрывается на уступах надпойменной террасы. Между шахристаном (который, как и цитадель, имеет подквадратную форму) и внешней стеной крепости местность сравнительно ровная, лишь один сай прорезает эту территорию. Вверху этот сай примыкает к старой оросительной системе, использованной впоследствии под Шортюбинский канал.

Сложный комплекс городища Кысмычи позволяет выделить в нем два разновременных периода существования. К первому, естественно, относятся цитадель и шахристан. Впоследствии жизнь на шахристане прекратилась, и он был превращен в кладбище. Раскопки на этом кладбище показали, что оно относится, по всей вероятности, к караханидскому времени. К этому склоняет нас: тип керамики, характер погребений, перекрытых сырцовыми кирпичами, как в Сарыге, стратиграфия, т. е. отношение погребений к нижележащим культурным слоям городища. По мере отмирания первоначальной части городища, перемещалось и основное поселение, видимо оно сосредоточилось за стенами старого города, что вызвало необходимость вторичного укрепления большой внешней стеной. При осмотре стены мы не обнаружили каких-либо характерных особенностей, которые могли бы дать материал для ее точной датировки. Весьма примечателен ломаный периметр стены, приближающий ее к многограннику. Такой план стены известен в городищах тимуридского времени в Семиречье и на Тянь-шане (Аспара, Шельджи, Атбаши). Это дает нам основание второй этап жизни поселения, отмеченный строительством внешней стены, связать со временем XIV в.

Определить древнее имя городища Кысмычи было довольно трудно. Макдиси среди

городов Чуйской долины упоминает селение Якалыг. Название несомненно тюркское и происходит от тюркского слова «яка» — край, берег. И в том и в ином значении этого слова название чрезвычайно подходит к местоположению городища Кысмычи. Оно действительно расположено на самом берегу реки и является крайним городищем согдийского типа в Семиречье. Вокруг городища Кысмычи в пойме р. Чу разбросаны укрепленные поселения — «чэны» (так и теперь дунгане называют эти развалины), в которых могло укрываться население, в частности китайцы, разводившие рис в заливной пойме; о них упоминает еще Сюань Цзан (VII в.). По всей местности разбросаны малые селения и каравансарай (Каракуруз, Дунгановское, Шортюбе и т. д.), для которых Якалыг мог являться центром округи — «да тинфан», как называли китайцы такие центры, и главным пунктом транзита на путях из Чуйской долины в Илийскую. Все вышесказанное дает нам возможность отождествить развалины городища Кысмычи с древним селением Якалыг.

Несомненно, как показали раскопки, Якалыг существовал и при каракитаях. Об этом говорит найденный здесь каракитайский нефрит и, что знаменательно, полуфабрикат из нефрита, свидетельствующий о том, что тут был местный ремесленный центр.

Таким образом, разведками, проведенными в 1940 г., экспедиция завершила первый этап археологического изучения северной Киргизии, составила археологическую карту и датировала основные памятники кочевников и оседлого населения. Вместе с тем удалось, путем всестороннего изучения края, отождествить развалины городищ с древними городскими центрами, а также определить типические черты памятников в отдельных районах. Изучение исторической топографии дало возможность установить и трасы торговых путей, сыгравших немаловажную роль в объединении древних цивилизаций и имевших поэтому значение, далеко выходящее за пределы даже Средней Азии.

Вторым крупным разделом работы экспедиции 1940 г. являлись стационарные раскопочно-работы. На городище Сырга продолжались работы, начатые в 1939 г., на городище Баласагун были развернуты раскопочно-работы в районе киданьского квартала.

На городище древнего Сарыга, во-первых, продолжались раскопки I, IV, V 1939 г. (т. е. согдийский замок V—VII вв., жилая постройка IX—X вв. и жилая постройка XI—XII вв.), а также был заложен новый раскоп (Р. VIII), (табл. VII, 1—3; табл. IX, 1—5; табл. X, 1—2; XI), который вскрыл постройки всех трех строительных периодов с V по XII вв.

В раскопе I была закончена расчистка одной наружной стены (северной): были расчищены вертикальные бойницы нижнего этажа, а также

определена техника строительства — дувальная кладка стены и ее фундамента. В дворике, примыкающем к замку с севера, также продолжались раскопки, причем здесь был вскрыт ряд караханидских погребений, совершенных после того, как замок был брошен и опустошен. Погребенные лежали на спине, головой на север, под перекрытием из сырцового кирпича. Наиболее интересной находкой в этом раскопе было открытие в самых нижних слоях, отвечающих времени существования самого замка, трех оссуариев-астоданов — глиняных гробиков, куда зороастрийцы клали кости умерших, предварительно очистив их от мягких тканей. Находка оссуариев представляет исключительный научный интерес. Дело в том, что это первая находка оссуариев этого типа *in situ*. До сих пор известны были лишь случайные находки. Кроме того, особый интерес представляют и сами оссуарии. По форме оссуарии-костехранилища подражают кибитке кочевника. Одна сторона их украшена резбой, иногда имитирующей рисунок деревянного остова кибитки — кереге и укам. Перекрыт такой оссуарий, овальный в плане, сферической крышкой, с ручкой в виде головки птицы. Такой тип оссуария изготовлялся на потребу кочевнику и, естественно, должен был подражать его жилищу — кибитке. Делали такие оссуарии ремесленники-согдийцы. Традиционные представления о жилище у мастера-согдийца привели к тому, что он, украшая фасад оссуария, внес свои мотивы — растительный орнамент, расположенный, правда, так, что его можно принять за аппликации кочевнических кошм, а также вырезал колонки с капителями, уже абсолютно противоречащие такому жилищу, как кибитка. Эти явления синкретизма кочевой и оседлой культур особенно интересны в обнаруженных оссуариях и повышают их научное значение.

В раскопе IV была закончена расчистка жилого помещения IX—X вв. В дополнение к образцам резных сырцовых панелей и росписей 1939 г., собрано еще значительное количество образцов. Раскоп подтвердил имевшееся предположение, что росписи покрывали лишь верхние части стен, в то время как низ (на высоту человеческого роста) был гладким. Предположение, что настоящее здание относится к карлукскому периоду, подтвердили не только собранные фрагменты резьбы и росписи, но и обнаруженный здесь в большом количестве бытовой инвентарь, в частности, керамика и монеты.

Окончен был и раскоп V, вскрывший целиком постройку караханидского рабада. Выяснен план жилища и некоторые его конструктивные особенности, так, например, облицовка полов и иногда стен жженым квадратным кирпичом. В этом жилище обнаружены приспособления для давки винограда, они напоминают собой ванны, в одном случае такая

квадратная в плане ванна соединялась гончарной трубой с врытым в землю хумом. Последний был перекрыт шестигранным кирпичом. Этот комплекс являлся своеобразным тарапаном — прибором для изготовления вина. В ванне давились ягоды, по трубе сусло стекало в хум. К сожалению, нам ничего неизвестно о культуре винограда в Чуйской долине в древности. В настоящее время виноград с успехом тут культивируется. Бытовой инвентарь, обнаруженный здесь, план постройки и техника ее возведения дают представление о рядовой постройке ремесленника, жившего за стенами шахристана, в ремесленном предместье — рабаде. Как показало чтение надписи на венчике хума, найденного здесь, постройка принадлежала, вероятно, сирийцу-иноделу.¹

Прекрасные результаты дал раскоп VIII. Он был заложен на тепе, находящемся на южном берегу лога, отделяющего южную стену шахристана от рабада. Тепе с востока, юга и запада окружено стеной и образует с южной стороны постройки обширный двор. Площадь раскопок была очень большой — до 800 кв. м. Раскопкой вскрыты значительная часть двора и вся постройка.

Основные результаты вскрытия постройки следующие.

В постройке четко выражены три слоя. К первому принадлежат мощные нижние стены, выстроенные из набивного дувала. Они несколько утончаются кверху, что создает впечатление убегающей назад стены. Это было здание типично согдийского происхождения, аналогичное которому было обнаружено на раскопе I.

На базе первого согдийского здания было выстроено второе, времени VIII—X вв. Оно было сложено уже из кирпичей и, в отличие от параллельных длинных комнат первого, имело сложный комплекс квадратных в плане или прямоугольных комнат. Здание VIII—X вв. принадлежало, видимо, богатому владельцу-дихкану, который обнес свое жилище стеной и украсил стены комнат красочной росписью. Такой тип замков внутри четырехугольной ограды, в условиях Семиречья, обычно характерен для времени VIII—X вв. В одной из комнат этого здания был прорублен сквозь толщу строительных остатков предшествующего здания колодец. На дне его было найдено китайское бронзовое зеркало типично танско-сунского времени (табл X, 1). Одна из комнат была очень богато отделана. Она имела в западной стене нишу, стены были тщательно затерты мелкоотмученной глиной, минимум три раза в разных направлениях. Таким образом эта своеобразная штукатурка имеет в изломе структуру фанеры. По затертой поверхности

¹ А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья, II. Эпиграфика Востока, II. Л., 1948.

в верхней части были нанесены рисунки, изображающие букеты цветов — астры (табл. XI, 2). Черный контур рисунка наносился кистью, поле изображения закрашивалось цветными красками — желтой, синей, белой. Манера письма, мы бы сказали, манихейской школы. Среди обвалившихся фрагментов фрески был подобран фрагмент изображения будды (табл. XI, 1), выполненного в той же манере. Весьма характерны некоторые детали рисунка — приподнятые волосы на макушке (ушница), длинные, оттянутые уши, отверстие на лбу (урна). Характер росписи комнаты не оставляет сомнений в происхождении художника и его высоком мастерстве. Несомненно, что в г. Сарыге были свои китайские художники, ибо фреска могла быть сделана только на месте, а не завезена в порядке торговли, как, например, здесь же найденное китайское зеркало (табл. X).

К третьему строительному периоду относятся небольшие остатки сырцовых стен постройки, разрушенной, вероятно, во время монгольского завоевания. Они датируются тем, что, во-первых, находятся выше постройки VIII—X вв., а во-вторых, типичной конструкцией отопления в виде канов-желобов в стенах, по которым проходил горячий воздух. Такие стены лучше всего были изучены при раскопках городища Баласагуна.

Таким образом, раскопки Красной Речки в 1940 г. снова подтвердили большую историко-культурную ценность ее развалин и внесли в науку интересный материал по истории V—VII вв. Среди найденных вещей выдающееся место занимают оссуарии V—VII в.в. и росписи техникой альсекко VIII—X в.в.

Последним объектом работ 1940 г. являлось исследование киданьского квартала города Баласагуна.

Подготовкой к раскопкам на Баласагуне явилось обследование городища в 1938 и 1939 гг., когда были заложены небольшие шурфы. Эти обследования утвердили предположение о том, что археолог здесь имеет дело с городом Баласагуном, а в его юго-восточной части — с остатками киданьской культуры.

На территории киданьского квартала были заложены три раскопа. Один из них был заложен на невысоком бугорке, в центре большого турткуля, расположенного внутри стен киданьского квартала. Этот шурф показал слабый культурный слой и, пожалуй, свидетельствует, что внутри этого турткуля крупных построек не было. Возможно, что здесь стояли войска каракитаев, и турткуль представляет собой стены своеобразных казарм — городского военного лагеря. Аналогичная картина встречена нами во всех кочевых городах-ставках, например в Суябе.

Второй раскоп вскрыл одно из сравнительно высоких тепе, расположенных недалеко от стен шахристана, но в том же кидань-

ском квартале. Несмотря на то, что раскоп здесь не был закончен, он открыл часть постройки — замка, видимо, VIII—X вв., судя по монетным находкам, керамике и характеру стен с нишей, аналогичном постройке № 2 на городище Сарыга.

Наиболее интересные результаты дал раскоп на сравнительно невысоких (до 1.5 м высоты) буграх, образующих более или менее правильный четырехугольник с западинами на поверхности. Здесь целиком была вскрыта прямоугольная в плане, вытянутая с востока на запад, небольшая буддийская часовня, а также большая постройка, состоящая из ряда маленьких комнат и кухонных пристроек.

Буддийская часовня оказалась сильно разрушенной. Стены сохранились лишь на высоту 0.4—0.5 м. Все атрибуты этой часовни и ее украшения представляли лишь обломки. Разбитыми оказались не только изделия из глины, но и каменные изваяния. Все носит следы насильственного разрушения часовни, а не только действия времени.

В часовне было собрано большое количество фрагментов глиняных украшений, статуй, полуколонок, пилястров, карнизов и т. п. (табл. XXII—XXVI). Они были сделаны из глины, смешанной с саманом, а затем раскрашены. Среди фрагментов имеются обломки человеческих фигур типа античных статуй с характерно трактованными складками платья, обломки глиняных голов будд, лепестки лотоса, священного цветка буддизма, морда птице-хищника и мн. др. Все это богато раскрашено синей, желтой и белой красками. Особый интерес представляют обломки изделий из песчаника. Здесь прежде всего должны быть отмечены фрагменты лотоса со ступнями ног видимо будды; одно маленькое изваяние бодисатвы; украшение, с барельефным изображением в профиль священного животного фу, левая лапа которого поднята. В манере изображения этого мифического буддийского зверя сказывается подражание ахеменидским барельефам. Кроме того, были найдены фрагменты каменных капителей колонн, лотоса и просто профилированного камня.

Все эти находки, в сочетании с планом самого здания, с несомненностью свидетельствуют о том, что это была буддийская часовня. Время существования памятника определяется и самими предметами искусства, здесь найденными, и тем, что он является органической частью раскопанного рядом здания, в котором также найдены хорошо датирующие предметы. Относится памятник к XII в.

Постройка, следующая за часовней, была, так же как и часовня, перекрыта крышей, выложенной характерной киданьской черепицей. Черепица полуциркулярная в разрезе, синего теста, сделанная на форме, перекрытой материей. Концы черепицы, выходящие на карниз здания, закрывались круглыми налепами,

всегда орнаментированными. Найденные фрагменты налепов представляют особый интерес. Они украшены так называемым сасанидским орнаментальным кругом, составленным из отдельных горошин с заполнением центра растительным орнаментом. Мотив орнамента налеха среднеазиатский, в то время как черепица и сами налепы дальневосточного происхождения. И здесь, как в оссуариях Сарыга, сказался синкретизм двух культур. Если в первом случае мы имели скрещение культуры тюрков-кочевников и среднеазиатских иранцев-согдийцев, то здесь мы имеем скрещение культуры китайской и среднеазиатской.

К предметам, созданным в результате такого скрещения культуры, следует отнести и находки внутри помещения. Так, здесь были найдены фрагменты керамики трех типов: 1) среднеазиатская типичная керамика XI—XII вв. — белая полива с подглазурным коричневого цвета буквенным орнаментом; 2) фрагменты больших сосудов, типа хумов, с двухсторонней поливой (коричневого цвета) — хархотинская керамика и, 3) керамика сунская, китайского происхождения — белая с голубыми разводами, «предфаянсового» типа.

В здании были найдены караханидские монеты XI—XII вв. и китайские монеты времени «Кай Юань» (713—741). Этот тип монет продолжал бытовать вплоть до монголов. Упомянем также находки китайских вещей из нефрита, среднеазиатской керамики, в частности, серии крупных сосудов, стоявших у очага раскопанного здания. Отметим еще, что на одной черепице имеется уйгурская небольшая надпись, сделанная ногтем по сырой (до обжигания) черепице. Вероятно это подпись мастера. На вто-

рой черепице обнаружена санскритская надпись, на других — различные орнаментальные мотивы.¹

Функции здания еще трудно установить. Возможно, что раскопки вскрыли часть дворца киданьских гурханов, хотя малый объем комнат и их большое количество склоняют к мысли, что здесь был скорее всего монастырь. В том или ином случае (окончательное суждение о функции постройки мы очевидно вынесем после окончания раскопок) — это здание и буддийская часовня принадлежат к постройкам XII в. и связаны со временем господства в Средней Азии киданей или каракитаев, чьей столицей в этот период и был Баласагун. Этим самым определяется большое научное значение раскопанных объектов. Буддийская часовня является первым целиком раскопанным памятником восточно-туркестанского буддизма XII в.

Раскопки на Баласагуне впервые дали большие коллекции предметов киданьской культуры, совершенно еще неизвестных науке. Следует вспомнить, что письменные источники очень мало говорят о западных киданях или каракитаях, и поэтому археологический материал по мере его поступления будет занимать все более и более значительное место в области знакомства с этой культурой. В этом свете становится особо ясной ценность работ 1940 г., которые произвели первый существенный вклад в разрешение киданьского вопроса.

Исследования 1940 г. окончили разведочный этап работ в Северной Киргизии и начали развернутую стационарную раскопную деятельность, сразу давшую науке богатый, порой уникальный материал.

Глава II

РАСКОПКИ ГОРОДОВ САРЫГА, БАЛАСАГУНА И ЯКАЛЫГА

А. САРЫГ (КРАСНОРЕЧЕНСКИЕ РАЗВАЛИНЫ)

(Табл. VI—XVII)

§ 1. СОГДИЙСКИЙ ЗАМОК

(Раскоп I; табл. XIV, XV)

Раскоп I был заложен на искусственном холме — тепе, расположенном на юг от стен шахристана (X—XII вв.) города Сарыга, на расстоянии 1 км от его южной стены. На запад от раскопа в меридиональном направлении идут остатки построек улицы рабада X—XII вв., на север — группа тепе аналогичного типа, на юг — квадратные в плане тепе му-

сульманского периода, на восток идет резкое понижение местности, образующее небольшую впадину, в которой в 100—150 м от раскопа подходит современный арык.

Тепе, где заложен раскоп, является холмом в среднем 4 м высоты, вытянутым с севера на юг. Наибольшая протяженность с севера на юг — 56 м, с востока на запад — 28 м. Южная его часть, наиболее высокая, по форме напоминает урезанную пирамиду, верхняя площадка, прямоугольная, имеет размеры 6 × 10 м. Северный и южный склоны пологи, восточный и западный — крутые. С севера к вы-

¹ Настоящая глава содержит систематизированные извлечения из полевых дневников, обработанных участниками экспедиции: Е. И. Агеевой, И. К. Бенедиктовым и Л. Г. Розиной.

¹ А. Бернштам. Новые эпиграфические находки в Семиречье. Эпиграфика Востока, II.

сокой части тепе примыкает более низкая, как бы приплюснутая (1.5—0.8 м) площадка. Она имеет неправильные очертания и, продолжаясь на север, образует уступ, после которого, плавно понижаясь, сходит на-нет, примыкая к северной группе тепе. С запада и востока проходят современные арыки, которые почти не нарушили культурного слоя (см. план).

В середине пониженной северной площадки, там, где она образует уступ, еще в десятых годах XX в. местными крестьянами-переселенцами был сделан «раскоп». «Раскоп» этот представлял яму небольших размеров (2 × 2 м), неправильной формы, глубиной около 1—1.5 м, врезающуюся в зороастрийское кладбище. Как сообщают современники этого раскопа, тут было добыто и уничтожено много оссуариев, среди которых, судя по оставшимся тут же фрагментам, были как овальные семиреченского типа оссуарии, так и прямоугольные. Работы на раскопе I начались с зачисток этого «раскопа», а затем были продолжены вдоль всего тепе. В итоге экспедиционных работ 1939 и 1940 гг. было вскрыто все тепе и примыкающая к нему площадка. В результате выяснилось, что само тепе представляет собой укрепленную усадьбу; нижняя же площадка — дворик с хозяйственными постройками и зороастрийским кладбищем. В итоге двухлетних работ вскрыто 90 погребений. Погребения встречаются во всех горизонтах тепе, начиная от подошвы замка до самой высшей точки тепе как в северной, так и в южной его части. Захоронения были вскрыты и в развалинах самого замка. Большое число погребений встречено у северной стены замка, где к нему примыкали хозяйственные надворные постройки, и в самой северной части тепе, где найдено 55% всех погребений и большое количество фрагментов оссуариев.

Стратиграфически и типологически погребения можно разбить на 5 групп:

1. Захоронения в оссуариях.
2. Захоронения в хумах.
3. Захоронения переходного типа.
4. Вытянутые костяки без перекрытия из кирпичей.
5. Вытянутые костяки с перекрытием из кирпичей.

Перейдем к рассмотрению каждой из групп:

1. Захоронения в оссуариях

Оссуарии представлены двумя типами: прямоугольные и овальные.

а) Прямоугольные оссуарии:

Найдены лишь в фрагментах всего 3 экземпляра:

- 1) дно — тесто плотное, красное, толщина 1.5 см, к поверхности как с внутренней, так и с внешней стороны пристал крупный песок, внешняя сторона стенки оссуария ангобирована;

- 2) боковина (вероятно, задняя стенка, так как отсутствует орнамент) — поверхность темно- и светлорычневой окраски. Верхняя площадка фрагмента (закраина) имеет ширину 2 см, толщина стенок 1 см;

- 3) боковина с орнаментом — тесто плотное, хорошего обжига, поверхность бордово-красная. Налепом с углублениями сделана арочка, от которой сохранилась лишь часть. Налепом же в виде круглых лепешек сделаны розетки. Наверху закраины сохранились зубчики типа «сасанидских городков». По фасу фрагмента выполнено рельефом распростертое крыло птицы. Необходимо отметить, что в подъемном материале с городища был встречен один фрагмент прямоугольного оссуария со специальными наделом-площадкой внутри для крышки.

В литературе известен лишь один случай публикации прямоугольных оссуариев из районов северной Киргизии — это публикация В. В. Бартольда.¹

Хронологически прямоугольные оссуарии должны предшествовать овальным, так как последние являются лишь видоизменением прямоугольных оссуариев, привезенных сюда, в Семиречье, согдийскими колонистами.²

б) О в а л ь н ы е о с с у а р и и:

Этот тип представлен 3 целыми оссуариями и 74 фрагментами. Два больших по размеру оссуария были откопаны в северной части тепе, в 3.5 м от самой северной точки и в 0.5 м от западной линии, на глубине 4.5 м от высшей точки тепе и около 1.5 м от поверхности нижней площадки тепе. Стояли они рядом таким образом, что их орнаментированные стороны не соприкасались и были обращены на север. Почва под оссуариями твердая, а засыпаны они мягким лёссом без остатка самана. Крышки слегка сдвинуты, кости внутри тоже засыпаны мягким лёссом; кое-где непосредственно около костей замечен слой серого речного песка. На уровне крышек оссуариев лежал костяк, ориентированный по линии С—Ю, головой на С, лицом на З, череп лежал на крышке одного из оссуариев, ноги слегка скрещены, по положению костяка чувствуется небрежность захоронения. Под костяком тонкий (1.5—2 см) слой серого речного песка. Возможно, что это захоронение раба, зависящего человека, связанного с людьми, захороненными в оссуариях или более позднее впускное погребение.

Оссуарии имеют почти правильную овальную форму, крышки овально-конические, с ручкой, сплошь покрытой орнаментом. На оссуариях орнаментом покрыта лишь одна длинная сторона. Размеры их таковы: 1) длина 56 см, ширина 27 см; 2) длина 58 см, ширина 33; высота обоих оссуариев с крыш-

¹ ИРАИМК, т. II, 1922.

² А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 58.

ками 45 см, без крышек 29 см. У самой закраины боковины идет орнамент в виде крестиков, напоминающий кереге современных юрт, ниже налlep в виде жгута, как бы веревка опоясывающая и скрепляющая юрту (боо); далее вниз, до самого дна, орнамент елочкой образует рисунок из двух арок, разделенных «древом». Орнамент нанесен режущим инструментом по сырой глине.¹ Крышки оссуариев плотно прилегают к закраинам. Оссуарий несомненно ручной работы: во многих местах сохранились следы от нажимов пальцами. Дно плоское, с остатками прилипшего крупного речного песка. В середине коротких сторон оссуария, недалеко от закраины, находятся отверстия, по одному с каждой стороны, диаметр 2—2.5 см.

Третий, детский оссуарий находился в 3 м южнее больших и на 40 см выше. Размеры его таковы: длина 47 см, ширина 26 см, высота 36 см. У этого оссуария отверстия сделаны на длинных сторонах, в виде стилизованных колонок с капительями.

Порядок укладки костей в оссуариях таков: сначала клались длинные кости рук и ног, затем крупные кости скелета (тазовые, лопатки), затем мелкие кости, ребра, а сверху череп глазницами вверх. По определению Е. Жирова, костяки принадлежали среднеазиатским длинноголовым иранцам, мужчине и женщине, свыше 60 лет, и ребенку 6—8 лет.

Кроме двух целых оссуариев, было обнаружено большое, как уже говорилось выше, количество фрагментов оссуариев — 74 фрагмента. Все эти фрагменты можно разделить на 5 групп:

1) боковины оссуариев, орнаментированные елочкой или параллельными линиями, сделанными насечкой. Все эти фрагменты ручной лепки, толщиной 1—1.5 см;

2) неорнаментированные закраины оссуариев. Часто поверхность залощена или ангобирована. Плоскость закраины гладко срезана и не имеет ни утолщений, ни изгибов, ни пазов;

3) фрагменты с налeпами жгутом и лентой с кружковым орнаментом и боковины с таким же орнаментом. Налeпы делались из отдельной ленты глины, шириной 2—3 см, толщиной 1 см, которая прилеплялась затем к тулову оссуария;

4) налeпы различных форм без орнамента;

5) боковины с отверстиями. Отверстия различного диаметра (от 0.8 см до 2.8 см) и различной формы (правильный овал, правильный круг и приближающиеся к нему геометрические фигуры).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что здесь преобладают оссуарии овальной формы. По орнаментовке же намечаются пока две разновидности оссуариев: 1) тип орнамента, встреченный нами на целых оссуариях, 2) орнамент с налeпами и кружками.

Все фрагменты оссуариев найдены в самой удаленной от замка части двора. Ближайший к замку фрагмент найден в 16 метрах. Все оссуарии и большинство фрагментов находятся на самом низком горизонте тепе, несколько ниже уровня подошвы замка. Нахождение фрагментов в более высоких слоях можно объяснить нарушением культурного слоя грабительскими раскопами и позднейшими захоронениями.

Таким образом, вскрытое зороастрийское кладбище являлось местом погребения людей, по видимому, живших в замке, и располагалось в наиболее удаленной части дворика. Кладбище было небольших размеров, едва ли количество оссуариев превышало 30—40 штук. Это — «фамильное» кладбище владельца замка и его семьи.

Кладбище очень интересно тем, что оссуарии, найденные нами, прекрасно отразили скрещенные культур оседлой и кочевой, согдийской и тюркской. Этим объясняется форма оссуариев: вытянутая, еще близкая к прямоугольнику, она уже начинает округляться и скорее напоминает кибитку кочевника, чем дом оседлого жителя. Изменяется и орнамент: изображения людей, стоящих под арками и несущих дары покойнику, типичны для оссуариев Согда; они сменяются схематическим рисунком, в котором арочки еще сохраняются, но они уже не реалистичны и не значимы; сочные плоды, гроздь винограда, изображенные на согдийских оссуариях, заменены скупыми линиями, напоминающими скорее голые стебельки в сухой пустыне. Изображение человека исчезает совершенно. Зато появляются элементы новой культуры: налeпной жгут, идущий по верхней части оссуария, напоминает веревку, стягивающую юрту, а орнамент, расположенный выше жгута, напоминает кереге у современных юрт. Но, как уже отмечалось, костяки принадлежат среднеазиатским иранцам, кроме того, орнамент кружочками и налeпами на фрагментах овальных оссуариев созвучен еще согдийской «сасанидской» культуре. Следовательно, налицо смешение противоположных культур. Объяснение этому нетрудно найти в политической и экономической жизни этого периода.¹

2. Захоронения в хумах

Всего нами было вскрыто 6 захоронений в хумах. Можно заметить 2 разновидности захоронений: 1) захоронения взрослых людей в собственно хумах; 2) захоронения, в основном детские, в котлообразных горшках. Кроме целых сосудов было найдено 39 фрагментов. Из них фрагментов хумов 23 и фрагментов котлообразных сосудов 16. Три фрагмента ху-

¹ А. Бернштам, ук. соч., табл. IV—V.

¹ А. Бернштам, ук. соч., стр. 58. Ср. его же статью в РСИИМК, VI.

мов и котлообразных сосудов встречены и в замке. Конечно нельзя с определенностью утверждать, что все фрагменты принадлежали сосудам, в которых были захоронения, однако, эти находки могут служить косвенным подтверждением наших догадок относительно типов захоронения. В фрагментах сохранились, главным образом, венчики от обеих форм, а также донья хумов.

Разберем разновидности этой группы:

1) Захоронение в хумах взрослых людей. Наиболее типично раскопанное в 1939 г. захоронение в хуме с орнаментированной крышкой. Оно находилось на глубине 1.14 м от поверхности тепе, в северной его части. Хум стоял в мягкой засыпи лёсса, несколько накрившись. Нижняя часть хума очень плохо сохранилась — он расслоился. Лучше сохранилась верхняя часть, хотя и она была раздавлена землей. К горлышку плотно прилежала крышка. Высота хума 45 см, наибольший диаметр 40 см, диаметр горлышка 18 см. Тесто плотное, без дресвы, толщина стенок 1.4 см. Стенки ко дну сходят на конус, дно плоское. Поверхность хума ангобирована и замазана. Венчик отогнут, и по его внешнему краю идет орнамент, сделанный вдавливанием пальца. Сосуд сделан на гончарном круге. Крышка имеет диаметр 24 см, толщину 0.8 см, тесто менее плотное, худшего обжига, чем тесто хума. В центре крышки находится плоская ручка. Вся внешняя поверхность крышки орнаментирована, орнамент делался по сырой глине примятием пальцем и палочкой. Кроме того, особым орудием сделан кружковый орнамент. Рисунок растительного характера. Все линии орнамента расположены только в радиальном направлении, и все они как бы связаны в пучки. Между шестью широкими полосами с двумя рядами ямок расположены витые волнистые линии. Поверх этого рисунка нанесён орнамент кружочками, ряд которых, перебиваясь у ручки, идет также в радиальном направлении. Закраины крышки орнаментированы также волнистыми линиями.

Костяк в хуме сохранился очень плохо, все кости превратились в труху.

В отличие от только что описанного хума, в других хумах (раскопки 1940 г.) сохранились хорошо нижние части и совершенно отсутствуют крышки, венчики и верхняя часть. Все они приблизительно одинаковых размеров, наибольший диаметр около 45—50 см, толщина стенок 1—1.5 см, сохранившаяся высота 50—55 см. У одного хума сохранилась часть венчика, диаметр его 22 см. Следовательно, по основным размерам, эти хумы близки к первому. Костяки в этих хумах сохранились хорошо, лучше всего черепа.

2) Детские захоронения в котлообразных сосудах (2 захоронения). Одно помещалось близко к северной стенке замка, на глубине 3.7 м от высшей точки тепе. Горшок слегка

овальный, с очень тонкими стенками (0.3—0.4 см), с венчиком, слегка отогнутым кнаружи. Наибольший диаметр 40 см, высота 25 см. Дно сосуда закопчено, вероятно он был раньше в употреблении. Костяк принадлежит ребенку не старше 5—6 лет.

Второе захоронение расположено очень близко от первого. Сосуд той же формы, только венчик загнут внутрь и на стенках сосуда сделаны ложные ручки в виде налепов из тонких ленточек глины. Здесь лежал также костяк ребенка 5—6 лет. Сосуд не закопчен.

Оба сосуда были заполнены мягким лёссом.

Захоронения в котлообразных горшках полностью аналогичны захоронениям в хумах и по способу и стратиграфически. Они располагаются в том же слое. Форма сосудов свидетельствует лишь о несколько более позднем времени. Создается впечатление, что для детей этот способ захоронения сохранился позднее VI—VIII вв.

Следует отметить, что этот тип захоронений встречается в слое, следующем за слоем, который содержал оссуарии.

Кости во всех хумах и котлообразных горшках расположены таким же образом, как и в оссуариях, т. е. внизу лежат длинные кости, затем все остальные и на них череп, глазницами вверх.

Все захоронения в хумах и котлообразных сосудах расположены близко к стенам замка, что указывает на то, что захоронения совершались после того, как замок был покинут его обитателями. Форма хумов, орнаменты крышек и котлов дают возможность датировать всю эту группу захоронений VIII—IX вв.

Захоронения в хумах известны в Средней Азии, упомянем хотя бы раскопанное Г. В. Григорьевым, Фринкентское костехранилище, которое он датировал XIII в.¹

3. Захоронения переходного типа

Раскопками 1940 г. раскрыты всего 4 таких захоронения. При этом типе захоронений на слегка утрамбованной почве кости скелета бывали аккуратно сложены в кучу. Продолжая старую традицию, вниз клали длинные кости, а сверху череп. Сбоку или сверху кости прикрывали либо большим жженым кирпичом, либо большим фрагментом боковины хума. Порядок расположения костей свидетельствует, что так кости могли быть сложены только после того, как их очистили от мягких тканей. Захоронения этого типа расположены выше, а частично на одном уровне с хумными захоронениями. Возможно, что они синхронны хумным захоронениям и только отчасти бытуют позднее их. Поэтому предположительная дати-

¹ Г. В. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент. ВДИ, 2, 1939, стр. 144—150.

ровка их: IX—X вв. Генетически они связаны с предыдущими двумя типами захоронений. В основе лежат те же принципы:

1) до погребения кости очищались от мяса различными средствами (труп оставляли на съедение хищным животным, пт ц м, подвергали действию атмосферных осадков и солнца);

2) очищенные кости складывались в определенном порядке в сосуд (подобие обычного жилища). Сначала это прямоугольный оссуарий, затем овальный, затем круглый хум, и, наконец, кости просто складываются и прикрываются жженым кирпичом. Воплощенный в глине символ посмертного жилища, бывшего когда-то копией прижизненного, отмирает, разрушается, остается пережиток обычая, значение которого едва ли уже осознается.

4. Вытянутые костяки

К этой группе относится подавляющее большинство погребений (73 из 90). Из этих 73 костяков 41 не нарушены или слегка нарушены, но сохранили полностью кости и порядок их расположения. 17 костяков сильно нарушены: отсутствует либо череп, либо большое число других костей, причем кости лежат в таком беспорядке, что ориентировку и положение костяков установить невозможно. Все они сгруппированы в одном месте — в северной части тепе, в верхнем горизонте. Ниже мы описываем только ненарушенные костяки этого типа захоронений. Костяки лежат, как правило, на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Большинство (10 костяков) ориентировано по линии С—Ю, головой на С (18 костяков), в 12 случаях наблюдалось небольшое отклонение на З; в 8 случаях лицо повернуто на З, в остальных — глазницы обращены вверх. Лишь в одном случае костяк, ориентированный по линии С—Ю, лежал головой на Ю. Этот костяк был окружен плотно сбившимся рушеным саманом. Возможно, могила врезалась в остатки постройки. Другая группа костяков (10) ориентирована по линии З—В, головой на З. Из них необходимо особо отметить 6 костяков, лежащих на одном уровне, на небольшом расстоянии друг от друга, почти вплотную, у северной стены зámка, на глубине 2.5 м от высшей точки тепе. Под некоторыми из них насыпан тонкий слой серого речного песка. Возможно, это одновременное захоронение связано с каким-то бедствием, постигшим население (война, эпидемия).

Лишь в пяти погребениях этого типа имелся инвентарь. Большинство погребений с инвентарем (4 из 5) расположено уже на самой верхней части тепе, на развалинах зámка. Одно погребение с инвентарем расположено в северной части тепе на глубине 1.2 м. С левой стороны костяка, в 25—30 см от него, найдены две монеты — китайская и тюргешская — и электровый брактеат (табл. L, 3).

На вершине холма, в зámке, в комнате № 8 (см. план зámка), в 1 м от северной стены и 1.45 м от восточной стены, около костяка, ориентированного по линии С—Ю, найдена бронзовая серьга, разломанная на три части, диаметр ее 2 см, толщина 1.5—2 мм.

В комнате № 2, в 3 м от северной стены, ближе к восточной стене комнаты, на глубине 0.85 м, лежал костяк, ориентированный по линии С—Ю, около него обнаружены две тюргешские монеты.

У порога, разделяющего комнату № 1 и комнату № 3, на глубине 1.6 м, находился костяк, около него одна бусина, плоская, синего цвета, в середине отверстие для нанизывания.

В комнате № 5, у южной стены, на глубине 1.5 м — костяк, ориентированный по линии С—Ю, около него медная серьга, в виде свернутого в кольцо кусочка медной проволоки (два обломка, один из них имеет на конце бусину из белой пасты) и кусочек железа, не имеющий определенной формы. Там же найдена боковина с ручкой от тонкостенного, хорошего обжига, кувшинообразного сосуда типа кумгана.

То обстоятельство, что погребения с инвентарем расположены на развалинах зámка, заставляет датировать их наиболее поздним временем, т. е. X—XI вв., быть может, XII в. Небольшая глубина захоронений (0.55—0.85 м) говорит о том, что развалины зámка были уже сильно занесены землей. Это лишний раз подтверждает позднюю дату этих погребений. Погребения с инвентарем этого периода были раскрыты на раскопе III.¹

Погребения четвертой группы не сосредоточены где-либо в одном месте, они встречаются по всему тепе. Наибольшее скопление их замечено в средней части нижней площадки и непосредственно у северной стены зámка. Глубина залегания этих погребений разнообразна, есть погребения (6 случаев), расположенные почти на уровне оссуариев, но все же основная часть находится выше всех предшествующих видов захоронений. С глубины 3 м (от высшей точки тепе) и до поверхности бугра они являются единственным типом захоронения.

5. Вытянутые костяки с перекрытием из саманного кирпича

Погребений этого типа раскрыто 4, из них 3 очень плохой сохранности, полуразрушенные, так что с трудом можно было восстановить первоначальное положение покойника. Хорошо сохранилось лишь одно погребение. Захоронения этого типа производились следующим образом: на заровненную почву укладывали кирпичи в один ряд, края могилы также выстилала одним рядом кирпичей; по-

¹ См. § 5 этой же главы.

койного помещали в могилу в вытянутом положении и возводили над ним двухскатную крышу из кирпичей, поставленных по отношению друг к другу так, что, соприкасаясь углами, они составляли над трупом перекрытие под углом 45° . Ко времени наших раскопок кирпичи, составляющие перекрытие, частично упали, полностью перекрытие сохранилось только над половиной костяка. Общие размеры погребального сооружения следующие: высота 0,55 м, длина 1,9 м, ширина 0,8 м. Все кирпичи саманные, темнокоричневого цвета, размер их $40 \times 18 \times 9$ см. В изломе заметны следы камыша и курая.

В погребальных сооружениях описанного типа 2 костяка были ориентированы по линии С—Ю, головой на С, с легким поворотом на Э и два костяка — по линии З—В, головой на В. Инвентарь при погребениях не найден.

Погребения пятой группы залегают на одном уровне с погребениями четвертой группы и частично выше их. Следовательно, даже если судить только по стратиграфическому положению, эти погребения синхронны и несколько позднее погребений четвертой группы. Поэтому их можно датировать XII в., быть может, началом XIII в. Аналогичные погребения раскрыты в раскопе I на городище Кысмычи.

Раскопки на кладбище г. Сарыга позволяют сделать следующие общие выводы. Кладбище г. Сарыга дало пять типов захоронений, начиная с оссуарных погребений V—VII вв., кончая караханидскими погребениями XI—XIII вв.

Материал раскопок позволяет проследить эволюцию погребального обряда оседлого населения Чуйской долины. То, что погребения совершались около древнего согдийского замка, дает некоторые опорные пункты для датировки различных видов погребений. Другим датирующим материалом являются монеты, а также инвентарь, обнаруженный при костяках.

Характерно нарастание количества погребений, что, конечно, объясняется ростом населения в этих местах. Если жители замка хоронили своих умерших в оссуариях, то вполне возможно, что поздние погребения XI—начала XII вв. были произведены людьми, жившими в близлежащем квартале рабада, одну из построек которого вскрыл раскоп V.

Перейдем ко второму разделу раскопа I — раскопкам замка. Раскопки верхнего тепе выявили здание типа согдийских кешков. К нему примыкал небольшой, также обнесенный стеной, двор (нижняя площадка), часть его занята семейным кладбищем (оссуарии). Стены здания начали выявляться сразу по снятии дернового слоя. Сначала шел небольшой слой рухнувших саманных кирпичей (остаток крыши), а затем обнаружилась стена одной из комнат. Расчисткой вдоль этой стены был раскрыт весь строительный комплекс здания (план и раз-

резы на табл. XV). Общая картина его такова: северная половина представляет собой три длинные вытянутые по линии С—Ю комнаты, длина их 8 м, ширина 2,35 м. Западная и средняя комнаты совершенно одинаковы, у восточной комнаты одна из стен очень плохо сохранилась, тем не менее удалось установить, что размеры ее те же. Перпендикулярно этим комнатам идет комната № 3, которая разделяет северную и южную половины здания. Южная половина, в общем, аналогична северной, за исключением комнаты № 6, которая имеет ломаный периметр стен. Внешние стены здания не зачищались, только для контроля были проложены с южной и западной стороны траншеи, которые выявили кладку глинобитной внешней стены. Выявленная в нижнем раскопе стена, вероятно, являлась продолжением одной из стен замка, а сама площадка нижнего раскопа была местом служебных построек и дворика. Таков общий план раскопанного замка. Здание имело коробовые своды (об этом говорит удлиненная форма комнат), в комнате № 5 частично сохранился потолок, а в ряде мест — нижний ряд кирпичей свода. Свод опирался на большие глинобитные блоки, размер которых в среднем $1 \times 1 \times 1,2$ м или $0,9 \times 0,8 \times 1$ м. Высота блоков колеблется от 0,8 м до 1,2 м. Блоки лежат на сырцовой (или саманной) кладке. Кладка эта в большинстве случаев, как материал более слабый, осела и разрушилась. Полы ни в одной из комнат не сохранились. Чтобы обнаружить их следы, были заложены 3 шурфа в комнатах №№ 2, 3, 5. Шурфы дали следующую картину: сначала шла полурухнувшая кладка, далее рухнувший саман до самого материка (лёсс). Размер кирпичей самый разнообразный: для кладки применялись и квадратные плиты толщиной 6—8 см, со стороной от 22 до 25 см и продолговатые — длиной 26—28 см, шириной 10—13 см или 8—10 см. Жженого кирпича почти нет. Несколько осколков попались только в завале рухнувшего самана. Необходимо отметить, что квадратный кирпич применялся в строительстве чаще. Кирпич очень хорошо просушен, крепкий. Глинобитные блоки настолько прочны, что их удается разбить киркой только после нескольких сильных ударов. Кирпич клался на простой глине.

Открытые раскопками комнаты имели следующий вид:

Комната № 1 — длина 8 м, ширина 2,3 м. Прекрасно сохранилась восточная и южная стены, под блоками хорошо видна идущая ниже кладка кирпича. Над блоками только в южной части лежит слой кирпичей. Северная стена средней сохранности, западная плохой, так что трудно разобрать где блоки, где кладка. При входе в эту комнату лежал костяк, вероятно детский. Около костяка была найдена синяя бусина (пастовая). Зачищенные стены имели высоту 1,5 м.

Комната № 2 — размеры такие же, как в комнате № 1 (8 × 2.3 м).

Здесь стены расчищены на глубину 2.5 м, благодаря чему обнажилась кладка под блоками. Кладка очень плохой сохранности, более отчетливо она видна в западной и северной стенах. В южной стене, где имеется выход из комнаты, кладка идет также и под выходом, что служит доказательством многэтажности здания. Восточная стена разрушена. Северная стена состоит из двух полных блоков и двух частей блоков. Блоки невысокие, под ними идет хорошо сохранившаяся кладка (здесь и был заложен шурф для отыскания следов пола, о котором говорилось выше). Южная стена состоит из двух блоков, между которыми находится вход в комнату, над этими блоками сохранился слой кирпичей — остаток от свода. При входе в комнату также лежал костяк.

Комната № 3 — длина 11.8 м, ширина 2.7 м. Это средняя комната, соединяющая северную и южную половины здания, она имеет 5 входов. Стены хорошо сохранились. Блоки крепкие, так что даже углы совершенно не разрушены. Восточной и западной стен не обнаружено, очевидно это был открытый дворик (терраса); в этом помещении также был заложен шурф, который обнаружил несколько человеческих костяков и сосудов. Выходы из помещения ведут в комнаты №№ 1, 2, 4, 5, 6 и вероятно в комнату № 8.

Комната № 4 — ширина 2.1 м. Северная стена и северные части восточной и западной стен хорошей сохранности, южная стена была сильно разрушена. Продолжая раскоп, в 3.9 м от северной стены мы наткнулись на плотный массив лёсса; возможно, южную стену составляла внешняя глинобитная стена, которая обходила вокруг всего замка, так как след за этим плотным массивом шел мягкий грунт.

Комната № 5 — длина 8.5 м, ширина 1.9 м. В северной половине стены прекрасно сохранились; два угла комнаты совершенно не разрушены, стены сходятся точно под прямым углом. Западная и восточная стены хорошо сохранились только на протяжении 4.5 м. Ближе к южной стене они почти совсем разрушены; южная стена также плохой сохранности. На восточной стене этой комнаты сохранился участок с частью коробового свода, границы свода видны четко, свод лежит непосредственно на блоках, выступая на 3—4 см. Всего сохранилось 5 слоев кирпичей свода, размер кирпичей — длина 22—28 см, толщина 7—9 см. Техника кладки свода такова — кирпичи клались широкой плоскостью вдоль, следующий ряд выступал слегка над нижним и так далее; такой способ кладки и образовывал свод. За южной стеной была проложена траншея, чтобы выяснить, существовала ли внешняя стена.

Комната № 6 — имеет ломаный периметр стен. Западная стена не имеет выступа, образующего вход. У восточной — блок, образующий вход, несколько велик по отношению ко всем вышеописанным комнатам, стена идет прямо на протяжении 1.6 м и поворачивает на восток. Западная стена упирается в кладку, идущую перпендикулярно западной стене, затем поворачивает на юг и идет параллельно западной стене (см. план).

Комната № 7 — западная стена плохой сохранности, она сложена из кирпичей, а не блоков (возможно, это следы ремонта здания), восточная стена наполовину состоит из кладки сырцового кирпича и наполовину из блоков.

Комната № 8 — сохранилась плохо, уцелела только западная стена, фрагментарно северная и части восточной стены. Вход намечается, но тоже крайне неясно. Эта часть здания наиболее разрушена, она образует склон тепе.

Углубления раскопа в комнатах №№ 3, 4, 5, 6, 7 сделаны на 1.2—1.5 м. Здание было обнесено внешней глинобитной стеной, которая прерывалась только в одном месте: в комнате № 2 был выход во двор к хозяйственным постройкам. От выхода идет покатая кладка из саманных кирпичей толщиной 0.4 м. Общая сохранившаяся высота стены 1.7 м, ширина основания 1.25 м, кверху стена суживается. На 50 см ниже от сохранившегося верха стены идет ряд бойниц, расстояние между ними 70—90 см, длина их 60—65 см, ширина 10 см. Прорезаны они слегка наискось.

Все хозяйственные постройки замка находились в юго-восточном углу двора и очевидно также были окружены стеной, остатки которой прослеживаются в виде разрушенных саманных блоков. Конфигурацию этих построек выяснить не удалось, так как весь строительный комплекс был сильно нарушен позднейшими захоронениями.

Итак, весь комплекс укрепленной усадьбы представляется в следующем виде: дом — удлиненное двухэтажное здание с коробовым сводом, внутренность комнат освещалась очевидно через отверстия в сводах и через комнату-террасу (комната № 3), стены нижнего этажа сложены из кирпичей, верхний этаж, более уязвимый для вражеского нападения, имел стены из саманных блоков. Все здание обнесено глинобитной стеной с бойницами, стена эта имеет выход к хозяйственным постройкам, которые в свою очередь обнесены также стеной. Здесь же, во дворе, в самом дальнем его углу находилось и «фамильное» зороастрийское кладбище. Дом был, очевидно, добровольно и мирно покинут его обитателями, так как при раскопе почти не обнаружено остатков материальной культуры, синхронных постройке здания.

§ 2. ШАХРИСТАН

(Раскопы II и IV; табл. X, 3; XVI, 6)

К грандиозным развалинам питадели города Сарыга с запада примыкает возвышенная площадка. На ней было произведено два раскопа — II и IV. Как выяснилось, местные жители рыли здесь котлованы и выбирали жженый кирпич. Раскоп II, расположенный к востоку от такого котлована, вскрыл часть большого здания со стенами из сырцового и полом из жженого кирпича. Остатки этой постройки представляют прямоугольное тепе, с пологой впадиной посредине, размером 10×10 м, западную половину которой и вскрыл раскоп. До глубины 0.75 м в рыхлом слое попадались очень незначительное количество мелко битых фрагментов неполивной керамики. Под верхним слоем запыля разрушенного здания находился слой утрамбованной глины с большим содержанием древесного угля. На глубине 1.30 м был обнаружен пол здания из жженого кирпича. Здесь ясно прослеживаются следы пожара, пол покрыт золой, пеплом и обгорелым разрушенным кирпичом. В северной части раскопа на полу лежали остатки обугленных балок и испепеленных камышевых циновок (возможно, буйра). Отпечатки плетения сохранились на глине, покрытой пеплом, смешанным с остатками камыша. Квадратные кирпичи пола (размером $23 \times 23 \times 4$ см) лежали аккуратными рядами, а в центре раскопа шли два параллельных ряда из прямоугольных кирпичей (размером $31 \times 17 \times 4$ см) на расстоянии 1.60 м друг от друга, образуя как бы дорожку. Кирпичи красного и светложелтого обжига. На поверхности многих кирпичей сохранились волнообразные или прямые полосы, вдавленные пальцами на сырой глине до обжига кирпичей. Южная стена раскопа совпала с внутренней гранью глинобитной стены постройки. Стена покрыта бурой обмазкой со следами побелки. Юго-западная траншея, шириной 1.60 м, прорезала западную стену здания. В северной прирезке так же ясно видна кладка стены (из сырца, размером 26×9 см и 21×8 см), по всей вероятности, являющейся северной стеной этой постройки. Помещение было украшено резным гипсовым штукатуром с сохранившейся красной раскраской. Большой интерес представляют найденные среди обугленных балок и золы фрагменты профилированных карнизов с зубцами, бордюров с желобками, двойные жгутовые пояски и проч. У южной стены на кирпичном углу найдена тюркешская монета и железная черенковая стрела, ромбическая в сечении. Еще одна такая же стрела найдена у обугленных балок в северной части здания. Керамические находки незначительны — полива, в основном, представлена мелким боем. Все фрагменты, кроме одного, довольно крупного от кесы белой поливы, представляют

лишь небольшие осколки пиал и кес с белой поливой и черной редко расположенной росписью в виде точечной и стилизованной буквенной орнаментации. Найдено также несколько фрагментов светлокоричневой поливы:

В юго-западной траншее граница пола из жженого кирпича проходит по наружной грани стены, т. е. сырцовая стена сложена по кирпичному фундаменту, что является типичным строительным приемом того времени. За этой стеной — другое помещение с глинобитным полом, на котором найден железный широкий низкий, круглый в плане, проржавевший сосуд (диам. 15 см, высота 4 см) с частью ручки. Он был наполнен сгоревшими зернами пшеницы. Над ним, в южном обрезе раскопа, на глубине 1.25 м располагался очаг (тандыр), высотой 0.60 м. Несколько западнее тандыра, вдоль наружной грани сырцового пола, проходил неглубокий желобок, в нем лежала обгоревшая деревянная доска шириной в 16 см. Западные этого желобка постройки не прослеживаются. Очевидно глинобитный пол является остатком айфона. В этой траншее найдены: неполивной (почти целый) светильник, представляющий собой плоску с невысоким бортиком и носиком; часть узкогорлого кувшина с выпуклым пояском по горловине и вертикальной ручкой, вверху ручки имелось отверстие проходящее насквозь — через ручку и сосуд; фрагменты неполивных котлообразных сосудов и широких тазообразных с волнистой линией по бортику; фрагменты от хумов с отогнутым венчиком; фрагменты «сковород», крышек, донца с подставкой, фрагмент сферокуруса и проч. Найден также фрагмент неполивного сосуда со врезным штампованным орнаментом в виде розеток, треугольников, S-образных поясков и фрагмент с врезным орнаментом, весьма похожим на концы птичьих перьев. Следует отметить еще одну находку, стоящую совершенно особняком. В выбросе из верхних слоев северной части раскопа был найден фрагмент узкогорлого кувшина с верхней частью широкой вертикальной угловой, эллипсоидной в сечении, ручки (высота горловины сосуда 6.5 см, ширина ручки — у горловины 6 см, посредине 5 см). Судя по ручке, сделанной из глины светложелтого цвета, сосуд лоценовый (табл. X, 3). Ручка украшена тремя налечами. Два налеча, покрытые глубокой резьбой, находятся по бокам, у самой горловины, и представляют собой две стилизованные ветки. Третий налеч, в виде овального медальона с горельефной человеческой фигуркой, помещен посредине ручки в месте перегиба ее книзу. Все три налеча одной длины — 4 см, ширина веточек по 2 см, медальона с фигуркой — 1.6 см. Штампованная фигурка на медальоне сделана несколько схематично — на крупном овальном лице обозначен только нос, тюрбанообразный головной убор примят вверху, на лбу повязка. Левая рука с каким-то предметом вроде па-

лочка, поднята вверх, правая рука, держащая такой же предмет, опущена и согнута в локте. Правда, «палочка» в правой руке сохранилась не полностью, так как нижняя часть медальона с ногами фигурки отбита. Трактовка чело-веческой фигурки на медальоне — крупное лицо, узкая талия при широких бедрах и ее характерная поза, — а также способ украшения сосуда штампованными налечами, говорят о буддийском влиянии, что роднит этот фрагмент сосуда с образцами искусства Восточного Туркестана.

В целом раскоп вскрыл часть одного из больших зданий шахристана, быть может, общественного значения.

Раскоп IV (размером 10×10) был заложен на возвышенной площадке к западу от цитадели, рядом с раскопом II.

На глубине 0,30 м после первого слоя завала строительного материала появились плохо сохранившиеся массивные стены здания из сырцовых кирпичей (размером до 40 см), а на глубине 0,50 м открылся глинобитный пол помещения (слой второй). У западной стены раскопа лежали 3 плоских камня, а в северо-восточной части в полу было расчищено 7 круглых ям различной глубины и диаметра. В некоторых сохранилась зола и древесный уголь. В яме № 1 найдены голубая стеклянная буса, бронзовая серьга и маленькая тюркешская монета. В яме № 3 — бронзовая тюркешская монета, в яме № 5 — черный шлак стекла и фрагмент железного окислившегося предмета. В этой же части раскопа найден сфероконус с отбитым горлышком, украшенный двумя горизонтальными поясками, фрагменты неполивной керамики и половинка бронзовой монеты со следами арабской надписи караханидского типа.

У северной стены раскопа обнаружены обломки окислившегося железного предмета. В юго-восточном углу, у сырцовых стен, на глубине 0,95 м, на твердом грунте (полу) была найдена горловина неполивного кувшина с вертикальной ручкой, орнаментированная выпуклым жгутом по закраине сосуда и S-образным налепом на горловине под закраиной (табл. XVI, б). Тут же был найден маленький сосудик с широкой горловиной и отбитой петлеобразной ручкой. Тесто с дресвой, поверхность сосуда черная.

Углубление раскопа производилось вдоль северной его стены, где не было обнаружено строительных конструкций здания. На глубине до 1 м замечены большие зольные пятна и кости животных. Из керамических находок обнаружены фрагменты крупной и мелкой кухонной посуды, толстостенной, плоскодонной, с тестом как хорошего промеса, так и со значительной примесью дресвы, а также небольшое число фрагментов сосудов белой и зеленой поливы. В этом же слое (2) обнаружен железный наконечник стрелы типа найденного на

раскопе II. Ниже 1 м (третий слой) керамических остатков значительно меньше. Из наиболее характерных находок отметим фрагмент белого поливного сосуда с коричневой росписью и две тюркешские монеты.

В выгребной яме, устье которой открывалось в третьем слое, было много золы, кости животных. Ниже 2 м (четвертый слой) находки совсем малочисленны — на глубине 2,20 м найден медный сферический предмет, куски окислившегося железа и лощеный кувшин с вертикальной ручкой, имевшей сверху круглый налеп, и двумя горизонтальными поясками штампованного орнамента по горловине и плечикам. На этой же отметке у зольного пятна был найден трехногий глиняный светильник.

Слабая насыщенность остатками материальной культуры четвертого слоя типична для согдийских слоев городищ. Слой третий соответствует карлукскому, второй — караханидскому времени.

Условно названный первый слой этого раскопа образован разрушенным зданием в монгольский период.

§ 3. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КЕШК

(Раскопы VII и VIII; табл. VII 1—3, IX, 1—5, XI)

Раскоп VIII заложен на искусственном тепе, стоящем внутри четырехугольного укрепления. Тепе находится на юго-запад от стен шахристана г. Сарыга.

Около южной стены раскопа проходит современный арык, его перерезает дорога, проходящая около стен шахристана; на восток местность ровная, на запад тоже, вплоть до раскопа I; на севере, в 150—180 м от раскопа, находятся еще два небольших округлых тепе, а затем опять идет ровная местность.

Само тепе находится в юго-западной части укрепления. Оно округлой формы, высотой 8 м, верхняя площадка размером 16×18 м; склоны тепе, обращенные внутрь укрепленного двора (высота их здесь 6,78 м), пологи и образуют полукружье, кнаружи стены резко крутые. В трех углах укрепления округлые возвышенные площадки, как бы остатки башенок, высотой 1,7 м, с диаметром верхней площадки 1 м. Вал укрепления в сечении 1,5—1,8 м, высота его 1,5 м. Внутренность укрепленного двора образует ровную площадку.

Длина стен вала (от центра угловых башенок) не одинакова: западная стена — 60,5 м, северная — 37 м до тепе и 20 м само тепе, восточная — 57 м, южная — 64 м.

Дерновый слой был снят со всей поверхности тепе, включая и внутренний склон. Раскоп велся тремя траншеями.

Траншея № 1 начата с западной стороны, она захватила середину вала укрепления и прорыта вверх по тепе.

Траншея № 2 начата с южной стороны, тоже захватила середину вала и прошла вверх по тепе.

Траншея № 3, вытянутая по линии запад — восток, от центра двора пересекла западный вал и вышла за границы укрепления. Эта траншея заложена с целью изучения кладки стен вала укрепления.

По обнаружении стен здания мы повели траншеи № 1 и № 2 вдоль этих стен.

В конце работ начал раскоп северо-западной башни укрепления. Раскоп не закончен.

В итоге работ выяснилось, что тепе включает в себе три культурных слоя, соответствующих трем различным эпохам: слой I — постройка XI—XII вв., слой II — постройка VIII—X вв., слой III — постройка V—VIII вв.¹

Строительство вала и башен укрепления необходимо отнести к VIII—X вв.

Постройка XI—XII вв. раскопана полностью, постройки же, относящиеся к более раннему времени и лежащие в следующих слоях вскрыты фрагментарно; так, раскопками вскрыты комнаты постройки VIII в., находящиеся в слое II (комнаты №№ 1, 2, 5, 6), и проложена траншея к комнате № 7. В комнате № 5 (слой II) находился колодец, после зачистки которого обнаружены стены постройки, лежащей в слое III и относящейся к V—VIII вв.; зачищена внешняя глинобитная стена тепе.

В самом начале работ, по вскрытии дернового слоя, обнаружено большое количество шлака, осколки жженого кирпича и фрагменты керамики. При дальнейших раскопках керамики стало значительно меньше, и в самом вскрытом здании она почти отсутствует. Описание ее будет дано ниже.

Всего вскрыто раскопом 11 комнат, в 7 из них, относящихся к зданию слоя I, выявлены полы, 4 комнаты (№№ 1, 2, 5, 6) относятся уже к зданию слоя II; колодец же в комнате № 5, в засыпи которого находились предметы, относящиеся к слою II, прорезал стены здания слоя III.

Начнем с последовательного описания комнат слоя I (комнаты №№ 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11).

Нами выяснены следующие основные приемы кладки стен, применявшиеся при строительстве здания: а) кирпич клали широкой частью вдоль, наружу выходила его узкая длинная сторона; б) кирпич клали широкой частью поперек, наружу выходила его короткая узкая сторона; в) кирпич клали наискось узкой частью. Кирпич саманный, сырец, размером $40 \times 20 \times 10$ см. Стены здания оштукатурены желтой глиной с большой примесью резаного камыша и соломы. Толщина штукатурки от 2 до 3,5 см. Сохранившаяся высота стен 0,4—0,8 м. Полы глиняные, утрамбованные, прослеживаются хорошо.

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 88 и сл.

Комната № 3 — размером $5,15 \times 1,3$ м. Южная и восточная стены сложены приемом «а», западная приемом «б», северная стена не сохранилась; толщина стен 0,6 м, в восточной стене находится дверной проем, шириной 1,35 м, в западной стене также дверной проем. Пол сохранился хорошо, за исключением юго-западной части комнаты у дверного проема, выходящего к зданию слоя II.

Комната № 4 — узкая, длинная ($13,5 \times 2,2$ м), северная и южная стены не сохранились, восточная и западная сложены приемом «а»; толщина стен 0,6 м. В западной стене — дверной проем из комнаты № 3, в углах его лежит пожженому кирпичу размером $40 \times 20 \times 10$ см. Посредине восточной стены дверь в комнату № 8. Уровень пола в комнате № 4 ниже уровня пола в комнате № 8 на 0,5 м, и поэтому у этой двери находятся 3 глинобитные ступени, ступени сохранились плохо. Над дверью был возведен из саманных кирпичей свод, который рухнул в комнату № 8.

Вдоль всей восточной стены идет кан, шириной 0,25 м, наибольшая сохранившаяся его глубина 0,85 м. Пол в комнате сохранился хорошо.

На расстоянии 0,8 м от кана, напротив двери восточной стены, обнаружены две небольшие, соединенные между собой в форме восьмерки, ямки ($0,8 \times 0,34$ м), в которых находились остатки золы и угля.

В северо-западном углу комнаты прослежена грушевидной формы яма, стены ее выложены саманным кирпичом. Глубина ямы 0,96 м, диаметр 0,7 м. На дне ямы десятисантиметровый слой золы, на стенках следов копоти не видно; в засыпи найдено большое количество фрагментов тонкостенных сосудов, сделанных на гончарном круге, хорошего обжига, с небольшим количеством дресвы, фрагменты крышки с орнаментом насечкой, обожженные кости, кусочки угля.

В комнате № 7 северной стены нет, так как здесь склон тепе; очевидно стена была разрушена и смыта; фрагментарно сохранились восточная и западная стены, сложенные приемом «а», южная стена смежна с комнатой № 8. Длина комнаты 4,5 м.

Чтобы разыскать стены здания слоя II, здесь была проложена траншея.

Комната № 8 — размером $9,35 \times 4,1$ м. Западная и восточная стены, а также западная половина южной стены сложены приемом «а», толщина их 0,6 м, восточная половина южной стены сложена несколько иначе: 6 рядов кирпичей клались приемом «а», а седьмой, верхний, ряд клался узкой частью кирпича так, что наружу выходила плоская его часть; толщина этой половины стены — 0,5 м.

Северная стена сохранилась плохо, особенно в западной части, где она прослеживается только фрагментарно. Восточная часть сложена приемом «б», отступя на 4,5 м на юг,

она поворачивает на запад, толщина ее 0.4 м.

К южной стене комнаты, в ее восточной части, примыкает сложенный из четырех рядов саманного кирпича заком (сложен приемом «а»), западная его стена сохранилась полностью. Он имеет высоту 0.45 м, длину 5.2 м, ширину 4 м.

Перпендикулярно северной стене, примыкая к южному ее повороту, идет фрагмент стены, сложенной следующим образом: на одном ряде кирпичей, положенных широкой стороной, покоится кладка способом «в», при которой кирпич клался наискось узкой частью, сохранилось всего 20 положенных так кирпичей.

Комната № 9 — размеры 5.3×3.97 м, северная стена является южной стеной комнаты № 8, восточная сложена приемом «а»; толщина этих двух стен 0.6 м, южная стена и юго-западная часть западной стены сложены приемом «в». Толщина их 0.4 м.

В юго-западном углу комнаты дверь. Порог сделан из камня, размер камней $32 \times 18 \times 8$ см (план раскопа VIII).

К северной стене комнаты, в восточной ее части, примыкает заком, размером 2.15×0.8 м, высотой 0.38 м; внутри закома сохранились следы побелки. На 0.7 м южнее его, у восточной стенки, вмазан в пол сосуд типа хума, высотой 30 см, наибольший диаметр — 31 см, толщина стенок — 0.6 см; венчик отогнут зубчиками, диаметр венчика — 16 см. Сосуд сделан на гончарном круге, тесто плотное, обжиг хороший, сосуд вмазан в пол и возвышается над ним на 22 см.

Комната № 10 — размеры 2.4×5.15 м. Южной стены нет, северная сложена приемом «в», западная — приемом «а»; эти стены имеют толщину 0.2 м; восточная также сложена приемом «а», но толщина ее 0.6 м.

Комната № 10 служила очевидно кухней, так как в юго-восточном ее углу находится тандыр, диаметром 35 см, сохранившаяся его высота 27 см, толщина стенок 8 см. Тесто обычное для тандыров с большим количеством песка и мелкой гальки. Тандыр стоит на высокой (20 см) прямоугольной глинобитной площадке длиной 95 см, в восточной части стенки тандыр имеет дымовое отверстие диаметром 10 см.

При зачистке внутри тандыра обнаружены:

1) тонкостенная керамическая чашечка с петлеобразной ручкой; высота чашечки 5.2 см, диаметр донца 6 см, толщина стенок 0.3—0.4 см. Чашечка сделана на гончарном круге, тесто плотное, в изломе красное, обжиг хороший; 2) кости барана; 3) фрагменты толсто-стенных сосудов хорошего обжига.

У северной стены комнаты обнаружены врытые в землю сосуды.

1) Сосуд врытый в землю на половину своей высоты. Это шарообразный котел с горизонтальной ручкой в виде «колбаски», наибольший

диаметр сосуда 35 см, толщина стенок 0.5 см, высота 21 см, сосуд ручной лепки, дресвы много, обжиг плохой, внешние стенки сосуда закопчены.

2) Котлы, вставленные один в другой, типа ташнау. Наибольший диаметр внешнего котла 46 см, высота 28 см, толщина стенок 0.6 см; наибольший диаметр внутреннего котла 38 см, высота 25 см, толщина стенок 0.6 см, венчик прямой, ручка горизонтальная, «колбаской» с горизонтальными желобками на ней. Внешние стенки котлов закопчены. Оба котла ручной лепки.

У восточной стены комнаты, в северной ее части, расположен заком, размером 1.05×0.9 м.

На полу комнаты наблюдаются зольные пятна, угли и находится наибольшее, по сравнению с другими комнатами, количество керамики.

Комната № 11 — размер 3.4×3 м. Западная и северная стены толщиной 0.6 м, восточная и южная — толщиной 0.2 м, все сложены приемом «а», за исключением южной части восточной стены.

В комнате не обнаружено выхода. В юго-восточном ее углу находится квадратное сооружение из саманного кирпича, размером 0.85×0.85 м; стоит оно на площадке из кирпичей, возвышающейся над уровнем пола на 0.31 м, западная и северная его стены были облицованы жженым кирпичом (сохранился только нижний ряд), размером 32×17 см. Внутренность сооружения (пол и стены) оштукатурены и выбелены. Северная и западная стены сложены приемом «а», восточная — приемом «б», южная стена сооружения является южной стеной и самой комнаты. В северо-западном углу комнаты обнаружен фрагмент стеклянного сосуда, 2 тонких керамических чашечки и большое количество фрагментов керамики, в основном, обломки хумов.

Наибольшее количество керамики, как уже указывалось выше, находится у поверхности, во дворе укрепления и у подошвы тепе; внутри постройки, кроме упомянутых случаев, керамики нет. Полива и лощение почти полностью отсутствуют, за исключением нескольких фрагментов и одного сосуда, описание которого дано ниже.

Керамика первого слоя представлена следующими типами сосудов:

1) Котлы шаровидной формы, со сферическим дном, ручной лепки. Венчики прямые или слегка отогнутые наружу, ручки горизонтальные «колбаской», горизонтальные наклепной лентой и горизонтальные витые. На ручках «колбаской» горизонтальные орнаментальные полосы, сделанные рукой. Тесто с большим количеством дресвы, хорошего обжига, в изломе красное. Большинство фрагментов котлов имеет следы копти. Наибольший диаметр их 46 см, толщина стенок 1 см.

2) Кувшины типа кузачи. Ручки вертикальные прямые, венчики небольшой площадкой,

прямые. Орнамент на них одного типа — три волнистые линии, заключенные между параллельными полосами, состоящими из трех линий каждая. Орнамент нанесен острым резцом до обжига. Кувшины сделаны на гончарном круге, тесто с небольшим количеством дресвы, хорошего обжига, в изломе красное.

3) Сосуды грушевидной формы, с двумя петлеобразными ручками, венчик отогнут наружу, дно плоское. Сосуды сделаны на гончарном круге, тесто плотное, с небольшим количеством мелкой дресвы, в изломе тесто красное, обжиг хороший, высота сосудов 20—25 см, толщина стенок до 1 см, ширина венчика 1—1.5 см. Иногда попадаются сосуды такой формы без ручек.

4) Чашки-лоханки, с отогнутым кнаружи под углом венчиком, дно плоское, ручки петлеобразные. Сделаны на гончарном круге. Тесто плотное, хорошего обжига, в изломе красное, толщина стенок 0.9 см. Иногда с ангобом розоватого цвета.

5) Небольшие чашечки, аккуратно и тщательно сделанные на гончарном круге, венчик прямой, ручка петлеобразная, обжиг хороший, тесто плотное, без дресвы, в изломе красное. Высота — 5 см, диаметр венчика 8 см, толщина стенок 0.4 см.

6) Хумы большого размера с отогнутым наружу венчиком. Тесто плотное, с дресвой, обжиг хороший, в изломе тесто красное.

7) Единичные фрагменты доньшек на конической ножке от сосудов баночной формы, по доньшку идет орнамент косо положенными насечками.

На неполивной посуде наблюдается орнамент следующих типов:

1. Прорезной волнистый на небольших сосудах (котлы, хумы). Он нанесен царапающим инструментом до обжига.

Волнистые линии сопровождаются сверху и внизу параллельными горизонтальными прямыми в количестве от 3 до 5. По типу волнистых линий орнамент распадается на 3 подвида: а) правильная округлая волна, б) нахлестывающая волна в одну сторону, в) стоячая волна.

2. Прорезной, небольшими зубчиками, также заключенными в две параллельные прямые линии. Делался, вероятно, катящимся штампом. Обычно по сосуду идет лишь одна полоса такого орнамента.

3. Прорезной, прямыми линиями, поперек сосуда, заключен также в параллельные горизонтальные линии.

4. Орнамент налепом жгутиком, придавленным пальцем. Такой тип орнамента встречается только на котлах.

5. Прорезной, елочкой, встречен на фрагментах от дастархана.

6. Орнамент штампом: а) в виде лепестка-сердечка (на хуме); б) в виде пятилепесткового

цветочка, каждый лепесток имеет две половинки, внутри точки, имитирующие тычинки (на сосуде горшкообразной формы); в) между двух горизонтальных линий нанесены точки, под этой полоской лепестки.

Фрагменты поливы бело-желтого и желтого фона с коричневым орнаментом. Во всем I слое встречен только один поливной сосуд кувшинообразной формы с вертикальной прямой ручкой, по широкой части тулова сосуда и по горловине идет прорезной полосами орнамент, сделанный до глазуковки. Полива двусторонняя зеленая. Тесто тонкое, плотное, с небольшим количеством мелкой дресвы, обжиг хороший, тесто в изломе красное. Размеры: диаметр дна 6 см, диаметр тулова 12 см, горловины 7 см, высота 13 см, толщина стенок 0.5 см.

Из прочих находок этого слоя необходимо отметить:

1. Фрагменты стекла, зеленоватого тона.

2. Каменные поделки-кресала.

3. Большое количество шлака в дерновом и поддерновом слое.

Как уже указывалось выше, к зданию второго слоя (постройки VIII—X вв.) относятся комнаты № 1, 2, 5, 6 и вскрытые траншеей стены комнаты № 7.

К этому же периоду относится и сооружение колодца в комнате № 5, прорезавшего здание слоя III.

Здание I слоя стоит непосредственно на развалинах здания II слоя.

Стены здания слоя II сложены также из саманного кирпича, приемом «б», а затем оштукатурены желтой глиной.

В комнатах №№ 1, 2, находящихся на склоне тепе, стены сохранились очень плохо, можно только предполагать, что здесь было 2 комнаты; в комнате № 1 сохранилась восточная стена и часть южной, служащей стеной комнаты № 2. Высота стен 0.35—0.40 м. Следов пола не обнаружено.

Над комнатой № 5 пол здания I слоя не был обнаружен. Здесь была засыпь из строительного мусора.

Размеры вскрытой части комнаты следующие — длина 4.5 м, ширина 1.7 м, выявленная высота стен 1.4 м, толщина стен 0.4 м.

В северной части комнаты находится колодец, прорезающий здание слоя III, диаметр его наверху 1.45 м, на дне 1.2 м, глубина 6.3 м. В колодце обнаружилась мягкая засыпь зеленоватого оттенка; на глубине 2.5 м попадались фрагменты керамики, бронзовая поделка (зеркало?), кости животных.

Комната № 6 — размеры 4.5 × 2.35 м, толщина стен 0.4 м, высота стен 1.4 м; стены хорошо оштукатурены, пол глинобитный.

В южной половине западной стены имеется ниша; высота ее от пола 0.35 м, от сохранившегося верха стены 0.15 м, в засыпи около

ниши, на глубине 1 м от уровня раскопа, обнаружены фрагменты фресок.¹

На первом фрагменте — плоскостное изображение будды, под аркой светлосинего цвета. Лицо сохранилось неполностью. Основные контуры лица будды обозначены черной краской, веки и губы — красной, шишка на голове, приподымающая волосы (ушниша) — синей краской, лицо покрашено желтой краской, желтой же покрыт и остальной фон между изображением будды и аркой. На лбу будды изображена урна. Изображение будды помещалось очевидно в нише.

На втором фрагменте по белому фону синей, черной и красной красками изображены цветы — астры, контуры их также обведены черной краской. Этот рисунок шел в виде фриза над нишей. Роспись сделана техникой альсекко (табл. XI).

Сырцовая стена затиралась тщательно отмученной глиной в трех направлениях: один слой сверху вниз, второй поперек и третий опять сверху вниз. Поперечный разрез такой подложки под рисунок напоминает фанеру.²

По технике и сюжету роспись восточнотуркестанская.³

В комнатах этого слоя ни керамики, ни других находок не было.

В засыпи колодца комнаты № 5, как мы уже говорили, обнаружена керамика и бронзовое зеркало танско-сунского времени, синхронные росписи стен, что и дает возможность отнести строительство колодца к той же эпохе.

Колодец засыпан мягкой землей, и уже с глубины 0.5 м засыпь имеет характерный зеленоватый оттенок; находки идут до глубины 2.5 м, но засыпь зеленоватого цвета заполняет колодец до самого дна; на дне красноватая глина.

В этой засыпи обнаружено следующее:

1) Большое количество фрагментов тонкостенных сосудов, из которых нельзя составить цельного сосуда, за исключением одного — пиалы (диаметр устья 15 см, диаметр дна 5.2 см, толщина стенок 0.4 см). Сделана на гончарном круге, тесто плотное, хорошего обжига, в изломе красное.

2) Фрагмент чирака двусторонней зеленой поливы, стенки ребристые, диаметр дна 6 см, высота 5 см, диаметр венчика 3.7 см, у носика следы копоти.

3) Бронзовое китайское зеркало с изображением четырех симметрично расположенных (крест-накрест) бодисатв, сидящих на фениксах. Промежутки между изображениями бодисатв заполнены рисунками облаков и диких гусей.

4) Бесформенные куски железа.

¹ Публикацию фресок в красках см.: А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня. С. А. XI.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 95.

³ Там же, стр. 89.

5) 2 фрагмента от плошечек, сделанных от руки, толщина дна 0.5—1 см, диаметр дна 8 см, высота 2 см, тесто с дресвой, в изломе красное. Плошечки имеют розовый ангоб.

6) Фрагменты водопроводных труб, диаметром 18 см, толщина стенок 1.5 см. Сделаны на гончарном круге, тесто плотное, без дресвы, обжиг хороший.

7) Фрагмент поливного сосуда баночной формы. Полива белая, двусторонняя. Тесто плотное, без дресвы, обжиг хороший. Тесто в изломе красное. Сосуд сделан на гончарном круге.

Ко времени существования здания слоя II необходимо отнести и строительство валов и башен укрепления. Такую датировку их строительства подтверждает и обнаруженная между кирпичами вала тюркешская монета.

Для выяснения конструкции вала укрепления была заложена траншея № 3, прорезавшая его в центре. Сохранившаяся высота вала 1.5 м, толщина 1.8 м, сложен он из саманных блоков, на которых лежат саманные же кирпичи, размером 40 × 27 × 10 см; в ряде мест сохранилось 3, а чаще 2 ряда таких кирпичей, поверх этих кирпичей был еще слой глиняных лепешек типа гуваляка, сохранившийся крайне плохо.

Раскопки северо-западной башни не закончены, выявлены только глинобитные стены.

Стены здания III слоя выявлены только в колодце, начинаются они с глубины 3.3 м ниже пола комнаты № 5 и идут до глубины 6.3 м, т. е. выявленная их высота равна 3 м.

Колодец врезался в стену, идущую с запада на восток, сложена она из саманных блоков, размером до 1.5 м; стена была обмазана слоем тонкой глины.

Перпендикулярно ей с севера на юг идет другая стена, сложенная из саманных кирпичей, сохранившаяся ее высота та же, что и стены из блоков.

Расчистка внешней глинобитной стены произведена только в полукружье, выходящем во двор укрепления; оба конца этого полукружья упираются в стену, идущую перпендикулярно ей. Стены гофрированы, сохранившаяся их высота 2.2 м, толщина (по верху) 1.1 м.

Находок около подошвы стены не было.

Раскоп VII носил чисто ориентировочный характер. Он был поставлен на восточной стороне холма, к югу от цитадели городища, по указанию местных жителей, сообщивших, что в 1907 г. при земляных работах внутри бугра была обнаружена пещера, в стенах которой видели кирпичную кладку. Траншея шириной в 8 м была заложена в восточной стороне бугра. На глубине 0.7 м от поверхности проходил тонкий слой (15—20 см) рухнувших саманных кирпичей. В 8.8 м от восточной стены, почти

на одной плоскости со старым обвалом, перед «пещерой» зачищен угол глинобитной стены. Здесь, на расстоянии 0.88 м на восток, были обнаружены следы второй стены. Между стенами найдены мелкие фрагменты цветной штукатурки. Следы фресок найдены в 3.5 м к югу от этих стен.

В этой разведочной траншее найдены также медный наконечник от ремешка, несколько фрагментов неполивной керамики, фрагмент стекла и зеленой поливы.

§ 4. КАРАХАНИДСКИЙ ДОМ XI в.

(Раскоп V, табл. VII, 5, IX, 6, XXVII, 3)

Раскоп V заложен на развалинах постройки улицы мусульманского рабада X—XII вв., находящегося на юго-запад от шахристана г. Сарыга.

Развалины построек рабада тянутся в меридиальном направлении, доходя на юг до современного шоссе Фрунзе—Рыбачье, на север — почти до стен шахристана г. Сарыга; на восток от них находятся искусственные теперуины согдийских замков, аналогичные раскопанному нами (см. описание раскопа I), на запад, на протяжении 400—500 м тянется ровная площадь, а за ней идут вплоть до поселка Красная Речка отдельные бугры — остатки построек.

Сама улица рабада представляет ныне ряд квадратных в плане бугров, со впадиной по середине, отделенных друг от друга ровными площадками длиной в 30—70 м.

На одном из таких бугров с наиболее четкими очертаниями и был заложен раскоп V.

Бугор этот размером 24 × 22 м (юг—север—24 м), высота его 0.80 м, северные и западные склоны более крутые, наверху впадина диаметром 0.12 м и глубиной 0.43 м, стенки ее полого спускаются к центру.

Первоначально раскоп был заложен в юго-восточной четверти бугра квадратом 7 × 7 м. После снятия дернового слоя, отступя на 1.5 м от южной и восточной стенок раскопа, было начато углубление его до 1.56 м.

В связи с выявлением в восточной и южной стенках раскопа стен, сложенных из сырцового кирпича, раскоп был продолжен траншеями вдоль них и доведен до соединения восточной стены с северной и южной — с западной. Этим были закончены работы 1939 г. В 1940 г. начато углубление всей остальной площади бугра на ту же глубину.

В результате двухгодичных работ (полевые сезоны 1939 и 1940 гг.) был полностью вскрыт весь строительный комплекс — двор, жилые и хозяйственные постройки.

Жилая постройка находится внутри двора. Двор прямоугольный, ограниченный дувалом, ориентирован сторонами по странам света с легким отклонением на северо-запад. Длина стен двора — северной и южной 17 м, восточ-

ной и западной 15.5 м. Стены сложены из саманного кирпича размером 10 × 20 × 40 см (саман с соломой и тростником), связующим материалом кладки служила глина. Сохранившаяся высота стен 1.5 м. Вскрыты только внутренние стороны дувала, но заложенным тут же шурфом выяснена толщина стен — 1.2 м.

Двор разделен внутренним дувалом на две части: меньшую — западную, где находится жилая постройка, и большую — восточную, в юго-западной стороне которой расположены остатки хозяйственных построек. Дувал сложен из саманных кирпичей размером 10 × 20 × 40 см. Высота его 1.1 м, ширина 0.75 м. Полностью этот дувал не сохранился (в центре раскопа он не прослежен). На расстоянии 2.5 м на восток от него находятся остатки стены какой-то хозяйственной постройки, примыкающей вплотную к южной стене дувала, ограничивающего двор. Около этой постройки концентрировались в большом количестве фрагменты керамики, железные предметы, монеты и другие находки.

Жилой комплекс находится в северо-западной четверти двора и вытянут в направлении север—юг. Он состоит из 6 комнат (см. план). Толщина стен всех комнат 0.25 м, только северная и южная стены комнаты № 1 имеют толщину 0.65 м.

Стены постройки возведены из саманного кирпича размером 10 × 20 × 40 см, кладкой плашмя, так что наружу выходит узкая длинная сторона кирпича. Стены постройки начали выявляться с глубины 0.75 м.

Из 6 комнат к собственно жилым можно отнести только 3 (№ 3, 4, 5), остальные являются служебными помещениями — мастерской винодела, как это выяснилось позднее.

Начнем последовательное описание с собственно жилых комнат.

Комната № 3 — размер 3.7 × 1.2 м, толщина стен 0.25 м.

В западной стене выход в комнату № 5 (ширина дверного проема 0.7 м), в восточной стене выход в комнату № 4 (проем 0.8 м); восточная стена, отступя на 0.9 м от южной, поворачивает под прямым углом на запад параллельно южной стене на длину 0.7 м, затем под прямым же углом снова поворачивает на север. Северная часть восточной стены сохранила обкладку из жженого кирпича. Находок в этой комнате меньше, чем в остальных.

Комната № 4 — размер 3.1 × 2.75 м. Восточная ее стена одновременно является и стеной дувала, разграничивающего двор, на ней фрагментарно (в двух местах) сохранились жженные кирпичи очевидно от внутренней облицовки. Южная стена сохранилась не полностью, но возможно, что в том месте, где она обрывается, был выход.

В центре комнаты, ближе к западной ее части, обнаружено большое количество жженных

кирпичей, лежащих в беспорядке, размеры их $42 \times 7.5 \times 18.5$ и $25 \times 25 \times 4.5$ см.

У южной стены, около выхода из комнаты — тандыр, размеры его: диаметр 66 и 61 см, высота 75 см, толщина стенок 2.5 см, тесто обычное, с большим количеством мелкой гальки. Внутренняя сторона тандыра украшена орнаментом: между двумя полосами, состоящими из трех параллельных линий каждая, идут перпендикулярно, группами по 3—4, параллельные коротенькие линии. Весь орнамент нанесен острым режущим инструментом.

В засыпи тандыра обнаружены: монеты Арслана (XI в.), обломки железного ножа, осколки стекла, кости животных, оселок, фрагменты неполивной керамики и два фрагмента с желтовато-белой односторонней поливой.

Около восточной стены комнаты найдены монеты того же типа и куски железа, настолько бесформенные, что определить, фрагментами какого предмета они являются, невозможно.

Комната № 5 — размеры 3.7×1.2 м. Северная стена является в то же время и дувалом; в западной стене дверной проем в комнату № 3.

Комнаты № 1, 6 и 2, как мы уже говорили, представляют собой винодельную мастерскую.

Комната № 1 — размеры 2.7×1.3 м. Толщина северной и южной стен 0.65 м, сохранившаяся их высота 1 м, сложены они так же, как и остальные стены постройки; западная стена толщиной 0.3 м, кладку восточной стены выявить не удалось, так как вместо нее идет мощный плотный массив лёсса вперемешку с рушеным саманным кирпичом; в этой стене очевидно был вход в комнату.

У западной стены комнаты, вплотную к ней, обнаружен хум, вкопанный в землю по самый венчик, сверху он покрыт керамической восьмигранной крышкой размером 38×37 см; налево от хума, на полу лежит большой камень; над хумом, на высоте 0.15 м, через стену в комнату № 6 идет гончарная труба диаметром 0.1 м. В комнате № 6 эта труба лежит непосредственно на полу, обложенном жженым кирпичом, кирпич оштукатурен, так же как и стены этой комнаты. Пол вокруг венчика хума также обложен жженым кирпичом, остальная часть пола комнаты глинобитная. Эти две комнаты являются собственно мастерской винодела. Весь процесс виноделия происходил так: «комната» № 6 служила давящей винограда, отсюда по гончарной трубе, вделанной в стену, сусло стекало в хум, вкопанный в землю в комнате № 1.

Хум сделан от руки, венчик отогнут наружу, размеры его: высота 82 см, диаметр венчика 35 см, диаметр дна 27 см, диаметр тулова 57 см, толщина стенок 1.5 см. Тесто без дресвы, хорошего обжига, в изломе красное, внутри и снаружи хум ангобириван, ангоб

белый. Гончарная труба сделана на гончарном круге, диаметр ее 10 см, толщина стенок 0.8 см, тесто плотное с небольшой примесью мелкой дресвы, хорошего обжига, в изломе тесто красное.

В этой же комнате у середины южной стенки найдены фрагменты железного предмета (какого именно определить невозможно) и костяная поделка типа шила.

Комната № 2 — узкая и длинная, в виде закрома, примыкающего к комнате № 1, длина ее 4.2 м, ширина 0.55 м, толщина стен 0.9 м, сохранившаяся высота 1.3 м. Пол этой комнаты ниже пола комнаты № 1 на 0.3 м; западная стена не сохранилась. Следует предполагать, что это было какое-то служебное помещение при мастерской, возможно хранилище. Никаких находок в этой комнате сделано не было.

На расстоянии 1.2 м от стены комнаты № 2 снаружи находится какое-то замкнутое прямоугольное сооружение, длина его 3.7 м, ширина 0.5 м, высота 0.7 м, толщина стенок 0.3 м. Находок в нем также нет. Очевидно это какая-то хозяйственная пристройка.

От северной стены двора в южном направлении отходит небольшой кусок стены толщиной 0.75 м очевидно от хозяйственных построек.

В восточной половине двора построек нет; находок тут мало, обнаруженные фрагменты сосудов в основном сосредоточены в верхних слоях.

Необходимо отметить, что во всем раскопе найдено большое количество керамического материала разнообразных форм; обнаружены также изделия из железа и меди, поделки из кости, много монет.

Сосуды следующих форм.

1. Котлообразные сосуды двух размеров:
а) большие — ручной лепки, тесто грубое, с дресвой, в изломе красное и серовато-красное, внешние стенки сосудов закопчены, дно сферическое, ручки — горизонтальные «колбаской» и витые, примазанные к сосудам; вдоль ручек идут канелюры, грубо сделанные пальцами, на концах углубления, также вдавленные пальцами, длина ручек до 18 см, ширина 2—3—5 см. Венчики прямые и отогнутые наружу, ширина венчиков 0.5—0.7 см, диаметр 18—30 см. У многих котлов стенки обмазаны глиной, толщина стенок 0.6—0.8 см.

В одном случае была найдена ручка в виде банта, сделанная налепом, оба конца банта имеют в середине борозды, проведенные пальцами, середина банта также прижата пальцами; размеры ручки — ширина 6.5 см, высота 5 см. Орнамента нет;

б) малые сосуды — тесто тонкое с мелкой дресвой, обжиг хороший, тесто в изломе ярко-красное и желтовато-красное, сделаны сосуды на гончарном круге, лишь единичные — ручной лепки.

Венчики прямые и округло отогнутые наружу, ширина их 0,4—1 см, толщина стенок 0,4—0,8 см, ручки горизонтальные — колбаской и жгутом, плотно примазанные к тулову. Орнамент прорезной, зигзагообразный, в одном месте встречен орнамент штампом: между двумя параллельными прорезными линиями идет штампованная вихревая розетка.

2. Кувшинообразные сосуды; сделаны все на гончарном круге, тесто плотное, хорошего обжига, с дресвой, иногда ангобированы (ангоб белый), у одного стенки были обмазаны глиной. Венчики двух типов: а) прямые, б) отогнутые книзу. Ручки вертикальные, прямые. Некоторые сосуды совсем не имеют ручек. Диаметр сосудов 12—15 см, диаметр горловины 6—8 см, толщина стенок 0,4—0,7 см, ширина венчиков 1,2—1,5 см, высота сосудов 15—20 см. Орнамент волнистыми линиями, прорезной, идет по верху тулова сосуда. Один фрагмент от горловины такой формы сосуда имел красное двустороннее лощение. К этим же сосудам относятся небольшие плоские крышки. Тесто плотное, с дресвой, хорошего обжига, в изломе красное. На некоторых крышках имеются ручки в виде круглых налепов. Ширина ручек 2,5—4 см, толщина 0,8—1,2 см. На ряде ручек бывает сверху еще один налеп в виде круглой лепешки диаметром до 1 см.

3. Хумы средней величины, сделаны от руки, тесто плотное, чаще с дресвой, в изломе красное, венчики отогнуты наружу плавно или под углом, ширина венчиков 1,6—5,0 см, толщина стенок 1,2—1,7 см. Диаметр горловины 20—35 см, высота 40—85 см, большинство хумов покрыто желтоватым ангобом. К хумам относятся и крышки двух типов: а) прямые, плоские, б) прямые, но с резко приподнятым внешним краем, край орнаментирован вмятием пальцами, так что получается как бы волан. Тесто средней плотности, с дресвой, в изломе красное, обжиг хороший. Крышки также покрыты светло-коричневым ангобом, толщина их 1—3 см. На крышках ручки в виде округлой площадки, высотой до 2,3 см, диаметром 3 см.

4. Сосуды с конически суживающимися книзу стенками (типа цветочных горшков). Сделаны на гончарном круге, тесто плотное, с дресвой, обжиг хороший, тесто в изломе красное, на дне сосудов следы песка. У большинства из них внешние стенки обмазаны глиной, некоторые покрыты ангобом светло-коричневого тона. Толщина стенок сосудов 0,6—1,7 см, толщина дна 0,6—1,2 см, диаметр дна 7—24 см. По конструкции донышек сосуда можно разделить на две группы: а) стенки сосуда отходят непосредственно от дна под углом, б) донышко образует небольшую площадку, от которой уже идут стенки.

Единично встречаются сосуды с коническим дном на кольцевой ножке, толщина дна 0,8 см.

В одном случае встречен сосуд такого типа с ручкой, которая является непосредственно продолжением дна, длина ручки 4 см.

5. Котлообразные сосуды небольших размеров, с плоским дном, маленькими петлеобразными ручками. Сделаны на гончарном круге, тесто плотное, в изломе красное, с небольшой примесью мелкой дресвы. Венчики прямые или плавно отогнутые наружу. Иногда сосуды ангобированы. Толщина стенок 0,7 см, толщина ручки 0,8—1,2 см, диаметр петли ручки 2,5—3 см, диаметр венчика 15 см.

Сосуды указанных выше форм встречаются в раскопе в большом количестве, кроме того обнаружены единичные сосуды следующих форм:

1. Сосуд шарообразной формы с отогнутым угловым венчиком, ширина площадки венчика 3 см, диаметр венчика 21 см, высота 7 см. Сосуд сделан на гончарном круге, тесто плотное, в изломе красное, обжиг хороший, дресвы мало, внешняя поверхность сосуда обмазана глиной.

2. Сосуды баночной формы, узкие, венчик прямой, без ручек. Сделаны на гончарном круге, тесто плотное, с дресвой, хорошего обжига, внутри сосуды ангобированы. Толщина стенок 0,8 см, диаметр венчика 8—12 см, дно несколько уже венчика.

3. Шарообразный сосуд в виде фляги, горловина отходит вбок, ручка округлая, идет от горловины к тулову сосуда. Тесто плотное, без дресвы, обжиг хороший, в изломе тесто красное; сделан на гончарном круге; горловина сосуда делалась отдельно и прилеплялась к отверстию сбоку тулова. Изнутри края горловины примазывались. Толщина стенок 0,7 см, высота горловины 6,5 см, наибольший диаметр горловины 4,5 см, наименьший — 3,5 см, сосуд покрыт розоватым ангобом. Вокруг сосуда на уровне горловины идет орнамент в виде трех прямых параллельных полос, нанесенных острым инструментом.

4. Фрагменты чашечки-пиалы небольшого размера, венчик отогнут прямой небольшой площадкой, по краю венчика орнамент, сделанный вмятием пальцами. Ширина венчика 1,5 см, диаметр пиалы 12 см, поверхность ангобирована, тесто плотное, без дресвы, в изломе красное, хорошего обжига; сделана пиала на гончарном круге.

5. Фрагмент прямоугольного подноса. Венчик прямой, высота подноса 2,5 см, толщина дна 1 см. По внешней стороне стенки подноса параллельно венчику идет орнамент — широкая волнистая линия. Поднос ручной лепки, тесто плотное, дресвы мало, обжиг хороший, тесто в изломе красное, о размере подноса судить по этому фрагменту трудно.

6. Сосуды небольших размеров типа кесы, сделаны на гончарном круге, тесто плотное, хорошего обжига, очень небольшая примесь мелкой дресвы, тесто в изломе красное; диа-

метр дна — 5 см, диаметр венчика 15 см, толщина стенок 0.7 см.

7. Чашечка с петлеобразной ручкой с пятой, идущей под углом к тулову сосуда. Лощение красное, тесто плотное, с незначительной примесью мелкой дресвы, в изломе красное. Чашечка сделана от руки. Высота 5.2 см, диаметр 7 см.

Орнамент на большинстве сосудов отсутствует, там же, где он имеется, он крайне беден, штампа почти нет, он встречен только на одном сосуде котлообразной формы (между двумя параллельными линиями штампованная вихревая розетка); в основном, орнамент линейный: а) параллельные линии, идущие по тулову сосуда или по верхней его части; б) волнистые линии, заключенные в параллельные прямые. У котлообразных сосудов орнамент налепом жгутом, иногда представляющий собой имитацию ручки. На ручках кувшинообразных сосудов, на верхней их площадке, бывает налеп округлой лепешечкой. У сосудов с коническим дном ножка орнаментирована вмятинами овальной формы, сделанными пальцем.

Полива также почти отсутствует, найдено всего несколько фрагментов:

1) фрагмент носика чирака зеленовато-бурой двусторонней поливы;

2) фрагмент тулова чирака с петлеобразной ручкой, полива двусторонняя, фон белый, орнамент нанесен коричневой краской;

3) доньшко пиалообразного сосуда, полива односторонняя желтая, орнамент коричневый и зеленый.

У всех сосудов тесто хорошее, плотное, без дресвы, в изломе светлокрасное.

Из других находок в раскопе необходимо отметить большое количество фрагментов железных предметов, чаще всего сильно окисленных и бесформенных. Они находились в раскопе группами, в основном, в южной его части и в комнате № 1.

Из числа предметов, форму и назначение которых удалось определить по фрагментам, можно назвать следующие:

1) котлообразные сосуды типа казана, больших размеров, венчики прямые, следов ручек по фрагментам не видно, дно округлое, размеры установить не удалось;

2) ножи с округлым концом, небольшие, без ручек — 2 экз., ширина 2.5 см, сохранившаяся длина — 8 см;

3) железное эллипсоидное кольцо длиной 7 см, шириной 5 см, сечение прута 1.2 см;

4) железная пряжка с подвижным язычком, длиной 5 см, шириной 3.5 см;

5) болт длиной 9 см;

6) круглый плоский предмет, диаметром 12 см;

7) железный предмет в виде большого болта, длиной 5.7 см; ширина шляпки 3.4 см;

8) гвоздик с широкой шляпкой, как у гриба, небольшого размера;

9) полая трубка, диаметром 2 см, сохранившаяся длина 10 см;

10) предметы в виде округлых и прямоугольных ручек небольших размеров.

Из других находок нужно отметить большое количество монет, встречающихся по всей площади раскопа и на самой различной глубине. Монеты, по определению М. Е. Массона, принадлежат Арслан-хану (XI в.).

Пастовые бусины: белая со следами светло-зеленой окраски и голубая, обе кубической формы, диаметром 1.3 см, диаметр отверстия 4 мм.

В комнате № 1 были найдены: 1) костяная поделка в виде шила; 2) бронзовый браслет, диаметром 0.4 см, медная бусина (на кольце расположено три горошины) и фрагменты медных предметов; 3) фрагменты стекла, слюды, каменные кресала.

На глубине 0.37 м в северо-восточной половине двора найден фрагмент венчика хума с уйгурской надписью, которая содержала имя владельца и указание на вместимость сосуда.¹

Как видно из всего вышеописанного, раскопом вскрыта мастерская и жилой дом винодела.

Анализ керамического материала и определение монет позволяют отнести существование этой мастерской к XI—XII вв., т. е. к эпохе караханидов.

§ 5. КАРАХАНИДСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

(Раскоп III; табл. XIII)

Раскоп III поставлен на небольшой пологой возвышенности, примыкающей к холму, находящемуся к северо-западу от раскопа I.

Этот раскоп вскрыл на глубине от 0.90 м до 1.40 м ряд захоронений, ориентированных в разных направлениях. Верхний слой, над погребениями, содержал незначительное число фрагментов неполивной посуды, зольные пятна, кости животных, отдельные сырцовые кирпичи.

В погребении № 1 (глуб. 0.90 м) обнаружены раздавленный череп и разбросанные кости детского скелета. Около черепа найдены два бронзовых височных кольца с петельками, бронзовый бубенец, четыре альчика, маленький глиняный кувшинчик. Под черепом два неполных кольца из бронзовой проволоки с напаянными на нее белыми бусами, бронзовая монета, три раковины-каури с просверленными дырочками, бронзовое украшение в форме «бадама» с тремя ушками и много бусин различной величины, цвета и материала (табл. XIII, 3). Из них двадцать штук очень мелких (диам. 10—15 мм), десять черных разной величины, три перламутровых, две из пасты, три стеклянных, одна янтарная, две каменных (кварцевых²), всего сорок одна бусина. К востоку от погребения № 1 вскрыто детское погребение № 2 (глуб.

¹ А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья. Эпиграфика Востока, II.

1.02 м) с неполным скелетом — нет костей ног и раздавлен череп. Около кистей найдено двадцать семь мелких бусин разного цвета. Около черепа — матовые белые плоские бусы, такие же, как на проволочных кольцах в первом погребении (табл. XIII, 5). Под костяком плотно убитый грунт, возможно сырцовая кладка.

В погребении № 3 с детским скелетом (глуб. 1.45 м) ничего кроме шести альчигов у левого плечевого сустава не найдено. Затылочная часть черепа, шейные позвонки и лопатки окрашены в зеленоватый цвет медной окиси. Под захоронением на глубине 2 м сырцовые кирпичи, покрытые золой и древесным углем.

В детском погребении № 4 (глуб. 1.30 м) у костяка не хватает правых ребер, правой руки, череп раздавлен. Под черепом найдены четыре коралловых развилки, пять бусин из белого камня (кварца) разной формы, одна синяя бусина и сорок восемь мелких бусин разного цвета, разбросанных по всему костяку (табл. XIII, 1).

Погребение № 5 (глуб. 0.90 м) расположено рядом с детским погребением № 1; здесь был найден скелет взрослого, ориентированный головой на северо-запад, верхняя часть костяка потревожена.

В погребении № 6 (глуб. 1.95 м) костяк ориентирован на северо-восток, с правой стороны черепа найден бронзовый крючок. Под костяком плотно утрамбована земля.

Погребение № 7 (глуб. 1.40 м) со скелетом взрослого, ориентированным также головой на северо-восток. Кости сильно разрушены, возможно, действием грунтовых вод, вокруг скелета тонкий слой песка и галечника. Никаких предметов около костяка не найдено. На нижней челюсти, у подбородка, зеленое пятно медной окиси.

В северо-восточном углу раскопа, на глубине 2 м, отдельные сырцовые кирпичи с древесным углем и золой. В центре раскопа небольшая группа фрагментов от неполивной посуды.

Б. БАЛАСАГУН (РАЗВАЛИНЫ АҚ-ПЕШИН)

(Табл. XVIII—XXVII)

§ 6. РАЗВЕДОЧНЫЕ ШУРФЫ В КИДАНЬСКОМ (КАРА-КИТАЙСКОМ) КВАРТАЛЕ

К востоку от развалин шахристана г. Баласагуна расположен большой, огороженный валом, простирающийся на юг участок, по величине превышающий площадь шахристана. На этом участке среди подъемного материала встречались фрагменты полукруглой серой черепицы с отпечатком полотняной ткани на внутренней вогнутой стороне. По предположению А. Н. Бернштама, этот участок является частью г. Баласагуна, образовавшейся в период власти киданей; поэтому он условно назван киданьским кварталом. При описании производившихся здесь работ, для удобства изложения, будет употребляться этот термин.

Работы экспедиции в 1939 и 1940 гг. производились только на этой части городища.

Шурфы 1, 2, 3, 4 (1939 г.)

Шурф № 1. Шурф, размером 3×2 м, был заложен на небольшом холме в юго-западном углу киданьского квартала. Он носил чисто рекогносцировочный характер. При раскопках под слоем распаханной земли с большим содержанием фрагментов серой черепицы обнаружен слой рушеного сырцового кирпича с ничтожным содержанием фрагментов неполивной керамики. Эти находки подтвердили предположение, что холм является остатком бывшей постройки, синхронной кварталу.

Шурф № 2. Во время разведки на городище в киданьском квартале был зафиксирован небольшой прямоугольный турткуль раз-

мером 113×64 м. В центре его расположен продолговатый холм, площадью 35.50×21 м и высотой 1.50 м с небольшой седловиной. К подошве этого холма примыкают с юга другие холмы. На южном склоне был поставлен шурф № 2, размером 3×2 м. На глубине 0.30—0.55 м от поверхности обнаружен слой битой черепицы, главным образом, из красной глины. Тут же найден фрагмент керамического карниза с глубокими и широкими прорезями на лицевой стороне и дырочками для прикрепления на оборотной. Предметов домашнего обихода не найдено. Непосредственно под черепицей обнаружилось несколько угольных пятен.

На глубине 1.40 м появились сырцовые кирпичи, толщиной 6.5—7.5 см, большой плотности. На этом прокладка шурфа была закончена. Предметы, найденные в шурфе, с несомненностью указывают, что здесь находятся остатки большого здания, для исследования которого необходим развернутый раскоп.

Шурф № 3 и № 4. Эти два шурфа (размером 2×3 м каждый) были поставлены на другом внутреннем холме турткуля, расположенном к северу от вышеописанного шурфа № 2. Находки в этих шурфах подтвердили наше предположение, сделанное после установки шурфа № 2: на глубине 0.50 м был обнаружен сплошной завал полукруглой черепицы двух цветов — серой и красной. В шурфе № 4 найдена черепица с продольным выступом — ребром с круглыми налетами вдоль него. Под слоем черепицы лежали отдельные сырцовые кирпичи и мелкие фрагменты известковой штукатурки. Обнаружены следы пожара.

В 1940 г. на этом холме был поставлен раскоп II, вскрывший культовую буддийскую постройку XI—XII вв. (см. описание раскопа II).

Шурфы № 4 и № 5 (1940 г.). Посредине киданьского квартала расположен большой квадратный турткуль с невысокими, ограничивающими его валами. Весь киданьский квартал распахан под посеvy. Внутренняя поверхность турткуля тоже распахана и имеет очень небольшое число холмов.

Шурф № 5, заложенный на холме диаметром 23 м в северной части турткуля, прорезал холм с севера на юг траншеей в 10×2 м. Траншея вскрыла часть здания из сырцового кирпича. На глубине 1.25 м от поверхности находился пол здания. Две стены, образующие угол здания, различны по толщине: стена с направлением С—Ю 0.84 м, другая, с направлением В—З и уходящая в стенку траншеи, — 1.30 м. В северной части траншеи также обнаружена сырцовая стена. В пол помещения плотно вдавлены фрагменты неполивной керамики, черепицы и кости животных. Из остатков бытовых предметов найден только фрагмент круглого неполивного чирака с петлеобразной ручкой из красной глины, остальные находки — фрагменты черепиц крыши. В северо-западном углу траншеи был пробит пол (толщиной 10 см). Под полом до глубины 1.70 м шел слой материковой глины. На этом шурф был закончен. Он вскрыл часть сырцового здания, бытовавшего в киданьский период XI—XII вв. Под этим зданием следов более ранних поселений не обнаружено.

Шурф № 6 заложен в центре круглого высокого холма, расположенного приблизительно в 60 м к северу от раскопов I и II. Размер шурфа 4×4 м. Под дерновым слоем — завал из сырцовых кирпичей, который является несомненно остатками обвалившихся стен здания. Толщина слоя завала 1 м. Под ним обнаружена часть здания, уходящего вглубь на 3 м от поверхности. Стены здания сложены из крупных блоков и сырцовых кирпичей. В стене, пересекающей раскоп с севера на юг, была расширена арка, шириной 1 м, высотой 1.80 м, с полуциркульным сводом. Стена из блоков идет также в направлении с севера на юг; она состоит из двух рядов блоков, один ряд положен на другой так, что при этом образуется выступ. Величина шурфа не дала возможности судить, даже частично, о плане обнаруженного здания. Керамика из этого шурфа представлена только фрагментами неполивной посуды, которые можно разделить на две группы: а) малые и средней величины сосуды, преимущественно лощеные. Фрагмент воронкообразной горловины (диам. 13 см) тонкостенного сосуда (3 мм) желтого лощения, со следами красной краски. По горловине, ниже слегка отогнутой закраины, проходит орнаментальная полоска, состоящая из ряда кружков. Фрагмент горловины сосуда того же типа

что и предыдущий, диаметром 8.1 см, желтого лощения, без орнамента. Фрагмент горловины (диам. 12.8 см) с частью тулова тонкостенного небольшого сосуда, по форме напоминающий кринку. Тесто розовое, этот фрагмент лощения не имеет. Фрагмент горловины (диам. 16.7 см) тонкостенного сосуда со слегка отогнутой закраиной, розового теста, желтого лощения. По шейке идет орнаментальная полоска из параллельных желобков, между которыми проходит волнистая линия. Фрагмент кубкообразного сосуда желтого лощения, с диаметром венчика 30 см, тесто зернистое, толщина стенок 8 мм. Фрагмент вертикальной горловины (диам. 8 см) небольшого сосуда с врезным желобком по плечикам, покрыт желтым лощением. Фрагмент горловины (диам. 20 см) большого сосуда со стенками толщиной 5—7 мм, покрыт желтым лощением; б) хумы, крышки, ручки. Найдено несколько фрагментов венчиков хумов — угловые без орнамента, с отогнутыми книзу краями и с прямым прямоугольным венчиком. Диаметры горловин хумов 38—43 см. Тесто хорошего промеса, поверхность ангобирована желтой и красной краской. Небольшие фрагменты крышек хумов имеют простой елочный орнамент резными линиями. Встречается также орнамент волнистыми полосами и кружками. Ручки петлеобразные, величиной 7×4 см, от крупных сосудов. Покрыты желтым и красным ангобом.

Таким образом, шурф № 6 вскрыл остатки верхнего сырцового здания, перекрывавшего более старую постройку из блоковых стен с внутренней сырцовой стеной и аркой с полуциркульным сводом. Для этой старой постройки характерна неполивная лощеная керамика. На основании перечисленных данных, нижнюю постройку следует отнести к VII—VIII вв., ко времени согдийской колонизации Семиречья, а верхнее здание, завалы стен которого обнаружены шурфом № 6, относится, по видимому, к мусульманскому периоду.

§ 7. БУДДИЙСКАЯ ЧАСОВНЯ И МОНАСТЫРЬ (Раскопы I и II, табл. XIX—XX, XXII—XXVII)

а) Жилые помещения монастыря (Раскоп I)

С западной стороны дороги, ведущей на Лубяной завод, расположенный под горами, внутри вала киданьского квартала находится небольшой турткуль, состоящий из невысоких холмов, обнесенных валом. От северо-западного угла отходит внутрь турткуля большая возвышенная площадка с продолговатым холмом. Здесь был заложен раскоп I (10×7 м), вскрывший часть жилой постройки из массивных сырцовых стен, с небольшими хозяйственными помещениями, богатыми бытовым инвентарем. Под дерновым слоем, в твердом грунте завалов, было много фрагментов серой черепицы и небольшое количество фрагментов неполив-

ной керамики. На глубине 0.80 м выявились стены из сырцового кирпича большой плотности. На глубине 1 м вся площадка, охваченная раскопом, была выложена большими сырцовыми плитками (размером $40 \times 28 \times 10$ см). Число предметов, найденных над этой площадкой, весьма невелико. Обнаружены фрагменты кухонной посуды из серо-синей глины (из такой же глины сделана найденная черепица), фрагмент тонкостенной чашечки, фрагменты угловых венчиков хумов, фрагмент большого сосуда с волнообразным налепом под отогнутой закраиной и вдавлениями от пальцев, фрагмент сосуда с черным лощением, фрагмент вертикальной ручки большого сосуда и много сизо-серой черепицы с отпечатком ткани на внутренней вогнутой поверхности.

У западной стены раскопа, на глубине 1 м, на уровне с площадкой, сделанной из сырцовых кирпичей, обнаружено прямоугольное маленькое помещение (2.00×1.50 м), три стенки которого сложены из сырцового кирпича (кладка в один кирпич), и только верхний ряд из жженого кирпича сизого цвета. Внутренность этого помещения была завалена упавшими сырцовыми плитами. Плиты были удалены, и под ними, в завалах глины, продолжали встречаться отдельные предметы домашнего обихода. На глубине 1.10 м найдены фрагменты медного тонкого окислившегося предмета, возможно нашивки на пояс, фрагмент капители полуколонки из розового песчаника (?) (см. описание резного камня в раскопе II). В соседнем помещении были обнаружены фрагменты круглых щитков к черепице с штампованым рельефным орнаментом и плохо сохранившиеся окислившиеся железные предметы: ножи, длиной 7 см, шило. Встречается и керамика: на глубине 1.10 м — фрагмент кесы белой поливы с зелено-голубыми полосами, на глубине 1.40 м — небольшой тонкостенный (толщиной 0.4 см) сосудик из глины яркооранжевого оттенка, с резко отогнутым венчиком и обломанными с обеих сторон ручками (размеры его — диаметр 5.8 см, высота — 6 см).

Появившиеся на отметке 0.80 м стены прослеживаются и ниже. Одна, идущая с З на В, очень широкая, сохранилась только частями (в вертикальном направлении); она имеет у основания ширину 2 м. Две другие стены (направление с ЮЗ на СВ) уже, одна из них 1.30 м шириной. В прирезке (30 кв. м), сделанной на север, в направлении стены, та же последовательность слоев: на отметке 0.80 м сырцовые стены, на глубине 1 м сырцовые плиты, над плитами фрагменты медного окислившегося предмета, окислившееся железо, небольшие чашечки, изогнутый железный предмет, фрагмент кесы белой поливы, аналогичный встреченному в центральном раскопе, половина монеты с отверстием посредине (китайская?), разбитый, с обгорелой

поверхностью сосуд с налепными ручками, орнаментированными тремя вдавлениями, фрагмент неполированной орнаментированной крышки, фрагмент архитектурного украшения из розового камня, часть донца темнокоричневой поливы, пятна золы, фрагменты тандыра. При углублении первоначального квадрата, в северной его части обнаружен аналогичный материал — фрагменты караханидской керамики (белая полива со стилизованным буквенным орнаментом), окислившиеся медные наконечники на кожаный пояс со шпеньками для прикрепления и железные предметы невыясненного назначения.

В одном отсеке, между двух стен, идущих перпендикулярно центральной двухметровой стене (направление В—З), был снят весь слой земли до материка. До 2 м глубины прослеживалась сырцовая кладка большой стены. На этой отметке был обнаружен завал из гальки, битой черепицы и фрагментов больших горшков, прослеживавшийся до глубины 2.30 м. Ниже был материк, и на отметке 2.70 м углубление было прекращено.

На участке раскопа между восточной стеной помещения и восточной стеной раскопа, на глубине 1.30 м, были найдены: монета с отверстием, железный нож и расчищены три группы полосок из нескольких жженных кирпичей, назначение которых не удалось установить.

Чрезвычайно интересны расчищенные в центральной широкой стене узкие каналы-каны, проложенные неглубоко от наружной поверхности. Один, южный, канал проходил вдоль всего отрезка вскрытой стены и был заполнен слоем гальки и песка толщиной в 15 см. С северной стороны такой канал расчищен только на небольшом участке, он расположен еще ближе к наружной грани стены.

Узкий зазор расчищен и в полу, вдоль южного отрезка западной стены.

Недалеко от этого зазора на полу найден железный наконечник стрелы.

Южнее двухметровой стены, идущей через раскоп с запада на восток, на сравнительно большой площади в несколько десятков квадратных метров отдельных помещений не обнаружено. Здесь найдено значительное число фрагментов керамики, костей животных и на глубине 1.35 м — медная маленькая и тонкая монета с квадратным отверстием (китайская). Возможно здесь был внутренний двор здания. С востока он был ограничен стеной в 1.50 м шириной, длиной 7.20 м. Если предположить, что с крайней западной стеной смыкалась широкая северная стена (что пока не ясно из-за оставленного здесь нераскопанным участка), а также и южная, которая вскрыта только на небольшом отрезке в 5 м (и то только своей внутренней гранью в узкой разведочной траншее), то размер этого дворика должен быть равен 7.20×11.30 м. Восточная стена дворика сохранилась только на очень незначительном

участке, но ее остатки ясно прослеживаются по всей указанной длине. Интересны две полосы длиной в 1.50 м, сложенные из жженных кирпичей в один ряд. Кирпичи эти, серосизые, размером 35×16 см, расположены значительно выше пола двора, возможно они служили порогом или были частью канов (?).

В сделанной на запад вдоль всего раскопа прирезке, шириной в 5 м, выявилась занявшая почти половину всей площади прирезки, на той же приблизительно отметке, кладка из сырцовых кирпичей, но значительно меньших размеров.

Почти вплотную к западной стене раскопа и по всей ее длине расчищена западная стена здания шириной 1.50 м, возможно являвшаяся наружной стеной открытого здания. У середины стены расчищены маленькие хозяйственные помещения, причем одно, размером 1.90×1.65 м, врезано на 0.90 м в толщу стены. Здесь на глубине 1.40 м от поверхности, на полу из плотно утрамбованной глины лежал маленький неполивной «чайник» (7×8 см) с отбитыми горловиной, носиком и ручкой. В углу была найдена круглая труба (длина 31.5 см) с обгорелой внутренней поверхностью, что указывает на использование этой трубы в качестве дымогарной. Тесто сизо-серое, как у черепиц крыши; технология производства, очевидно, та же — на внутренней стороне заметны отпечатки ткани. На полу найден сильно обгорелый фрагмент глиняного светильника в виде лапы тигра или льва; тесто с примесью дров. Восточная и часть южной стенки этого помещения очень тонки, в один кирпич (шир. 13 см).

За восточной стенкой расположены очаги — два небольших спиритык к ней и один большой круглый тандыр прекрасной сохранности, слегка суживающийся кверху (диам. 0.65, выс. 0.64 м). На полу на глубине 1.40 м найдена медная пуговица. С восточной стороны к тандыру примыкает совсем маленькое помещенье 1.00×1.00 м, в котором также было много керамики. Тут, на глубине 1.26 м, найден кувшинчик с отбитой горловиной и горизонтальной ручкой, неполивной, такой же величины, как и «чайник», найденный в соседнем помещении (7×7 см); в углу (юго-восточном) на глубине 0.70 м обнаружена большая овальная черепица (0.40×0.24 м), с обгорелой внутренней поверхностью, по всей вероятности под ней тоже был расположен очаг. На полу зольные пятна, единичные жженные кирпичи. Найдена также бронзовая булава с кубической головкой. На 2.10 м к северу от круглого тандыра расчищена сырцовая (глинобитная?) стена, шириной 0.70 м, протяжением 4.30 м, с дверным проходом с запада (шир. 0.70 м), идущая параллельно центральной широкой стене с ЮЗ на СВ. К ее северной грани примыкает несколько очагов, из которых два расположены на расстоянии 2.50 м к западу от дверного проема и разграничены небольшой

сырцовой стенкой. Очаги сложены из сырцовых кирпичей, поставленных перпендикулярно к сырцовой стене. Вдоль всей этой стены, начиная от прохода и до указанных очагов, мы обнаружили большое количество неполивных целых сосудов и фрагментов поливной керамики. Особенно много находок было у прохода. Все найденные предметы находились на глубине 1.20—1.30 м, на плотно утрамбованной площадке, местами покрытой зольными пятнами, которая является полом этого помещения. У самого дверного проема, на зольном пятне, на глубине 1.25 м, найдена разбитая пиала белой гладкой поливы на небольшом поддоне с угловатым изломом стенок кнаружи. Диаметр по верху 11.5 см, диаметр поддона 4.7 см, высота 4.5 см. Немного севернее, на глубине 0.85 м обнаружена черная бусина с прорезями, размером 9×14 мм. Восточнее, на том же уровне на интенсивном зольном пятне находилась груда жженных кирпичей и фрагменты неполивных сосудов. Дальше, на расстоянии около метра от пиалы и 0.70 м от стены — два больших кувшина (на глубине 1.10 м), с отбитыми узкими горлышками (у одного отбито и дно) и вертикальными ручками, тулово одного из них вытянутое грушевидное. Тут же фрагменты разбитых неполивных сосудов и фрагменты поливной белой и цветной караханидской посуды. У стены сизо-серая черепица, обгорелая изнутри, — возможно, что ее использовали так же, как в западных комнатах, в качестве вытяжной трубы над очагом у стены. Еще на 1 м севернее этой группы находок, на глубине 1.30 м, было обнаружено три сосуда — большой кувшин, типа мустахара с узкой частично разбитой горловиной, опоясанной двумя горизонтальными врезными линиями, с поставленной вертикально на выпуклой стороне тулова широкой плоской ручкой. Высота сосуда 35.5 см, диаметр дна 14.8 см, тулова 26 см. Рядом с ним лежал небольшой кувшин с эллипсоидным туловом, с отбитой вертикальной ручкой, орнаментированной двумя врезными горизонтальными поясами по плечикам. На горловине круглое маленькое сквозное отверстие. Высота тулова 11.5 см, диаметр 13.5 см, диаметр дна 7.5 см. Третий, целый сосуд — также с эллипсоидным туловом — орнаментирован двумя врезными горизонтальными поясами по плечикам, сосуд без горловины, с небольшим угловым венчиком, высота 21 см, диаметр 20 см, диаметр дна 12 см. Обе вертикальные ручки отбиты.

Непосредственно в восточном очаге была найдена часть тулова лощеного кувшина с орнаментальным штампованным поясом на плечиках в виде буквы S, лощение желтое, со следами красной краски.

Около этого очага, на глубине 1.50 м, находился узкий высокий кувшин, с грушевидным туловом, длинной узкой горловиной и вертикальной ручкой. Высота 45.5 см, диаметр

тулова 24 см, диаметр горловины 8.5 см, диаметр дна 13.5 см. Немного выше на глубине 1.30 м — круглая тюркешская монета с квадратным отверстием и колечко.

Северо-восточнее этого кувшина, на расстоянии около 1.50 м от него, около восточной стены помещения, на глубине 1.50 м найден светильник в виде треноги с частью верхней чашечки. Высота светильника 10 см, глубина чашечки 2 см, сделан из глины с большим количеством дресвы.

Этим исчерпывается перечень обнаруженных предметов во вскрытой части помещения.

К востоку от помещения, за его стеной, на глубине 1.40 м также идет частично вскрытая плотно утрамбованная площадка. Здесь найдено несколько мелких фрагментов от белых и коричневых поливных сосудов, некоторые из них были украшены буквенным орнаментом, фрагмент донца с вихревой розеткой — типичные образцы караханидской керамики, и окислившийся железный нож. Весь северо-восточный угол раскопа на отметке до двух метров покрыт слоем плотной глины с галькой, может быть остатком специально утрамбованной площадки. Никаких предметов здесь не обнаружено, и площадка глубже не снималась.

Таким образом, раскопом вскрыта часть несомненно жилого здания, общий план которого, ввиду недостаточности полученных данных, еще не вполне ясен. Не вполне ясен план даже вскрытых помещений. Можно предполагать, что остальная часть здания расположена к северу от вскрытого участка, куда уходят две стены.

В северо-западном углу размещались хозяйственные постройки, где готовилась пища, южная часть занята внутренним двориком, из которого, вероятно, был проход в расположенную к востоку от него часовню, а северо-восточный угол возможно был наружным углом этого здания.

Вскрытое здание, благодаря обнаруженному в нем материалу (караханидская полива, тюркешские монеты, неполивные сосуды), может быть отнесено к XI—XII вв. Судя по вскрытому рядом культовому зданию (раскоп II) и общему плану этого тепе, помещения, обнаруженные раскопом I, были хозяйственными помещениями буддийского монастыря, руины которого и образуют весь этот турткуль.

б) Буддийская часовня

(Раскоп II)

Внутренний северный холм турткуля, находящегося у дороги на Лубяной завод, вскрыт раскопом II. Небольшой овальный холм, размером 21.50 × 12.50 м, был пересечен в продольном направлении с запада на восток узкой разведочной траншеей в 2 × 2.5 м. Траншея на востоке велась до шурфов №№ 3 и 4 1939 г. Траншея носила разведочный характер, задача ее — выявление стен.

Под небольшим слоем земли, толщиной 0.30 м, на расстоянии 9 м от восточной стены раскопа I был вскрыт сплошной слой черепицы (из красной и серой глины) от упавшей крыши. Слой черепицы доходил местами до 10—15 см, а местами до 20—30 см. Непосредственно под слоем черепицы, на расстоянии 12.5 м от восточной стены раскопа I, были обнаружены сырцовые стены здания, и дальше раскоп II продолжали вдоль стен, по мере их выявления. Здание было сильно разрушено. В завале черепицы и глины, прикрывавшем остатки здания, и на его полу были черные угольные и зольные пятна — следы пожара. Стены сохранились на высоту 0.20—0.50 м от пола, расположенного на глубине 0.68 м.

Вскрытая часть здания, размером 14 × 6.5 м, состоит из двух рядов параллельных стен, из которых внутренние представляют собой вытянутый с запада на восток прямоугольник с ломаной линией южной стены. Толщина этих стен — 0.40 м, за исключением западной и восточной стен крайнего западного помещения, толщиной в 0.65 м. Прямоугольник окружен наружными стенами, толщиной 0.65— и 0.95 м, отстоящими от него на 1.50 м (кроме восточной стены, отстоящей от него всего на 0.50 м) и образующими узкий коридор вокруг внутренних стен. Из наружных стен вскрыта северная (толщиной 0.65 м), вдоль которой сохранился на половину ее длины идущий по полу глиняный уступ-скамейка, шириной 0.24 м; западная и восточная стены имели ширину 0.95 м. Бросается в глаза то обстоятельство, что стены, идущие с севера на юг, во всем здании сделаны более массивными, чем стены, идущие перпендикулярно им — с востока на запад. Вряд ли это случайно. Чтобы понять причину такой кладки, нужно вскрыть весь комплекс построек, сейчас же можно только предполагать, что это сделано, быть может, для устойчивости здания во время землетрясений (?). Южная наружная стена здания не вскрыта, обнаружить ее поблизости не удалось. Она или целиком разрушена, или как и западная и восточная стены, которые здесь также обрываются, продолжалась до соседнего южного холма (шурфовался в 1939 г., см. описание шурфа № 2), под которым, нужно думать, сохранились остатки культового здания.

Стены сложены из сырцового кирпича, размером 24 × 17 × 6 см и 33 × 20 × 7.5 см, положенного плашмя. В некоторых местах нижний ряд кладки состоит из жженных кирпичей (размером 34 × 16.5 × 5.5 см); строительный прием, которым обычно пользовались при постройке сырцовых зданий в караханидскую эпоху. Во внутреннем здании вскрыта только одна, упоминавшаяся выше, западная комната, размером 2.36 × 1.62 м с разрушенной половиной северной стенки. В восточной части расположены маленькие

помещения, которые не могут быть названы комнатами. Одно из них, размером 1.05×0.74 м, со стенами в один кирпич (шир. 0.20 м), явно не входило в архитектурный расчет при постройке здания, так как оно загораживает западный коридор, и очевидно пристроено несколько позднее. Второе помещение, побольше, размером 1.25×1.00 м находится в юго-западном углу внутреннего здания. По середине западной его стенки, снаружи, сделана глубокая ниша, размером 0.60×0.35 м. В этом помещении на 10 см выше пола, в засыпи были найдены: пастовая буса с желтыми полосками и красным глазком и глиняный кувшин с округлым слегка вытянутым туловом, диаметром 18 см, высотой 16.5 см, плоским дном, обломанной горловиной (диам. 10 см) и вертикальной ручкой.

Вся площадь между этими маленькими помещениями и северной и южной стенами здания заполнена спрессованной, чисто просеянной глиной. Слой этот не вскрывался. Насколько можно видеть, эта площадка отступает от южной и северной стен на один кирпич — 0.20 см. У южной стены на этой площадке найден фрагмент небольшого сосуда с эллипсоидным, сплюснутым по вертикали туловом (диам. 11 см) на небольшом поддонье (диам. 6.5 см) из красного теста хорошего промеса. Остатков бытовых предметов и керамики в этом раскопе было очень немного. Кроме вышеуказанных находок, в засыпи обнаружены фрагменты двух неполивных плоскодонных маленьких (диам. 6 и 4 см, выс. 3 и 2 см) плашек-светильников, одного круглодонного широкого (диам. 0.45 м), низкого сосуда типа лохани (тагара), с оттянутой петлеобразной ручкой и сдвоенным жгутом по наружной стороне венчика, два фрагмента узкой, расширяющейся на одном конце керамической трубы, скорее всего служившей для созыва жителей на молитву, подобно еще недавно употреблявшейся в мечетях трубе, называемой бушхамом. Два эти фрагмента, составленные вместе, представляют кусок трубы длиной в 21 см, расширяющийся к одному концу (диам. 11.5 см) и суживающийся к другому (диам. 4 см). Вся поверхность трубы покрыта горизонтальными выпуклыми поясами, украшенными штампованным врезным орнаментом из треугольников, уголков и кружков.

Этим ограничивается список фрагментов керамических бытовых предметов, найденных в этом раскопе.

Большой интерес представляют найденные в раскопе фрагменты архитектурных украшений из камня, глины и алебаstra.

Архитектурные детали из глины (табл. XXII, XXIV, 3—XXV—XXVI). Фрагменты глиняных статуй и архитектурных деталей были сосредоточены, главным образом, в северном и восточном коридоре, невысоко от пола — 10.5 см. Все фрагменты небольшие, хруп-

кие, и извлечение их из общей массы глиняного же завала составило большие трудности.

Наиболее крупные фрагменты представляли обломки ноги глиняной статуи в цветной одежде, ниспадающей по ноге овальными широкими складками — характерный прием трактовки одежды в искусстве Восточного Туркестана XI—XII вв.

Из завалов были извлечены хрупкие фрагменты рук статуй, обнаженных или покрытых складками одежды, и много мелких фрагментов — низ платья с мелкими вертикальными складками, отдельные кусочки от одежды, раскрашенной красным и белым, с красивым цветным узором синей, желтой, красной и зеленой краской.

Сохранились части головы глиняной статуи — небольшие фрагменты с конусовидными бугорками, покрытыми спиральной резьбой, изображающие волосы, и фрагмент, на котором видны удлинённый глаз (9.5×4 см) с опущенным наружным углом и большим выпуклым глазным яблоком и глубокая косая морщинка на лбу. Эти фрагменты сохранили следы голубой окраски.

В восточном проходе были обнаружены фрагменты большого глиняного лотоса без раскраски с закругленными листьями — характерный пьедестал для статуй буддизма и будд.

Сохранился очень небольшой фрагмент, изображающий ткань, со следами раскраски, возможно осколок бывшей здесь иконы, что часто встречается в буддийских часовнях и храмах этого времени. Тип рисунка на ткани установить невозможно.

От собственно архитектурных украшений здания уцелело еще меньше, чем от культовых статуй.

На полу северного коридора, вплотную к его южной стене, найден фрагмент глиняной трехчетвертной колонны диаметром 7.5 см с горизонтальными перевязями. Колонка укреплялась на стержне из соломы или чия, связанного веревкой. Это можно установить по отпечатку на стенках отверстия внутри колонки. У юго-восточного угла здания, на обрыве восточной стены, было обнаружено большое число обгорелых глиняных фрагментов архитектурных деталей. Отсюда извлечен порывший от огня фрагмент низа аканфовой пальметы и волюты. В восточном же коридоре были найдены небольшие кусочки профилированных архитектурных деталей со следами синей раскраски, центральный круг лотоса (диам. 11 см), раскрашенный красной, желтой и синей красками, с началом расходящихся от него листьев, и другие очень мелкие кусочки.

Архитектурные детали из алебаstra (табл. XXIV, 1). Эта группа — самая немногочисленная. Наиболее крупные фрагменты были найдены в восточном коридоре. Один из них, вогнутой формы, с отлогим, широким, высту-

пающим вперед ободком в 6.5 см и помещенными за ним на плоской части двумя шишечками-сосочками, размером 4×4 см. Очевидно это обломок замка арки. Тут же найден фрагмент (10×9 см) ребристого штука. Острые ребра разделены овальными желобками шириной в 4 см, глубиной в 2 см. Материал обоих фрагментов одинаков, возможно это части лепной композиции. Отдельные мелкие кусочки белой штукатурки дают представление лишь о материале и толщине слоя (в 1 см); некоторые фрагменты были двухслойными, толщиной в 2 см.

Архитектурные детали из камня (табл. XXIII—XXIV, 2, 4). Большинство фрагментов резного камня (песчаник розоватого и серо-синеватого цвета, довольно хрупкий) было найдено у юго-восточного угла здания в восточной комнате и у южной стены прямоугольника, и не на полу, а среди завала черепицы на глубине 0.25—0.45 м. Фрагмент плиты с изображением мифического существа типа «фо» найден в противоположном конце, на 3.50 м к западу от западной стены здания на глубине 0.30 м. Всего было найдено 23 каменных фрагмента плиты, лотосов и отдельных архитектурных деталей.

Лотосы со ступнями (табл. XXIII, 6). Наиболее крупные из найденных фрагментов (27×15 см) — два обломка лотоса с частью ступней ног. Вместе с шестью мелкими фрагментами они составили переднюю часть сдвоенного лотоса (высота верхней части лотоса 12 см, диам. 55 см). От нижней половины цветка сохранилась только очень небольшая часть — начало перехода к верхнему лотосу. Характерные особенности изображения: изображены именно двойного лотоса, специфическая разделка лепестков его, пухлые, широко поставленные ступни ног, со сдвинутыми пятками, величина их ($1 \frac{1}{4}$ натуральной) — все признаки указывают на то, что это подножие статуи будды. Найденный в раскопе I фрагмент (18×11 см) головы (диам. 26 см) с волнистыми волосами прически и высокой (5 см) ушницей несомненно является частью той же статуи.

Каменная плита. От массивной каменной плиты, толщиной 10.7 см (из такого же камня, что и статуя будды) с высеченными на ней рельефными изображениями, найдено только два небольших фрагмента — правый верхний угол плиты, размером 15×10.8 см с изображением бодисатвы и второй, размером 17.5×7 см, от низа плиты с изображением мифического буддийского существа фо (табл. XXIII, 2, 3).

Фигурка бодисатвы расположена вплотную к правому бортику шириной в 3 см. Верхнего бортика не сохранилось, но по утолщению плиты над головой фигурки можно определить, что он проходил на расстоянии 1 или 1.5 см от нее. Фигурка сохранилась только по груди (9.8×6.2 см). Черты лица, за исключением небольшого полного выпуклого рта, почти

стерты. Лицо крупное, полное, волосы вокруг лба даны насечками, высокая ушница также. В ушах с длинными оттянутыми мочками — круглые шарики серег, лежащих на плечах. Правая рука и плечо стерты, на левой стороне заметны перевязи поверх одежды. Плита хорошо отшлифована как с лицевой стороны бортика, так и с задней.

На втором фрагменте сохранилась часть фигурки фо; оно изображено в геральдической позе, как бы сидящим на нижнем бортике плиты шириной в 8.7 см. От изображения фо уцелели: 1) передняя часть торса без спины и головы, с двумя прядями гривы; 2) правая передняя массивная лапа; 3) левая передняя, поднятая до плеча и 4) пальцы от задней правой лапы. Высота рельефа от 2.5 до 0.5 см. Вся плита вставлялась в какую-то архитектурную деталь, охватывавшую нижний бортик плиты на 5 см, что видно по светлой нижней части его, не обветренной, как бы новой, в противоположность верхней части в 3.7 см (равной ширине правого бортика), потемневшей, как и вся плита. Кроме того, на нижней грани плиты есть косые диагональные насечки, явно сделанные для лучшего ее крепления.

Найдены два фрагмента от архитектурных деталей из резного камня, украшенных изображениями черепах. Один из них представляет небольшой кусочек, размером 8×3 см, каменной хорошо отшлифованной плиты, толщиной в 3.2 см, из серого песчаника. У самого края плиты была высечена черепаха, от которой сохранились только задние лапки и хвост. Полная высота рельефа неизвестна — место расположения самой высокой точки, т. е. щиток черепахи, не сохранилось. Во всяком случае, судя по хвосту и лапкам, она была не меньше 1.5 см. Нижняя поверхность плиты имеет неглубокие диагональные нарезки. Этот технический прием мы видим почти на всех найденных фрагментах камней — на фрагменте со львом, на только что описанном и на нижней поверхности плоских лотосов, о которых будет сказано дальше.

Второй фрагмент с изображением черепахи найден в раскопе I. Это осколок величиной 10.5×12.5 см, который является частью архитектурной детали, скорее всего углом капители, из розовато-сиреневого песчаника. К сегменту, шириной 10.5, высотой 5 см, сверху примыкала высеченная рельефом черепаха, от изображения которой сохранилась только левая задняя лапка и овальная полоска; к полоске примыкал вероятно щиток черепахи. От полоски направо и налево расходятся декоративные насечки. Восстанавливая по уцелевшим частям размеры этих двух черепах, мы получаем величину, общую для обоих изображений — 8×8.5 см.

Последним фрагментом высеченных в камне изображений живых существ были массивные, скрещенные птичьи лапы по 5 см шириной,

с наполовину обломанными пальцами, обработанные с трех видимых сторон; задняя сторона представляла ребра с косыми насечками. По всей вероятности это ноги мифического существа из буддийского пантеона — Гаруды, птицы-человека, переносившей на себе богов.

Наконец, были найдены фрагменты лотосов, кубической капители и шара. Общей для всех трех архитектурных деталей особенностью является способ их крепления — все они были укреплены на круглом стержне, для которого в центре каждой было просверлено специальное отверстие.

Лотос (табл. XXIV, 4) Наиболее крупный фрагмент (16.5 × 20 см) сохранился от широкого, распластанного лотоса, диаметром 40 см, высотой 10 см. В центре просверлено отверстие диаметром 7.2 см; вокруг него расположено выпуклое кольцо, шириной 3.5 см. От кольца радиусом расходятся три расположенных друг над другом ряда лепестков. Верхние, длиной 13 см, занимают горизонтальную плоскость, два нижних ряда более коротких лепестков расположены по вертикальным граням лотоса. Снизу, в самой середине, лотос имеет квадратное широкое углубление (1.2 см), покрытое диагональными нарезками, указывающими на то, что лотос был укреплен на квадратном фундаменте. Форма лотоса говорит о том, что он был расположен ниже уровня глаз. Другие два небольших фрагмента от вертикальных граней лотоса имеют более четкую проработку лепестков. Но форма и соотношение их такие же, как и на большом фрагменте. Только ширина лепестков первого ряда больше — в первом случае она равна 6 см, в этом — 7 см. На нижней плоскости — такие же детали крепления, как и на первом фрагменте лотоса. Вероятно это лицевая и тыльная стороны одного лотоса, но не исключена возможность и того, что мы здесь имеем фрагменты двух одинаковых лотосов.

Капитель (табл. XXIV, 2). Собранный из нескольких фрагментов и реконструированная капитель или навершие, высотой 10.7 см, состоит из нижней кубической половины (размером 11.6 × 6.5 см) и верхней, в виде полушария, диаметром 11 см, обрамленного квадратной рамкой (размером 15 × 15 см). На каждой стороне рамки три стилизованных лепестка лотоса. Посредине сквозное отверстие для крепления, диаметром 6.5 см, с косыми насечками на стенках.

Шар. Каменный гладкий шар, диаметром 9 см и сквозным отверстием, диаметром 2 см, сохранился на одну треть. На полюсах шар имеет срезанные площадки, указывающие на то, что он был какой-то средней частью в соединении нанизанных на стержень архитектурных деталей.

Последний небольшой фрагмент не дает возможности определить форму и содержание

рельефа, которому он принадлежал, поэтому описание его мы опускаем.

Архитектурные керамические детали. К архитектурным украшениям нужно отнести также группу фрагментов керамических щитков, карниза и плиты, которые являлись украшениями наружной части здания, в противоположность вышеописанным деталям, относившимся к его внутреннему убранству.

Карниз. Фрагмент керамического карниза из красной обожженной глины с косыми глубоко врезанными прямоугольными желобками и круглыми налестками под ними. Два фрагмента с такими же желобками, но без круглых налесток. На оборотной, тыльной, стороне первого фрагмента есть сквозные дырочки для крепления, на втором фрагменте — прямая полочка, поставленная перпендикулярно к плоскости карниза.

Керамические щитки (табл. XXV—4, 5). Многочисленные фрагменты круглых щитков, закрывавших у края крыши концы черепиц. Все они сделаны из серой глины и по орнаменту делятся на 3 группы: 1) щиток, диаметром 12 см, толщиной 2.3 см. Орнаментальный круг, диаметром 8.3 см, расположенный в центре, представляет сделанную штампом рельефную семилепестковую розетку, заключенную в круг из мелких перлов. Сердцевина розетки состоит из круга, в нем находятся 8 горошин, из которых 7 образуют также круг, а одна помещена в центре; 2) щиток того же диаметра и орнамента, но перлы наружного круга несколько крупнее, лепестки розетки мельче и обрамлены по наружным концам ломаной линией. Сердцевина такая же, как на предыдущих щитках; 3) диаметр щитка несколько больше 14 см, орнаментального круга — 8.7 см. Орнамент состоит из трех концентрических поясов, разделенных двумя ободками и заполненных одними крупными горошинами. Щитки с таким орнаментом были вероятно немногочисленны, потому что найден только один фрагмент такого щитка.

Орнаментированные черепицы (табл. XXV). Целые черепицы от крыши из серой и красной глины; все они различны по величине. Есть одна черепица, у которой узкий конец 11.3 см, середина 14 см и широкая часть 15 см, длина черепицы 33.5 см.

Все серые черепицы имеют на одном конце раструб, паз для соединения и не орнаментированы (во всяком случае нами не встречено ни одной серой черепицы с орнаментом).

Красные черепицы пазов для соединения не имеют, многие орнаментированы и делятся на узкие, более правильной прямоугольной формы, и широкие, трапециевидные в плане.

Черепица, длиной 36 см, шириной на одном конце 19 см, на другом 22 см, имеет в центре правильный круг, диаметром 10 см, как бы сделанный циркулем по сырой глине, со вписанной в него семилепестковой розеткой.

Черепица такого же типа (длиной 33,5 см, шириной 15 и 23 см) с одним обломанным углом, орнаментирована двумя стилизованными петухами. Петухи изображены в виде «бадамов», у одного обозначено нечто вроде гребня и бородки. На этом же «петухе» есть небольшой крестик. Рисунок сделан от руки — прорисован по сырой глине острым предметом. Черепица красного теста с ребром и круглыми налепами найдена в шурфе № 4 и описана в соответствующем месте.

Небольшой фрагмент узкой красной черепицы с мелким рисунком, из которого сохранилась только самая верхняя его часть: сердцевидный фестон, а на нем три креста, заключенные в круги. Над фестоном зигзаги в виде языков пламени или перьев. К сожалению, из-за очень небольшой величины фрагмента трудно говорить о содержании рисунка, но манера его напоминает манеру китайской живописи. Рисунок резной, нанесен острой палочкой.

Фрагмент широкой плоской черепицы — нижний правый угол, орнаментирован крупным цветком с широкими листьями на стебельке. У основания стебелька два продолговатых листа. Края черепицы покрыты круглыми небольшими вдавлениями, образующими как бы рамку.

Целая узкая красная черепица, покрытая слабо прорисованной, сделанной, повидимому, пальцами надписью, по определению Н. А. Бернштама, уйгурского происхождения. Другая черепица была с санскритской надписью.

Керамическая плитка. Здесь же были обнаружены два фрагмента керамической

плитки, толщиной 4,3 см, из красной глины, с крупным круговым рисунком. Средняя часть его была заполнена геометрическим узором (от него уцелело начало плетения), обрамленным веткой растения с широкими симметрично расположенными листьями. Рисунок сделан штампом (или резной?), оборотная сторона гладкая, местами лощеная. Ветка растения напоминает ветку священного растения в буддийской религии *Ninca biloba*, что является еще одним доказательством нашего предположения о назначении вскрытой раскопом постройки (табл. XXVI, 5).

Судя по плану вскрытой раскопом II постройки, главной особенностью которой является узкий коридор вокруг всего здания, фрагментам украшавших его глиняных раскрашенных статуи на пьедесталах в виде лотосов, светильникам и столь характерным по сюжету фрагментам резного камня, а также по отсутствию бытовых предметов (найденный здесь кувшин и часть лохани могли попасть сюда с приношениями), данная постройка была небольшой буддийской часовней, построенной в XI—XII вв. заезжими мастерами; возможно, что это были мастера местные, но целиком копирующие образцы религиозных построек Восточного Туркестана того времени.

Для реконструкции часовни и выяснения соотношения ее со вскрытой раскопом I частью жилого здания, которое вероятно являлось частью буддийского монастыря, нужно продолжить раскоп этих зданий, а также вскрыть весь турткуль.

В. ЯКАЛЫГ (ГОРОДИЩЕ КЫСМЫЧИ)

(Табл. III, 3; VI, 2—5; XVII, 4—6; XXVII, 1)

§ 8. РАСКОПКИ В ШАХРИСТАНЕ

Городище Кысмычи расположено на правом берегу р. Чу у самого края надпойменной террасы на территории колхоза «Трудовик», севернее села Ивановское (тракт Фрунзе — Токмак).

Раскоп I, или, вернее, разведочный стратиграфический шурф, был заложен на искусственном холме — тепе, в юго-восточной части шахристана. Он ориентирован на север — юг, размеры его 10 × 8 м, общая глубина 2,5 м. В северо-западной части шахристана был заложен еще один шурф, размером 2 × 2 м и доведенный до глубины 4,5 м.

В итоге работ выявлено три слоя:

Слой I — остатки построек из саманного кирпича, фрагменты керамики (до глубины 0,7 м).

Слой II — большое количество впущенных в остатки построек захоронений (глубина от 0,8 до 1,5 м).

Слой III — фрагменты керамики, зольные пятна, зольно-мусорная яма (глубина от 1,5 до 4,5 м).

Слой I (дерновый и поддерновый) — глубина слоя 0,7 м. Структура — лёсс, обломки саманного кирпича, зольные пятна, битая гру-

бая керамика. Целых сосудов нет. Керамика однообразна. Сосуды ручной лепки и сделанные на гончарном круге. Основных форм сосудов три:

1. Сосуды типа кузача, однако с несколько вытянутым туловом, сделаны на гончарном круге. Тесто плотное, дресвы мало, обжиг хороший, в изломе тесто красное и розоватое. Толщина стенок 0,8—1,2 см.

2. Котлообразные сосуды со слегка суживающейся горловиной, венчики слабо выражены, лепка в основном ручная. Тесто грубое, с большим количеством дресвы, в изломе красное, обжиг хороший, толщина стенок от 0,6 до 1,2 см. В одном случае обнаружен фрагмент венчика, приспособленного для крышки (с внутренней стороны имеет паз).

3. Сосуды небольших размеров — чаши, в основном ручной лепки. Тесто грубое, с дресвой, в изломе красное и розовое, обжиг хороший. Толщина стенок 0,7—0,9 см.

Единично встречаются:

а) фрагменты от хумов, сделанных на гончарном круге, тесто плотное, хорошего обжига,

дресвы мало, в изломе красное, толщина стенок 1—1.6 см, диаметр венчика 28—40 см.

б) фрагменты узкогорлых сосудов, сделанных на гончарном круге, тесто плотное, дресвы мало, в изломе красное, обжиг хороший, толщина стенок 0.7 см. Диаметр горловины 6—11 см.

Орнамент керамики бедный, имеется несколько фрагментов с прорезным орнаментом волнистой линией, а также несколько экземпляров с желобчатым орнаментом и орнаментом, выдавленным пальцами; найден один экземпляр витой ручки. Полива отсутствует.

С л о й II — кладбище. Погребения впущены в остатки здания из саманного кирпича. Уровень кладбища единый; очевидно это захоронения одной эпохи. Ориентировка захоронений север—юг, костяки лежат в спокойном вытянутом положении, у большинства ноги соединены в ступнях, руки сложены на поясе; очевидно тогда уже существовал обычай пеленания покойников. Инвентаря, обычно сопутствующего захоронениям, в погребениях нет.

Захоронения можно разделить на 2 типа:

1) Могильная яма обложена саманным кирпичом, сверху мягкая засыпь.

2) Могильная яма обложена саманным кирпичом, а над погребением сделано коробовое острорезное перекрытие из кирпичей.

Размер саманных кирпичей $40 \times 18 \times 9$ см.

Кладбище расположено на глубине 0.65 м от нивеллировочной линии.¹

Захоронение № 1: стены могильной ямы обложены саманным кирпичом, сверху мягкая засыпь, костяк лежал в спокойном вытянутом положении, головой на север; хорошо сохранились только длинные кости ног, кости черепа отсутствуют; с левой стороны костяка расположены остатки тандыра, начинающегося, примерно, от локтя костяка.

Захоронение № 2: стены могильной ямы обложены саманным кирпичом, над верхней частью скелета сделано перекрытие из кирпичей, кирпичи ставились на ребро под углом 45° и соприкасались углами. Свод прикрывал скелет только до бедренных костей. Размер саманного кирпича, употреблявшегося для этой цели $10 \times 20 \times 40$ см. Костяк лежал головой на север, сохранность костяка средняя. Ноги у ступней заходят одна на другую.

Захоронение № 3: могильная яма обложена саманным кирпичом, сверху мягкая засыпка. Детский костяк лежал в вытянутом положении, головой на север, длинные кости ног и кости черепа отсутствуют.

Захоронение № 4: могильная яма не выявлена, сохранились только кости черепа, ориентированного север—юг.

Захоронение № 5: могильная яма обложена саманным кирпичом, сверху коробовое пере-

крытие. Костяк находится в вытянутом положении, на боку, ориентирован север—юг, с отклонением на 20° к востоку; череп разбит, вся лицевая часть уничтожена, руки слегка согнуты в локтях.

Захоронение № 6: могильная яма обложена саманным кирпичом, сверху мягкая засыпь. Костяк лежит в вытянутом положении, ориентирован север—юг, ноги у ступней соединены, руки согнуты в локтях и сложены на груди. Череп с лицевой стороны раздавлен. С левой стороны около головы раздавленный котлообразный сосуд, принадлежащий к строительному комплексу, в который впущены погребения.

Захоронение № 7: стены могильной ямы обложены саманом, сверху мягкая засыпь. Костяк лежит в спокойном вытянутом положении головой на север, ноги у ступней соединены, руки слегка согнуты в локтях. Череп отсутствует. Захоронение № 7 расположено выше всех остальных захоронений, на глубине 0.5 м от нивеллировочной линии; частично под ним и западнее его находится захоронение № 3, описанное выше.

Захоронение № 8: стены могильной ямы не выявлены, ориентировка не выяснена, так как сохранились всего 2 кости черепа и несколько костей скелета, лежащих в беспорядке.

Захоронение № 9: стены могильной ямы не выявлены, ориентировка не выяснена, так как сохранилась лишь часть костей черепа и фаланги. Выше захоронения на 0.20 м и несколько восточнее его расположены остатки тандыра, достархана, найдены фрагменты керамики.

Захоронение № 10: стены могильной ямы обложены саманом, сверху мягкая засыпь. Костяк лежит в спокойном вытянутом положении головой на север, ступни ног соединены, руки согнуты в локтях, сложены на поясе.

Захоронение № 11 (детское): стены могильной ямы не выявлены, ориентировка костяка север—юг, лежал в вытянутом положении, кости плохой сохранности.

Захоронение № 12: стены могильной ямы обложены саманным кирпичом, сверху твердый грунт, костяк (ориентировка север—юг) лежит в спокойном вытянутом положении, ноги у ступней соединены, руки согнуты в локтях и сложены на поясе.

Захоронение № 13: стены могильной ямы обложены саманом, сверху мягкая засыпь, костяк лежит головой на север в вытянутом положении, руки закинута на плечи.

Захоронение № 14 (детское): стены могильной ямы выложены саманным кирпичом, над головой коробовое перекрытие, как и в захоронении № 2; ориентировка север—юг; погребение полностью не выявлено, так как уходит под южную стену раскопа.

¹ Нивеллировочная линия установлена на глубине 0.7 м от верхнего края северной стенки раскопа.

Кладбище расположено на развалинах здания предшествующей эпохи, о чем ярко свидетельствуют остатки саманных стен, поврежденных могильными ямами, тандыр, остатки материальной культуры (керамика, браслеты, бусы и т. п.).

Находки обычно расположены группами, как то, например, у тандыра, в квадратах № 5, № 4 и № 14.

Остатки тандыра находятся у восточной стены шурфа, на глубине 0.55 м. Сохранившаяся высота тандыра около 0.6 м, диаметр 0.86 м, тесто обычное, с большим количеством мелкой гальки и песка. Около тандыра найдены фрагменты керамики, достархана, кресало, пряслице, кусок каменной плиты, деревянный предмет в виде полулуния; в квадрате № 5, около раздавленного сосуда котлообразной формы, найдены кости животного; крышка хума, фрагменты железного предмета; в квадратах № 4 и № 14 — большое количество фрагментов керамики, жженые кирпичи.

Керамика этого слоя отличается разнообразием форм, обнаружено большое количество тонкостенных сосудов. Сосуды ручной лепки и сделанные на гончарном круге, все с дресвой, зачастую дресвы много и она крупная. Многие сосуды ангобированы, ангоб розовый, серый и коричневый. У ряда сосудов поверхность обмазана глиной, у единичных лощеная поверхность (красная). Основной прием орнаментации — накладной жгут на сосудах средней величины, желобчатый и вдавленный на сосудах больших размеров; изредка встречается резной орнамент в сочетании со штампом в виде круга. На ряде сосудов налепы в виде лепешечек под венчиком и на ручках.

Поливы почти нет; только в одном случае встречены сосуд белой поливы типа кесы небольшого размера, фрагмент зеленой поливы и фрагмент с остатками орнамента коричневой краской по краю.

Многие фрагменты керамики в подборе дают целые сосуды. Встречаются сосуды следующих форм:

1) Сосуды типа кумганов, с вертикальной прямой ручкой и с небольшими носиками, выступающими за диаметр тулова. Сделаны на гончарном круге, тесто с дресвой, рыхлое, в изломе красное, обжиг хороший. У трех встретившихся сосудов ручки имеют наверху около горловины налеп в виде лепешки диаметром 1—1.5 см. На ручках следы пальцев, ширина ручек 2—4 см.

2) Котлы (в большом количестве), венчики прямые и слегка отогнутые наружу, большинство сделано на гончарном круге; тесто с большим количеством дресвы, средней плотности и обжига. Ручки в виде горизонтальных налепов жгутом, полулунием; у одного экземпляра ручки в виде банта, концы которого располо-

жены в одной горизонтальной плоскости. Диаметр венчиков 20—25 см, толщина стенок 0.8—0.5 см. На всех фрагментах котлов следы копоги.

3) Сосуды грушевидной формы типа кузача на рельефно сделанных донце и поддонье, с петлеобразными ручками, венчик слегка отогнутый наружу; чаще всего сосуды ангобированы, ангоб розоватый. Сделаны на гончарном круге, тесто плотное, в изломе красное, дресва крупная, обжиг хороший, толщина стенок 0.5—0.8 см.

4) Узкогорлые сосуды больших размеров, типа хумов, венчик прямой и слегка отогнутый наружу, сделаны на гончарном круге, тесто плотное, хорошего обжига, в изломе красное, толщина стенок 0.6—0.8 см, диаметр венчиков от 8 до 11 см, у двух экземпляров по верхней части идет рифление (горизонтальное).

5) Небольших размеров котлы, сделанные на гончарном круге, тонкостенные (0.5 см), тесто плотное, в изломе красное, обжиг хороший, диаметр венчика 10.5 см. Ангобированы, ангоб темнокоричневый и красный.

6) Чашеобразные толстостенные сосуды, больших размеров, сделаны на гончарном круге, венчик отогнут и оттянут треугольником наружу, тесто плотное, дресвы много, обжиг хороший, в изломе тесто красное, толщина стенок 0.9—1.2 см. Ширина венчика 2.7 см, диаметр сосуда 40—45 см.

7) Сосуды баночного типа, сделаны на гончарном круге, венчики совершенно прямые, тесто с большим количеством дресвы, обжиг средний, толщина стенок 0.9—1 см, диаметр от 10 см и больше.

8) Грушевидной формы сосуды с резко отогнутым наружу прямым венчиком, представляющим собой как бы горловину. Сосуды сделаны от руки, тесто с дресвой, обжиг и плотность средняя, внешняя сторона сосуда обмазана глиной, под самым венчиком налепы в виде лепешечки диаметром 1—1.5 см, диаметр венчиков сосудов 10—12 см, толщина стенок 0.6—0.8 см.

9) Небольшая чашечка, имеющая петлеобразную ручку с пятой. Чашечка сделана грубовато, стенки толстые, поверхность неровная, красного лощения, тесто хорошего обжига, с дресвой, высота чашечки 5.5 см, пята длиной 3.2 см.

10) Фрагменты достархана, толщина стенок 2 см, поверхность ангобирована и обмазана глиной. Тесто с дресвой. Орнамент сделан пальцами; по венчику идут парные горизонтальные прямые линии, венчик отделяется волнистой линией; по дну проведены полосы, сходящиеся к центру, между ними вмятины пальцами.

11) Крышки с ручками от сосудов. Имеется три вида крышек: а) в виде гриба, примятые сверху двумя пальцами, верхний диаметр ручки

4—6 см, высота 3—5 см, тесто с примесью крупной дресвы, поверхность ангобирована, ангоб буровато-красный. Диаметр этих крышек около 15 см; б) цилиндрические, диаметром 5 см, высотой 6 см, тесто грубое, серое, много крупной дресвы, поверхность обмазана глиной; в) конические, высотой 3 см, тесто с дресвой, ангоб светлоричный.

Из других находок этого слоя необходимо отметить:

- 1) тюркешские монеты VIII в.;
- 2) керамические пряслица, круглые без орнамента;
- 3) бронзовые браслеты, сохранившиеся не полностью; один — из витой проволоки, другой — полый внутри, сохранилась часть застежки (после небольшой петли идет конец несколько меньшего диаметра, чем сам браслет);
- 4) два обломка железных ножей, слегка закругленных;

5) в узкогорлом раздавленном сосуде, в мягкой засыпи внутри сосуда, были найдены 2 нефритовые пряжки и 2 стеклянные бусины, одна желтая, вторая зеленовато-голубая.

Шурф в дальнейшем своем прохождении (углубление в северо-западной части) попал в слой мусорных ям (слой III), так что фрагменты керамики, встречающиеся в верхних его горизонтах, аналогичны находкам в слое II.

Необходимо отдельно отметить следующие находки:

- 1) кубической формы фрагмент статуэтки животного (вероятно, нога или часть копыта);
- 2) сделанная грубо статуэтка животного; по типу принадлежит к терракотам карлукского времени.

Ниже зольно-мусорных ям с глубины 4.5 м пошел материк.

Г л а в а III

ОЧЕРК ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО СЕМИРЕЧЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ

§ 1. РАННИЕ КОЧЕВНИКИ СЕМИРЕЧЬЯ III в. до н. э.—II в. н. э.

К III в. до н. э. на территории Семиречья сложились племенные союзы кочевников-скотоводов усуней. Экономической основой в хозяйственном укладе этих племен было скотоводство, — разведение лошадей, овец, крупного рогатого скота; значительное место занимала торговля с сопредельными странами, во-первых, с Китаем, во-вторых, с Согдианой; с окружающими племенами и народами велись непрерывные войны.

На базе этих трех основных факторов, у этих племен, переживавших уже стадию разложения родового строя, сложилась весьма своеобразная культура, представление о которой исследователь может составить, главным образом, по археологическим данным и показаниям китайских источников этой эпохи.

Так же как на ближайшем Алтае, где сложилась аналогичного типа культура, она явилась результатом долгого исторического развития. Еще в середине II тысячелетия до н. э. в отдельных местах Казахстана и Киргизии кочевали пастухи-скотоводы, знакомые с выработкой металла (бронзы). Они изготавливали из бронзы высокого качества особые вислобушные топоры, наконечники копий и стрел, а также мелкий инструмент для обработки дерева и кожи, как, например, долота, шилья

и т. д. В хозяйстве этих скотоводов уже значительное место занимало разведение домашней овцы, доставлявшей мясо для пищи, шерсть и кожу для изготовления одежды. Видимо определенное место в жизни человека этой эпохи занимала и охота на дикого зверя. Памятники этой эпохи, называемой археологами андроновской (по сходству ее культуры с культурой, представленной могильником у с. Андронов, Ачинского округа, Минусинского края), хотя и встречаются гораздо реже, сравнительно с памятниками ранних кочевников, но распространены уже по всей территории Семиречья вплоть до сыртов Тянь-шаня (Арпа). Во всяком случае северные отроги Киргизского Алатау, где природные условия наиболее богаты, знали обитателей этого времени, о чем свидетельствуют случайные находки бронзовых предметов у с. Кагановичское, расположенного неподалеку от г. Фрунзе, и многие другие находки. Сведения о населении Семиречья в эпоху с III в. до н. э. и по I в. н. э., как мы уже говорили, историки черпают из письменных источников и, главным образом, археологического материала. Письменные источники представлены китайскими сочинениями. Ко II в. до н. э. Китай, заинтересованный в налаживании торговли с Западом, куда он, главным образом, вывозил шелк, отправляет в Семиречье военные экспедиции и послов, чтобы склонить на свою сторону воинственные племена. Среди этих послов осо-

бое место занимает Чжан-Цянь, который дважды побывал в Семиречье (в 136—128 и 115 гг. до н. э.) и оставил подробное описание племен, населявших эту территорию. Эти описания путешествий Чжан-Цяня послужили материалом для ознакомления с народами Семиречья и вошли в древнейшие китайские исторические сочинения Ши-Цзи («Исторические записки» отца китайской истории Сы-Ма-цзяня, закончившего свой труд в 99 г. до н. э.) и Цянь-Хань-шу («История старшей династии Хань» — 206 г. до н. э.—8 г. н. э.), составленной китайским историком Бань-гу, окончившим свое сочинение в 27 г. н. э. Много сведений встречается и в более поздних источниках, которые, как правило, повторяют ранние, иногда дополняя их рядом деталей. Такого типа дополнения черпались из сообщений чиновников-управителей вассальных территорий, полководцев и других представителей Китайского государства. Среди последних особое внимание заслуживает полководец Бань-Чао, оперировавший в Средней Азии в конце I в. н. э. (96 г.). Подчиненный ему чиновник Ган-Ин составил специальное описание западных стран, вошедшее в состав «Истории младшей династии Хань» (Хоу Хань-шу). Корреспонденты придворных историков Китая воспринимали культуру этих народов с точки зрения представителей высокой китайской культуры. Естественно, что это сказалось и на описании встреченных ими народов. Они подчеркивают низкий уровень их культуры, лаконично определяют характер их хозяйства, быта, нравов, резюмируя обычно принятыми в языке того времени формулами. Несмотря на эти особенности, в китайских текстах содержится ряд метких и точных характеристик, причем наибольшее место в них занимает скрупулезное описание внешнеполитических событий, особенно важных китайскому двору. Учитывая все вышесказанное, мы не можем полагаться только на данные китайских источников, поэтому особую ценность для понимания подлинной истории народов Семиречья приобретает археологический материал. В нем раскрывается все многообразие культурной жизни Семиречья. Археологический материал по этой эпохе уже относительно велик, он добыт стараниями советских археологов только в последнее время. Археологические коллекции собраны в результате раскопок курганов этого времени, в большом количестве оставленных древними насельниками Семиречья. Интересные предметы найдены случайно в ряде мест, например на р. Каргалинке, Алмаатинской обл. Зарегистрированы и отдельные селища — остатки поселений древних кочевников, но до сих пор они не дали сколько-нибудь выразительного материала. Таким образом, для изучения истории ранних кочевников Семиречья археологический материал из раскопок могильников является основным.

В 1898 г. финским ученым Г. Гейкелем были раскопаны курганы в верховьях Таласской долины, по левому берегу Таласа, около ущелья Бешташ. Находок в его раскопках было немного. Кроме того им были вскрыты как более ранние, так и более поздние памятники. Но Г. Гейкель дает лишь описание памятников и не пытается их датировать. Большую серию курганов раскопали в 1929 г. археологи М. Воеводский и М. Грязнов по р. Чу и на южном берегу оз. Иссык-куль у г. Пржевальска. Эти курганы (разные по размерам) были расположены на предгорьях. В 1938 и 1939 гг. экспедициями под нашим руководством были раскопаны курганы двух могильников: один могильник, близкий по типу к курганам, раскопанным Гейкелем, но на правом берегу р. Талас, около ущелья Кенкол (11 насыпей), а второй у оз. Бийли-куль, на северных склонах Каратау, около ущелья Берккара (32 насыпи). В научной литературе они получили названия по месту, на котором они находились — Кенкольский могильник и Берккаринский.

Археологический материал в сочетании с письменными известиями китайских источников позволяет нарисовать картину культурной жизни Семиречья в эпоху III в. до н. э.—II в. н. э.

Семиречье в эту эпоху населяли кочевники-скотоводы, которые, по выражению китайского летописца, «кочуют с домашним скотом, следуя туда, где вода и трава». Китайский летописец, сравнивая их быт с бытом кочевников-гуннов, которых Китай знал весьма хорошо, заявляет: «их обычаи с гуннами одинаковы». Этих кочевников китайские историки именуют усунями. Видимо, китайская транскрипция племенного названия весьма близка к действительности, так как до сих пор в среде казахов сохранился этноним «уйшунь». Как известно, переход звука «с» в «ш» обычен, и мы здесь имеем дело явно с одним и тем же этнонимом.

Усуни составляли господствующий племенной союз в Семиречье. Их главная ставка Чигу находилась на южном берегу оз. Иссык-куль. Согласно китайским источникам, она являлась местом пребывания усуньского владыки и была обнесена валом. Последнее следует из того, что китайский хронист называет эту ставку термином «чэн», употребляемым обычно для обозначения поселений, укрепленных валом или стеной.

Произведенные в последнее время раскопки показали, что курганы, которые оставили усунь, распространены вокруг оз. Иссык-куль, по Чуйской долине, а также, повидимому, к северу от долины Чу — по Илийской долине и Заилийскому Алатау. К западу от Чу, в Таласской долине, находятся курганы уже другого типа, ритуал погребения в них иной, чем в чуйских. Как сообщают китайские источники, к западу от усуней находились племена

кангюй, которым, видимо, и принадлежат таласские курганы. Надо сказать, что на территории усуней было много и других племен. Китайские источники определенно указывают племена саков, по-китайски сэ, отмеченных для этого времени и античными писателями, например Страбон, еще раньше — Геродотом. Античными же авторами упоминаются юечжи-массагеты. Последние, равно как и усунь, считаются пришельцами из Восточного Туркестана. Однако археологический материал, показывающий непрерывность форм развития хозяйства и культуры, в какой-то степени отвергает эти сообщения о передвижении племен, позволяя видеть генезис усуньской культуры не в культуре эпохи бронзы северного Китая (откуда их выводит китайская версия), а в культуре эпохи бронзы того же Семиречья. Во всяком случае, слова китайского историка о том, что «между усунями находятся ветви племен сэ и юечжи», несомненно свидетельствуют о тесном взаимоотношении усуней с другими племенами.

К рубежу н. э. китайские источники отмечают еще племена — северные чеши. Очень трудно точно локализовать место обитания этих племен, так как в китайских источниках топографические указания даются весьма скупо. Известно только, что племена северные чеши занимали плодородную страну Ячжун, к северу от оазиса И-ву, т. е. Хами (северная часть Восточного Туркестана). Возможно, что эти племена занимали долины Иртыша и склоны Джунгарского Алатау, Нарынского и Калбинского хребтов. Где-то среди этих мест жили племена синьли и уге. Все перечисленные племена имели несравненно меньшее политическое и культурное значение в Семиречье, чем усунь. Только после массовых раскопок курганов, с выделением типических черт отдельных могильников, можно будет обозначить ареалы распространения племен, часть которых, быть может, найдет свои этнонимы в китайских источниках. В Семиречье в I в. до н. э. проникают северные гунны, ушедшие из Монголии и Восточного Туркестана. Эти кочевники под предводительством шаньюя Чжи-Чжи получили поддержку от кангюйского владыки, который им предоставил для кочевков земли в верховьях р. Талас. Из этого следует, что Талас был владением племени кангюй. Характерно, что племенное имя кангюй дошло от современности в казахском этнонимическом названии канглы, — народность, поныне населяющая районы Семиречья. С Чжи-Чжи шаньюем перекочевала на территорию Семиречья первая группа киргизских племен с Енисея.

Из перечисленных фактов следует, что Семиречье было заселено значительным количеством племен кочевников — скотоводов, с господствующим среди них племенным союзом усуней. Эти племена имели тесные взаимоотношения с соседними народами, ассимилирова-

лись с этнически разнообразными племенами (сэ, юечжи, северные гунны). Благодаря тесным политическим и торговым связям с Китаем и западными племенами (кангюй), благодаря вторжению в Семиречье северных гуннов в 48 г. до н. э., культура данных племенных образований могла развиваться в тесном контакте с культурными влияниями крупнейших цивилизаций того времени. Следы этих влияний будут отмечены нами ниже.

Прежде чем перейти к изложению собственно развития культуры, отметим характерные черты расового типа семиреченского населения. Естественно, что при таком многообразии состава племенных образований трудно ожидать какое-нибудь абсолютное единство в расовом типе местного населения. Источники прежде всего выделяют усуней с их белой окраской кожи, рыжими волосами, светлыми глазами. Эти указания многие пытались представить как свидетельство о «нордической», «северной» расе. Характерные черты эти сохранились у некоторых племен и до более позднего времени. У казахов одно из племен имело название «сары уйшунь»; определение «сары» буквально означает «желтый» и обычно употребляется у тюркских народностей для обозначения народа, обладающего светлой окраской. Так, например, ганьсуйские и лобнорские уйгуры, в отличие от их единоплеменников — уйгур из оазисов Восточного Туркестана, называются «сары уйгурами», т. е. «желтыми уйгурами». Эти особенности внешнего вида усуней ученые объясняли также их связью с динлинами — племенами якобы северной расы. Однако под именем динлины китайцы обозначали вообще все североазиатские племена, весьма разнообразные в расовом отношении. Антропологический материал, добытый археологами в Семиречье и относящийся к усуням, показал, что мы имеем здесь дело с так называемой памиро-ферганской расой, отличающейся некоторыми европеоидными чертами.

Однако эти памиро-ферганские черты не являются единственными расовыми чертами местного населения. В верховьях Таласа открыт могильник, где были найдены хорошо сохранившиеся костяки с черепами, свидетельствующими о иных расовых особенностях. При среднем росте и хорошо развитой мускулатуре представители этой расы имели очень метизированные расовые черты, с ярко выраженной, хотя и ослабленной монголоидностью. Этот расовый тип скорее имеет аналогии в тунгусо-манчжурской группе и связан с вторжением на территорию Семиречья северных гуннов. Характерной особенностью этих пришельцев является их обычай искусственной деформации черепа путем накладывания с раннего детства кольцевых повязок, сдавливающих голову и придающих ей огуречнообразную форму, вытянутую назад. Этот прием деформации че-

репа сильно менял внешность человека, создавая впечатление низкого, убегающего назад лба и темени. Возможно, что северные гунны, генетически связанные с тунгусо-маньчжурской группой племен, в процессе своего движения на запад, в Среднюю Азию, искусственно деформировали череп, чтобы сохранить черты, подчеркивающие их этническую принадлежность. Благодаря этой деформации, они сохраняли свой первоначальный облик и отличались от тех племен, с которыми имели тесные связи и с женщинами которых они вступали в брак.

В одном из захоронений Кенкольского могильника в верховьях р. Талас в катакомбе с погребальной утварью были обнаружены скелеты с деформированными черепами, а у входа в катакомбу, в дромосе, лежали костяки очевидно рабов, имеющие типичные черты местной памиро-ферганской расы. При таких условиях, когда пришельцы оказались господствующей верхушкой, а местное население попало к ним в качестве военной добычи — рабов, обычай деформации черепа служил не только элементом этнического различия, но одновременно становился показателем социального превосходства победителей над побежденными. Деформация черепа, как мы уже говорили, производилась в раннем детстве. В одном из курганов был обнаружен костяк ребенка, едва достигшего одного года, на черепе его уже имелись следы такой деформации.

В Семиречье традиция деформирования черепа является древнейшей среди народов Азии и Европы и показывает, что этот обычай, известный также для более поздних эпох (у туркмен сохранившийся до недавнего прошлого), ведет свое происхождение с Востока и, по всей вероятности, от северных гуннов.

Основным занятием населения Семиречья было скотоводство. Китайские источники сообщают, что усунь разводят домашний скот: лошадей, рогатый скот, верблюдов и ослов. В подарках и даях, которые усунь отправляют китайскому двору, неоднократно фигурирует домашний скот и прежде всего лошади. Когда усуньские владыки добиваются руки китайской царевны, они отправляют в качестве стговорных подарков лошадей и лошаков. Археологические данные показывают, что существенное место занимало разведение овец, причем и тогда уже была известна курдючная овца. Наличие лошаков (помесь осла с лошадью) говорит о том, что усунь уже занимались разведением разных типов домашнего скота. К 64 г. до н. э. относится указание китайских летописей на то, что китайский двор получил от усуней лошаков. Палеозоологические исследования остатков животных показывают, что местные племена знали несколько пород лошадей. Одна из них представляет обычный тип центральноазиатской лошади, подобной лошади Пржевальского, отли-

чающейся быстрым бегом и большой выносливостью, другая порода — крупные лошади-тяжеловозы, типа среднерусских битюгов, ныне в Средней Азии неизвестная. Изображения такого типа лошади, с сильно развитыми копытами, с широкой грудью, известны в китайском изобразительном искусстве на шаньдунских барельефах ханьского времени (206 г. до н. э.—219 г. н. э.) и на монетах танского (619—906 гг.) и сунского времен (960—1206 гг.).

Рогатый скот (корова и бык мелкой породы) напоминает современные местные породы. Возможно, что были использованы и яки (в горных условиях), изображения которых известны по одной фаларе из Ноин-Улинского кургана в Монголии и бронзовой скульптуре — случайной находке на северном берегу оз. Иссык-куль. Археологическими находками зарегистрировано также существование собаки. Тип упоминаемых китайскими текстами верблюдов — местный, зафиксированный изображениями на предметах искусства. Это — двугорбый верблюд, центром ареала распространения которого и является Семиречье.

Таковы данные о составе стада домашнего скота кочевников Семиречья. По имеющимся данным, можно определенно утверждать, что ведущей отраслью скотоводства было разведение лошадей, что естественно сказалось и на характере хозяйства (преобладающее количество свободно передвигающегося скота) и на развитии культуры в целом.

Разведение лошадей вызвало целый переворот в культурном развитии населения Семиречья. Приручение и использование коня совпадает с изобретением железа. Последнее дает человеку легкодоступный материал для изготовления более совершенного оружия. Вооруженный воин-всадник мог теперь свободно передвигаться с этими стадами, охранять их. Уже в памятниках V в. до н. э., в курганах были встречены наряду с бронзовыми орудиями железные поделки — украшения, пряжки для одежды и конской сбруи.

К III в. до н. э. и I в. н. э. появляются из железа предметы вооружения, а бронза представлена только в предметах украшения. Из железа изготавливаются мечи, наконечники стрел, ножи и тому подобные предметы вооружения. Более совершенное оружие всадника-кочевника облегчает ему возможность ведения войны за овладение территорией для кочевья, войны с соседними племенами для получения необходимых продуктов.

Благодаря возможности использования коня под седловку и открытию железа кочевник смог соответственно культивировать все виды скота, которые способны жить на подножном корму и передвигаться с одного естественного пастбища на другое. Так возникает широко развитое кочевое скотоводство. Человек использует под пастбища все доступные ему

угодья. Ранней весной (иногда и в полный расцвет весны) — поймы озер с богатой растительностью, как оазисы разбросанные в песках пустыни; летом — высокогорные луга с альпийской флорой; зимой — защищенные от холодных ветров долины и ущелья в предгорьях. Подобное распределение кочевий соответствует и этнографическим данным и археологическим материалам. Таковы были летние джайляу в горах у казахов, зимники — кыстау, весенние и осенние кочевки — кузеу и кокетау. На джайляу Киргизского Алатау обнаружены курганы кочевников с бедным инвентарем, вероятно пастухов того времени. Наибольшее количество курганов встречено в местах зимников, т. е. в предгорьях. Зимовки были местом максимальной оседлости кочевников. Здесь в некоторых случаях заготавливали фураж, занимались в зимнее время примитивными ремеслами; здесь же располагались родовые кладбища. Родовые кладбища в огромном количестве зарегистрированы археологами в Семиречье. Все они расположены у выходов горных ущелий, по гребням саев и мелких водоразделов. Поблизости от курганных групп были обнаружены и стоянки кочевников, характеризующиеся тонким слоем с культурными остатками — зольными пятнами, фрагментами керамики. Таковы стоянки в среднем течении р. Таласа на левом берегу ниже с. Шаповаловки, стоянка на территории колхоза Урнэк на правом берегу р. Асса и др.

Однако следует отметить, что могильники по количеству курганов далеко не однородны. В некоторых встречаются от трех до пяти курганов, в других сотни и тысячи (Тургень, Иссык, Талгар в Алмаатинской области, Беркаринский курганник в Джамбуловской области). В могильниках с малым количеством курганных насыпей, курганы, как правило, примерно однотипны, одинаковых размеров, в больших же могильниках курганы, относящиеся к одному и тому же времени, чрезвычайно разнообразны как по размерам, так и по инвентарю, в них содержащемуся. Очевидно следует различать коренные места пребывания кочевников, где располагались и их основные кладбища, в которых хоронили всех представителей данного рода или племени, и места, временно используемые для остановок кочевий, с которыми могли быть связаны единичные захоронения. Учитывая и те и другие случаи, приходится признать, что кочевники с III в. до н. э. по I в. до н. э. занимали всю территорию Семиречья. Это обстоятельство может быть объяснено двумя причинами.

Во-первых, это свидетельствует о большой населенности края. Китайские источники, сообщая только о племени усунь, отмечают, что кочевники имеют 120 000 кибиток и 630 000 человек населения. О значительной населенности Семиречья говорит и большое количество курганов на его территории, хотя следует

учесть, что эти курганники накапливались в течение нескольких столетий.

Во-вторых, повсеместная распространенность курганов говорит также о том, что человек максимально использовал все угодья, удобные для прокорма скота, передвигаясь с одного пастбища на другое. У нас нет никаких данных об интенсивном характере скотоводства, т. е. о стойловом содержании скота, поэтому естественно предположить, что распространение кочевников на столь широкой территории явилось следствием экстенсивного характера их скотоводческого хозяйства. Крупные стада перегонялись с одного пастбища на другое, кочевники беспрепятственно нуждались для прокорма своих стад в больших необитаемых пространствах. В успешности борьбы за эти угодья решающую роль сыграли подвижной состав стада и вооруженная железным оружием конница. Необходимо сказать еще об одной особенности уклада скотоводческого общества кочевников — о нарождающейся социальной дифференциации. Китайский источник Цянь Хань-шу, составленный, как отмечалось выше, в первой четверти I в. н. э., сообщает об усунях, что «богатые содержат от 4000 до 5000 голов скота». Такие богатые владельцы стремились закрепить за собой определенные кочевья. Так, один из правителей усуней по имени Цылими еще в конце I в. до н. э. «обнародовал, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах». Можно предполагать, что аналогичные попытки захвата пастбищ производились и другими богатыми владельцами. Впрочем, как это следует из этнографического материала, поскольку уже существует неравенство во владении скотом, постольку само собой закрепляются за богатыми и привилегии в пользовании пастбищами и угодьями.

Таким образом, можно определенно утверждать, что уже к I в. до н. э. наряду с сезонными делениями пастбищ — на зимники, летовки, осенние и весенние пастбища, — наряду с экстенсивным использованием пастбищных угодий, возникало уже выделение пастбищ, которые не только по существу являлись кочевьями богатых скотоводов, но и были закреплены за ними правовыми нормами.

Наряду с основным занятием — скотоводством — в хозяйстве кочевников имело место и ремесло. В результате раскопок курганов собранся значительный материал, представляющий все виды примитивных ремесел кочевников: обработка ими глины, кожи, кости, металла и мн. др. Из глины кочевники изготавливали посуду и некоторые другие бытовые предметы, например прясла.

Керамика весьма своеобразна по форме. Несмотря на своеобразие этих форм, она может быть сведена к нескольким основным типам, связанным с тем или другим назначением сосудов. Для хранения продуктов питания изгото-

влились сосуды большого объема, с шаровидным туловом и дном, невысоким цилиндрическим горлом, малого диаметра, венчик которого отогнут кнаружи. Сосуды такого типа очень вместительны. Малый диаметр горловины позволяет прикрывать сосуд какой-нибудь тканью и плотно завязывать под венчиком, благодаря профилю которого покрывка не будет соскакивать. К этой группе сосудов могут быть отнесены кувшины аналогичной формы, но с плоским дном, маленькой ручкой, один конец которой укреплен на закраине горловины, другой — на плечике сосуда. Горловина не имеет венчика, но снабжена сливом. Особой формой отличается посуда для варки пищи. Это или невысокие баночные сосуды с примерно равным диаметром дна и горловины, или сосуды шарообразной формы с плоским дном, весьма небольших размеров, вместимостью до 3 литров. Сосуды эти часто покрыты копотью, свидетельствующей об их употреблении для варки пищи. Обращает на себя внимание, что все они малых размеров, т. е. рассчитаны на приготовление пищи для небольшого количества людей. К этой же группе относятся чайникоподобные сосуды шарообразной формы, с небольшой, как бы прижатой к тулову ручкой и таким же коротким носишком. Сосуды эти видимо использовались для варки каких-либо напитков. Для еды предназначались открытые чаши со сферическим дном, не имеющие каких-либо особенностей. Отдельную группу сосудов составляют так называемые ритуальные сосуды, обычно очень малых размеров, выделанные небрежно, из плохого теста. Необходимо отметить сосуды явно не местной выделки. К описанию их мы возвратимся несколько ниже в соответствующих разделах.

Характерной чертой описанной выше керамики является прежде всего известная собранность формы, минимальная ее профилировка. В самом деле, чрезвычайно незначительны и количественно и по объему выступающие части сосудов — ручки и носишки. В том случае, когда они наличествуют, они не выступают за максимальный диаметр тулова сосуда и, таким образом, наименее подвержены разрушению. Излюбленная форма сосуда — шаровидность — диктовалась также практическими соображениями. Такой формы сосуды наиболее выносливы на сжатие, что, несомненно, представляет большое преимущество при частых перевозках. Эти преимущества, компенсирующие в известной степени неудобство, связанное с постоянной перевозкой такой хрупкой глиняной посуды, и определили формы керамики кочевников.

Способы изготовления этой керамики были весьма примитивными. Материалом обычно служили местные породы лёссовых жирных глин, отличающиеся большой вязкостью. Это обстоятельство заставляло добавлять в тесто «отощающую массу» — песок, подобно тому,

как при формовке сырцового кирпича, чтобы он не прилипал к форме, а глину замешивают песок и песком осыпают форму.

Сосуды изготовлялись двумя способами — или на болванке-форме или путем лепки из одного куска глины.

В последнем случае заготовленному куску глины предварительно придавали цилиндрическую форму с диаметром, равным диаметру дна будущего сосуда, и затем вытягивали стенки нужной высоты. Таким способом изготовляли преимущественно баночные сосуды. Горловины сосудов, ручки и носишки изготовляли отдельно и затем придавливали к стенкам, внешняя поверхность тщательно замазывалась, внутри же оставались следы вмятин, по которым можно судить о приемах выделки данного типа керамики. Более сложным путем производилась выделка сосудов на формах. В этом случае сначала изготовляли болванку (из дерева или глины), покрывали ее грубой тканью и формовали на ней сосуд по частям, тулово и днище отдельно. Когда сосуд немного подсыхал, тряпку, прилившую к еще влажным стенкам, отрывали, в результате чего на внутренней поверхности оставались отпечатки ткани. Изготовленные таким образом части сосуда (днище и тулово) «спаивали» лентой из глины. Существует предположение, что форму-болванку делали из ткани, в которую насыпали песок; после того, как сосуд был вылеплен, песок высыпали, а форму из ткани вытягивали из подсохнувшего, но еще сырого сосуда. Естественно, что следы ткани также оставались на внутренней поверхности сосуда. Всего вероятнее, что пользовались и тем и другим способом.

Сосуды, сделанные на болванке, имеют более симметричные формы, чем сосуды, изготовленные ручной лепкой, хотя профиль их более сложен (сферический, а не цилиндрический).

Нам неизвестно, какого типа были обжигаемые керамические печи и существовали ли они вообще. Излом черепка — черный, иногда серый, редко слабого розового цвета — говорит о том, что температура обжига была весьма невысокой, порядка 500—600°. При данной температуре углеродистые части не сгорают, они-то и придают керамике темный цвет, черепок при таком слабом обжиге слоится по линиям лепки, крошится.

Впрочем, если кочевники уже умели изготовлять железо, а плавка руды могла производиться только при сравнительно высоких температурах, то вероятно и для обжига горшков делались примитивные печи, в виде вырытой в земле ямы, ибо простой костер не мог дать температуры, необходимой даже для такого несовершенного обжига керамики. Топливом при обжиге могли, кроме дерева, служить кизяк и курай.

Существенное место среди ремесел кочевников занимала обработка железа. Железная

руда добывалась в горах. Болотных и озерных железных руд в Семиречье нет. Для плавки руду засыпали в ямы, обмазанные глиной. Топливо было древесное. В этих ямах можно было достичь весьма высокой температуры — до 1000 градусов, большую температуру при таком древесном топливе, как тяньшанская ель или арча, получить было невозможно. В результате такого сыродувного способа получалась неполная плавка руды, с большим количеством шлака, содержащего еще много железа. Полученное «кричное» железо дополнительно ковали вероятно горячей ковкой. О том, что железо получали именно этим способом, можно судить не только по этнографическим аналогиям, но и по тому, что здесь же, в Семиречье, такой способ удержался примерно до XI—XII вв. Так, например, на городище Садыр-Курган, к югу от ущелья Большой Капки, на левом берегу Таласа были обнаружены такого типа печи и отбросы производства: руда, шлаки, «кричное» железо, полученные в результате сыродувного способа плавки руды.

Из железа выделывали прежде всего оружие — мечи, двулезвийные, плоские в сечении, с гладкой рукоятью, клинки-кинжалы, тоже двулезвийные, почти овальные в сечении, с перекрестием и лунообразным эфесом, трехреберные миниатюрные наконечники стрел с втулкой и черенковые массивные (Кенкольский могильник, Берккаринский могильник).

Все эти изделия изготовляли горячей ковкой, особенно стрелы, тонкие ребра и втулки которых можно было получить только ковкой по горячему металлу. Втульчатые стрелы сначала выковывали в виде развернутой пластинки, которую затем сгибали по ребрам и место соединения плоскостей затем доковывали дополнительно. Литья из железа кочевники не знали, так как они не могли получить необходимую для этого температуру. Помимо вооружения железо изредка использовалось для выделки пряжек на одежду или сбрую. Несмотря на широкое распространение, железо, видимо, берегли для изготовления вооружения, и предметы украшения попрежнему выделывали из бронзы. Бронзовые предметы отливали в формах, находки которых известны для очень ранней эпохи. Медь тоже была широко известна в Семиречье, особенно в северо-восточном Казахстане и на юге, так же, как свинец и олово, служившие приплавком. После отливки предмет подвергали дополнительной обработке в деталях чеканом и прорезью.

Зачастую в приемах обработки литых пряжек явно проступало подражание резьбе по дереву, мастерство обработки которого у кочевников достигало исключительной высоты и совершенства. Таковы были приемы при изготовлении массивных поясных пряжек. Мелкие же поделки типа всевозможных проколов вероятно непосредственно выковывались из заранее отлитого бруска.

Ковкой обрабатывалось серебро и золото. Так, например, ковали проволоку, из которой делали спиралевидные с ажурным плетением, очень тонкой работы, серьги. Эти серьги украшали зернью — мельчайшими сферической формы кусочками золота, которые припаивались на украшение в той или иной комбинации. Найденные в Кенкольском могильнике украшения из серебра, в виде накладок на ремни, имеют вид пуговиц, инкрустированных в центре цветным камнем темнокрасного цвета — карнеолом. Камень этот укреплялся в гнезде, ободок которого припаивался непосредственно к основанию украшения. Края ободка обжимались по шлифованному камню. Вокруг основания этого гнезда рассыпалась зернь. Украшения зернью (без инкрустации) прослежены и в находках Берккаринского курганника.

Для украшений употребляли и листовое золото, им покрывали бронзовые поделки. Такие пластинки листового золота, как правило, так же украшали, каким-либо орнаментом, его наносили чеканом или выпуклым штампом с оборотной стороны, таким образом на поверхности пластинки выдавливался тот или иной рисунок. Таким штампом могли служить и предметы искусства иноземного производства — брактеаты, монеты и т. п. Как образец работы чеканом, можно назвать, например, некоторые из каргалинских находок — диадема, перстни, серьги. Более подробно эти вещи мы опишем ниже.

Существенное место занимала у кочевников обработка дерева, из которого они выделывали ряд предметов: посуду — кубки и блюда, столы, детские колыбели, части седел, древки стрел и т. п.

Материалом для таких поделок служили местные породы дерева — тяньшанская ель и арча.

Для мелких вещей, требующих сравнительно большой профилировки, употреблялась главным образом арча.

Большая коллекция деревянных вещей, найденных в Кенкольском могильнике, позволяет проследить процесс производства из дерева.

Из дерева вырезали кубки сферической формы или плоскодонные с цилиндрическими стенками. Кубки имели ручки. Для подобных изделий особенно важна была прочность материала (тонкие стенки и ручки легко ломались), поэтому их выделывали из узловатых кусков дерева, возможно корневищ, или брусков с продольным сечением слоев. При обработке мелких вещей пользовались простым инструментом типа ножа. Следы обработки дерева ножом ясно прослеживаются на изделиях.

Для изготовления блюд пользовались бруском с поперечным сечением древесных колец. На этой посуде ясно прослеживаются концентрические борозды, оставшиеся в результате движения режущего инструмента в геометрически правильной последовательности; такого

типа концентрические круги, нигде не пересекающиеся, могли получиться только в том случае, если режущий инструмент имел крепление на бичеве в одной постоянной точке.

Большие поделки из дерева: доски, ложка, колыбели, гробы — изготовляли также из арчи или тяньшанской ели. Разделка бревен производилась видимо с помощью клиньев, так как на досках явно прослеживаются следы разрыва древесной ткани. После изготовления досок их поверхность дополнительно обрабатывалась орудием типа тесла, которое и теперь употребляется киргизами и казахами и носит у них название чот. Мелкие, частые и короткие срезы по поверхности досок наглядно показывают обработку именно теслом. В Кенкольском могильнике, в одной катакомбе, была найдена рукоять такого тесла; сохранилась та часть его, на которую надевался наконечник, по всей вероятности, железный. Благодаря этой находке, а также изучению стесов, оставшихся на досках, удалось установить, что ширина рабочего края тесла не превышала 5—6 см.

Из кожаных изделий найдены лишь мелкие обрывки со следами швов шерстяной нитью. По этим находкам невозможно полностью восстановить процесс выделки кожи. Можно только сказать, что кожа обрабатывалась весьма тщательно с обеих сторон. На одном тепе, в слоях, относящихся к несколько более позднему периоду, была найдена рукоять скребла, сделанная из кости. В эту рукоять вставлялась железная пластина длиной до 15 см. При работе скребло держали обеими руками, для чего и была специально приспособлена ручка. Кожу иногда окрашивали. Найдены куски кожи, окрашенные в красный цвет. Красителями были вероятно как и для тканей, индиго и пурпур. Выделанная кожа служила для изготовления одежды. Из нее делались штаны, мягкие бескаблучные сапоги, типа среднеазиатских чарыков. Из кожи же изготовляли гориты и колчаны, щиты, ремни для конской сбруи и т. д. В одной из катакомб Кенкольского могильника была найдена короткая плетель всадника — «камча». Кнутовище было прихвачено к древку медным кольцом, которое было обтянуто шелком, закрепленным мелкими медными гвоздиками. Несомненно, что изделия из кожи у кочевников-скотоводов, занимавшихся также охотой, играли весьма большую роль. Китайцы, например, описывая кочевников, говорят, что кочевые народы носят одежды из кожи и меха. Но так как дошедшие до нас письменные известия очень скупы, а археологические находки подобного рода незначительны, мы не можем добавить к вышесказанному ничего более существенного.

Значительное место в домашнем ремесле кочевника занимала обработка шерсти и изготовление ткани. Весьма многочисленны находки прясел от веретен, были обнаружены

и сами веретена. Веретено представляло собой слегка заостренную на одном конце, круглую в сечении палочку. На другой конец надевали обычно плоское, круглое в плане, иногда коническое, пряслице (маховичок) — глиняное или из камня (кварц). Соотношение диаметра пряслица и длины веретена следующее: 11 : 1, т. е. 40 см к 3.5 см.

Такое веретено быстро вращалось и давало сильно крученую нить при условии мягкой и хорошо расчесанной шерсти, в предварительной обработке которой кочевники достигли большого совершенства.

Характер плетения ткани наблюдается только полотняный, т. е. такой, при котором так называемый рапорт ткани складается из двух нитей основы и двух нитей утка. Такой тип тканья возможен лишь на ткацком станке. Этот станок вероятно был самой простой конструкции, какую еще до недавнего времени можно было наблюдать в некоторых местах Средней Азии. Нити одним концом привязываются к вбитому в землю столбику, другим концом накручиваются на валик, ширина которого равна ширине ткани. Нити пропускаются через гребень, которым прижимается нить утка. Пропущенные через нити основы две палочки попеременно чередовали их для пропуска утка. Такой станок портативен, удобен для перевозки, но выделывать на нем можно ткани только небольшой ширины. И действительно, наши наблюдения показывают, что ткани, которыми пользовались кочевники, не шире 50 см.

Сорта шерстяной ткани, изготовлявшейся кочевниками, были весьма разнообразны.

Описанные нами домашние ремесла кочевников показывают высокий уровень культуры и, несмотря на примитивность технических приемов, свидетельствуют о знакомстве кочевников с разнообразными производствами.

Наряду с вещами местного производства, в памятниках ранних кочевников Семиречья встречаются вещи, не свойственные данной культуре, явно иноземного изготовления. Среди них особое место занимают вещи, изготовленные в Китае. Широкое распространение имел китайский шелк. Кочевники получали его в большом количестве в результате торговых связей с Китаем и в качестве даров. Не исключена возможность изготовления шелка и на месте, в ставках кочевников. Усуньские вожди часто женились на китайских царевнах, приезжавших в ставку кочевых владык со своими слугами. Среди них несомненно могли быть и ткачи. В коллекции шелка из Кенкольского могильника обращает на себя внимание грубый шелк, сильно отличающийся от высокоортного шелка китайского происхождения.

Не последнее место занимали у кочевников китайские предметы роскоши из дерева и лака, как то столики, чаши и т. п. Остатки таких вещей, в частности, лака, были неоднократно

находимы в погребениях на Чу и Таласе. В курганах Берккаринского могильника обнаружены обломки китайского зеркала из сурьмы, а также поделки из нефрита (чашечка). В ряде случаев среди местной керамики была встречена посуда, сделанная на гончарном круге. Эта керамика по форме, отделке поверхности (крашеная или лощеная) иногда погрязает местным сосудам кочевников. Высокий обжиг и качество отделки показывают, что она сделана под влиянием мастеров из Согда, где керамическое производство в эту пору, по сравнению с гончарным ремеслом кочевников, достигло несравненно более высокого уровня. На культурное влияние западных частей Средней Азии указывает и другой факт. В чуйских курганах были найдены золотые тонкие тисненые пластинки с изображениями медузы и сатира, сюжеты характерные для греко-бактрийской культуры. Такие пластинки служили для украшения. Они изготовлялись путем оттиска бронзовым штампом. На болванку с рельефным изображением накладывалась золотая пластинка, на которую это изображение оттискивали каким-нибудь тупым не металлическим предметом (он мог бы прорвать тонкий листок золота), возможно деревянным молоточком или стэкком. Такие болванки были найдены в Киргизии. Несомненно, что болванки с сюжетами, свойственными иной культуре, отливались там, где были знакомы эти сюжеты, во всяком случае не в Семиречье.

Сильное влияние китайского ювелирного мастерства сказалось на диадеме, найденной на р. Каргалинке.

Таким образом, помимо вещей, непосредственно полученных из Китая или Согда, в среде кочевников вырабатывались предметы, на которых сказывалось влияние искусства мастеров Китая и Согда. Появление таких мастеров у кочевников может быть объяснено многими причинами. Это могли быть спутники китайских царевен, военнопленные ремесленники, наконец, свободные поселенцы — выходцы из упомянутых стран. Характерно, что большинство иноземного инвентаря найдено в памятниках, расположенных по торговой трассе из Китая на Запад или в непосредственной близости от нее. У нас нет прямых указаний на торговлю кочевников с Китаем или Согдом. Ни в одном из курганов кочевников Семиречья не обнаружено китайских монет, в то время как в могильниках их соседей, например гуннов, китайские монеты эпохи Хань являются частыми находками. Известны сообщения китайских летописей, что гунны открывали торг на границах, об усунях же таких прямых сообщений нет. Это не значит, конечно, что кочевники не торговали с Китаем. Однако правильной будет предположить, что господствующей формой торговли был обмен, а не купля-продажа. Эта форма торговли зако-

номерно вытекала из дани, обмена подарков, сведения о которых весьма многочисленны. Наряду с предметами роскоши кочевники получали от китайцев и продукты земледельческого производства, например рис. Любимое блюдо кочевников — плов — делалось из китайского риса и мяса баранов местных отар, широкое распространение этого блюда следует относить ко времени налаживания регулярных отношений между кочевниками и земледельцами, т. е. к III—I вв. до н. э.

Наряду с этими регулярными формами обмена существовала и другая форма добычи необходимых продуктов; война как «постоянный промысел», грабеж соседних племен, захват земледельческих оазисов играли значительную роль в жизни кочевников. Целям войны была подчинена вся структура кочевнического общества. Сама организация племени неразрывно сочеталась с военной организацией. Верховный владыка усуней, носивший титул гуньмо, был прежде всего военным вождем, его сыновья — военачальниками отдельных «крыльев» войск. Войско было организовано по «родовому принципу». Это значит, что члены одного и того же рода составляли одно и то же военное подразделение. Не случайно почти треть населения усуней состояла в постоянном войске — на 630 000 человек населения 188 000 человек входили в состав войска. Мужское население с раннего детства привыкало к военным упражнениям — езде на лошади, стрельбе из лука. Военные качества влияли на выдвижение тех или иных людей на пост военачальника. Так, например, китайские источники сообщают: «Гуньмо имел более десяти сыновей. Средний сын Далу по телесной силе мог быть предводителем. Он имел до 40 000 конницы и кочевал отдельно».

Большое преимущество войска состояло в том, что это была подвижная, способная к большой маневренности конница.

Главным вооружением являлись лук и стрела. Надо отметить, что в эту пору наблюдается несколько типов стрел, следовательно и сами луки были минимум двух типов. Более ранний лук представлен в Кенкельском могильнике. Основа лука была деревянная, тетива — из сухожилий животных. Лук был сложный — составной. Поверхность лука обкладывалась костяными пластинками, имевшими техническое значение. Всего на луке было семь костяных накладок. По две пластинки с вырезами для крепления тетивы на концах лука, две трапецевидной формы закреплялись параллельно друг другу в центральной части так, что дуга проходила между ними. Последняя, седьмая, накладывалась на вершине дуги и соприкасалась своими длинными сторонами с краями трапецевидных пластин. Таким образом, лук мог сгибаться только «на плечах», т. е. в промежутках между вершиной и ее концами. Почти весь он был

закрывает пластинами. Длина лука не превышала 70—80 см, а биссектриса была равна 30—50 см. Лук, следовательно, был маленький, сравнительно круглой и имел форму растянутой буквы «м». Такой лук удобен для стрельбы с лошади.

Стрела была деревянной — тростниковые стрелы до нас не дошли, хотя они и упоминаются у древних кочевников античными авторами и известны в раскопках на горе Муг (Согд, VIII в.). Изготавливалась стрела из тяньшанской ели, длина ее с наконечником 81 см. Стрела круглая, в сечении до 0.5 см, конец ее имел вырез для накладывания на тетиву. Следов оперения нет. Наконечник стрелы железный втульчатый, трехреберный. При натяжении лука ее конец находился у самой дуги лука. Кроме такого типа наконечника стрелы, в Кенкольском могильнике были встречены еще костяные наконечники стрел с черенком. Они имели вид вытянутого эллипсиса, сдвинутого слегка в середине, конец заострен, черенок прямоугольный в плане, длинный, почти равный боевой части стрелы. Общая длина наконечника до 7—8 см. Быть может, эти наконечники насаживались на дротики, а не на стрелы, ибо древко стрелы при таком большом черенке было бы слишком массивным для описанного выше лука.

Несомненно, у местного населения был и большой, тяжелый лук. Правда, остатки такого лука не дошли до археологов, но зато известны массивные трехреберные железные наконечники стрел с черенками. Такие наконечники стрел могли насаживаться только на большое, тяжелое древко, следовательно и сам лук должен был быть более громоздким. Возникновение таких стрел было вызвано появлением более совершенных оборонительных приспособлений, в частности панцирей и кольчуг. Однако никаких следов ни тех, ни других пока для этого времени не найдено. Несомненно, кочевникам был известен щит. Он был круглый или овальный, в виде деревянной рамы, в которую вставлялась основа щита, сплетенная из прутьев. Сверху щит обтягивался кожей. Из кожи делались также колчаны и гориты. Деревянные остатки щита и куски кожи со швами, сохранившие форму покрова горита или колчана, были найдены в катакомбах Кенкольского могильника. Для рукопашного боя имелось два вида оружия. Во-первых, обоюдоострый меч сарматского типа, перекрестие и эфес которого были, видимо, деревянными (Чуйские могильники) и короткий меч, скорее кинжал, типа скифского акинака (Берккаринский могильник). Рукоять короткого меча имела железное перекрестие и набалдашник в виде дуги, концами обращенный вверх. Это оружие ковалось из железа. Вряд ли имели боевое значение однолезвийные железные ножи, часто найденные в курганах кочевников.

Сила кочевников заключалась не столько в их вооружении, сколько в сочетании этого вооружения с маневренностью конницы и в своеобразной тактике боя — возможность быстро обрушиться на врага и столь же быстро отступить в случае грозящего поражения. Сплоченность войска, пронизанного духом родовой взаимопомощи, делала кочевников грозным и опасным противником. Поэтому с ними не могли не считаться такие крупные государственные образования, как Китай и Согд, территория которых неоднократно являлась объектом нападения кочевников.

Среди кочевников Семиречья еще бытовали пережитки родового строя. Об этом свидетельствуют сообщения китайских хроник, которые указывают на родовой характер войск, выборность вождей, родоплеменную структуру усуньского общества. Весьма выразителен в этом отношении и археологический материал — курганныки ранних кочевников.

Так, например, веское подтверждение существования родового строя у кочевников дает Берккаринский могильник.

Кладбища кочевников представляли собой вытянутые в цепочку курганы. Каждая такая цепочка заключала погребения отдельной патриархальной семьи. Особо выделялись уже погребения знати и рабов. Наблюдаются некоторые социальные различия и в погребениях рядовых кочевников. Погребения знати обычно имеют весьма большие курганные насыпи: до 2—3 м в высоту и до 50 м в диаметре. Насыпи окружены своеобразными выкладками, имеющими определенное культовое значение. В могильных ямах рядом с погребенным находятся вещи иноземного производства. Погребения племенной знати выделены в особую цепочку. Среди рядовых погребений выделяются погребения воинов, для них характерны курганы большей, чем обычно, высоты и диаметра (до 1 м высотой при 16—20 м в диам.) Курганам воинов несколько уступают по размерам захоронения женщин. Рядом с женскими захоронениями, в одной с ними цепочке, находятся захоронения детей. Особой разницы в инвентаре, который сопровождал захоронения женщин и детей, не наблюдается. Видимо, в могилы детей не клали только драгоценных украшений и ограничивались лишь крайне «необходимым» — сосудами, ножами и т. п. Особо выделяются погребения рабов. Это небольшие, едва заметные на поверхности надмогильные насыпи над грунтовой ямой, в которую без всякого инвентаря небрежно обрасывался труп убитого раба, долженствующего «сопровождать» в загробный мир умершего хозяина. Курганы рабов никогда не помещаются в цепочку родовых курганов, а сравнительно беспорядочно расположены вокруг основных погребений.

В чуйских погребениях выделяются могилы бедных общинников, положенных без оружия но с посудой и пищей. Скудость инвентаря и

расположение этих могил в джайляу указывает в то же время, что они принадлежали пастухам — бедным членам рода.

Таким образом, наглядная картина, представленная курганниками, показывает, что общество уже находилось в стадии имущественного расслоения. Погребальный ритуал, как мы видим, при захоронении племенной знати сильно отличался от захоронений массы рядовых кочевников и рабов, следовательно эти общественные группы и при жизни занимали особые места в родовом обществе. Это говорит о том, что в общественном строе кочевников уже произошла та дифференциация, которая должна была со временем привести к крушению родового строя.

Данные археологических материалов целиком и полностью соответствуют и показаниям китайских хроник, в которых описание раздоров внутри рода гуньмо занимает значительное место. Однако нельзя не отметить и того факта, что в разжигании этих раздоров особенную роль играл сам китайский двор, который через своих принцесс и сопровождающих их слуг и чиновников всячески старался создать раскол внутри знатных родов усуней и между отдельными родами и племенами.

Весьма интересную картину образования классов у кочевников раскрывает и Кенкольский могильник.

В катакомбах Кенкольского могильника были встречены парные погребения мужчин и женщин. Рядом с остатками женщины лежали ее, очевидно убитые, малолетние дети. Все это свидетельствует о патриархально-родовых отношениях и патрилокальности брака. Вне пределов катакомб были обнаружены, синхронные основным погребениям, захоронения в дромосе или насыпях курганов. В одном случае в насыпь был брошен труп связанного и убитого мужчины, в другом случае в дромосе на грубом хворостяном настиле лежали двое мужчин 30 и 60 лет, около них был обнаружен лишь один маленький глиняный сосуд.

Похороненные в катакомбах и вне их резко различались по антропологическим данным. В катакомбах находились костяки пришельцев — северных гуннов, кочевников с монголоидными чертами и деформированными черепами, в погребениях насыпи и в дромосе — костяки представителей местного населения, отличающиеся от первых по этническим признакам, очевидно это были военнопленные, памиро-ферганской расы. Несомненно, что военнопленные-рабы в первую очередь эксплуатировались кочевниками. В данном случае социальное неравенство произошло в результате завоевания и весьма типично для обществ военно-демократического строя.

Форма классовообразования, прослеженная по материалам Кенкольского могильника, является в условиях Семиречья исключением, ибо, как мы показали на материалах других могиль-

ников, этот процесс протекал здесь как имманентный, в результате внутреннего расслоения рода. И в том и другом случае несомненно имелись рабы, стоящие на самой низкой ступени «иерархии» кочевого общества. В числе той добычи, которую получали кочевники Семиречья во время своих многочисленных походов, захват военнопленных занимал не последнее место. Появление рабов несомненно сыграло решающую роль в распаде родового строя, рабы явились первыми представителями эксплуатируемого кочевниками класса, однако, следует отметить, что по имеющимся для этого времени материалам, рабовладение, видимо, было еще не общим явлением.

Как и следовало ожидать, идеологические представления кочевников стояли ниже, чем развитие их материального производства или социального строя. В дошедших до нас памятниках, характеризующих мировоззрение, еще бытовало (как и продолжало бытовать позднее) много представлений весьма архаического типа.

Четко выраженные анимистические представления и вера в «потусторонний мир» достаточно ярко подтверждаются фактом положения инвентаря вместе с покойником. Этим наиболее древним анимистическим верованиям сопутствовал ряд других дополнительных представлений. Мир, окружающий кочевников, был наполнен, по его представлению, всевозможными одухотворенными образами. Несомненно кочевники почитали все небесные явления. В этом отношении чрезвычайно яркий материал дает Берккаринский могильник.

Само погребение представляет собой грунтовую яму, окруженную одним, иногда двумя концентрическими кругами, выложенными камнями.

Археологами зафиксирован один большой курган, вокруг которого расположен круг, составленный из 69 искусно выложенных правильных колец, сделанных из вкопанных на торец камней, по 9 камней в каждом кольце. Этот круг-кромлех несомненно являлся символом солнца. Ясно, что эти кромлехи олицетворяли собой культ солнца, которое многие кочевники, и в том числе ближайшие к Семиречью гунны, особенно боготворили. Кроме этих символических изображений солнца, около могильных сооружений выявлены выкладки и другого типа — серповидной формы, очевидно символизирующие луну. Лунообразную форму имеет и подвеска на одной золотой серьге. Около некоторых курганов тянутся выкладки в виде хвоста кометы, иногда протяженностью до десятка метров при диаметре кургана в 20 м. Обращает на себя внимание и роль кварцевых камней в устройстве погребальных сооружений. Иногда они по-одному поставлены у курганных насыпей, в одном случае все поля кургана были в изобилии осыпаны кварцем. При этом сама шаровидная насыпь кургана невольно воспринимается как эмблема небес-

ного свода, а кварцевые белые пятна на сером фоне плитняка как бы символизируют звезды.

Все эти эмблемы небесного свода являются отражением тех космогонических, астральных представлений, которые занимали существенное место в мировоззрении кочевников. Нельзя пройти мимо того факта, что в тюркских эпических сказаниях имена многочисленных героев часто связаны именно с космогоническими представлениями. Напомним, что прародительница тюркских племен в легенде об Огуз-кагане (по версии предания, дошедшего до нас в сочинении Рашид-ад-Дина) носит имя Ай-каган, что значит «лунная», а внуков Огуз-кагана зовут Кюн-хан — «солнечный», Ай-хан — «лунный», Юлдуз-хан — «звездный».

В силу того обстоятельства, что родовой строй был еще не изжит кочевниками, не утратили своего значения и явления тотемизма. К таким явлениям следует, прежде всего, отнести изображения живых существ. В чуйских погребениях прослеживаются изображения птицы то в виде росписи на сосуде, то в качестве оформления головки шпильки. Возможно, что к явлениям тотемистического порядка следует относить и изображения зверей, но пока еще немногочисленные, в основном, в случайных находках. Впрочем, для эпохи ранних кочевников изображения живых существ как самостоятельный элемент начинают уже терять свое значение, оставаясь в очень немногих областях изобразительного искусства.

На почве родовых культов возникло у кочевников и шаманство. В научной литературе пока еще нет исследований, посвященных генезису и абсолютной датировке появления шаманства. Несомненно, к явлениям шаманства относятся замечательные находки на р. Каргалинке 1939 г. Здесь в горах было обнаружено богатое погребение шамана с большим набором украшений и атрибутов его культового одеяния. Золотая корона-диадема с изображением пантеона диких животных, птиц и фантастических существ, скульптурные барельефные нашивки-бляшки с изображением горных козлов, перстни с двугорбыми верблюдами, бубенчики, пуговицы — так называемые шаркунцы и тому подобные предметы, найденные в погребении, являются обычными атрибутами одеяний шаманов, атрибуты эти хорошо изучены этнографами у народов, где шаманство существовало еще в недавнем прошлом: енисейских остяков, алтайцев, якутов. Характерно, что захоронение обнаружено в местности, где обычных погребений не бывает, — в горах, тогда как курганы всегда располагаются в равнинах.

Еще меньше данных у историков о магии. Предметов, отражающих магические представления, найдено незначительное количество, к ним следует отнести маленькие шишечки на сосудах (Кенкольский могильник). Такие на-

лепы на сосудах среднеазиатских народов делались до недавнего времени, они якобы могли отгонять злых духов от пищи. Быть может, магическими являются находимые в горных ущельях наскальные изображения диких животных. В отношении этих изображений любопытную аналогию можно провести с тем обычаем, который до недавнего прошлого существовал у охотников-киргизов. Перед тем как идти на охоту, охотник делал на глиняном кирпиче отпечаток копыта горного козла и относил его к священному месту, в надежде, что охота после этого будет удачной.

Все эти идеологические представления кочевников нашли свое отражение в похоронном ритуале. Ритуал этот не отличается особенной сложностью и по существу уже был нами описан выше. Остается добавить немного. Местное население хоронило своих покойников в обычных грунтовых ямах, вырытых в направлении запад—восток. Покойника клали в могилу головой на запад. Могильная яма была длиннее покойника. У ног и головы ставили погребальный инвентарь, среди которого посуда с пищей играла основную роль. Покойник клался в одежде, с принадлежащими ему лично украшениями. Могильная яма иногда обкладывалась деревянными плахами и часто такими же плахами перекрывалась.

Над могильной ямой воздвигалась курганная каменная насыпь, иногда с целой серией выкладок, нами уже описанных. Часто встречаются очень аккуратно сделанные насыпи, с кромлехами, но не имеющие никаких следов грунтового погребения — могильной ямы. Такие «ложные» погребения воздвигались на родовом кладбище, видимо, в память убитых в далеких сражениях. Около некоторых курганов видны следы жертвоприношения: под каменными выкладками имеются остатки ритуального костра, кости барана, иногда сосуд.

Погребальные сооружения по своему типу варьируют в различных районах Семиречья, являясь отражением разного этнического состава населения. Особо выделяются погребения в катакомбах, связанные с проникновением на территорию Семиречья новых этнических групп — северных гуннов. Здесь погребальное сооружение в виде катакомбы — ляхат — вырубалось в толще лёсса, размером 2.5 × 3 м, при высоте до 1.5 м, иногда на значительной глубине (до 3 м), ко входу в катакомбу подводил коридор — дромос (айвон). После захоронения вход в катакомбу закрывался каменными плитами, дромос засыпался землей и закладывался камнями. Над могилой насыпался земляной холм в среднем в 1 м высотой. В насыпи имеются следы похоронной тризны — сосуд, угольки от кострища.

В некоторых курганах обнаружены, как указывалось выше, погребения рабов. В катакомбах находились обычно парные захороне-

ния. Если умирал мужчина, то жену его убивали и труп ее клали рядом с ним. Этот обычай был основан на том представлении, что жена должна сопровождать мужа, совершенно так же, как при жизни, выходя замуж, она была обязана перейти в дом мужа (патрилокальность брака). Малые, грудные дети тоже убивались и клались с матерью, так как их некому было оставить. С покойниками клался инвентарь, с мужчиной — лук и стрелы, с женщиной бытовые предметы — деревянная и глиняная посуда, столики, прясла.

Погребали прямо на полу катакомбы, но иногда устраивались погребальные постаменты из арчевых досок, даже гробы. На постаменты клали траву, цветы, тростник-чий, сверху все, это прикрывалось какой-нибудь тканью. Детей погребали в колыбелях.

Отдельные свидетельства, относящиеся к эпохе III в. до н. э.—I в. н. э., письменные и вещественные, освещают главнейшие черты культуры кочевников. Археологический материал, да и письменные источники, позволяют воспроизвести, хотя бы в основных контурах, быт ранних кочевников Семиречья, их жилище, пищу, одежду, украшения, восстановить их этнографический облик.

Жили они в кибитках, сделанных из деревянной основы и покрытых войлоком, наподобие современных кибиток кочевников. Китайская царица, жившая у усуней, свидетельствует, что усуньский царь: «живет в круглой хижине, обтянутой войлоками; питается мясом, пьет молоко».

Опишем примерную картину устройства кибитки кочевника и повседневного быта живущей в ней семьи. Кибитка была устлана кошмами, а возможно, коврами. В ней находился помост — постель, сделанная из арчевых досок, скрепленных между собой пазами, доски покрывались кошмой. Тростник и трава образовывали изголовье. Рядом с постелью висел лук, колчан со стрелами, плетка — «камча», меч в деревянных ножнах. Оружие украшено шелком, золочеными и медными бляшками. Здесь же висит конская уздечка, покрытая бляшками, инкрустированная корнеолем и отделанная зернью.

На женской половине юрты — домашний несложный инвентарь. Сосуды с завязанными горловинами, в которых хранятся кумыс и другие молочные продукты питания. Посуда для еды, грубая, грязная и немытая. Отдельно стоят деревянные кубки, иногда уже старые, треснувшие, но сшитые по трещинам медной проволокой и покрытые медными заплатами. Здесь же деревянные столики. На одном, эллипсоидной формы, слегка вогнутом, изготовляется какая-то мучная пища и лепешки из проса. На другой, прямоугольный в плане, с маленькими бортиками, выкладывается вареное мясо. Около входа в юрту, иногда в центре, стоит низенький китайской работы

столлик. Очаг сложен из камней, иногда врыт в землю. В нем сосуды, в которых варится пища — плоскодонные и с шарообразным дном. Кипит вода в чайниках, в которых заваривают травы. Зимой, когда нет кумыса, ею запивают мясную пищу. В небольших сосудах, стоящих на очаге, варится молочная или мясная пища для живущих только в этой юрте — мужа, жены, детей. Раб, сидящий у входа, получает отбросы, объедки. Муж-воин сидит на кошме, разостланной на земле, иногда на арчевом помосте. Он одет в шелковую рубаху со стоячим воротом типа косоворотки. Ворот расшит, и вышивка в виде растительного орнамента (стеблей) хорошо видна на этом стоячем воротнике. Также хорошо видна вышивка на плотных, обшитых еще другой материей, рукавах, повторяющая рисунок вышивки воротника. Рубашка с прямым разрезом выпущена наружу. Штаны подпоясаны на бедрах ремешком либо шерстяным поясом. На поясе бронзовые «костыльки» для застешки. Штаны заправлены в мягкие бескаблучные кожаные сапоги, с шерстяной яркой подкладкой внутри. На лбу хозяина красная повязка, в левом ухе золотая серьга с подвеской. Жена или готовит обед, или занята ребенком, лежащим в колыбели, или прядет на веретене шерсть. На ней головная повязка из такой же красной ленты, серебряная шпилька закалывает волосы, на руках золотые кольца, золотые спиралевидные с подвесками серьги в ушах. На женщине надета широкая, свободная, расходящаяся книзу колоколом, из тончайшего шелка рубаха с разрезом на груди, завязанная тесемками в виде банта. На шее низка бус — перламутровых, пастовых, стеклянных позолоченных, каменных. Платье расшито лепестками золота, с узорами на иноземные сюжеты. Рот прикрыт шелковым платком. На ногах шерстяные штаны-шаровары, заправленные в такие же, как и у мужчин, сапоги. Платье удобное и теплое; наряду с шелковым одеянием, у мужчин и женщин имеется шерстяная одежда. Широкий подол платья позволяет женщине легко вскочить в седло. Все в быту, от жилища до покроя одежды, приспособлено для кочевания. Шелковые одежды, многие из украшений, да и другие вещи — иноземного происхождения; это подарки, полученные главой семьи, воином-мужем в далеких странах, куда он гонял со своими соплеменниками скот на продажу, или военная добыча, награбленная во время боевых набегов.

Воссозданная нами картина показывает, что культура кочевого общества достигла уже высшей точки своего возможного развития.

Характерно, что типические стороны этой культуры сохранялись вплоть до недавнего прошлого, а за пределами Советского Востока бытуют и до сегодняшнего дня. Способы выпаса и содержания скота, покрой одежды, изготовление деревянной утвари, некоторые инстру-

менты, тип колыбели и многое другое претерпели весьма незначительные изменения. Кочевая культура оказалась весьма устойчивой, и ее внешние проявления оставались все теми же. А это значит, что в развитии культуры все, что могло дать кочевое скотоводство, было уже освоено на рубеже нашей эры. Условиями, которые могли изменить это положение, могли быть только, во-первых, окончательное разложение родового строя, во-вторых, широкое развитие связей кочевников с земледельческими странами. Для Семиречья решающее значение имел второй фактор — широко развернутая согдийская колонизация Семиречья. Согдийская колонизация, о которой будет сказано ниже, определила дальнейшее развитие культуры Семиречья, привнеся в культуру кочевников элементы культуры земледельческих оазисов. Влияние последней вначале сказывалось лишь во внешних проявлениях, впоследствии же культура земледельческих оазисов во многих районах Семиречья стала органической составной частью культуры кочевников. Прежде всего ее влияние сказалось на изменении социального строя кочевников, которые, сохраняя традиционные проявления культуры и старый неизменный способ производства, перешли к новому типу общественных отношений. Сущность этого социального явления особенно ярко раскрыл Карл Маркс. Он говорил: «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств».¹

§ 2. КУЛЬТУРА СЕМИРЕЧЬЯ ВО ВРЕМЯ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв. н. э.

Для времени со II по IV вв. в письменных источниках нет никаких сообщений о Семиречье, и только в источниках V в., главным образом, в истории Сунской и Танской династий, историк может найти материал, относящийся к данной территории. Большую роль в освещении жизни Семиречья в эту эпоху сыграли путешествия Сюань Цзана (629—648 гг.), историк может извлечь много сведений как из описания его жизни, так и из описания его путешествия, существенно дополняющих друг друга. Из других источников должны быть отмечены сообщения грека Меландра, а для восстановления картины жизни городов Семиречья большое значение имеет раннемусульманская литература. С установлением династии Бэй Вэй (386—581 гг.) многие

племена Семиречья вступают в непосредственные отношения с Китаем, вследствие чего и Китай получает возможность близко ознакомиться с этими народами. Первые посольства китайцев относятся к первой четверти V в. В течение I—VI вв. н. э. Семиречье подпадает под сильное влияние центральноазиатских держав, сначала сяньбийцев (конец I—III вв.), а затем жужан (IV—VI вв.). Политическая власть центральноазиатских держав оказала немалое влияние на перемещение некоторых племен в другие области Семиречья и на образование новых племенных союзов. Так, были вытеснены в горный Тянь-шань усунь, сообщения о которых имеются еще для V в., а в северном Семиречье создается мощный племенной союз юебань. Значение этого события велико — племенной союз юебань создал преграду, остановившую проникновение жужан в Среднюю Азию, правда, этим самым изолировав Семиречье от китайских влияний.

Со Средней Азией, где господствовали кушаны, связь Семиречья в первые века н. э. была слаба. Лишь к V в. н. э., в силу изменившихся международных условий, в частности, в силу того, что Китай начинает подчинять себе жужан и снова овладевает Восточным Туркестаном, восстанавливается связь Китая со Средней Азией, и в этот процесс оказывается включенным и Семиречье. В эту пору историк должен отметить здесь бурный рост развития культуры, которая со II—IV вв., после того, как культура усуней утратила свое значение, находилась в явном состоянии упадка. Об этом свидетельствует лишь один известный нам памятник у с. Луговое, частично вскрытый раскопками 1936 г. Памятник представляет собой остатки древнего сельского поселения, на котором находилось современное кладбище. На поселении сохранились сильно разрушенные жилища полуседлого типа — саманные стены и плотноубитый обмазанный глиной пол. Потолочные перекрытия и крыша делались из дерева. Жилище было легким, непрочным. В нем находился очаг подковообразной формы, стенки которого сделаны были из глины. О хозяйстве обитателей этого поселения наглядно говорят находки костей животных. Здесь были найдены кости коровы, лошади, овцы, осла, верблюда, кулана, оленя, сайги. Из приведенного списка животных явствует, что, наряду с разведением домашних животных, значительное место занимает и охота (на сайгу, кулана). Кроме того, в хозяйстве, несомненно, играло большую роль и земледелие, о чем можно судить, во-первых, по большому количеству найденных каменных зернотерок, во-вторых, по семенам проса, прилипшим к наружной поверхности дна одного из сосудов. Судить о характере земледелия, т. е. было ли оно мотыжным или пашенным, трудно, так как археологический материал в этом отношении ничего не дает.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, стр. 267.

Обработка продуктов скотоводства и охоты составляла основное занятие обитателей поселений. Здесь были найдены прясла от веретен и косточки барана с прорезанными на них желобками для лощения нитей. Нити были шерстяные, о чем говорят находки веретен. Для обработки кож употреблялись скребла, которыми снимали мездру. Рукоять скребла сделана из рога оленя (лося?) и украшена процарапанным на ее поверхности орнаментом. Кость служила и для всяких поделок, например из нее делались рукояти ножей, которые украшались концентрическими кружками. Керамика грубая, из плохо промешанного теста, с дрсевой, плоскодонная и в основном баночной формы. Украшены сосуды наlepным, а чаще грубо врезанным орнаментом в виде каплевидных ямочек, сделанных палочками. Наряду с грубой керамикой, имеются и сосуды хорошей выделки, но слабого обжига — кувшины.

Как бы ни были скудны археологические памятники Семиречья по эпохе II—V вв. н. э., они все же дают основания для утверждения, что в это время, несомненно, начинается развиваться земледелие, а скотоводство и охота продолжают бытовать в качестве основных источников существования местного населения. Немногие письменные свидетельства дополняют только что набросанную картину. Они сообщают, что центральное Семиречье заселяли племена юебань, потомки бежавших из Центральной Азии гуннов. Часть из них ушла на запад, в Согдиану, другая осталась в Семиречье. По роду занятий и по языку китайцы сравнивают их с уйгурами, т. е., очевидно, это были тюрки-кочевники. Китайцы подчеркивают их более высокий, чем у других кочевников, культурный уровень. Они сообщают, что юебань добывали селитру, так же как и жители Кучи, и употребляли ее для лечения волос, зубов и при поносе. Кроме того, юебань славились как лекари, пользующие травами, причем китайцы приписывали фантастическую целебную силу их снадобьям. У юебань были шаманы — «шужэнь».

По соседству с землями усуней и юебань, на востоке Семиречья, жили племена северные чеши. Северные чеши входили в большой союз, основная часть которого размещалась в Восточном Туркестане. Северные чеши почти все время находились под властью северных гуннов и, так же как и гунны, были кочевниками. С конца II в. северные чеши были подвластны дуньхуанскому наместнику и платили подати для содержания китайского чиновника с 300 кибиток. Чеши жили в долине Уту (Иртыш), в которой помимо скотоводства занимались и земледелием. Основной базой для получения продуктов земледельческого производства для чеши, так же как и для северных гуннов, оставался оазис Хами. В сообщениях китайцев, относящихся ко времени после II в., о племенах чеши не

упоминается. Очевидно в первых веках нашей эры происходили последующие передвижения киргизов, поскольку китайские источники III в. н. э. отмечают в районе Семиречья западных киргизов.

Из приведенных выше данных явствует, что уже в V в. н. э. на территории Семиречья были тюрки-кочевники. Таковы были племена юебань, к тюркоязычным племенам относились и усунь. Основным занятием населения было кочевое скотоводство. Видимо с середины V в. в среду кочевников Семиречья начинают проникать согдийцы. Во всяком случае, в V в. у жителей Семиречья была тесная связь со Средней Азией, например с Ферганой. Характерно, что усунь дают китайским послам Тунюань и Гао-мин проводников и переводчиков, когда те собираются ехать в Фергану. О связях Семиречья с Согдом говорит также наличие предметов согдийского происхождения в ранних курганах кочевников и в нижних слоях таких городищ, как Тараз и Сарыг (о них ниже).

Ко второй половине VI в. относятся сведения о подчинении согдийцев, до этого времени находившихся под властью эфталитов, семиреченским тюркам (о чем свидетельствует Менаандр). Тюрки составляли значительную часть населения Согда, согдийцы же, в свою очередь, в эту пору уже проникли в Семиречье. Характерно сообщение письменных источников о том, что, когда Земарх прибыл в Согд, тюрки предлагали ему железо. Тюркский каган выдал свою дочь за владетеля Согда. По свидетельству Менаандра, владетель согдийцев Маниах был послом тюрков в Византию. К концу VI в. проникновение тюрков в Согд еще более усилилось; в свою очередь, под непосредственным воздействием тюрков в конце VI в. и начале VII в. увеличивается и переселение согдийцев в Семиречье. Фактически Семиречье и Согд в конце VI в. представляют временами единое политическое целое, хотя и с разнообразными в культурном отношении районами.

Не случайно в Согде сидит потомок кушанских владетелей, состоящий в родстве с тюркским ханом, тюркские законы хранятся в храме, бытует тюркское письмо. Ко времени посещения Чуйской долины Сюань Цзаном, т. е. к 630 г. н. э., в Семиречье было так много согдийцев, что страна от Иссык-куля до Самарканда вся называлась Согдом-Сули, и Сюань Цзан прежде всего отмечает оседлую культуру Семиречья, согдийскую по своему происхождению.

С появлением согдийцев на территории Семиречья в конце VI—начале VII вв. резко изменяется экономика Семиречья. Важнейшими явлениями следует считать возникновение здесь оседлых поселений, а затем городов, развитие ремесел и земледелия.

Посетивший в начале VII в. эту страну Сюань Цзан описывает Чуйскую долину как

страну городов и земледелия. Он говорит: «К западу от Суяба расположено около десятка изолированных городов, находящихся под управлением начальников (чжан), друг от друга независимых, но все подвластных тюркам». Сюань Цзан, как мы уже говорили, посетил Чуйскую долину в 630 г. Из его слов следует, что к этому времени долина имела уже ряд городов, среди которых выделялись своими размерами Суяб — «место встречи купцов, приезжающих из различных государств», и Тараз, где останавливаются и торгуют всевозможными товарами купцы, приезжающие из разных стран. Весь этот район был заселен не только кочевниками, но и оседлым среднеазиатским иранским населением. Во времена тюркского каганата согдийские поселения в Семиречье существовали лишь по Таласу и Чу, причем в Чуйской долине они, видимо, не заходили дальше Боомского ущелья и были сосредоточены, главным образом, по левому берегу р. Чу. На правом берегу Чу только в одном месте (территория колхоза «Трудовик») были обнаружены остатки поселения согдийского типа.

Согдийские поселения представляли собой совокупность укрепленных домов, разбросанных на сравнительно небольшой площади. Каждый дом состоял из нескольких длинных комнат размером 2×8 м, расположенных параллельно друг другу. Стены таких домов были сложены из сырцовых глинобитных блоков, перемежающихся с горизонтальными линиями кладки из сырцового кирпича. Кирпич варьировал в своих размерах от $22 \times 22 \times 6$ см до $27 \times 19 \times 6$ см, т. е. имел и квадратную и прямоугольную формы. Прямоугольный кирпич служил для возведения коробовых перекрытий узких и длинных комнат здания. В нижнем этаже здания, а здания были двухэтажные, в стенах были прорезаны узкие щели длиной по вертикали в 30—40 см и шириной до 10 см. Они служили для вентиляции, освещения и могли быть одновременно бойницами. Толщина стен доходила до одного метра. Совершенно ясно, что монументальность кладки была подсказана не только строительными соображениями, но диктовалась и соображениями обороны — защиты жителей дома. Такой укрепленный индивидуальный дом принадлежал, видимо, одной патриархальной семье. К дому примыкал двор, в котором находилось фамильное кладбище. В одном из домов, раскопанном в Красной Речке, были найдены зороастрийские погребения в оссуриях-астоданах. Наличие фамильного кладбища внутри жилого комплекса еще раз подчеркивает известную замкнутость отдельных патриархальных семейств, изолированность от всего окружающего их поселения. Укрепленные дома, сравнительно густо насыщающие небольшую территорию, являются порождением определенной формы социального уклада. Естественно, что это не фео-

дальные замки, ибо нелепо предположить, что на площади в 10—15 кв. км могли тесниться десятки «замков». Естественнее предполагать что укрепленные дома являлись жилищем патриархальных семейств, базирующих свое хозяйство на подневольном труде рабов. Труд последних использовался, главным образом, в земледелии, а также для обслуживания караванов. Боязнь возможного восстания рабов заставляла рабовладельцев строить сильно укрепленные жилые дома, которые в случае надобности защищали бы рабовладельца и его семью от восставшей группы рабов, но, конечно, не защищали их от вражеских набегов окружающих кочевников. Такие маленькие индивидуальные крепостцы не могли создать возможности эффективной обороны. Необходима была коллективная оборона, и вот, наряду с укрепленными домами, стали возникать обведенные мощными стенами шахристаны.

Переселенцы из Согда занимались земледелием, ремеслом и торговлей. Сюань Цзан говорит: «Одна половина населения обрабатывает землю, а другая — занимается торговлей». В китайской истории Тань-шу сообщается также, что в этом районе земли орошают снеговой водой с гор. Видимо, речь идет об использовании быстротекущих горных речек. Достоверных данных об использовании р. Чу в ирригации для времени VI—VIII вв. нет. Лишь позднее, в XI—XII вв. на самом берегу р. Чу появляются поселения, совершенно очевидно связанные с распространением земледелия в пойме.

Разводили в Чуйской долине красное просо, пшеницу и виноград, причем виноград был здесь сравнительно новой культурой. Так, в описании встречи Земарха с Сильзибулом в 568 г., говорится, что «предлагалось им вино, но не виноградное, ибо там виноград не растет», а для VII в. уже имеются указания о виноградном вине. Хан тюрков, принимавший Сюань Цзана, потчевал его виноградным вином и виноградом. Возможно, что в Чуйской долине сеяли и рис; его могли разводить военнопленные китайцы, жившие к западу от Таласа.

Земледельческая культура заняла всю Чуйскую и Таласскую долины, а кочевое скотоводство было распространено в горных районах: в горных ущельях по берегам Иссык-куля, в долинах Малого и Большого Кемина и горного Тянь-шаня. В частности, в последнем были сосредоточены ставки наиболее крупных тюркских родов. Областью, безраздельно занятой кочевниками, была также Илийская долина.

По данным китайских и мусульманских авторов можно представить картину расселения тюркских племен. Все тюркские племена Семиречья делились на десять племен или «стрел». В древнетюркских рунических текстах, так же как и в китайских, они именуется

«десятистрельным народом» — «онок будун», по-китайски — «шиша». Эти десять племен делились на две конфедерации: племена дулу, занимавшие междуречье Чу—Или, и племена рушеби, обитавшие в междуречье Чу—Талас. Племена тюргеши, которые до VII в. были еще неизвестны, видимо занимали горные районы Тянь-шаня, а карлуки — Западный Алтай.

С 704 г. тюргеши занимают Центральное Семиречье, главным образом долину р. Чу; позднее 766 г. политическая власть в этом районе переходит к карлукам. Начиная с VIII в. усиливаются культурные и политические взаимоотношения киргизов Енисея с Тянь-шанем. В X в. персоязычная литература говорит об отдельных группах киргизов на территории Тянь-шаня. Источник X в. Худуд-ал-Алам говорит даже о городе киргизского хана; к этому времени (VIII—X вв.) относятся единичные могилы киргизских воинов, открытых в центральном Тянь-шане. Киргизы-кочевники продолжали составлять лишь часть сельской округи городов Семиречья и Тянь-шаня. Недостаточность археологической изученности Семиречья не позволяет определить, каким именно племенным группам принадлежал тот или другой археологический материал; собранные коллекции дают возможность составить лишь общее суммарное впечатление об истории и быте этих кочевников.

Под скотоводство были использованы, повторяем, не занятые земледельцами районы. Здесь на зимних пастбищах, как и в предшествующую эпоху, располагались родовые кладбища кочевников. Наряду с сезонными ставками, возникали обнесенные валом городища, внутри которых расставлялись обычные жилища кочевников — кибитки. Сложных строительных сооружений в таких городищах нет, сырцовый кирпич как строительный материал лишь начинает проникать в эту пору к кочевникам.

Благодаря этому обстоятельству культурные слои городищ весьма тонки, они не образуют больших отложений. Города-ставки были местом пребывания западно-тюркских каганов. Такой ставкой, например, был город Суяб (с. Новороссийское), где пребывали владельцы тюркских племен Семиречья.

Дифференциация имущественных отношений у тюркских племен к этому периоду была уже очень сильна. Достаточно указать на то обстоятельство, что роль кагана окончательно утвердилась, а вместе с тем большое значение приобрела и военно-чиновничья бюрократия, состоявшая из представителей знатных родов кочевников. Многочисленные междоусобицы, непрерывно возникавшие между отдельными племенами, были связаны не только с борьбой кочевников за лучшие пастбища и с охраной стад, но являлись и прямым результатом активного сопротивления кочевников узурпа-

торским тенденциям своих малых и больших каганов.

Некоторые свидетельства письменных источников весьма характерны в этом отношении. Так, например, про Шаболо-шеху говорится, что он во время войны со страной Кангуй и Даоми (Согдом) «всех пленных взял себе, а не уделил подчиненным», чем вызвал очередное восстание племен. Еще более яркие факты сообщает китайский источник о кагане тюргешей Сулу. «Расходы ежедневно увеличивались, а запасов не было. В последующие годы он стал скаредным. Поэтому награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отделяться от него».

Имущественная дифференциация подчеркивается и разнообразием курганных насыпей, величина которых отражает степень знатности и богатства похороненного. Все же, несмотря на далеко зашедшую дифференциацию, среди тюркских племен еще значительную роль играли пережитки патриархально-родового строя, о чем говорят могильники тюрков. Правда, вытянутые в ряд родовые цепочки уже распадаются просто на более или менее компактные группы могил. Характерно отсутствие многочисленных градаций между величинами курганных насыпей. Насыпи по своему характеру делятся на два типа: на значительную группу малых курганов и единичные курганы больших размеров, принадлежащие знати. Кстати, последние обособлены от других погребений и вытянуты в самостоятельную цепочку.

Характерной чертой тюркских погребений является установленная около могилы погребенного гряда камней, вытянутых по одной линии от могилы в направлении с севера на юг. Камни обычно продолговатой формы, вкопаны торцом в землю, причем на первых из них высечено изображение человека. Обычай этот описан в китайских источниках следующими словами:

«В здании, построенном при могиле, ставят нарисованные изображения убитого и описание сражений, в которых он находился в продолжение своей жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже тысячи».

Приведенный текст достаточно хорошо разъясняет функцию этих камней, наблюдаемых в тюркских могильниках в ущелье Чон-кемина.

Типы могильных памятников, относящихся к тюркам в Семиречье, весьма разнообразны. К ним принадлежат: курганы с каменной насыпью и грунтовой ямой, перекрытой деревом, обычно накатом из тонких бревен или жердей, чтобы насыпь не оседала. Этот тип погребения перекликается с более ранними усунскими захоронениями и представлен большим мо-

гильником в Илийской долине — могильником Джуван-тобе. Второй тип захоронения известен по могильнику в Узун-булаке (междуречье Чарына и Темерлика), где могилы представляют собой небольшие каменные насыпи, круглые или четырехугольные в плане; на насыпи на торец поставлен один камень, в некоторых случаях насыпи имеют прямоугольную ограду, в которой четыре таких камня поставлены по углам. Третий тип могильника встречен в ущелье Чон-кемина, где большая часть могил вообще почти не отмечена на поверхности насыпью, но имеет ряды балбалов. Вопрос о том, являются ли эти три типа могильников отражением разных хронологических стадий или чертами этнических отличий, сейчас, в силу еще слабой их изученности, решить трудно.

В том или ином случае мы явно имеем дело, во-первых, с преемственностью с более древними (Джуван-тобе) погребениями, во-вторых, со сложением новых черт погребального ритуала (Узун-булак и Чон-кемин).

Установка балбалов и каменных баб около могил погребенного говорит о том, что тюрки сохраняли еще традиции военно-демократического строя, когда значение воина и его военная доблесть являлись главными моментами для характеристики человека. Поэтому кочевники заботятся теперь не столько о величине курганной насыпи, сколько о том, чтобы отметить славу похороненного как воина указанием на количество побежденных им врагов.

Несомненно, что пережитки родового строя не составляли главную черту уклада кочевников Семиречья. Погребальный ритуал, по которому мы восстанавливаем эти явления, консервативен и несет в себе черты, в полном объеме свойственные предшествующей стадии общественного развития, а не времени сооружения памятников.

Скажем еще несколько слов о занятиях кочевников и об организации административного управления.

Основным занятием тюрков было скотоводство. Судя по археологическим данным, разводились главным образом лошади и овцы. Сюань Цзан особо подчеркивает большое количество лошадей у тюрков. Ему же принадлежит указание, что, наряду с лошадьми, тюрки-воины пользовались и верблюдами. Вероятно, что какую-то роль в жизни кочевников играла и охота, хотя прямых свидетельств этому нет.

Помимо скотоводства кочевники занимались также и торговлей. В источниках находится довольно много упоминаний мусульманских авторов, правда, для несколько более поздней эпохи, о том, что, например, карлуки торгуют с мусульманскими купцами; г. Тараз называют в источниках «воротами в страну карлуков». Торговали кочевники продуктами скотоводства и скотом. Не менее значительное место занимала и торговля рабами, «товаром»

высоко ценившимся в мусульманском мире. Кочевники обращали в рабство пленных, захваченных во время непрерывных междоусобиц. Несомненно, что значительное место в ассортименте товаров имели и награбленные во время набегов на соседние страны сокровища. В первую очередь следует отметить торговлю кочевников шелком; они вывозили шелк в Иран и даже в Византию.

В результате этого активного обмена в Семиречье попадают вещи иноземного производства, вещи не только из Средней Азии и Ирана, но и из Византии и Китая.

В основном торговля имела форму обмена. Об этом свидетельствует отсутствие «инострannого» нумизматического материала; среди кочевников ходила лишь бронзовая монета местного чекана, выпущенная тюркскими правителями из среды тюргешей. Матрицы монет были двух типов. В одном случае каждая монета отличалась отдельно, в другом — целой лентой, после чего монеты рубили и отбивали у них края.

В руках кочевников находились и сами торговые пути.

В VI—VIII вв. торговый путь шел от Испиджаба на Тараз, затем вдоль гор Киргизского Алатау по левому берегу р. Чу. Около Боомского ущелья путь пересекал Чу и шел вдоль правого берега р. Чон-кемин, затем по перевалу Кугойрок выходил на северный берег Иссык-куля и, обогнув восточную оконечность области Верхний Барсхан, через перевал Сынтас выходил в долину Каркары и следовал далее к последнему перевалу в Восточный Туркестан. В районе Иссык-куля торговый путь разветвлялся и шел в Тянь-шань и Фергану. На Фергану вел и другой путь — из Чуйской долины, ответвление его находилось у Джуля.

О том, какова была форма управления в большей части городов, сведений точных нет; можно лишь предполагать, что они управлялись через своеобразные «полисы» и выборных правителей, которые, в свою очередь, подчинялись тюркскому кагану.

Тюркские ханы неоднократно захватывали власть в городах. Так, например, город Тараз был, по свидетельству китайских источников, в 739 г. ставкой Живэй хана. В нем же обожновал свою резиденцию Тухосьянь Гучжо.

В основном титулатура западных тюрков была той же, что и у восточных. В Суй-шу имеется указание, что в Восточном Туркестане «из чиновников Сыфаян и Хунда управляли государственными делами; остальные были те же, что и в восточных владениях».

Верховный владыка тюрков в Семиречье в большинстве источников выступает под титулом ябгу, ябгу-каган. Титул ябгу выражал политическое подчинение западных тюрков восточным, которые рассматривали их как своих подданных. Титул хана носили предводители

отдельных орд кочевников, населявших Семиречье. Исполнительная власть западнотюркских каганов осуществлялась через бюрократию, носившую ту же титулатуру, что и у восточных тюрков. Так, например, восточные тюрки указывают, что в войне с тюркешами в 710 г. они схватили буюрука азов. Азы являлись ветвью тюркешей. Китайцы сообщают о тутуках (тутунь), являвшихся своеобразными надзирателями над правителями племен, исполнявших роль сборщиков податей. Правители носили титул эльтеберов или, по-китайски, сылифа. Буюруки были исполнителями каганских приказов. Основной социальной базой каганата являлась знать тюркских родов — беги, именуемая иногда мусульманскими авторами манап (быть может, манап? — титул сохраненный киргизами Тянь-шаня до недавнего прошлого).

Сылифа-эльтеберы в основном назначались каганом, но были и выборные представители: у племен дулу — чжо, а у нушиби — сыгини. Тюркский каган пользовался неограниченной властью и владел большими сокровищами. Как и все кочевники, он жил в шатре, но в отличие от рядовых, его шатер был сделан из шелка, и сам каган обычно носил шелковую одежду. Как знак своей власти каган носил шелковую ленту, которая была несколько раз обернута вокруг головы, концы ленты ниспадали сзади на спину. Каган владел собственной территорией, где он охотился и где паслись его стада. Такой территорией тюркского кагана было урочище Мынг-булак (современное урочище Мынг-булак к западу от Таласа?). «Хан тюрков, — пишет Сюань Цзан, — каждый год приезжает сюда, спасаясь от летней жары. Здесь попадает много оленей, украшенных маленькими колокольчиками и колечками. Они привыкли к людям и не убегали, увидя их. Хан любит оленей, и ему доставляет удовольствие наблюдать за ними. Он выпустил указ к своим подданным, где сказано, что всякий, кто посмеет убить хотя бы одного оленя, будет предан смерти без пощады». О такой заповедной территории в районе Невакета (Чуйская долина, с. Орловка) сообщают и мусульманские авторы.

Плодородные местности по берегам рр. Таласа и Чу были заняты земледельцами. Здесь же и возникли города, причем наибольшее развитие получили те, которые стояли на караванных путях.

Для IX в. мусульманские авторы называют уже значительное число городов Семиречья. Как показали раскопки некоторых из них, эти города несомненно развились из старых согдийских поселений. Города эти начинались от Испиджаба (район г. Чимкента) и шли далее на восток к Иссык-кулю. Наиболее крупными городами являлись Испиджаб, Тараз, Кулан, Сарыг и Баласагун. Впрочем, названия первого и последнего появляются в пись-

менных источниках позднее, лишь в XI в. Наиболее древним городом был очевидно Талас-тараз (г. Джамбул). Однако, судя по древним согдийским памятникам, вероятно, не моложе его и поселение Сарыг. В Таласской долине центральным городом был Тараз. К западу от него находился город Джувикат (на р. Ассе, развалины Бек-тобе). К северу, в местности Кавакат стояли два селения Дохнуджикес и Адахкес (колхоз им. Молотова, Джамбуловской области), в северо-восточном направлении был город Джикиль (колхоз Кенес, Свердловского района, Джамбуловской области). К югу от Тараза были города Бехлу (Бешагач), Атлах (развалины Джуван-тобе, к югу от с. Солдатское), Хамукат (развалины Майтобе, к югу от с. Серафимовка). Вверх по Таласу за Капкинским ущельем были города Шельджи (Садыр-курган у с. Кировск), Сусы (развалины Чалдывар у с. Водное), Куль (развалины Джаман-курган у с. Орловка), Текабкет (Ак-тобе у с. Дмитриевской). От Тараза шел путь на восток в Чуйскую долину. На этом пути прежде всего надо назвать город Нижний Барсхан (105 разъезд), затем отметим кочевья карлуков — Кульшуб и Касрибас (район рр. Сюготы, Кайнды) и город Кулан (с. Луговое), где был убит последний хан тюрков Ашина Синь в 704 г. За Куланом шли города Мирки (районный центр Мирки, Джамбуловской обл.), Аспара (на реке того же названия и у п. Чалдывар), Нузкет (Шиш-тобе у с. Карабалты), Харран-джуван (развалины Ак-тепе у с. Сретенское), Джуль (городище Чолаказак у Фрунзе), Сарыг (с. Красная Речка), Баласагун (развалины Ак-пешин у Токмака), Кирмирау (городище Бурана), Невакет (с. Орловка), Кумбрикет (с. Советское) и Суяб (с. Новороссийское). Поселения, расположенные на берегах Иссык-куля от Тонского залива до Тюпского залива, назывались областью Верхний Барсхан.

Земледелием и строительным делом занимались только согдийцы, различные же ремесла сосредоточивались в руках и согдийцев и тюрков, причем каждой из этих народностей было свойственно владение различными областями ремесла.

Согдийцы почти безраздельно господствовали в керамическом производстве. Керамика этого времени делится на три типа: 1) грубая кухонная керамика, иногда производившаяся без гончарного круга, т. е. лепная; чаще всего она украшена врезным орнаментом в виде арочек, точек, линий и т. п.; 2) большие сосуды, в основном кувшины, также лепной техники. Кувшины делались из четырех лент глины: одна составляла дно, две образовывали боковину, из четвертой делалась горловина. Если сосуд делали с длинным горлом, то горловину лепили отдельно и затем примазывали к стенкам сосуда. Поверхность сосуда покрывали желтым или красным лощением. Этот тип сосудов

обычно украшали орнаментом из узких желобков, образующих спирали и арочки. По тулову и особенно по горлу сосуда шел налепной орнамент в виде жгутов и шишечек; 3) сосуды, сделанные на гончарном круге. Формы их ничем особым не отличаются. Это, известные по Мавераннахру, пиалы, кесы и блюда, покрытые обычно однотонной поливой: белой и зеленой, вообще светлых тонов. Особо следует выделить группу сосудов кувшинообразной формы типа античной энохи с массивными вертикальными несколько уплощенными ручками. Ручки иногда украшались надписями или налепами с изображениями. Так, например, на одной ручке такого типа была вырезана согдийская надпись: «да будет полным». На другой ручке от сосуда красного лощения был вытянутый овальный налеп с изображением женской фигуры в буддийской трактовке.

На втором сосуде уже явно сказывается влияние искусства Восточного Туркестана. То же следует сказать и о сосуде из Красной Речки, подражающем гидрии малых размеров, с налепами по тулову сосуда и врезанным орнаментом в виде французской буквы S. В этих произведениях керамического ремесла выступает уже высокое искусство мастера-художника, отражающего в своих произведениях культурные влияния сопредельных стран.

Несомненно согдийскому мастерству обязано Семиречье и целым рядом керамических изделий, отражающих культурные явления, генетически уходящие в Согд и Сасанидский Иран. Так, например, в Таразе была найдена ручка сосуда, воспроизводящая статуэтку богини Анахит.

К любопытным образцам керамических изделий относятся обломки столиков для угощения — достарханов, украшенных штампованным и резным орнаментом «сасанидского» типа. Здесь в «сасанидском» орнаментальном круге помещено изображение горного козла, трактовка которого явно навеяна звериным стилем кочевников. Весьма характерно употребление штампа при украшении сосудов, которое говорит о высоком развитии керамического производства. Семиреченские согдийцы дополнили сасанидский орнаментальный круг сюжетами, бытовавшими в этих районах. Так, «сасанидский круг» дополняется изображениями животных, растительной розеткой. Тот же «сасанидский круг», дополненный китайским лотосом, мы видим на шелковых тканях, найденных в тюркских курганах Монголии и Алтая.

Помимо керамики и тканей, «сасанидский круг» встречен на металлических (золотых) украшениях, окаймляющим изображение головы какого-то владыки.

Кроме керамического производства, согдийцы, вероятно, занимались и ткачеством; относительно же других отраслей ремесла у нас прямых свидетельств нет. Вероятно, они умели обрабатывать дерево и были сведущи в железоделательном производстве и т. д.

Значительная группа ремесел находилась в руках тюрков. Прежде всего сюда должно быть отнесено кузнечное дело; выделка металлической утвари, украшений и оружия, производство которого, видимо, перестало уже быть домашним ремеслом.

Утварь обычно делалась из серебра. Некоторые предметы, найденные в Семиречье, хранятся ныне в Эрмитаже: чаша со сферическим дном и небольшие кубки, вытянутой формы, с маленькими ручками в центре тулова. Сосуды делались из листового серебра чеканом, а ручки приклепывались. Часть этих сосудов орнаментировалась. Так, например, дно чаши, происходящей с Тянь-шаня (Кочкарская долина), покрыто изнутри орнаментом, выполненным точечной техникой пунцовом. Рисунок орнамента воспроизводит рисунок аппликаций кочевнических кошм — симметрично расположенные завитки (бараньи рога).

Особого мастерства достигали тюркские кузнецы в изготовлении украшений — пряжек и пластин с изображениями, употреблявшихся для одежды и конской сбруи. Эти предметы обычно чеканились, орнамент дополнительно прорисовывался резцом. Тюрки являются изобретателями пряжки с подвижным язычком, широко применяемой в одежде и в конской сбруе. Пряжки обычно делались из бронзы и железа. Чаще всего они были ажурные. Пластины делались из серебра и золота, на них наносился сложный рисунок, в котором изображения барсов, змей, оленей, грифонов вплетались в растительную вязь, образующую общую единую и связанную композицию. Изображения носят подчас условный, геральдический характер, движения зверей застывшие, в них отсутствует та экспрессия и реалистическая выразительность, которые наблюдаются в ранних образцах звериного стиля.

Из железа изготовлялось вооружение — ножи и кинжалы, мечи и сабли, наконечники стрел. Наконечники стрел делались трехперые, с длинным черенком, или ромбические в сечении, сильно вытянутые, с валиком при переходе от наконечника к черенку.

Впервые в VI—VIII вв. появляются стремена. Стремена имеют сверху характерную прямоугольную рамку с прорезью для ремня.

Бронза употреблялась только для украшений и пряжек. Это единственный в то время металл, при обработке которого применялось литье. Бронза производилась в восточном Казахстане, а железо привозили, видимо, из Алтая. Не исключена возможность, что предметы украшения, поражающие исключительным сходством с аналогичными предметами Алтая и Минусинского края, являются произведениями енисейских кыргызских мастеров, которые к тому времени появились на территории Тянь-шаня. Наряду с вещами, которые сделаны, очевидно, алтайскими и енисейскими кузнецами, необходимо выделить группу пред-

метов явно местного изготовления. Так, например, серебряные кубки, в отличие от кубков восточного изготовления, имели ручку не с пятой, а петлеобразную. Ручка с пятой, обычно богато орнаментированная растительным узором, встречалась пока лишь на сферических чашках. Но постепенно эта характерная черта посуды восточных кочевников переходит и на сосуды, изготавливаемые гончарами-земледельцами. Посуда, имеющая ручку с пятой, начинает встречаться уже среди карлукской керамики. А в XI—XII вв., при караханидах, такое оформление ручки на чираках является обязательным.

К местным особенностям орнаментации следует отнести и гравировку в виде букетов, с характерной трактовкой лепестков, как бы находящихся друг на друга. Эта манера прослеживается в рисунке цветов на ткани одежды уйгурского князя, изображенного на одной из фресок из Хочжо, та же манера видна в росписях стен жилых домов на городище Сарыга. Основой этого рисунка является изображение североманьчжурской астры. Вероятно, в ту эпоху не только сами китайцы, но и уйгуры были проводниками китайской культуры и способствовали ее проникновению в Семиречье в восточнотуркестанской трактовке.

На одной фреске из Безеклика имеется изображение кузнеца за работой, причем под изображением находится надпись: «бу темирчи», т. е. — это кузнец. Для более позднего времени тюркский термин темирчи — кузнец — зафиксирован неоднократно как в несторианских надписях, так и в словаре Махмуда Кашгарского и в Кудатгу Билик. Мастерами, доставлявшими кочевникам изделия из нефрита, употреблявшиеся иногда для накладок на сбрую, были, несомненно, также уйгуры или китайцы. Такие накладки в виде кружков и полулуний неоднократно находили в тюркских могильниках Тянь-шаня и Заилийского Алатау. К чисто китайским поделкам, конечно, относятся и зеркала танского типа, неоднократно находимые в Семиречье; они попадали к кочевникам в порядке торговли. Вызывают, однако, сомнение некоторые зеркала, имеющие отличный от китайских зеркал орнамент в виде двух обращенных друг к другу птиц. Такого типа орнамент на зеркалах собственно китайского происхождения нам неизвестен. Характерно, что зеркала более позднего времени, сделанные по китайскому образцу, имеют длинную ручку и украшены по ободу каймой, заключающей куфические надписи с мусульманскими благопожеланиями. Таким образом, несмотря на то, что кузнечное ремесло кочевников развивалось явно в тесной взаимосвязи с кузнечным ремеслом на Алтае и Енисее, оно имело и свои характерные местные черты.

Если кузнечное ремесло было у кочевников самостоятельным видом производства, то дру-

гие ремесла носили еще домашний характер. Так, домашним образом происходило изготовление грубой кухонной посуды со сферическим дном, целиком воспроизводящей архаические формы керамических изделий эпохи ранних кочевников. Следует лишь указать, что, в отличие от старой посуды, посуду описываемой эпохи покрывали лощением и лаком. Техника производства посуды оставалась той же — лепка без гончарного круга.

Домашний характер носил также и процесс изготовления одежды. Ее выделывали из шерсти и кожи. В одном из погребений, раскопанных Фетисовым на Тянь-шане (долина Шамси), был обнаружен головной убор в виде башлыка. Он состоял из двух сшитых половинок, образующих на макушке выдающийся гребень. Этот башлык закрывал щеки и завязывался под подбородком. На башлыке имелся вышитый налобник.

Богатые употребляли для нательной одежды шелк, а сверху надевали шерстяное или меховое одеяние. У хана все одежды были из шелка. Верхнее платье (изображение его мы часто видим на каменных бабах) имело вид кафтана, в котором, в отличие от китайского обычая, левая пола накладывалась сверху. Кафтан доходил почти до колен, плотно облегал талию и перехватывался еще ремнем. К ремню подвешивали меч в деревянных ножнах, сделанные из кожи сумки для ножа, иглы, точила, бритвы, огнива и других мелочей. Сумочки украшались нефритовыми пластинками. Иногда делались футляры для чаши-пиалы и отдельные кожаные ножны для ножа. Сумочки и футляры носили на правом боку, слева обычно подвешивали меч и нож. По словам Сюань Цзана, тюрки-воины носили лук с правой стороны. Такое расположение оружия понятно: меч выхватывался правой рукой и потому носится слева, лук держат левой рукой, а потому он привешен справа. Сюань Цзан упоминает также, что у воинов-кочевников были знамена и копьа.

Скажем еще несколько слов об одежде кочевника. Покрой штанов нам неизвестен. Очевидно они заправлялись в сапоги. Сапоги делали из кожи, с тонкими подошвами, без каблучков, с загнутыми вверх носками. Шили такую обувь швом наружу и не выворачивали.

Кочевники богато украшали одежду. Кроме золотых или серебряных пластинок, о которых мы говорили выше, для украшения часто употребляли бусы и подвески. В качестве примера можно назвать плоские треугольные подвески из ляпис-лазури, нефрита, удлинённые бусы из халцедона, сердолика, красного янтаря, перламутра, стеклянные бусы, полосатые и глазчатые. Для украшения использовали также раковины каури и кедровые орехи. Почти все из перечисленных украшений были привозными, хотя и у тюрков это мастерство было широко развито. Употреблялась для украше-

ния и искусственная бирюза. Бирюза и сердолик использовались для изготовления серег. Так, в одном могильнике (Шамси) были найдены серьги из бирюзы. На тонкой медной пластинке находились в двух ячейках один сферический и второй более крупный овальный камешки бирюзы, закр. пленные с помощью рубчатого ободка. Сзади пластинки сделан крючок.

Инкрустация, которую мы встречаем на серьгах этого периода, резко отличается от более ранних образцов как техникой изготовления, так и обработкой и обрамлением камня. Здесь уже нет столь типичных для раннего времени зерни и шнурового орнамента у основания ободка, а рамка, держащая камень, не гладкая, как в ранних образцах, а вырезана треугольными фестонами. В изготовлении подобных вещей турки достигли весьма большого совершенства.

К домашним ремеслам нужно отнести также и обработку дерева. Из дерева делались самые разнообразные предметы, например большие плоские чаши, на которых выкладывалось мясо (для жидкой пищи пользовались обычно глиняной и металлической посудой). В одной могиле был найден нож в деревянных ножнах. Ножны делали из одного бруска, который сперва раскалывали надвое, а затем долбленные половинки складывали и скрепляли.

Из бересты выделывали колчаны для стрел. Однако из-за плохой сохранности найденных колчанов судить о технике изготовления их трудно. Можно только сказать, что береста сшивалась. Из деревянных пластин изготовлялись седла, имеющие уже твердую основу и лук, луки, древки стрел. Дерево служило часто и для перекрытия и крепления могил. В одной могиле было найдено долбленое гробовище из двух колод, скрепленных железными скобами. Основным материалом для изготовления деревянных поделок были арча и тьяншанская ель.

Железные чоты, найденные в Семиречье, могут быть приурочены к той же эпохе. С их помощью вероятно и производилось большинство деревообделочных работ.

Трудно решить, какого развития достигло в те времена каменотесное ремесло. Последнее представлено многочисленными каменными бабами и надписями на камнях. Несомненно, тогда уже существовали особые специалисты — резчики по камню. Об этом прежде всего свидетельствуют уже выработанные каноны в изображениях, определенная техника рисунка. Необходимо, однако, отметить, что, наряду с такими профессионально сделанными предметами, мы часто встречаем объекты, выполненные очень грубо, покрытые примитивными в художественном и техническом отношении рисунками.

По манере изготовления каменные бабы могут быть разделены на две группы: 1) плоскостные изображения, т. е. каменные бабы, выполненные техникой рисунка, и 2) объемные изображения, т. е. каменные бабы, изваянные в виде скульптуры. Совершенно несомненно, что и та

и другая техника употреблялась в одно время, хотя первая генетически старше второй.

Каменные бабы первого типа изготовлялись довольно примитивно: на каменную плиту весьма схематично наносился рисунок, изображающий контур лица, глаза, иногда обозначались брови, образующие с рисунком носа одну ломаную линию, рот, руки с чашей, изображаемые на уровне пояса. Ширина и длина лица одинаковы, так что лицо как бы вписывается в квадрат. По вертикали лицо разбивается на три равные части — лоб, нос, нижняя часть лица. Лицо в полтора или два раза меньше туловища. Фигура изображалась обычно немногим ниже пояса. Рисунок наносился ударами какого-то острого, вероятно металлического орудия, оставляющего на камне небольшие выбоины-точки. Слившиеся выбоины образовывали линию изображения.

Объемные изображения появились несомненно позже плоскостных. Как на переходный тип от плоскостных к объемным изображениям, укажем на встречающиеся иногда изображения, высекая которые резчик применял остроумный прием: он выбирал для рисунка не плоский камень, а объемный, иногда трехгранный. Грани тщательно зашлифовывались, и на них наносился рисунок. Плоскостной рисунок, помещенный на выпуклой поверхности, естественно приобретает некоторую рельефность.

Объемная скульптура каменных баб построена, по существу, на том же принципе. Разница лишь в том, что части рисунка образованы выемками и валиками, оконтуривающими детали (глаза, рот, усы и т. п.). Несмотря на то, что объемная скульптура несомненно выразительнее, она все же сохраняет стилистические особенности изваяний первого типа. К тому же канон изображений остается тем же. Как новое явление следует отметить большее количество деталей на изображениях. Обычно эти изваяния изображают воинов, держащих в руках чашу. Поза, видимо, заимствована из китайской скульптуры. Чаще всего каменные изваяния изображали мужские фигуры и только в двух случаях нам известны изображения женщины (одно скульптурное и одно плоскостное).

При изваянии употребляется уже не точечная техника, а скалывание кусков камня.

Материалом для изготовления каменных баб служили песчаник, известняк, гранит, сланец; наиболее употребительным материалом был песчаник.

Вероятно те же резчики-мастера занимались и изготовлением надгробных надписей. Рунические надписи на четырех надгробиях, найденных в верхнем Таласе, выполнены той же точечной техникой. Для надгробных надписей употреблялись валуны. Кроме того, надписи высекались непосредственно на скалах, по предварительно сглаженной поверхности. Сочетание рунических надписей с арабской на

одном камне из Иссык-куля говорит о том, что руническое письмо бытовало вплоть до начала IX в., так как трудно допустить проникновение арабского письма в Семиречье раньше второй половины VIII в.

Перейдем к краткой характеристике основных черт идеологии населения Семиречья той эпохи, тем более, что в этой области мы располагаем сравнительно большим материалом. Совершенно ясно, что в силу деления Семиречья на две группы — земледельцев и кочевников, а вместе с тем на тюрков и согдийцев — идеологические явления также могут быть разделены на две группы: одну — связанную с тюрками, вторую — с согдийцами-переселенцами.

В Семиречье были широко распространены и тюркский и согдийский языки. Тюркский язык был представлен здесь «жекающим» диалектом, отличным от языка восточных тюрков. Это утверждение доказывается немногочисленными словами, дошедшими к нам из разнообразных источников — византийских, армянских, китайских, позднее персидских и арабских авторов. Известны такие слова: дождю — похороны («йог» у восточных тюрков), джабгу — титул (ябгу у восточных), а также название городов: Джуван — «огромный», «большой», Джуль — «степь» и др.

Семиреченские тюрки равно использовали более раннее руническое письмо, происходящее от восточных тюрков, и согдийский алфавит. Письмо не отражает жекающего диалекта, так как литературным языком был, видимо, язык восточнотюркского каганата. С руническим письмом в Семиречье успешно конкурировала согдийская вязь, наблюдаемая на монетах VIII в. Вероятно к тому времени семиреченские тюрки и начали пользоваться ею. Для письма часто употреблялась глина, часть надписей найдена на глиняных сосудах. Для переписки пользовались и деревом, на котором вырезался рунический текст. Об этом наглядно свидетельствует деревянная палочка с письменами, найденная в одном из ущелий Таласской долины в горах Киргизского Алатау, в ущелье Нельды. Палеография письма семиреченских тюрков весьма интересна, так как может быть сопоставлена с киргизским письмом. Такова палеография таласских надгробий, текста на деревянной палочке, надписи на одном китайском зеркале из Урджар. Возможно что руническое письмо восточных тюрков проникло в Семиречье через енисейских кыргызов. Руническим письмом пользовались только тюрки, согдийской вязью — и тюрки и согдийцы. Так, например, тюркский текст на монетах зачастую писали согдийским курсивным письмом. На сосудах же встречаются начертанные этим письмом и согдийские по языку надписи.

Наряду с руническим и согдийским письмом, следует отметить сирийское письмо и язык, известные по находкам из Тараза. Письмен-

ность в Семиречье, видимо, имела большое распространение. Письмом пользовались для выражения благожеланий, надгробных эпитафий, надписей на монетах, частных надписей; существовала даже литература. О последней мы знаем со слов Сюань Цзана, который говорил: «основные письменные знаки немногочисленны; они сводятся к 32 буквам, комбинации которых постепенно привели к образованию большого количества слов. У обитателей этой страны литература заключается всего лишь в нескольких исторических мемуарах. Знание этих книг, текст которых читается сверху вниз, передается взаимно друг другу; таким образом литературная образованность переходит непрерывно из поколения в поколение».

По неподтвержденному предположению В. Радлова, манихейская рукопись Хуастунит (покаянная молитва манихейцев), написанная уйгурскими письменами, происходит из Семиречья (Талас).

Религия Семиречья того времени представляла крайне пеструю картину.

Тюрки-кочевники были в большинстве шаманистами. Суй-пу свидетельствует, что «каждую пятую и восьмую луну [кочевники] собирались для приношения духам. Ежегодно посылали важного сановника приносить жертву предкам той пещеры, где они из рода в род обитали». В биографии Сюань Цзана достаточно ярко описываются религиозные представления тюркского кагана и, в частности, религиозный ритуал, связанный с поклонением огню. Впрочем, быть может, упоминаемый отрывок описывает обычные обряды зороастрийского вероисповедания. О поклонении огню достаточно ясно говорится в византийских источниках, где описывается «очищение» Земарха огнем и погребение кагана Сильзивула, отца Турксанфа, которое наблюдал Земарх. Обычай сожжения умерших известен нам и по китайским источникам, рассказывающим, что «берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу».

Этот обряд, зафиксированный письменными источниками, подтверждается и археологическим материалом. Фетисову удалось раскопать в урочище Кескен-таш каменные оградки, внутри которых оказались сложенные из сырцового кирпича цилиндрические склепы с круглым сводом. В склепах обнаружены захоронения, произведенные после обряда трупосожжения; пепел хранился либо в особо сделанных ящиках, либо в глиняных чашах.

Аналогичные захоронения найдены и в Таразе, где остатки сожженных костей лежали в хумообразных горшках.

У тюрков еще значительное место занимали захоронения древнего типа, т. е. труположение. Они разделяются на два типа — бедные одиночные захоронения и богатые — с ко-

нем. В обоих случаях захоронения производились в грунтовых ямах, иногда укрепленных каменными плитами (Тянь-шань), срубам (Тянь-шань, Илийская долина), и перекрытых бревенчатыми или плетеными из жердей накатами. Почти обязательным является положение в могилу пиши — курдюка барана на деревянной тарелке, иногда трех спинных и трех шейных позвонков (грудинка) или передней ноги с лопаткой. Погребение с конем для Семиречья сравнительно редко; пока зарегистрированы единичные захоронения.

Наряду с шаманизмом тюрки, вероятно, исповедывали буддизм, манихейство и зороастризм. Последний документируется характерным для Семиречья типом оссуариев кибиткообразной формы. Следует отметить, что такие оссуарии употребляли и семиреченские согдийцы. Так, в трех оссуариях с городища Красная Речка похороненные оказались (по расовому типу) северными иранцами-согдийцами: старик и старуха 50—60 лет и мальчик 6—8 лет. Однако оссуарии эти имеют типичную форму кибитки, они покрыты резным орнаментом, имитирующим аппликации кочевнических кошм, растительным орнаментом и стилизованными изображениями кибиток. Стенки оссуариев были разрисованы так, чтобы максимально передать характерное для кибитки плетение кереге, уков и чангарака — деревянных остовов кибитки. Овальный в плане оссуарий и сферическая крышка на нем, детали врезного рисунка наглядно подтверждают мысль о том, что изготовитель оссуария пытался воспроизвести кибитку. По технике изготовления оссуарии не отличаются от мавераннахрских, они также лепные, видимо, на волосяном каркасе и сделаны, вероятно, согдийскими мастерами. Любопытно, что на одном оссуарии отверстия для проникновения света (согласно ритуалу) сделаны не так, как на других образцах, — в виде друг против друга расположенных дырочек, — а в виде прорезных колонок с капителями. Мастер-согдиец внес в кибитку кочевника архитектурные элементы, свойственные постройке земледельца.

Описанные выше оссуарии являются наглядной иллюстрацией синкретизма кочевой и оседлой культуры в Семиречье.

В оссуарии клались иногда и части трупа, еще не целиком разложившиеся. На это указывает анатомический порядок расположения костей и отсутствие следов рассечения трупа. Сохранность костей хорошая, кости не имеют следов когтей и зубов хищных животных. Порядок положения останков в оссуарий следующий: сначала клались ноги, кости туловища, таз (спинной хребет), лопатки, затем кости рук и сверху череп. Несколько позднее начали погребать не только в специально сделанных оссуариях, но и в хумах. Туловище такого хума гладкое, и лишь крышка, закрывающая этот хум, имела богатый орнамент.

Наряду с кибиткообразными оссуариями в Чуйской долине (Красная Речка) найдены (правда, большинство в обломках) и прямоугольные оссуарии с богато орнаментированной передней стенкой типа самаркандских и каттакурганских астаданов-оссуариев.

О распространении буддизма для времени VIII в. точных данных нет, но для несколько более позднего времени в росписях частных домов известны изображения будды (Красная Речка). О распространении манихейства и христианства также говорят только косвенные данные. Распространение манихейства может быть в известной мере доказано манихейскими рукописями, происходящими из этого района, христианство — сообщением о том, что уже в IX в. в Таразе несторианская церковь была переделана в мечеть. Наличие христианских имен в надписи на сосуде из Тараза V—VII вв. — Петро и Габриил — также говорит об исповедовании христианства. Распространителем его являлись, видимо, сирийцы, которые ввели здесь в употребление и сирийское письмо.

Культура Семиречья в VI—VIII вв. создавалась в результате сложного исторического процесса. Местное тюркское кочевое население подчиняло своей власти военнопленных, свободных (ремесленников, торговцев) из согдийцев, китайцев, сирийцев и других народностей. В результате войн, которые вели тюрки с разнообразными странами — Китаем и Восточным Туркестаном, восточными тюрками, Согдом, Сасанидским Ираном, Кавказом и Византией — в Семиречье попадало много предметов далекого от Семиречья происхождения.

Эти вещи, захваченные как военная добыча, служили образцами для всевозможных подражаний. Например, известны так называемые варварские подражания восточноримскому солиду и китайским монетам типа сачжацянь, на сосудах из с. Покровка имеются клейма, явно подражающие византийским клеймам. Местные мастера, подражая иностранным образцам, вносили свои дополнения и изменения, некоторые чужеземные мотивы, соответственно приспособленные и переосмысленные, как бы переносились на местную почву и прочно входили в состав излюбленных сюжетов местного искусства — таковы сасанидский орнаментальный круг в керамике и металле, тот же круг в сочетании с лотосом в тканях, буддийские мотивы позднекушанского типа, восходящие, видимо, к образцам гандарского искусства, украшения керамики, подражающие хотанской терракоте и др. Рабы-военнопленные, свободные поселенцы, купцы, паломники вносили свою лепту в культурное творчество Семиречья, оказывали свое влияние на развитие культуры. Таковы, например, керамика, строительная техника. В области религиозных представлений — зороастризм и многое другое, идущее от согдийцев. Сильно чувствуется влияние Восточного Туркестана, просле-

женное на изделиях из нефрита, а в области религиозной — на развитии буддизма. В кузнечном ремесле сказались влияние алтайско-енисейских мастеров и т. д. Политическое господство тех или иных народов способствовало закреплению различных культурных влияний. Так, политическая власть восточных тюрков определила распространение восточнотюркского литературного языка, китайский протекторат над Семиречьем определил форму чеканки местной монеты по китайскому образцу. Все это вместе взятое показывает, что становление культуры Семиречья в VI—VIII вв. имело явно выраженный «синкретический» характер. Особенностью культуры Семиречья для VI—VIII вв. является скрещение культур народов восточной и западной Азии, китайской и согдийской цивилизации, но при этом воздействие самих кочевников остается достаточно сильным. Таким образом, в Семиречье наглядно выступает синкретизм кочевой и оседлой культуры. Такое сложное развитие культуры Семиречья продолжается и в последующие четыре столетия вплоть до монгольского завоевания, с той лишь существенной разницей, что в IX—XII вв. в Южном Семиречье абсолютно господствует культура мусульманской Средней Азии.

Немного свидетельства современников и археологическое обследование памятников VI—VIII вв. позволяют в общих чертах восстановить картину быта Семиречья этой эпохи.

Плодородные районы Семиречья вытянулись узкой полосой вдоль склонов Тянь-шаня и по берегам рек. Они зажаты с одной стороны песками, с другой — горами, голыми у подножья и покрытыми богатой растительностью, главным образом тяньшанской елью и арчой, на вершинах и в ущельях. С гор сбегает много бурных рек. Но даже орошенные участки земли покрыты редкой и чахлой растительностью. На берегах рр. Чу и Таласа, у обильных водою горных рек, притоков Чу и Таласа, высятся серо-желтые сырцовые стены городов Семиречья. Как бы напоминая недавнее прошлое, под стенами этих поселений еще виднеются одинокие, мощной кладки, но небольшие по размерам, почти опустевшие дома вольных согдийских дихкан, — первых колонистов Семиречья. Жизнь в них угасает. Большинство их обитателей переселилось за стены городов. Старая часть поселений утратила свое значение, главенствующую роль приобрел город. За его мощными стенами, среди скученных глинобитных строений, жизнь бьет ключом. Здесь раздается тюркская, иранская, сирийская и китайская речь. Люди одеты в самые разнообразные одежды: из хлопчатобумажной ткани, из шелка, шерсти и кожи. Выделяются согдийцы своим высоким ростом, узким облегающим платьем, на головах у них иногда повязка из шелковой ткани. Тюрки носят такую же одежду, но их сразу можно признать

по чубу на голове. В городах поселились тюрки, оторвавшиеся от кочевничества, купцы или ремесленники. Город живет торговлей, ее выгодами, ее прибылями. «И стар, и мал мечтают только о наживе» — говорит о них Сюань Цзан. Богатство скрывается, хотя и почитается. Здесь открыто говорить о богатстве, значит подвергать себя опасности ограбления. «Если даже кто-либо обладает большим богатством, то и он носит ветхую одежду и питается простой пищей», — говорит Сюань Цзан. Буддийский же паломник дает среднеазиатским согдийцам-торговцам самую отрицательную характеристику.

В городах, как мы уже говорили, ведется самая оживленная торговля. На базаре, у стен города, можно видеть сокровища всего мира. Сюда кочевники пригоняют из степей скот, коней, приводят на продажу рабов, привозят меха, награбленные в войнах сокровища, шелка. Городские жители торгуют сельскохозяйственными продуктами, ремесленными изделиями — утварью, оружием, тканями и т. п.

Ремесленники живут в городах и выделывают свои изделия тут же у базара. Земледельцы строят свои поселения за пределами города и обрабатывают поля, орошаемые быстротекущими горными речками. Такая горная речка — клад в руках искусного земледельца, вода способствует богатому урожаю зерновых культур и винограда. Земледелец ценит воду и тщательно охраняет ее. Чтобы соседи не отвели воду к себе в арык, он строит около ущелий, где речка вытекает из гор, и по всему руслу маленькие крепостцы. Гарнизон таких крепостей охраняет магистраль реки, урожай, когда он созреет, а также самих земледельцев во время полевых работ.

За стенами городов тихо, за пределами замков пустынно. Без сильного конвоя никто в одиночку не выйдет далеко за границы оазиса. Выходящий на полевые работы земледелец вооружен, он одет в латы и готов отразить внезапное нападение. В этих местах на людей охотятся, как на зверей, их захватывают в неволю и продают как рабов. На одинокого путника каждую минуту могут напасть вооруженные конники, обезоружить, связать и увезти на ближайший невольничий рынок или потребовать от его родственников богатый выкуп. Даже город Талас, опора земледельцев южного Семиречья, не в состоянии охранить труд хлебопашцев. Сам город переходит из рук в руки той или иной кочевой орды.

Кочевники все время рыщут на своих маленьких конях между полями и поселениями. Они приезжают в город торговать, получать дань, собирать подати. Все жители городов подвластны тюркам, тюркскому кагану.

Тюркский каган не сидит в тесных и пыльных городах. Его стан, огороженный мощным валом, расположен в труднопроходимой долине

Чон-кемина, защищенной кольцом гор, покрытых вечными ледниками. Сюда по горной тропе гуськом может пройти караван предприимчивых купцов, но врагу не пробраться к становью тюркского кагана. В тесных горных ущельях любая армия противника будет уничтожена силами небольшой ханской дружины.

В ставке хана многолюдно. В центре среди множества войлочных кибиток стоит ханский шелковый шатер. Затканый цветами шелк шатра «сияет и ослепляет глаза». У входа поставлены циновки. Сам хан восседает на раззолоченном и украшенном дорогими камнями троне, слуги держат над ним зонты, прикрывая своего господина от знойного солнца. Хан — воин, он только что вернулся с охоты. Охота для хана — и развлечение и военная тренировка. Он одет сейчас в просторный шелковый халат. Сняты кафтан, латы и многочисленное вооружение, сброшены башлык и шлем. Голова открыта, лишь лоб обвязан шелковой лентой с ниспадающими сзади концами. Перед ним нет никого из приближенных. Только доверенные люди в шелковой одежде стоят по правую и левую сторону его трона, а сзади него дружина телохранителей. Хан принимает гостей — купцов, послов, паломников. Они прошли через огонь костров для того, чтобы очиститься перед встречей с ханом. Хан предлагает гостям разделить с ним трапезу. Трапеза начинается с вина, затем подают вареную баранину и говядину, мелко нарезанные кусочками. Почетных гостей хан оделяет кусками курдюка или бараньей головой, гости рангом ниже получают грудинку или лопатку. Еду запивают вином из чаши, переходящей из рук в руки наиболее приближенных и уважаемых гостей. С ханом пьет китаец и уйгур, согдиец и византиец, если их дары и предложения пришлись по душе хану. Трапеза сопровождается музыкой. Кругом «с юга на север и с запада на восток слышатся ее шумные аккорды» говорит Сюань Цзан и далее продолжает, что, несмотря на ее шум, «она очаровала их уши, веселила их дух и сердце». Трапеза с гостями — дипломатический ритуал. Каган проявляет к гостям величайшее внимание и заботу. Последователь Будды найдет приготовленную для него скромную пищу — рисовые лепешки, молочные сливки, сахар, медовые соты и виноград. Он может отказаться от вина и получить в чаше чистую воду из горной реки.

Ставка кагана возвышается над всеми кочевьями. Вокруг нее пасутся стада лошадей, овец, верблюдов, повсюду разбросаны кибитки, где живут воины кагана. Их такое множество и распространились они так далеко, говорит Сюань Цзан, что «глаз не может покрыть их до конца». И вся эта масса кочевников, покор-

ная до поры до времени своему предводителю, по одному его слову оседает коней для очередного похода и с горных ущелий Тянь-шаня лавиной ринется в широкие долины и степи.

Такова картина ставки западно-тюркского кагана, как она выступает в свидетельствах китайских авторов, прежде всего в описании ее (и Чуйской долины) у Сюань Цзана. Уточняет это описание археологический материал, вскрытый нашими исследованиями. Однако за этим описанием следует, во-первых, не забывать, что свидетельства Сюань Цзана претенциозны, китайские паломники в согдийцах-купцах видели своих соперников, во-вторых, и это главное, они скрывают ту классовую борьбу, которая настойчиво развивалась в этом обществе. Факты были приведены выше.

Западно-тюркский каганат был раздираем внутренними противоречиями, конфликтами между кочевой аристократией тюрков и покоренными ею народами, между многочисленными слоями эксплуатируемых, рабов-кулов, закрепощаемой общиной и господствующим классом, между земледельцами и землевладельцами даже между самим каганом, его родом и дружинниками.

Отдельные факты, прямо зарегистрированные источниками, были нами в свое время в отношении восточных тюрков подвергнуты анализу.¹

Аналогичный характер борьбы был и в западно-тюркском каганате, но здесь он был осложнен взаимоотношениями с согдийскими колониями, внутри которых нарастали еще дополнительные социальные конфликты. Не случайно, что именно в областях скрещения тюрков и согдийцев возникали такие события, как «тирания Аброя»², когда знать тюрков и согдийцев оказывалась на одной стороне, а «рабы и слуги» тюрков и согдийцев — на другой. Известно, что как раз в этой борьбе западнотюркский каганат играл не последнюю роль.

Во всей этой сложной обстановке западно-тюркские каганы стремились сохранить около себя дружину. Решающим условием для этого были: война, грабеж, дань, часть которой получали воины кагана. И когда каган начинал урезать долю добычи дружинника, то он часто терял свою голову. Об этом красочно свидетельствуют те же китайские источники, например описывая жизнь тюркского кагана Сулу.

Такова была жестокая действительность VI—VIII вв. в Чуйской долине, не дошедшая до сознания Сюань Цзана, столь идиллически представившего жизнь кочевого царя — западно-тюркского кагана.

¹ См. нашу книгу «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков (Восточный каганат и кыргызы)», Л., 1946. Ср. особенно главу «Классы и классовая борьба».

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

Часть II. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ПОДГОРНОЙ ЧАСТИ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ 1941 г.

ВВЕДЕНИЕ

(Табл. XXI, XXVIII—XCIV)

Весной 1941 г. на территории Чуйской долины Киргизской ССР были предприняты большие, по объему земляных работ и количеству участников строительства, мероприятия по сооружению Большого Чуйского канала. Большой Чуйский канал (сокращенно БЧК) — гигантское гидротехническое сооружение, осуществляемое методами народной скоростной стройки по образцу Большого Ферганского канала.

Естественно, что большие строительные работы вскрывали для археологов огромный комплекс памятников, который следовало сохранить для науки. Необходимо было создать специальный археологический «надзор» за строительством, которое захватывало значительное количество древних памятников, столь важных для истории края.

Большой Чуйский канал разделяется на три части: Ортокойское водохранилище, которое строится по р. Чу, где она зажимается горами недалеко от берега Иссык-куля, и две трасы канала — восточную и западную. Фактически обе трасы канала идут параллельно друг другу, с востока на запад по левому берегу р. Чу. Такие названия трасы получили потому, что головные сооружения каналов расположены одно восточнее, другое — западнее по течению р. Чу.

Значительная часть строительства затрагивала места древних поселений, стоянок, городищ и кладбищ, а главное предстояла генеральная реконструкция района, что могло повредить древним памятникам.

В связи с этим обстоятельством Комитет наук при СНК Киргизской ССР и Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР организовали археологическую экспедицию в том районе, где новые поля и сельскохозяйственные предприятия могли разрушить древние памятники. Постановлением СНК Киргизской ССР от 23 апреля 1941 г. за № 328 был утвержден состав экспедиции, которая немедленно приступила к работе.

Состав экспедиции был следующий: от Института истории материальной культуры — А. Н. Бернштам, Л. Г. Розина, И. В. Щерба-

ков; от Комитета наук — Н. Д. Черкасов; от Института истории языка и литературы Комитета наук (ИИЯЛ) — Тилегенов, Яншансин; от Музея — Хамдабаева; от Киргизского пединститута — преподаватели: И. С. Олейник, Ф. И. Бальдерман, студенты — Домашев, Семенов, Соколов, Ионова, Яковлева, Пасько; в качестве научного сотрудника — т. Линшиц. Кроме того, в работах экспедиции принимали участие студенты археологического отделения Исторического факультета Ленинградского Государственного университета: тт. Е. И. Агеева, И. К. Бенедиктов, П. Л. Михельс, И. В. Роцин, С. С. Сорокин, Ю. Л. Клименко, Р. С. Свердлов.

Учитывая опыт работы археологов на строительстве Ферганского канала имени товарища Сталина, экспедиция на БЧК провела ряд организационных мероприятий.

В составе экспедиции были лица, не принимавшие прежде участия в археологических исследованиях. Ввиду этого были проведены занятия по вопросам общей археологии Киргизии и практические занятия по элементарным приемам фиксации материала.

В целях привлечения к сбору материала широких слоев инженерно-технического и политического состава, работающего на строительстве, а также мобилизации внимания к охране памятников старины непосредственных строителей-колхозников, были выпущены листовки-обращения на русском и киргизском языках (составитель И. А. Чеканинский) и брошюра «Инструкция по охране и учету памятников старины на строительстве Большого Чуйского канала» (авторы А. Н. Бернштам и И. А. Чеканинский).

Перед массовым выходом колхозников на строительство, территория была обследована руководством экспедиции. Строительство проходило по тому району, который в течение трех лет был подробно обследован археологической экспедицией Комитета наук и ИИМК.¹

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

Обследования 1938—1940 гг., изучение архивных и литературных данных об этом районе и предварительное ознакомление с районом, подлежащим заселению и стройке, непосредственно перед работами позволили руководству экспедиции распределить свой личный состав так, чтобы наиболее интересные объекты были максимально обслужены надзором. Проведенные работы экспедиции показали, что распределение работников было исключительно удачным и обеспечило максимально возможный в этих необычных для археологов условиях сбор и фиксацию материала. Большое значение для сбора материала имело также и то обстоятельство, что работники экспедиции сочетали свою работу чисто научного порядка с массово-разъяснительной работой, проводили инструктаж и личные беседы со строителями. В процессе этого общения и создавался тот актив, который способствовал сохранению ряда ценнейших памятников, обнаруженных экспедицией и местными жителями. Интерес общественности к находкам в известной мере удовлетворялся подробными обзорными работами, которые печатались начальником экспедиции в газете «Советская Киргизия».¹

Протяженность археологических участков была разной, в зависимости от насыщенности памятниками обследуемых районов, практически под надзором 2—3 археологов находились участки до 20 км. Помимо этих отрядов, был отряд, возглавляемый начальником экспедиции, который инструктировал работников, помогал в наиболее сложных случаях и принимал поступающий материал. Наконец, в г. Фрунзе была создана камеральная мастерская, куда поступал собранный материал и где он подвергался первичной обработке. После обработки (описание, зарисовки, фотографирование и частичная реставрация) коллекции поступали в Музей. Организованная таким образом «по конвейеру» работа привела к тому, что огромный поток археологических предметов (около 3000 номеров вещей и комплексов) к концу основных работ был уже обработан. Особенно интенсивно шла работа с 5 до 25 мая, а вообще работы экспедиции продолжались на отдельных пунктах до 20 июня. К 1 июля в основном была закончена и камеральная обработка вещевого материала.

В течение июля—октября все коллекции были обработаны для экспозиции, и 8 ноября 1948 г., впервые в г. Фрунзе, был открыт на основе материалов археологических экспедиций 1938—1940 гг., а главным образом, материалов, собранных экспедицией, историко-археологический отдел Музея краеведения (ныне Музей национальной культуры Киргизского филиала Академии Наук). В двух больших залах этого отдела собраны исключительно интересные, порой уникальные коллекции (например по культуре каракитаев), придающие этому отделу археологи-

ческих памятников по истории культуры Киргизии всесоюзное значение.

Выводы, которые можно сделать на основе опыта работы на народных стройках, таковы: 1) необходимо сочетать научную работу с массово-разъяснительной; 2) необходимо тщательное предварительное знакомство с территорией работ; 3) желательна «конвейерная» организация работ, в процессе которой выявляются дополнительные запросы, связанные с научной обработкой материала и подготовкой научного отчета, которые сразу же могут быть выяснены на месте работ; 4) помимо стационарных на участках, необходим подвижной квалифицированный отряд для помощи отрядам экспедиции.

Существенную помощь экспедиции оказало руководство строительства. Пользуясь телефонной связью, камеральная база экспедиции получала запросы от начальников участков, вызывавших отряд начальника экспедиции для оказания «скорой помощи»; в свою очередь, камеральная мастерская могла запрашивать дополнительные данные от начальников археологических отрядов. На строительстве технического руководства шло навстречу, в случае надобности, передвигая порой землекопные работы и тем давая возможность более тщательно раскрыть тот или иной объект. Все это и позволило сохранить максимум материала для науки.

Работа археологической экспедиции проводилась в соответствии с программой, разработанной начальником экспедиции. Быть может, для последующих работ этого типа окажутся небесполезными выдержки из текста этой программы, утвержденной Комитетом наук при СНК Кирг. ССР в мае 1941 г., которые мы и приводим ниже.

«Основной задачей экспедиции 1941 г. является наблюдение на БЧК за земляными работами в целях собирания, сохранения и научной фиксации археологических объектов, которые будут вскрыты в процессе строительства канала. В связи с большой протяженностью канала и большим объемом земляных выемок состав экспедиции, по мере возможности, должен быть количественно большим. Личный состав экспедиции состоит из 27 человек.

На основе имеющихся сведений по археологическим обследованиям района БЧК в 1938—1940 гг., учета случайных находок прошлых лет, а также дополнительного обследования трасы БЧК в 1941 г. предлагается следующий план расстановки личного состава экспедиции по трасе. В расстановке личного состава исходными мотивами являются:

1. Насыщенность данного участка трасы наземными памятниками, их ценность в историческом отношении.
2. Археологическая квалификация сотрудников.
3. Необходимость иметь по всем участкам хотя бы одного представителя археологического надзора.
4. Учет национального состава строителей канала по отдельным участкам и в связи с этим расстановка сотрудников археологического надзора, знающих местные языки.

В связи с этими условиями работники экспедиции распределяются по археологическим участкам, не всегда совпадающим с участками строительными.

Вне участков на трасе работает отряд штаба экспедиции в составе: начальника экспедиции, его замести-

¹ В номерах от 10 мая, 4, 12 и 22 июня 1941 г.

теля и двух научных сотрудников. Помимо общего руководства всей работой экспедиции, отряд помогает в наиболее ответственных местах сотрудникам археологического надзора.

Перед началом работ с 16 апреля до 5 мая проводится инструктаж личного состава экспедиции по линии ознакомления с основными типами археологических памятников (А. Н. Бернштам) и техники археологической фиксации (Л. Г. Розина). К началу работы издается инструкция для строителей канала и листовки. До разъезда сотрудников экспедиции руководящий состав обследует трасу канала и проводит подготовительную работу.

До начала массового выхода колхозников на трасу с 5 по 10 мая производится организационная работа по укреплению связи сотрудников археологического надзора с местным школьным активом, строителями, инженерно-техническим составом, политсоставом, комсомольскими и пионерскими организациями районов. В связи с этим разъезд сотрудников экспедиции на трасу производится с 5 мая 1941 г.

В задачу сотрудников археологического надзора входит создание актива — «ячеек содействия», помогающих работе по собиранию памятников старины и выявлению на местах случайных находок, ныне хранящихся в частных руках, в целях сбора последних для исторического отдела Музея в г. Фрунзе. Сотрудники археологического надзора по прибытии на места связываются со строительными штабами, ведут разъяснительную работу, создают себе актив. До начала работ обследуется археологический участок трассы, на карту наносятся археологические объекты, попадающие в зону строительства.

На основании всех этих данных устанавливается план работы сотрудника экспедиции на археологическом участке, утверждаемый и проверяемый начальником экспедиции. В процессе строительства канала несомненно будет происходить переброска отдельных сотрудников с наименее напряженных участков в более насыщенные памятниками старины.

Во второй половине работ, когда будут сняты наземные памятники и могут встретиться лишь отдельные находки, состав экспедиции будет несколько сокращен за счет переброски незначительной части работников (3—5 человек) на завершение работ 1940 г. в Баласагуне, а 2—3 человека будут переброшены

на базу камеральной обработки в г. Фрунзе. Каждую неделю начальник (или его заместитель) представляет в Комитет наук очередную сводку о результатах надзора на канале.

По окончании работ на БЧК состав экспедиции стягивается в г. Фрунзе на базу камеральной обработки материалов. Начальники участков обрабатывают дневники и графические материалы и сдают их на просмотр начальнику экспедиции в течение 5 дней после окончания полевых работ. После предварительного рассмотрения всех материалов, — полевых записей и коллекционных фондов, производится распределение тем по камеральной обработке материалов и составлению научных отчетов и отдельных статей для полного научного отчета экспедиции. Совершенно обязательным является написание для изданий начальниками участков полных научных отчетов по своим участкам в течение 3 месяцев со времени окончания работ экспедиции (включая основную камеральную обработку), с представлением такового для окончательной редакции начальнику экспедиции. В задачу отчета начальника участка входит не только подробное описание хода вскрытия археологических участков со всей необходимой документацией, но и обзор (вместе с картой) ближайшей к трассе местности в археологическом отношении, чтобы была возможность восстановить в целом облик исследованного района. Обследование района, прилегающего к трассе канала производится в период времени надзора по усмотрению начальников участка.

5 мая в соответствии с программой был совершен первый выезд в поле сотрудников археологической экспедиции.

Обработанные нами отчеты начальников отрядов и научная публикация материалов, собранных археологическими отрядами при обследовании подгорной части Чуйской долины, составляют вторую часть настоящей работы.¹

¹ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.

Глава I

ОТЧЕТЫ НАЧАЛЬНИКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТРЯДОВ (I—X) ЭКСПЕДИЦИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОБСЛЕДОВАНИЮ ПОДГОРНОЙ ЧАСТИ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

(Табл. XXVIII)

ОТЧЕТ I ОТРЯДА

(Начальник отряда И. П. Рощин)

Первый отряд вел наблюдения на территории в пойме р. Чу у р. Кызылсу и с. Ивановки.

В пойме р. Чу, в низкой, сильно заболоченной местности, никаких культурных остатков обнаружено не было.

В двух километрах южнее кирпичного завода, находящегося к западу от поселка Кенбулунь близ шоссе к дороге Фрунзе — Нарын, на верхнем горизонте террасы, прорезаемой саями в направлении с запада на восток,

предварительным осмотром было зарегистрировано несколько оплывших, сильно задернованных тепе, расположенных в беспорядке на протяжении пятисот метров. Диаметр этих тепе варьирует в пределах 12—20 м, а высота — в пределах 0.70—1 м. Кроме того, здесь же, среди возделанного поля был зарегистрирован небольшой курганный могильник в виде цепочки из трех относительно больших курганов (диам. 18—20 м, выс. 1.5—2 м) и четыре малых (диам. 12—15 м, выс. 0.70—0.75 м), курганная цепочка вытянута по линии восток — запад под углом в 279°.

Далее, у юго-восточной границы с. Ивановское были зарегистрированы еще несколько задернованных и частично распаханных тепе, располагавшихся приблизительно по линии восток—запад.

В 1400 м от последнего из этих тепе, считая с востока на запад, начинается резкое повышение почвы (до 14 м), образующее нечто вроде террасовидного уступа, очень сильно прорезанного саями и карасуками. На нем никаких внешних признаков культурного слоя обнаружено не было, но впоследствии земляные работы вскрыли здесь древнее кладбище, о котором подробно будет сказано ниже.

Наиболее древней находкой в террасах над р. Кызылсу является бронзовое кельтообразное прямоугольной формы тесло со втулкой, суживающейся в направлении к рабочему краю. Орудие это, по видимому, относится ко II тысячелетию до н. э. Весьма интересны условия залегания данной находки. В этом месте, на юго-западной границе с. Ивановское, имеется площадка, которая проходит по склону террасовидного уступа, упоминавшегося выше, геологические слои которого располагаются в следующем порядке (считая сверху): слой лёсса, под ним слой мелкого речного песка с частичными вкраплениями гальки и еще ниже — слой материковой глины синего цвета. Тесло было найдено на стыке двух первых слоев. Это обстоятельство заставляет предполагать, что орудие скорее всего было занесено в данный район почвенными водами.

Основной археологический материал относится уже к значительно более позднему периоду: частично ко времени западнотюркского каганата и частично к эпохе второй согдийской колонизации Семиречья. Этот материал представлен, главным образом, кладбищами и жилыми комплексами, вскрытыми в процессе земельных работ к востоку от с. Ивановское.

Обнаружены были два кладбища, оба к югу от с. Ивановское. Для удобства изложения первое в дальнейшем будет называться Кенбулуньским, второе — Ивановским кладбищем.

Кенбулуньское кладбище расположено в верхней части склона надпойменной террасы, прорезанного карасуками. Геологическое строение террасы следующее: верхний слой — лёсс красноватого цвета, под ним — слой светло-желтой глины, ниже — слой мелкого речного песка с вкраплениями гальки и еще ниже — слой синей материковой глины. Погребения обнаруженного кладбища расположены в первых двух слоях на глубине от 1.5 до 2 м. Ориентировку их выяснить не удалось, так как земляные работы начались несколько ранее установления надзора. Добытый здесь материал будет разобран ниже.

Ивановское кладбище расположено на склоне террасовидного уступа, находящегося юго-восточной границы с. Ивановское. Геологические слои в этом месте отличаются от стратиграфии

террасы, на которой расположено Кенбулуньское кладбище, только отсутствием слоя желтой глины, а в остальном совершенно схожи. Погребения расположены здесь на различных глубинах, считая также от начала падения террасы, и ориентированы, в основном, головой на юго- или северо-запад (240° или 279°).

Характер могильных сооружений установить не удалось, однако сам по себе инвентарь достаточно выразителен. Наиболее характерными предметами для погребений, ориентированных на юго- или северо-запад, являются бронзовые пряжки, поясные и сбруйные. Первые имеют вытянутое основание полуовальной формы, удлинено-овальное кольцо и подвижной язычок; на внутренней стороне некоторых из них находятся бронзовые же шпеньки для прикрепления к одежде. Вторые имеют обычно прямоугольную, редко круглую, форму с прямоугольным или круглым отверстием для продевания ремня и шпеньки на внутренней стороне. В одном из погребений этого типа был обнаружен конский скелет с сильно окислившимся стремящем полуовальной формы, в другом была найдена бронзовая бляха, по видимому пряжка, со стилизованным изображением животных. Надо отметить также наличие в этих погребениях железных предметов, к сожалению, почти все они потеряли свою форму. Весь этот инвентарь и ритуал погребений говорит о том, что мы имеем здесь дело с захоронениями кочевников, по всей вероятности тюрков, господствовавших на территории Семиречья в период VI—VII вв. По видимому с этими погребениями можно связать найденную на Ивановском кладбище плоскодонную керамику кубышкообразной формы из черного или серого теста с большой примесью дресвы.

На том и другом кладбище были найдены погребения в астоdanaх: один на Кенбулуньском, два на Ивановском. Астоданы украшены сложным орнаментом, тулова их напоминают форму кибитки, на крышке одного из них имеется налеп, изображающий фигурку птицы. Погребения в астоdanaх относятся ко времени второй согдийской колонизации Семиречья.

С этими кладбищами можно связать и тепе, вскрытые земляными работами у юго-восточной границы с. Ивановское. Наружный вид этих тепе описан выше, а вскрытые здания представляют собой следующую картину. Построены здания из блоков самана, частично из саманного кирпича; стены их идут параллельно друг другу, образуя узкие, до 1.5 м, длинные комнаты. В здании найдено большое количество сосудов красного и розового теста, сильно обгоревших; некоторые из них имеют налепные полукруглые ручки, но в основном это амфорообразные сосуды с отогнутым наружу венчиком. В одном из тепе обнаружена горизонтальная выкладка из жженого кирпича, — по видимому пол здания. Это свидетельствует о позднейшей перестройке, так как для времени,

в которое это здание возникло, характерен пол глинобитный. Таким образом, мы имеем здесь дело с жилищами оседлых народов, живших тут довольно долгое время, о чем говорит и характер зданий и формы керамики, ибо, наряду с керамикой более древних форм, встречены и небольшие достарханы с весьма скудным орнаментом, относящиеся уже к более позднему времени.

Кроме этих находок, было обнаружено большое количество хумов, в основном, двух размеров:

а) большие хумы, высотой до 1 м, диаметром горловины (венчика) от 0.32 до 0.50 м, наибольшим диаметром тулова от 0.50 до 0.70 м и диаметром дна 0.20—0.25 м.

б) малые хумы, высотой от 0.45 м до 0.60 м, диаметром горловины (венчика) 0.17—0.20 м, диаметром дна 0.17 и наибольшим диаметром тулова 0.45 м.

Во многих случаях хумы были перекрыты плиточным кирпичом (жженым) и, по всей вероятности, употреблялись для хранения пищевых запасов и воды, тем более, что по рассказам колхозников, в одном из таких хумов были найдены какие-то зерна злаковых растений.

Само расположение и, конечно, материал описанных тепе и кладбищ позволяет рассматривать их в связи с комплексами городов Сарыга и Баласагуна. Дело в том, что этот участок находится, примерно, на половине пути между двумя этими крупными городами. Поселения эти, повидимому, находились на древней караванной дороге между Сарыгом и Баласагуном. В дальнейшем разросшийся рабад г. Сарыга поглотил эти поселения, очевидно обитатели сами покинули свои жилища, переселившись в рабад Сарыга, граница которого и прошла возле юго-западной оконечности с. Ивановское, где находилось в те времена кладбище, упоминавшееся нами выше. Об этом говорит и тот факт, что во всех вскрытых тепе никаких следов насильственного разрушения здания обнаружено не было.

Итак, этот комплекс находок относится к карлукскому периоду истории Семиречья, т. е. к VIII—X вв. н. э., что подтверждается найденными здесь тюркскими монетами, из коих две были обнаружены в комнатах вскрытого здания. Этой датировке не противоречит находка медного дирхема XI—XII вв., так как отдельные участки могли оставаться заселенными и в последующее время.

Наиболее поздними на этом отрезке территории являются находки в некоторых погребениях на Кенбулуновском кладбище. Ориентировка погребений осталась невыясненной по упоминавшимся выше причинам, материал же свидетельствует о довольно поздней их дате.

Для инвентаря этих погребений характерны довольно высокие сосуды с прямым горлом и одной ручкой, по пропорциям близкие к со-

судам тимуридского времени, так называемым «кузача». Сосуды сделаны на гончарном круге, тесто их в изломе розовое, с примесью мелкой дресвы. Кроме того, в одном из погребений была найдена железная черенковая стрела с плоским ромбическим наконечником, весьма характерная для монгольского и послемонгольского периодов.

Таким образом, эти погребения относятся видимо к XIV в. и, быть может, связаны с походом Тимура в Семиречье и битвой на Сурхобе (Кызыл-су). Это подтверждается и тем, что собственно тимуридские поселения на территории Семиречья находятся значительно западнее, у нынешних поселков Беловодское и Чалдывар.

ОТЧЕТ II ОТРЯДА

(Начальник отряда Бенедиктов, сотрудники — Агеева, Бусыгин, Бальдерман)

Второй отряд вел наблюдения на участке, на протяжении 19 км, и охватывал своими работами район к югу от пос. Краснореченск, Буденовка, Кант, пос. им. Розы Люксембург.

При предварительном осмотре участка было установлено наличие большого количества тепе, разбросанных на территории к юго-востоку от поселка Краснореченск, к северо-востоку до места расположения древнего города Сарыга. Тепе расположены на расстоянии 50—100 м друг от друга и имеют различные очертания: округлые с уплощенной верхушкой, прямоугольные, плоские с небольшим возвышением в одном из углов, неправильной формы, с площадкой, окруженной валами. Размеры тепе: диаметр от 25 до 35 м, высота до 3 м. В районе от Краснореченска до Канта наземных следов археологических памятников нет, лишь у западной границы участка зарегистрированы два кургана диаметром 15 м, высотой 2.5 м. Местность в этом районе пересечена саями и меридиональными возвышенностями и частично заболочена.

Наиболее древние находки, обнаруженные на участке, должны быть отнесены к эпохе бронзы. Это фрагменты лепных плоскодонных сосудов полуоткрытой формы, с неярко выраженным венчиком или со слегка отогнутой закраиной. Невысокая шейка и плечики сосуда обычно орнаментированы. Орнамент представляет собою насечки ямочками или пересекающимися линиями, а также сочетание того и другого. Обжиг сосуда слабый, тесто грубое, с известковыми примесями. Для лучшего скрепления дна и стенок на их стыке изнутри сосуда примазывались небольшие контрфорсы. Размеры сосудов: высота 15—18 см, диаметр по венчику 14—16 см, толщина стенок 0.4—0.6 см.

Кроме керамических находок, обнаружены фрагменты двух бронзовых ножей криволинейной формы, с обособленной рукояткой, и пло-

ский наконечник копья (длина 14—15 см, ширина 4.5 см, длина черенка 3 см).

Фрагменты керамики и изделий из бронзы найдены на глубине от 1.5 до 1.7 м, под слоями лёсса, песка и мелкой гальки. Каких-либо заметных признаков культурного слоя ни в одном пункте находок обнаружено не было — были лишь зафиксированы отдельные зольные пятна.

Таким образом, можно сделать следующее предварительное заключение. Памятники эпохи бронзы расположены на небольших меридиональных возвышенностях вблизи ручьев или небольших озер. Принадлежат они, видимо, пастушеско-скотоводческому населению, которое, хотя и вело не оседлый образ жизни, но устраивало в этих местах длительные стоянки. Пожалуй, к памятникам эпохи бронзы могут быть отнесены и каменные зернотерки эллиптической формы с более широким нижним и узким верхним камнем, хотя такие формы зернотерок продолжают существовать и в значительно более позднее время.

К сако-усуньскому времени на нашем участке относится только один бронзовый наконечник стрелы скифского типа, найденный в районе, расположенном южнее древнего Сарыга, и два кургана к юго-западу от Канга. Курганы эти представляют собой земляные насыпи диаметром 15—18 м при высоте 2—2.5 м. Весьма возможно, что такого же типа курганы были в районе к югу от Краснореченска, но территория эта была заселена в более позднее время, и древние курганы нарушены.

В этом же районе было вскрыто несколько тепе и отдельные жилые и промышленные сооружения, принадлежащие к общему комплексу древнего Сарыга. Ряд находок позволяет сделать заключение, что уже в карлукский период (VIII—X вв.) эта территория была густо населена. К памятникам этого времени относятся фрагменты от достарханов — глиняных обожженных круглых столиков, диаметром от 0.5 до 0.9 м, с чашкой в виде перевернутого усеченного конуса посередине, обычно богато орнаментированных. Орнамент выполнен пальцами по сырому тесту и представляет собой круглые вмятины или глубокие, овальные в сечении, борозды, расположенные треугольниками или елочкой. Некоторые экземпляры украшены резным орнаментом, — сильно стилизованные растительные мотивы или повторяющиеся геометрические фигуры. Орнаментальные мотивы очень разнообразны, не имеют повторений, но их общий характер несколько более примитивен и не столь стилистически совершенен, как орнамент на достарханах из Сукулука. Сферические сосуды с наклонным горлом и вертикальной ручкой, изготовленные ручкой лепкой, и классические орнаментированные крышки с ручками на вершине также должны быть отнесены к карлукскому периоду. Ручка первой крышки (длина 9 см) имеет наверху два

выступа, у основания небольшой перехват и орнаментирована глазками, сделанными штампом. Ручка второй плоской крышки, диаметр которой равен 36 см, толщина 2 см, напоминает первую, она также имеет наверху два слегка изогнутых выступа. Форма обеих ручек сходит к изображениям фигурок птичек и головок, украшающих крышки из Сукулука, и несет в себе пережитки или традиции ритуальных предметов согдийских колонизаторов.

Прямых данных о наличии остатков культуры согдийского населения к югу от древнего города Сарыга нет, видимо эта территория была застроена несколько позднее. К карлукскому, а также и к караханидскому периодам нужно отнести и множество найденных на трассе хумов и круглодонных котлов кочевнического типа. Хумы обнаружены на участке в большом количестве (целыми и во фрагментах). Их размеры обычно такие: высота от 0.4 до 1.2 м и более, диаметр горловины 20—30 см, толщина стенок 0.8—1 см. На некоторых образцах плоская наружная поверхность сильно отогнутого венчика орнаментирована волнистой линией, нанесенной гребенкой или острием палочки, неглубокие бороздки проведены просто пальцем.

На внешней поверхности венчиков встречаются отиски штампа, круглые или овальные, с прямоугольной сеткой или разделенные на сектора, сердцевидные и треугольные. На двух хумах были обнаружены надписи, исполненные согдийско-уйгурской вязью.¹

Появление штампа, как приема орнаментации, характерно для карлукского периода.

В большинстве случаев хумы были зарыты в землю цепочкой по 3—4 штуки, причем горловины бывали закрыты плоскими камнями или обломками от достарханов.

Кроме хумов широко распространена и кухонная посуда, изготовленная как ручной лепкой, так и на гончарном круге. Формы сосудов разнообразны. Кочевнического типа котлы (горловина 30—40 см) со сферическим дном лепились от руки. Часто дно их сильно заощечено. На боковинах (в широкой части) прилеплены обычно по четыре глухих ручки лунообразной формы или витые. Толщина стенок этих котлов 0.8—1 см, тесто грубое с примесями, венчики отогнуты наружу, слегка округлые в сечении. Котлы такого типа обнаружены в разрезах тепе, под ними залегал обычно слой золы.

Найдено значительное количество фрагментов кувшинов с небольшим носиком и с одной вертикальной ручкой, которая прикреплялась своим верхним краем или у самого венчика, или несколько ниже его. По наружной поверхности ручки часто украшены двумя или

¹ А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, Л., 1947.

трем сферическими в сечении бороздками или орнаментом, исходной формой которого являлось стилизованное изображение головы барана. Голова барана располагалась у венчика и изображалась наклепами — одним наверху ручки (голова) и двумя завитками по бокам (рога). Тело барана схематически изображала сама ручка, а шерсть была передана насечками. Композиция заканчивалась тремя или четырьмя овальными вмятинами у нижнего основания ручки. На ряде образцов ручек удалось проследить путь стилизации и постепенного упрощения изображения барана, причем наибольшая степень схематизации приводила к тому, что наверху ручки оставался лишь один круглой формы наклеп. Найдены сосуды в форме пиалы, кесы и блюда. Техника их изготовления довольно высока. Они сделаны на гончарном круге из хорошо приготовленного теста, поверхность покрыта красным или черным залощенным ангобом. Обжиг произведен при высокой температуре.

Находки керамики караханидского времени менее многочисленны. Это фрагменты поливных блюд и кес, длинногорлые кувшины, сделанные на гончарном круге из плотного теста, дающего ровный, красный излом; фрагменты сфероконических сосудов и фрагменты глазурованных сосудов.

Район к югу от пос. Краснореченского является местом расположения сельского и ремесленного предместья Сарыга. Земляными работами вскрыт ряд жилых и промышленных построек. Дома строились из самана и из обожженного кирпича. Размеры и формы кирпича различны: $26 \times 26 \times 2.5$ см; $31 \times 31 \times 4$ см; $21 \times 29 \times 3$ см; встречается также фасонный кирпич. Постройки располагались не скученно, и можно предположить, что между ними находились сады и поля. Жители занимались как сельским хозяйством (найжены зернотерки и в одной из построек сторевшие зерна пшеницы и солома, залегавшие слоем в 12 см; эта постройка была сооружена из необожженного кирпича размером $38 \times 19 \times 8$ см), так и ремеслами (найжена гончарная печь и сооружение, являющееся, может быть, винодельней). Приводим описание данного сооружения.

На утрамбованной глине выложена площадка из плотно пригнанных и скрепленных известковым раствором кирпичей. Размер площадки 3.15×3.30 м, размеры кирпичей $29 \times 26 \times 3$ см. Южная сторона площадки по отношению к северной приподнята на 5.5 см; почти к середине северной стороны примыкает глиняная труба (длиной 15 см, диаметром 10—15 см), уложенная на кирпичях, поставленных на ребро. Более узкий конец трубы нависает над краем колодеобразного сооружения, имеющего в плане прямоугольную форму, размерами — по верху 1.5×1.6 м, внизу, у дна — 0.40 м, глубина 1.10 м. Стенки этого сооружения ступеньками опускаются ко дну,

швы и углы тщательно промазаны известковым раствором. Кроме того, углы укреплены галькой. Северная стенка выложена из слегка вогнутых кирпичей. В некоторых местах сохранилась двойная облицовка. Кирпичи двух типов: квадратные — $27 \times 27 \times 3$ см и $32 \times 32 \times 3.5$ см и прямоугольные — $14 \times 17 \times 3$ см, $16 \times 32 \times 3.5$ см. Выше стены, видимо, были сделаны из самана.

Найдено несколько фрагментов гончарных водопроводных труб диаметром 18 см, с толщиной стенок 1.5 см и обнаружена еще одна площадка (диаметром 1.5 м), залитая известкой.

Таким образом, можно сделать вывод, что к концу VIII в. в окрестностях г. Сарыга уже существовали сельские и ремесленные поселения, не утратившие своего значения и в караханидское время. Поселения эти представляли собой разбросанные постройки, жилые и промышленного типа, окруженные садами и полями. Как правило, эти поселения не были ограждены стенами, но не исключена возможность, что в некоторых случаях оборонительные сооружения тут возводились.

Предметов, которые можно было бы отнести к XIII в. и позже, на участке обнаружено не было.

ОТЧЕТ III ОТРЯДА

(Начальник отряда — Д. Тилегенов, сотрудник — П. Ионов)

Третий отряд вел наблюдение на участке от Джиека у колхоза Социалчи до с. Ворошиловское.

Это мало пересеченная местность, сравнительно безводная.

Из наземных памятников, здесь расположенных, вскрыт ряд курганов в районах Джиека, Канта и Норуса. Основную массу находок составляют вещи из погребений.

К наиболее ранним находкам относится ряд бронзовых орудий. Они были сконцентрированы, в основном, в двух местах: на северо-восток от Канта и в районе саев р. Норус. Были найдены бронзовые вислообушные топоры, листовидные с жилкой посредине наконечники копий, четырехгранные шилья, бронзовые серповидные ножи и бронзовый плоский изогнутый стержень (длина 0.28 м). Стержень имеет на узком конце крючок, а к другому концу расширяется, образуя нечто вроде лопаточки со сквозными отверстиями.

Все эти предметы были найдены обособленно вне комплексов.

К сакскому времени (VII—IV вв. до н. э.) относится исключительно интересная находка (район с. Новопокровки): на глубине 0.60 м обнаружена бронзовая лента-заготовка, состоящая из 8 листовидных типичных скифских стрел, втулки к которым еще не были приделаны. Интересно также погребение, вскрытое в 2.5 км к западу от сая р. Норус;

здесь, на глубине 2 м, рядом с костяком, ориентированным на запад, найден круглодонный горшок ручной лепки с цепеобразной ручкой; тулово горшка асимметричное, со вмятинами; тут же найдены бусы — одна белая пастовая с синими глазками, три стеклянных цилиндрических зеленых. Фрагменты сосудов, аналогичных упомянутому, были найдены еще в нескольких местах. Здесь же обнаружена и усуньская круглодонная керамика, сделанная на шаблоне, с отпечатками ткани на внутренней стороне.

К тюркскому времени следует отнести погребения с конем, вскрытые к югу от селения Новопокровка. Человеческие костяки в этих погребениях ориентированы на запад. Здесь найдены части конского убора: удила, стремяна, сбруйные накладки; обнаружены также толстостенные прямые котлы из серого теста, с коническими, несколько приподнятыми ручками. В ряде погребений найдены железные черенковые плоские ромбические стрелы. Особо надо отметить захоронение (с. Новопокровка), в котором на глубине 1.30 м были найдены три бронзовых пластинчатых пряжки (одна из них с подвижным языком, две с прямоугольными прорезами), четыре бронзовых нашивных бляшки, круглое бронзовое зеркало, подражающее китайским образцам, четыре пастовых круглых и две стеклянных цилиндрических бусины.

К карлукскому периоду относятся достарханы (район с. Новопокровки) и найденный на глубине 1.40 м (с. Новопокровка) хум с надписью уйгурско-согдийской вязью вокруг венчика.

К XI—XII вв. относится несколько хумов (выс. 1 м, диам. устья 0.30—0.35 м, диам. дна 0.25 м, толщина стенок — 0.15 м). Почти все они найдены в районе с. Новопокровки и у границы его территории с территорией с. Ворошиловское. Среди хумов надо отметить один, который был прикрыт квадратным кирпичом, и второй, по венчику которого, на противоположных сторонах, вытеснены штампом четыре клейма с арабскими надписями.¹ К тем же векам следует отнести и сосуды, сделанные на гончарном круге: пиалы, кувшины, горшки. Повидимому эти предметы принадлежали жителям сельских поселений, но сами сельские поселения в этих местах не обнаружены.

Необходимо еще отметить значительное количество зернотерок, жерновов, каменных пестов, найденных на всем протяжении участка, а также шарообразное костяное и плоское каменное прясла, найденные вне комплекса.

Итак, участок дает богатый материал, характеризующий длительный период, — с эпохи

бронзы до VIII в. Здесь, в плохо орошенных широких ровных степях, жили кочевники. Земледельческие оседлые поселения появились лишь в IX—XII вв., т. е. в эпоху максимального развития оседлого образа жизни для Чуйской долины вообще. Притом эти сельские поселения сконцентрированы, в основном, в западной части участка (район с. Новопокровки и частично округ с. Ворошиловского). В восточной же части участка (район Канта) оседлых поселений и в это время не было.

ОТЧЕТ IV ОТРЯДА

(Начальник отряда — Л. Г. Розина, сотрудник — Яковлева)

Четвертый отряд вел наблюдения от восточного края с. Ворошиловского до Карагачевой рощи, г. Фрунзе). Местность здесь низкая и весьма сильно заболоченная, некоторые болота были почти непроходимы, и их пришлось специально осушать; эту местность пересекает также много ручьев, саев, карасуков.

Всюду на глубине 1.20—1.40 м, а порой и 0.80—1 м выступала вода.

На территории с. Ворошиловское, в северной части г. Фрунзе, зарегистрирован ряд курганов, а в центре с. Ворошиловского обнаружено городище, ориентированное сторонами по странам света (длина сторон: северная и южная — 400 м, восточная и западная — 200 м). Площадь городища сильно всхолмлена и вскопана местным населением с хозяйственными целями.

Во время работ в одном из западных ручьев системы р. Норуса (центр с. Ворошиловского), были найдены плоские тонкие золотые пластинки в виде трилистника с завитками, прямоугольные пластинки с орнаментом из волнистых полос, уголков и т. п. Повидимому р. Норус в верхнем своем течении размыла какие-то курганы, и легкие золотые бляшки, украшавшие когда-то одежду, были принесены сюда водой вместе с песком. Течение же принесло сюда бронзовую статуэтку будды в остроконечном головном уборе, сидящего, скрестив ноги, в характерной позе, выражающей полное спокойствие. На пьедестале, на котором сидит будда, изображены мифические четвероногие собакоголовые существа, обезьянка, в левом углу находится фигура человека с косой на коленях.

К наиболее ранним находкам участка, повидимому, следует отнести вещи около улицы Карпинского, где на глубине 1.30 м были найдены бронзовый замочек (?) и бронзовый круглый несомкнутый браслет, имеющий в середине расширение в виде кружка.

Весь остальной материал, к сожалению бледный и невыразительный, обнаружен в сельских поселениях IX—XII вв., вскрытых в центре с. Ворошиловского, на улице Карпинского, в районе Алмаатинской улицы. Основные находки с этих поселений: хумы (диам. устья

¹ Первая публикация: А. Н. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья. Эпиграфика Востока, II.

0.40—0.45 м, диам. дна 0.30—0.35 м, диам. наиболее широкой части 0.70—0.75 м, выс. 1 м), зернотерка, маленькие лепные кувшинчики (один из них двугорлый, оба горла соединены небольшой горизонтальной ручкой), светильник на трех ножках (много аналогичных светильников найдено на Сукулукском городище),¹ ручка крышки какого-то сосуда с навершием в виде 5 сосков.

Особняком стоят две находки с пикета 66 — фрагмент сабли и псаля от конских удил.

Этим и исчерпывается весь материал, обнаруженный на участке. Заболоченная и ныне, а в древности несомненно, еще более болотистая местность была чрезвычайно неудобна для заселения. Лишь в XI—XII вв., в период максимального расцвета производительных сил той эпохи, часть территории была заселена; возможно тут были произведены какие-нибудь ирригационные работы, частично осушившие ряд небольших водоразделов. В это время возникло упомянутое нами городище и связанные с ним сельские поселения.

ОТЧЕТ V ОТРЯДА

(Начальник отряда — И. Олейник, сотрудник — Н. Домашев)

Район наблюдений пятого отряда охватывал участок от Карагачевой рощи, г. Фрунзе до западного края сел. Новотроицкое).

Это ровная низкая местность, изрезанная большим количеством ручьев и карасуков, берущих свое начало в горах.

Из наземных памятников отметим два турткуля (на северо-восток от сел. Новопавловка); об этом подробнее сказано ниже.

Наиболее древней находкой на участке был вислообушный топор, найденный на север от сел. Новопавловка на глубине 1.20 м, в тонком культурном слое, отличающемся от остальных слоев в разрезе своей более темной окраской. Других находок в этом слое не было.

Видимо к несколько более поздней эпохе относится бронзовый нож длиной 0.23 м с односторонним лезвием, сделанным уступом, лезвие найдено отдельно от рукоятки (на северо-запад от сел. Новопавловка).

Сакское время (VII—IV вв. до н. э.) представлено находками к северу от Новопавловки. Это — бронзовая втульчатая стрелка и два фрагмента бронзовых ножей (кинжалов?). Еще одна бронзовая втульчатая стрела найдена вне комплекса.

Усуньским временем четко датируется круглодонный невысокий горшок без ручек, с отпечатками ткани на внутренней стороне.

Работами были вскрыты три погребения с конем кочевников-тюрок, расположенные между сел. Новопавловкой и сел. Новотроицким. Здесь были найдены принадлежности конской

сбруи: железные стремена, бронзовые накладки различной формы, украшающие ремни (особо интересна одна в виде пластинки с четырьмя бугорками, с внутренней стороны ее — шпеньки), удила, костяные накладки со сквозными дырочками. В одном из погребений обнаружен железный меч и трехреберная железная стрела. К бытовому инвентарю относится бронзовое зеркало, подражающее танским китайским зеркалам. У одного из погребенных ясно видны на позвоночнике следы ранения, от которого он вероятно и скончался; повидимому здесь был погребен тюрок-воин, раненый во время одного из своих военных набегов.

Весьма интересны фрагменты котлообразных, повидимому, также тюркских сосудов с прямыми стенками и несколько приподнятыми коническими горизонтальными ручками. Сосуды эти хорошего обжига, серого плотного теста.

Вне комплекса найден согдийский светильник в виде чашечки на высоком цилиндрическом стволе, в свою очередь покоящемся на трех ножках (аналогичные памятники зороастрийского культа, которые можно отнести и к более позднему — карлукскому — периоду, были в большом количестве найдены на Сукулукском городище).

К северо-востоку от сел. Новопавловка земляными работами был полностью снесен турткуль, ориентированный сторонами по странам света. Длина стен: 68 × 67 м, высота стен от уровня окружающей местности 3—3.5 м.

Наиболее ранней находкой является бронзовая втульчатая стрела, — повидимому турткуль перекрывал какое-то погребение скифского времени.

Здесь найдена китайская монета с квадратной дырочкой «кай-юань-тун-бао», значительно облегчившая датировку городища (как известно, монеты этого типа бытуют до XI—XII вв.) Найдены тандыр, плоскодонные, сделанные на гончарном круге, мусульманские сосуды, обожженные кирпичи, керамические водопроводные трубы, достархан. Но самыми замечательными находками с турткуля были обнаруженные в развалинах сильно разрушенного здания фрагменты глиняных статуй, раскрашенные целой гаммой ярких красок техникой альсеко. Особенно интересно изображение лица, с длинным прямым носом и пышными длинными усами, окрашенного в красный цвет. Из других фрагментов надо отметить изображения частей одежды — портупей с пряжками. Имеются также фрагменты плоскостных изображений, исполненных той же техникой. Все это изображения буддийского типа, аналогичные найденным в Красной Речке (раскоп VIII) и фрагментам росписи, датируемой VIII—X вв.¹ Повидимому земляными работами

¹ См. отчет VI отряда.

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

вскрыты развалины какого-то культового буддийского здания. Находки монеты «кай-юань», достархана и фрагментов росписи подтверждают предположительную датировку турткуля карлукским периодом.

Второй турткуль вскрыт в 300 м на восток от первого и, повидимому, был как-то связан с ним. Здесь обнаружено значительное количество керамики, фрагменты стекла. Вскрыта также керамическая печь, в которой найдены керамический шлак и обломки бракованных сосудов.

Исключительно интересно погребение, вскрытое у восточной окраины сел. Новотроицкого. Под земляным курганом (выс. 1 м, диам. 0.75 м) была вскрыта могильная яма с длиной сторон 2×1.30 м, глубиной 2.75 м. Над могильной ямой был возведен свод из жженого кирпича (размер $0.30 \times 0.30 \times 0.05$ м), высотой в 0.7 м. Погребенный, повидимому, захоронен в сидячем положении, лицом на юг. В погребении найден следующий инвентарь: белый фарфоровый кувшинчик, с отбитым носиком и вертикальной ручкой, китайской работы, сунского времени, белоневая круглодонная чашечка с прямыми и тонкими стенками, два нефритовых кольца, фрагменты меча и черный камень.

Погребения под сводом из кирпича (обычно сырцового) датируются XII в. Китайский же инвентарь погребения заставляет предполагать иноземное происхождение погребенного. Повидимому это погребение надо связать с временем владычества каракитаев.

Наконец, были найдены предметы весьма позднего времени — железные котлы на трех ножках.

Таким образом, участок дал материал, характеризующий время с эпохи бронзы до XVIII в. Материал до середины I тысячелетия н. э. представлен отдельными находками вне комплексов.

Как было указано, обнаружен ряд типично кочевнических тюркских погребений.

Памятники оседлой культуры VIII—XII вв., повидимому, следует связать с комплексом поселений, группировавшихся вокруг г. Джулы (городище Чола-казак).¹

ОТЧЕТ VI ОТРЯДА

(начальник отряда С. Сорокин, сотрудники — Ю. Клименко, Соколов)

Шестой отряд вел в основном наблюдения над участком протяженностью около 10 км, расположенным к северу от поселков Кагановичское, Романовка, Гавриловское.

Предварительный осмотр участка и результаты разведки, произведенной в предыдущие годы, показали, что все внимание должно быть

сосредоточено на седловине возвышенности, расположенной на левом берегу р. Сукулук в 1 км к северу от пос. Кагановичское.

Непосредственно у дороги, идущей от Фрунзенского шоссе, вдоль цепочки прудов расположен пологий холм высотой 6—7 м, на вершине которого довольно отчетливо прослеживаются размытые валы, образующие правильный четырехугольник, размером 70×100 м, со сторонами, ориентированными по странам света. Эти валы по всему периметру четырехугольника нарушены глубокой канавой, ограничивающей современный скотомогильник. От северо-восточного угла в направлении на север отходит еще вал, через 70 м поворачивающий под прямым углом на восток и прослеживающийся метров на 90—100. В направлении с юга на север, с западной стороны холма, к его вершине ведет пологая лощина, ограниченная с запада небольшим возвышением, имеющим неправильные очертания и поверхность, пересеченную рядом мелких бугров и впадин. Далее, в направлении на север, на протяжении до 1 км, продолжается возвышенность, перехваченная двумя лощинами, ориентированными в направлении восток—запад, которые вместе с основной грядой образуют правильной формы седловину. С запада возвышенность ограничена балкой, по дну которой протекает небольшая ручей.

Рельеф местности, характер поверхности и наличие фрагментов керамики на свободных от дернового покрова местах позволили сделать заключение, что наиболее возвышенная (южная) часть хребта, образующая холм, на котором виден четырехугольник валов, является местом расположения шахристана бывшего здесь некогда поселения. Дорога на шахристан вела по лощине вдоль западной его стены. На запад и север от шахристана располагался поселок — рабад.

Строительство прошло севернее шахристана и перерезало возвышенность по седловине. Ширина выемки у поверхности достигала 40 м, у дна — 10—12 м. Предположение о существовании на Сукулукском холме и, в частности, на седловине древнего поселения подтвердилось уже в самом начале земляных работ: сразу под слоем дерна стали попадаться в большом количестве фрагменты керамики. В некоторых местах на образующихся вертикальных срезах можно было проследить стратиграфию слоев. Сотни и тысячи кубометров выбираемой ежедневно земли на собственно Сукулукском холме по существу нельзя было назвать землей: это был грунт, насыщенный предметами материальной культуры — прекрасно сохранившимися глиняными сосудами, фрагментами керамики, статуэтками из глины, остатками построек. Работники археологического надзора стремились точно фиксировать условия залегания возможно большего количества вещей. Впоследствии это позволило составить несовершенную, но все же относительно точную схему раскопа

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

На гребне седловины котлован достигал около 10 м глубины, находки же попадались до глубины 8 м. На глубине 9 м шел уже материк. К западному и восточному скатам седловины глубина выемок уменьшалась, следуя понижению поверхности и горизонтальному дну канала, однако и в этих местах культурный слой по оси канала был вскрыт на всю глубину, т. е. до наиболее древних остатков, покоящихся на нетронутном грунте. По всей толще культурного слоя, в особенности на меньших глубинах, хорошо прослеживаются остатки древних построек, плана и взаимного расположения которых установить не удалось. Их стены были сложены из кирпича-сырца на глиняной смазке и имели прямоугольную в плане форму. Кирпич, применяемый для построек, приготовлялся с примесью органических веществ и во время раскопок отчетливо выделялся на фоне более светлого грунта и смазки своим темным цветом. Сколько-нибудь определенного контура построек проследить не удалось; в высоту же сохранилось максимум 6—8 рядов кирпича. Остатки сырцової кладки находятся в большем количестве ближе к гребню седловины и уменьшаются по мере удаления от гребня как на восток, так и на запад — к протекающему здесь по балке ручью.

По всей толще культурного слоя на разных глубинах и в различных местах хорошо заметны прослойки золы и угля. Зольные прослойки не удалось комплексно увязать с остатками стен построек, но на западном склоне седловины обнаружено несколько огагов, которые представляют собой небольшие углубления, заполненные значительным количеством золы, сосредоточенной под днищами глиняных лепных круглодонных грубых котлов. Диаметры котлов около 80 см. Ни одного цельного котла не обнаружено, сохранились лишь донные части сферической формы.

У южного среза котлована, на западном склоне седловины, найдено основание пресса, сделанное из камня. В плане камень круглый, в центре сквозное вертикальное отверстие, по окружности — желобок со сливом. Рядом с этим прессом найден большой сосуд с просверленным у дна отверстием, в котором обнаружены остатки деревянной втулки, и большой кувшин с широким горлом. Несколько ниже, но в этом же месте, найдено еще несколько глиняных сосудов (хумов), высотой 0.7—0.8 м, и грубо слепленный светильник, имеющий два отделения. Края светильника сильно закопчены.

В этом месте остатки стен из кирпича-сырца прослеживаются довольно четко, особенно внутренний угол помещения, и позволяют утверждать, что пресс, сосуд с отверстием, сосуды, стоящие несколько ниже пресса, и светильник являют собой единый комплекс.

В 25 м к северо-востоку от этого комплекса на глубине около 1.5 м найдено 10 глиняных обожженных труб, круглых в сечении, изготовленных на гончарном круге из хорошо отму-

ченной глины. Длина труб 47—50 см, диаметр трубы 13 см, диаметр соединительной горловины 7 см, толщина стенок около 1 см. Все 10 труб были соединены между собой и ориентированы с юго-востока на северо-запад.

Непосредственно под трубами, на глубине 5.9 м, обнаружен вертикальный, круглый в плане, колодец, стенки которого тщательно обмазаны глиной. Колодец прослеживался на глубину не более 1.5 м.

Водопроводные трубы и их фрагменты были обнаружены также на самом гребне седловины и в начале ее восточного склона, на глубине около 1.5 м.

Несколько к западу от вершины седловины обнаружена печь для обжига глиняных изделий. Форма печи почти шаровидная. Высота 2.45 м, глубина 2.20 м, ширина 2.20—2.40 м. Толщина стенок, сделанных из обожженной глины, 0.26 м. К внутренней поверхности обжиг стенок печи усиливается, так что изнутри стены и свод покрыты слоем стекловидного шлака толщиной 9—10 см. Внутренность печи почти на середине высоты была разделена горизонтальной перегородкой на два отделения: нижнее — топку, и верхнее — место, куда загружались подвергающиеся обжигу изделия. Печь была заполнена крупными сосудами, первоначально расположенными в 2 или 3 этажа. Отверстие для загрузки печи изделиями и топливом вероятно находилось несколько выше горизонтальной перегородки, с южной стороны. Никаких приспособлений для размещения изделий, подвергающихся обжигу, обнаружено не было. Однако это еще не является доказательством того, что их вовсе не применяли. Печь сохранилась не полностью. Южная часть свода обвалилась, при этом было нарушено расположение глиняных изделий, находящихся в ней. По всей вероятности печь была разрушена во время процесса обжига, прямым свидетельством чему является то, что обломки сосудов, обнаруженных внутри печи, имели обожженные снаружи сколы и следы копоти на них. Часть раздавленных сосудов так и осталась недожженной, причем недожженные черепки располагались выше обожженных, лежащих непосредственно на горизонтальном поду печи, где жар долгое время после разрушения печи оставался достаточным для завершения обжига. Непосредственно у печи, с южной стороны, находилась круглая в плане яма, заполненная золой на глубину около 1 м. Прослойки золы обнаружены также в слое вокруг печи. Неподалеку от печи найдена красная минеральная краска (глина с примесью сурика). Характер ангоба на многих сосудах, обнаруженных при раскопке сукулукской седловины, позволяет установить идентичность материала, примененного для ангобирования, и краски, найденной неподалеку от печи. Здесь же, рядом с печью, была обнаружена хорошо отмученная и перемешанная глина

видимо приготовленная для производства изделий.

В 40 м от описанной выше гончарной печи, на западном склоне седловины была обнаружена еще одна печь, тоже наполненная посудой, не вполне обожженной. Печь сохранилась плохо.

Участок к востоку от вершины седловины беднее находками, чем западный склон. Культурный слой более тонок и менее насыщен.

В этом районе найдено большое количество каменных жерновов дисковидной формы (диам. 30—40 см, толщ. 6—7 см) с круглым отверстием посредине, а на глубине 1.65 м обнаружена округлой формы яма диаметром 0.6 м, глубиной 1.65 м, наполненная семенами злаков. Предварительный осмотр установил не менее трех сортов различных семян, среди которых было, несомненно, просо.

Весь грунт, вынутый на Сукулукском городище, — а глубина выемки доходила у гребня седловины до 8 м — был густо насыщен археологическим материалом (главным образом изделиями из глины). Нами отобрано на месте около 2500 номеров, представленных, главным образом, цельными сосудами, их фрагментами, терракотовыми статуэтками, изделиями из бронзы и золота. Находки относятся к длительному времени: от III в. до н. э. до XIII в. н. э., т. е. представляют периоды: сако-усуньский, тюркский, времени согдийской колонизации Семиречья, карлукский и караханийский.

Такова общая характеристика культурного слоя, вскрытого земляными работами на сукулукском городище.

Как было сказано выше, темп и размах земляных работ не позволял археологическому надзору точно фиксировать стратиграфию и характер залегания находок; поэтому, а также вследствие обилия материала, характеристику находок (сосуды, фрагменты сосудов, статуэтки, поделки из глины, изделия из кости и рога, бронзовые изделия и проч.) приходится давать суммарно.

Два верхних (условно разбитых на метры) культурных слоя (1-й и 2-й метры) охватывают всю ширину выемки, т. е. занимают пространство шириной 30—40 м и длиной 500 м, причем на участке в 20 м толщина слоя не превышает 1 м.

На этих глубинах собрано большое количество изделий из глины (сохранных и в фрагментах). Это, главным образом, поливная керамика весьма разнообразных форм. Типичны глубокие или совсем уплощенные блюда (диам. 30—50 см), изготовленные на гончарном круге, внутренняя открытая поверхность которых богато орнаментирована. Обычно по белому или слегка зеленоватому фону нанесен сложный орнамент красной, белой, зеленой и черной красками. Красная и белая краски служат в сущности ангобом, покрытым сверху еще прозрачной глазурью; черная краска имеет рыжеватый ржавый оттенок. Орнамент обычно сим-

метричный: стилизованные листья или волюты, расходящиеся от центра к краям. В центре часто помещена «вихревая розетка» иногда простой, иногда усложненной и очень изящной формы. По венчику обычно идет широкая орнаментальная полоса, представляющая собой украшенную или стилизованную кораническую надпись.

Арабская вязь иногда переплетается с изображениями животных (медведя, лягушки). Такого вида блюда представлены, главным образом, фрагментами донных частей или осколками венчика. В нескольких случаях формы реконструируются полностью. На этих же глубинах найдено большое количество фрагментов глиняных поливных светильников — чираков (не менее чем 30 светильников). Высота круглой чашечки светильника обычно не превышает 3—4 см, чашечка имеет петлеобразную вертикальную ручку и сильно удлиненный носик. Полива на светильниках или слегка зеленоватая с легким расплывчатым рисунком, или гладкая яркозеленая, или коричневая. Бока чашечки иногда канелированы, а ручки сверху украшены площадкой в форме листа, красиво отогнутого назад. Найдено также несколько глазурованных сосудов, например: небольшой сосуд с длинным прямым носиком и резко очерченным доньшком; сосуд с широкой и короткой горловиной, украшенный орнаментальным пояском, расположенным на плечиках и состоящим из переплетенных линий; пиала, покрытая и снаружи и изнутри зеленой поливой.

В верхних слоях найдено также много фрагментов и сохранных сосудов не глазурованных. Их формы разнообразны: большие, до полуметра высотой, кувшины с одной вертикальной ручкой и невысоким горлом, кувшины несколько меньших размеров, тоже с одной вертикальной ручкой, но с более удлиненным горлом, сосуды банкообразной, почти правильной цилиндрической формы с широко развернутым горизонтальным венчиком, кринки с двумя маленькими петлеобразными ручками, круглодонные котлы с глухими ручками, флягообразные сосуды и значительное количество так называемых сфероконических сосудов, чрезвычайно крепких, зеленоватого цвета как снаружи, так и в изломе, их размеры не превышают 12—15 см.

Глазурованная посуда с «кораническими» надписями должна быть отнесена ко времени караханийцев, т. е. к XI—XII вв.

У поселенцев Чуйской долины исповедание ислама приобретает своеобразный колорит, который определяется влияниями традиции согдийских переселенцев и свободной от коранических догм культуры тюркского кочевого населения. Археологический материал с Сукулук подтверждает это: характерное сочетание арабских букв и изречений из Корана с изображениями живых существ на стенках

сосудов весьма часто встречается на фрагментах поливной керамики верхних слоев раскопа.

Караханидскому материалу предшествуют и типичные карлукские изделия, представленные в верхних слоях небольшим количеством фрагментов достарханов и небольшими крышками с воронкообразными ручками, возвышающимися в центре, а также лепными сосудами с витыми ручками и шарообразными сосудами с наклонной горловиной.

Светильник, три ножки которого выполнены в виде звериных лап, а стойка у основания чашечки украшена четырьмя вытянутыми собаками мордами, сильно стилизованная статуэтка животного с ручкой на спине и глиняный штамп овальной формы должны быть отнесены к памятникам согдийской культуры.

На глубине 3-го и 4-го метров находки встречались только на пространстве шириной в 25—30 м и длиной 300 м; таким образом, граница распространения находок в этих слоях проходит примерно на 200 м восточнее, чем в верхних слоях. На этих глубинах продолжают попадаться фрагменты караханидской поливной керамики того же типа, что и в первых двух слоях, но количество их уменьшается. Следует отметить найденное на глубине 2.20 м прекрасной работы глубокое блюдо с изображением фазана, поделка явно местного происхождения. Фазан изображен весьма реалистично и живо; выполнен на слегка зеленоватом фоне в три краски. Он расположен в центре блюда, по венчику блюдо обрамлено орнаментальной полосой арабской надписи.

Сфероконические сосуды продолжают попадаться и на этих глубинах. Количество достарханов по сравнению с верхними горизонтами увеличивается, реже встречаются кувшины с одной вертикальной ручкой. Их как бы вытесняют лепные сосуды с налепным орнаментальным ожерельем на плечиках, а также сосуды, хотя и различных форм, но объединенные одной общей чертой — тщательно выполненным красным лощением. На этих глубинах найдено много глиняных пряслиц цилиндрической или уплощенной биконической формы. Размеры их и вес различны: маленькие — 5—15 г, средние — 30—60 г, большие — 100 г и более.

Для горизонта 3-го и 4-го метров характерно также значительное количество стилизованных статуэток животных, изготовленных из глины. Животные обычно трактованы реалистично; однако попадаются статуэтки настолько стилизованные, что изображение животного представлено в виде изогнутой листовидной или коробовидной пластины. К некоторым статуэткам сверху приделана вертикальная ручка. Размер статуэток 12—18 см в длину, 8—14 см в высоту. Часто голова и грудь статуэтки закопчены. Статуэтки иногда находятся группами и должны быть отнесены к предме-

там зороастрийского культового ритуала согдийских колонистов.

Рядом с этими статуэтками (а иногда и отдельно) найдено много небольшого размера (до 20 см) крышек, орнаментированных и украшенных сверху стилизованными головками животных, реалистическими или стилизованными фигурками птичек. К памятникам согдийской культуры должен быть отнесен и найденный на глубине 2.40 м сосуд, представляющий собой фигуру человека. Лицо согдийского типа изображено на горловине, которая представляет собой и шею, и голову, и головной убор. Руки сложены на животе.

К этому же горизонту относятся находки нескольких тюркешских монет.

Распространение находок на глубине 5-го и 6-го метров охватывает пространство длиной в 150 м, в основном локализуясь на гребне седловины и на западном ее склоне. Для этих горизонтов типично совместное нахождение карлукских и согдийских вещей с вкраплением караханидской керамики. Остатки караханидской культуры представлены фрагментами поливных сосудов, карлукские и согдийские — различными сосудами ручной лепки и изготовленными на гончарном круге, стилизованными статуэтками животных, глиняными пряслицами, орнаментированными резьбой, глиняными ступками грубой ручной лепки. Орнамент на сосудах иногда резной, иногда выполненный штампом. Тюркешские монеты попадают и здесь. Как единичную находку нужно отметить массивный сосуд тюркского типа с вертикальными стенками и со сплошными горизонтальными ручками. Довольно многочисленны находки бронзовых пряжек с подвижным языком и удлиненной пластинкой, бронзовых накладок прямоугольной, сердцевидной или более сложной формы и бляшек. Пряжки, накладки и бляшки тюркского типа, они служили украшением одежды и конской сбруи.

Такого же типа тюркские вещи найдены и в слоях 6-го и 7-го метров и глубже.

К наиболее низким горизонтам (глубже 8-го метра следов культурного слоя не было) относятся находки бронзовых поделок: шпильки, украшенные фигурками птичек, и бубенцы в виде миниатюрной копии котла скифского типа (может быть, половина бубенца?). Эти вещи, происхождение которых можно связать с усунями, в сочетании с тюркской бронзой и керамикой были найдены у северного обреза котлована, но основная масса тюркских вещей локализуется южнее. Весьма вероятно, что земляными работами были вскрыты остатки усуньского кургана, расположенного на гребне возвышенности и нарушенного еще в древности, и мелкие бронзовые вещи усуньского типа могли находиться во вторичном залегании.

Таким образом, наиболее древние вещи Сукулукского городища связаны с усунями. Однако

нельзя точно сказать, вскрыли ли земляные работы усуньский курган, вернее его остатки, или усуньского типа мелкие бронзовые подделки попали на место раскопа каким-либо другим путем. Тюркского типа вещи встречаются на глубинах 7-го, 6-го и 5-го метров. Эти горизонты насыщены также памятниками согдийского и карлукского типа и сравнительно редкими находками караханидской поливной керамики. Распространение находок на этих горизонтах ограничивается гребнем седловины и западным ее склоном, общим протяжением с востока на запад 150 м.

4-й и 3-й метры содержат памятники согдийской культуры — сосуды и предметы зороастрийского культа, более густые скопления которых можно связать с определенными местами. В этих слоях залегают также остатки культур карлукской и караханидской. Распространение находок на этом горизонте захватывает гребень седловины и оба ее склона общим протяжением с востока на запад 300 м. Наконец, 2-й и 1-й метры насыщены почти исключительно памятниками караханидского типа с небольшими вкраплениями карлукской керамики. Культурные остатки на этом горизонте залегают на гребне, обоих склонах седловины и по западному склону продолжают до дна балки, охватывая пространство 500 м.

И т о г и

Возникновение оседлого поселения на сукулукской седловине связано, вероятно, с согдийской колонизацией Чуйской долины и должно быть отнесено к V в. Однако уже с этих времен согдийцы, если даже и являлись единственными насельниками поселения, были все же связаны с местным населением края, и культура кочевников несомненно оказала влияние на культуру оседлых поселенцев. Культура согдийских колонизаторов впитывает местные древние традиции, принимает своеобразный облик.

В течение V — VII вв. согдийские поселения почти не разрастались. Так, сукулукское поселение занимало небольшую площадь на гребне седловины. Картина существенно меняется в VIII—X вв. Этот период, называемый для Семиречья карлукским, характерен постепенным исчезновением отдельных укрепленных домов и возникновением поселений мавераннахрского типа. Поселения сильно разрастаются. Согдийские традиции продолжают жить, но весьма усиливаются карлукские влияния. Бурное развитие начинается с X в., со времени установления караханидского господства. Формируется типичный феодальный город. Развивается шахристан, растет торгово-промышленное предместье — рабад.

Вместе с караханидами начинается интенсивное проникновение ислама. Однако внедрение новой религии, естественно, запаздывало в районах Чуйской долины и не только запазды-

вало, но и окрашивалось древними традициями коренного населения края и кочевническими влияниями. Не случайны находки типичных согдийских вещей, несущих на себе печать зороастризма, и посуды кочевнического типа в верхних слоях Сукулукского городища. Это нельзя объяснить только нарушением культурного слоя в процессе жизни поселения; это объясняется также длительными традициями старины и постоянным влиянием кочевой среды, задерживающими проникновение ислама, переплетающимися с ним, вносящими своеобразный колорит в мировоззрение, технику и искусство. Появление поливной караханидской керамики с кораническими надписями, с причудливым переплетением в одном рисунке арабской вязи и фигур живых существ, для средних слоев Сукулукского городища синхронно с существованием предметов зороастрийского ритуала. И все же еще сравнительно молодая исламская традиция, неослабно и неуклонно поддерживаемая влиянием с юго-востока, постепенно привела к преобладанию ислама, что с достаточной убедительностью подтверждается почти полным исчезновением согдийских вещей в верхних слоях раскопа.

В XI—XII вв. город бурно разрастается по гребню возвышенности, захватывает ее склоны, расширяясь, главным образом, в западном направлении, где по дну неглубокого оврага протекает ручей. В XI—XII вв. город становится благоустроенным: возведенные из кирпича-сырца дома образуют улицы, роются колодцы, прокладывается водопровод. Процветают ремесла и торговля. Делают вино, обрабатывают предметы сельского хозяйства, но наибольшее значение приобретает гончарное ремесло.

Город в XI—XII вв. становится центром гончарного производства Чуйской долины.

Монгольское завоевание кладет предел этому расцвету города. Город подвергается вероятно внезапному нападению и разрушению. С начала XIII в. жизнь на так называемом Сукулукском городище уже не возобновлялась.

ОТЧЕТ VII ОТРЯДА

(Начальник отряда — П а с ь к о, сотрудник — Я н - Ш а н - С и й)

Участок седьмого археологического отряда охватывал территорию от Сукулука до с. Беловодского, т. е. около 15 км.

К наиболее древним памятникам на этом участке относятся памятники эпохи бронзы, обнаруженные в двух пунктах: к северу от пос. Садовое и к северо-западу от пос. Александровское. В первом пункте найдены: бронзовый нож, бронзовый наконечник копья с ребром посредине и широкий серповидный бронзовый нож с круглым отверстием для укрепления рукоятки или подвешивания. Предметы найдены вне какого-либо комплекса и вне стратиграфической связи.

Во втором пункте, расположенном к северо-западу от пос. Александровское, найдены: бронзовый нож, похожий на нож из пос. Беловодское, 4 бронзовые четырехгранные шила, каменная односторонняя двусторчатая форма для отливки сразу двух орудий типа долота (пальстава) и мелкие фрагменты грубых лепных сосудов. Все эти предметы обнаружены на глубине около 1.5 м от дневной поверхности, в слое лёссовой глины и видимо являются материальными остатками бывшей здесь некогда стоянки. Если придерживаться хронологической последовательности, то после этих предметов материальной культуры мы должны упомянуть о памятниках сако-усуньского времени. На участке они представлены двумя курганами, расположенными на небольшой меридиональной возвышенности в 300 м к востоку от пос. Александровское. Эти два кургана являлись, видимо, частью типичной усуньской цепочки, которая продолжалась в направлении на юг по территории, ныне занятой постройками, огородами и шоссе. Уцелевшие два кургана не раскапывались. Два круглодонных лепных сосуда усуньского типа были найдены вне комплекса между поселками Садовое и Александровское.

К северо-западу от пос. Садовое находится городище, названное Беловодской крепостью. Городище расположено на возвышенности, ограниченной с запада и востока саями, контуры его прямоугольны и несколько вытянуты с севера на юг (200 × 150 м), в юго-западном углу его возвышается цитадель. К северу от городища расположены развалины древнего города Харранджуван. Находки в Беловодской крепости немногочисленны: костяное шило (дл. 13 см и диам. 4—5 мм), железные топоры и сошник, фрагмент орнаментированного облицованного кирпича, несколько обожженных кирпичей (23 × 23 × 5.5 и 19 × 7 × 6 см) и мелкие фрагменты сосудов, которые по технике изготовления и характеру обработки поверхности нужно отнести к векам, предшествующим монгольскому завоеванию.

К северу от пос. Александровское находится городище, названное Александровским. Как и Беловодская крепость, городище расположено на возвышенности, ограниченной с запада и востока саями. Городище в плане имеет форму трапеции со сторонами 110, 60, 65, 60 м. Цитадель расположена в юго-восточном углу. С городищем комплексно сочетаются печь для обжига кирпича и черепицы и расположенный к северу каракитайский могильник. Видимо городище представляло собой также каракитайское ремесленное поселение. Находки на этом городище ярко отражают скрещение влияний и традиций китайской культуры с местной среднеазиатской культурой караханидского времени. К предметам, на которых ясно видно влияние китайское, нужно отнести два бронзо-

вых зеркала, полудиркульную черепицу, изделия из нефрита, селадоновую керамику и китайские монеты. Предметы китайского происхождения или сделанные под сильным воздействием китайской культуры сочетаются с находками местными: изделия из селадона залегают вместе с типичной керамикой караханидского времени,¹ торцы черепицы украшены сасанидским орнаментальным кругом. В нижних горизонтах найден частично сохранившийся сосуд с буддийскими фигурками, руки у которых сложены в молитвенном положении на груди, а голову венчает богатый убор с диадемой и подвесками. Фигурки выполнены штампом и затем прилеплены к сосуду, они чередуются со схематическим изображением лотоса, выполненным резьбой. Раскопки обнаружили остатки построек, несколько звеньев гончарных водопроводных труб, прослойки золы и угля, остатки кузнечного горна со шлаком, углем и находившимися здесь же железными топорами. К находкам караханидского периода надо отнести несколько глиняных плоских и биконических пряслиц, фрагменты сфероконических сосудов высокого обжига, караханидского типа, сдвоенный сосуд с черной лощеной поверхностью и обожженный при высокой температуре. Многочисленны находки хумов, из которых некоторые были закрыты камнями-крышками.

Кладбище, расположенное к северу от поселка, также относится к памятникам каракитайской культуры и непосредственно связано с поселком (об этом свидетельствует полная идентичность нефритовых изделий и черепицы, найденных и там и тут). Могилы имеют пол и стены, сложенные из сырцового кирпича, и перекрыты или черепицей или сырцовым кирпичом; ближе к стенкам кирпич поставлен наклонно, сверху же положен горизонтально. Костяки ориентированы головой на север, лежат на левом боку. Могильный инвентарь состоит из нефритовых изделий (ушные подвески, пуговицы, подвески на ожерельях), медных колечек, в одной из могил найдено бронзовое зеркало китайской работы вместе с изделиями из нефрита.

Весь облик городища говорит о том, что здесь был развитой и достаточно благоустроенный ремесленный поселок. Жизнь здесь не прекратилась и с монгольским завоеванием, о чем свидетельствуют находки узкогорлого графина на черном поддоне, поверхность которого покрыта беловато-синей, с металлически-перламутровым отливом, поливой, и бронзового цилиндрического орнаментированного подсвечника.

¹ Фрагмент селадонного блюда из Беловодской крепости содержал надпись китайскими иероглифами. См.: А. Н. Бернштам. Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью. КСИИМК, XVII, Л.—М., 1947.

На городище был также вскрыт слой, богатый находками железных изделий.¹

ОТЧЕТ VIII ОТРЯДА

(Начальник отряда — Г. Л. Михельс, сотрудники — В. П. Семенов, Р. П. Свердлов)

Восьмой отряд производил работу на территории, расположенной к северу от восточной окраины сел. Петровка вплоть до района к северу от центра сел. Калининское. В этом районе низменная местность, ныне почти сплошь запаханная; местность пересекает большое количество карасуков и саев, а также речки Кара-балты и Аксу. Наиболее западный участок заболочен.

Из наземных памятников на этом отрезке оказался невысокий земляной курган, расположенный на восточном берегу сильно размытого сая, к северу от центра сел. Петровка (о находках из данного кургана см. ниже). Кроме того, был зарегистрирован еще ряд курганных групп (см. карту). Это, в основном, небольшие, поросшие травой земляные курганы, вытянутые с юга на север цепочками (по 4—5 курганов в каждой). На курганах прослеживаются грабительские воронки. Особый интерес представляет группа из 5 курганов, расположенных несколько обособленно на пашне в 200—250 м от северного края пос. Ортосу (по направлению к западу). В одном из курганов этой цепочки два года назад, по словам колхозников, была найдена, при рытье силосной ямы, каменная баба. На ней изображен был человек в чалме (?), на поясе с пряжкой подвешен оселок, в руке человек держал птицу. В 300 м к западу от маслосбойни колхоза им. Кагановича (сел. Петровка), был зарегистрирован турткуль. Турткуль, ориентированный сторонами по линии север—юг, обнесен высокими крутыми стенами и состоит из двух площадок (южная несколько ниже по уровню), длина сторон северной площадки 108 м. Турткуль стоит на восточном крутом берегу сая, с запада от него протекает сильно заболоченный арык (остаток древнего рва). С юга от турткуля, в 10—15 м от него находятся два конусовидных бугра, повидимому тепе, перекрытые кладбищем. Южней площадок турткуля — конское кладбище.

В 3 км к югу от трасы находится городище Шиш-тепе, в районе колхоза «Серп и молот». Городище представляет собой развалины древнего города Нузкета, существовавшего до X в.²

Обследована была также группа бугров — остатки сельских поселений, тянущихся от

западной окраины сел. Петровка на север вдоль восточного крутого берега глубокого заболоченного сая. Расположены они компактно на естественных холмах, выравненных в четырехугольные площадки. Бугры сильно задернованы и поэтому дали мало подъемного материала; археологические находки бедны и невыразительны, по характеру идентичны материалу сельских поселений, вскрытых земляными работами на трасе (см. ниже).

Вторая, гораздо более густая группа сельских поселений расположена вдоль дороги, ведущей из центра сел. Калининское в колхоз Ирису; с запада эта группа непосредственно примыкает к Шиш-тепе. Подъемный материал здесь многочисленнее и богаче, что объясняется близостью этих поселений к культурному центру — городу Нузкету.

С сельскими поселениями на трасе и с Нузкетом связан, повидимому, земляной вал высотой примерно 0.50 м, тянущийся с северо-запада на юго-восток и подходящий к р. Карабалты метрах в 100—200 южнее от пересечения с трасой канала. В систему вала, особенно на его поворотах, включены и курганы. С южной стороны у подошвы вала идет выемка, повидимому остатки древнего рва или канала.

Вопрос о назначении вала не совсем ясен, но против его функции как оборонительного сооружения говорит незначительная высота и незамкнутость его линии: на юго-востоке он упирается в р. Карабалты, на северо-западе просто сходит на-нет. По аналогии с такими же валами (в Кызыл-ярской степи в Фергане,¹ у городища Ак-пешин),² использовавшимися для того, чтобы удерживать воды весеннего паводка и горных ручьев, можно предположить, что и этот вал имел такое же ирригационное значение, он должен был направлять весенние паводки р. Карабалты и соседних саев в сторону Нузкета и его сельской округи.

Основная масса находок поступала с высоких крутых склонов саев и карасуков. Часть памятников, главным образом погребения, были вскрыты в отсутствие сотрудников отряда. Обряд погребения пришлось устанавливать путем опроса колхозников. Остатки сельских поселений были зарегистрированы в четырех местах, наземных признаков они не имели.

К наиболее древним находкам участка следует отнести два каменных мотыгообразных орудия. Одно — конусовидное с овальным отверстием в середине, со сколами, идущими от центра к широкому рабочему краю; дру-

¹ Л. Г. Розина. Железные изделия караханидского времени. Тр. ИЯЛИ КиргФАН, т. I, Фрунзе, 1945.

² А. Н. Бернштам. К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 1940, 2 (11); он же. Археологический очерк Северной Киргизии, гл. VII.

¹ Б. А. Латынин. Работы в районе электростанции на р. Нарыне в Фергане. Археолог. работы Академии на новостройках в 1932—33 гг. ИГАИМК, № 110, стр. 123—126; он же. К вопросу об истории ирригации. Сб. АН СССР, XIV, акад. Н. Я. Марру. М.—Л., 1935, стр. 697—708.

² Работы экспедиции ИИМК под руководством А. Н. Бернштама в 1933 г. Материал не опубликован.

гое — овальное с шейкой и выемкой на заднем конце (как шейка, так и выемка, повидимому, служили для привязывания орудия к древку), рабочий край грубо оббит. Оба эти орудия были найдены на восточном берегу глубокого сая в 2.5 км к западу от Кара-балты. Ни с какими комплексами они не связаны.

По всей территории участка найдено значительное количество каменных пестов, зерно-терок, жерновов (аналогичных современному киргизскому жернову — «тегерменю»). Установить их датировку трудно, они могли бытовать и в глубокой древности¹ и в наши дни; часть из этих находок связана по месту расположения с селищами XI—XII вв. и, повидимому, должна быть отнесена именно к данному периоду. Возможно, что наиболее древней находкой является каменный пест в виде фаллоса. Этот пест как памятник фаллического культа может быть увязан с бронзовой фигуркой человека, держащего в руках фаллос (из Сукулуга). Архаичен бронзовый нож, найденный возле правой руки костяка, вытянутого на спине и ориентированного головой на запад, ногами на восток. Погребение находилось на глубине 1 м в грунтовых водах.

Также к весьма раннему периоду относится плоскодонный горшок с отогнутым венчиком, по внутренней поверхности которого идут вертикальные желобки от пальцев, выравнивавших форму сосуда; обжиг слабый и неровный, тесто в изломе черное, с большой примесью дресвы, тело сосуда пятнистое: то черное, то розоватое. По плечикам сосуда идет грубый врезной орнамент: шейку от плечиков отделяет линия, под ней другая волнистая линия, от которой спускаются три полуовала с точками внутри. Все линии нанесены очень неровно, асимметрично. Горшок найден примерно в 100 м от восточного края небольшого, но глубокого, сильно заболоченного арыка на глубине 1.5 м, к югу от центральной части сел. Петровка. Возможно что он входил в инвентарь погребения, найденного рядом (погребенный лежал в вытянутом положении, головой на юг). Датировка этого горшка представляет значительные трудности, так как подобный орнамент нам неизвестен, по форме же он аналогичен горшку из кургана № 18 гр. № 1, расположенного на левом берегу р. Аламединки.² Последний был найден рядом с костяком, лежащим в вытянутом положении на спине и ориентированным головой на юго-юго-запад; тут же находился железный нож. А. И. Тереножкин в рукописном отчете, хранящемся в Кирг. НИИЯЛ, датирует

¹ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР: ВДИ, № 2 (3), 1938; Б. А. Латынин. ИГАИМК, № 110, рис. 119; О. А. Гракова. Советская Археология, III.

² А. И. Тереножкин. Археологические раскопки на р. Чу в 1929 г. ПИДО, №5—6, 1935, стр. 142.

этот горшок «скифским временем»,¹ однако известная нам скифская круглодонная керамика ни формой, ни техникой выделки не сходна с обоими описанными горшками. С другой стороны, достаточно ясно, что подобные сосуды не могут относиться ко времени позднее эпохи бронзы. Это хронологическое ограничение подтверждается находкой аналогичного же горшка (правда, происходящего с весьма отдаленной территории — долина р. Маныч), обнаруженного экспедицией М. И. Артамонова² в впускном (более позднем) погребении в курган эпохи бронзы (костяк в этом погребении также лежал в вытянутом положении на спине и был ориентирован головой на юго-юго-восток).

Все эти доскифские находки на участке единичны и случайны и, за исключением бронзового ножа, а возможно, и горшка, обнаружены вне комплексов.

Скифским периодом мы можем четко датировать бронзовый листовидный втульчатый накопчик стрелы, найденный вне комплекса на глубине 0.95 м, на расстоянии 8 км к западу от Беловодской крепости.

К скифскому же периоду относится ряд сосудов, сходных с усуньскими по форме, но отличающихся от них тем, что они сделаны без шаблона и поэтому асимметричны и более грубы; наиболее характерная форма для этого типа находок — круглодонный сосуд с прямыми стенками, с небольшим, слабо выдающимся носиком, помещенным несколько ниже закраины.

Основной археологический материал относится к усуньскому времени и представлен, главным образом, небольшими грунтовыми могильниками без насыпей, разбросанными с интервалами примерно в 1 км по всему участку, на водоразделах между карасуками и саями и на их высоких берегах. Погребения находятся на глубине 0.70—1.20 м от дневной поверхности.

Обряд погребения достаточно ясен: костяки вытянуты на спине, головой на запад, ногами на восток, у изголовья стоят кувшин и чаша, либо две чаши и кувшин, либо чаша и круглодонный прямостенный сосуд с широким коротким носиком ниже закраины. Вся керамика — круглодонная, сделана вручную на матерчатых шаблонах, внутри видны отпечатки грубой ткани, обжиг хороший, тесто красное в изломе, с крупной дресвой, рыхлое, пористое. По формам керамики (широкие низкие круглодонные чаши, широкогорлые кувшины с вертикальной небольшой ручкой, обычно отбитой, круглодонные горшочки с вертикальной ручкой и широким коротким носиком под закраиной) и по обряду погребений обнаруженные могильники близки усуньским могильникам, вскры-

¹ В напечатанном в ПИДО отчете А. И. Тереножкин более осторожно датирует горшок доусуньским временем, но и эта датировка должна быть несколько отодвинута назад.

² Советская археология, IV, стр. 120, рис. 44.

тым экспедицией М. В. Воеводского и М. П. Грязнова 1929 г.¹ Однако наши могильники имеют и существенные отличия: все они грунтовые, без земляных насыпей, в очень бедном инвентаре, за исключением одного случая (см. ниже), нет привозных вещей, отсутствуют украшения и оружие. Все это говорит о том, что мы имеем здесь дело с погребениями рядовых бедных усуней. Этот вывод покажется особенно бесспорным, если учесть, что основная масса погребений не разграблена.

Как уникальную находку необходимо отметить найденное в одном из нарушенных погребений китайское бронзовое зеркало (эпохи старших Хань, по определению А. Н. Бернштама), орнаментированное с одной стороны: в центре рельефное изображение, повидимому дракона, окруженное двумя орнаментальными круговыми поясами, по внутреннему поясу идет китайская иероглифическая надпись, по внешнему — косые насечки.

Во многих случаях усуньские могильники перекрыты и перемешаны с материалом мусульманским, а также тюркским.

К более позднему хронологическому этапу, повидимому к эпохе западнотюркского каганата VI—VIII вв., относится ряд типично кочевнических погребений с конем. Таково погребение на запад от поселка Ирису. Здесь, на глубине 1.30 м был найден костяк, лежавший на спине, головой на восток, ногами на запад, слева у изголовья лежали два лошадиных черепа (в зубах одного из этих черепов были найдены остатки окислившихся железных удил), слева же у руки находилось окислившееся железное лезвие, повидимому сабля. Аналогичные погребения с конем обнаружены в 3.5 км к востоку от данного погребения (глубина 1.90 м) и на восточном крутом берегу речки. Последнее погребение перекрыто мусульманским селищем (подробнее см. ниже). Здесь же на западном крутом берегу речки (в 300 м на запад) найдена группа фрагментов толсто-стенной керамики грубого крепкого серого теста, сосуды котлообразные или с прямыми стенками, с горизонтальными и несколько приподнятыми кверху ручками в виде небольших конических выступов. Необходимо также отметить отдельно найденный кубок с плоским поддоном; в центре поддона возвышается усеченный конус, на срезанную вершину которого поставлен другой усеченный конус (вершиной вниз), от него с резким перегибом идут прямые несколько расширяющиеся кверху стенки. Для этого кубка характерна резкость переходов, строгость и отчетливость (почти геометрическая) форм. Аналогичные, но менее яркие по форме, кубки были

найжены на Ивановском кладбище (см. отчет I отряда). Кубок напоминает собой изображения кубков на каменных бабах, что и позволяет датировать его VI—VIII вв.

Интересно погребение в кургане, находящемся на восточном берегу широкого, сильно заболоченного карасука, к северу от сел. Петровки, в районе Байтык-бакши. Здесь в одном погребении находились три костяка, ориентированные головой на север (по неточным данным), около них был обнаружен тонкостенный стакан красного лощения, напоминающий кушанские сосуды подобной формы из Ферганы, и круглодонный тонкостенный котлообразный сосуд, сильно закопченный.

К находкам не местного происхождения относится и плоскодонный высокий горшок, с несколько суживающимися к устью стенками, с двумя небольшими ручками в виде ушек с небольшими дырочками (повидимому для продевания веревки) под закраиной; горшок покрыт желтым лощением; сосуд имеет аналогии в керамике Ташкентского района.

К VIII в. относится погребение на крутом западном берегу сая (на север от сел. Петропавловки у сел. Акбаш-ат). Здесь на глубине 1.10 м было вскрыто захоронение в сидячем положении, лицом костяк обращен на юг. У изголовья стоял плоскодонный сосуд ручной работы с богатым, но грубо выполненным орнаментом: по плечикам идет волнистая линия, от которой спускаются треугольные фестоны, разделяющие изображение двух симметрично расположенных фазанов. Как тематика орнаментации (резьба), так и тематика ее (фазан) говорят о согдийском происхождении сосуда, но обряд погребения не имеет точных аналогий и бесспорно является не согдийским. Возможна аналогия с сидячим же захоронением у сел. Новотроицкое (см. выше отчет V отряда), где погребенному, правда, обращенному лицом на запад, сопутствовали предметы китайского изделия.

Большое количество находок обнаружено на селищах XI—XII вв. Эти поселения, вскрытые трасой, располагаются, как правило, по берегам саев как на естественных буграх, так и на ровных площадках. Материал, в основном, состоит из бедной однообразной керамики (поливная керамика совершенно отсутствует), скудно и редко орнаментированной налепным жгутом, налепным волнистым валиком, вдавленными точками и рубчиками по венчику; встречаются и сосуды совсем без орнамента. Прорезной орнамент весьма редок (за исключением комплекса севернее района Кара-балты). На этих селищах, наряду с керамикой, сделанной на гончарном круге, обнаружены и тонкостенные сосуды ручной лепки, сильно закопченные котлы с налепной ручкой в виде подковки. Часты находки хумов. Вместе с посу-

¹ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, ук. соч.; см. также рецензию А. И. Тереножкина в Известиях УзФАН, № 2, 1941.

дой встречаются глиняные прясла, каменные грузила, жернова, зернотерки, песты, железные топоры.

Одним из таких наиболее типичных селищ является поселение, расположенное в 9 км к западу от Беловодской крепости, к северу от сел. Петровка. Оно расположено на буграх, разделенных между собой карасуком. Протяженность его с запада на восток около 800 м, ширина (с севера на юг), насколько удалось установить по карьерам для дамб, метров 70—100. Культурный слой начинается на глубине 0.15 м от дневной поверхности и идет до глубины 1.30 м. Кроме фрагментов керамики никаких находок это селище не дало. Поселение было, повидимому, связано с группой селищ у колхоза «Красный пахарь» (см. выше). Бедность поселений этого типа объясняется, повидимому, тем, что они стояли в стороне от караванного пути, на север от него (дорога Нузкет—Харранджуван проходила ближе к горам).

Такой же характер носят селища, расположенные у селения Акбаш-ат, на север от поселка Петропавловка, по обоим берегам неширокого, но чрезвычайно глубокого каньона, образованного падающей водой с мельницы. Здесь материал XI—XII вв. перекрывает и усуньский и тюркский материал, а частично и перемешан с ним. Возникшее здесь в усуньское время и функционировавшее до тюркского времени кладбище было перекрыто в XI—XII вв. сельским поселением. В последующее же время, вследствие сползания культурного слоя XI—XII вв. в соседний сай, повидимому, и произошло смещение археологического материала разных слоев. В связи с этим трудно сказать, к какому из трех представленных здесь хронологических этапов относится найденная биконическая янтарная бусина. Как известно, кочевники устраивали свои кладбища около мест зимовок. Следовательно, здесь с III в. до н. э. по VIII в. н. э. были кочевнические стоянки, и сельское поселение, возникшее на этой территории в XI в., явилось, может быть, лишь следствием оседания тех же самых кочевников в местах прежних зимовок.

В разрезах стенок были прослежены полы землянок. Полы многослойны: тонкий слой обожженной глины, представляющей собою обмазку пола, над ним слой рушенного и утрамбованного самана, затем опять слой обожженной глины и т. д. Эти слои чередуются несколько раз и являются свидетельством неоднократно производившегося ремонта пола, повышавшего его уровень. Общая толщина этого слоя 0.40—0.65 м. Полы хорошо датируются стоящими на них хумами.

От этих селищ резко отличается поселение (подобно вышеописанным перекрывавшее усуньские погребения), находящееся в 3 км к югу

от городища Шиш-тепе. На этом поселении обнаружено большое количество керамики: хумы, крышки хумов и достарханы с богатым резным растительным орнаментом (причем орнаментирована сплошь вся поверхность); ручки крышек сосудов и крышек светильников с навершиями в виде птичек, четырехлепесткового цветка, креста и т. п., являющиеся переживанием согдийских мотивов орнаментики. В срезах наблюдаются следы древних арыков, зольных пятен, очагов. Относительное изобилие находок на этом поселении следует объяснить его близостью к Нузкету, очевидно оно стояло на караванном пути; это подтверждается тем, что от Нузкета на север тянутся группы еще других тепе, подходящих почти к самой трассе канала. О связи этого поселения с Нузкетом говорит и его датировка — X в., в письменных источниках позже X в. Нузкет не упоминается. Наконец, связь с Нузкетом документирует находка конической ручки (от крышки хума) с резным орнаментом в виде винтообразно закручивающегося к вершине меандра. Аналогичная ручка крышки была найдена на одном из тепе в 100—200 м к северу от Нузкета. Таким образом, это поселение относится к группе принузкетских, описанных выше.

Итак, археологический материал участка отражает длительный исторический период, начиная с доскифского времени вплоть до XII в. Если материальная культура кочевников до усуньского времени представлена здесь малочисленными памятниками, так как они, в сущности, не составляли постоянного населения этого района, то остатки культуры усуней представлены весьма богато. Видимо в III в. до н. э.—I в. н. э. на данной территории систематически располагались сезонные стоянки усуней. Поражает почти полное отсутствие согдийского материала, повидимому в эпоху VI—VIII вв. изучаемая территория была областью, занятой тюркскими кочевниками, а согдийцы группировались в отдельных небольших селищах, выросших впоследствии в такие города, как Нузкет. Бедность материала карлукского периода X в., представленного здесь лишь одним селищем, объясняется теми же причинами. Лишь в эпоху XI—XII вв., в караханидский период, характеризующий слиянием согдийцев-земледельцев и кочевников-тюрков, в бывшей тюркской области появляется целый ряд сельских поселений, возникающих, повидимому, на местах прежних стоянок тех же самых тюрков, только осевших на землю и примкнувших к мусульманской культуре городских центров. Но все же это «провинция», и в силу этого материал, оставленный поселениями, беден, однообразен и невыразителен. Для эпохи XIII и последующих веков материала мы не имеем. Разгромленная монголами в 1218 г. и систематически разоряемая джагатаидскими смутами,

жизнь оседлого населения лишь теплилась в некоторых городах-рибатах (напр., Беловодское и Александровское городища). Восстановление части городов во время завоевательных походов Тимура как опорных пунктов для выполнения его военных планов не затронуло бывшей сельской округи, превращенной в огромные пастбища, столь необходимые для стад кочевников Моголистана.

ОТЧЕТЫ IX И X ОТРЯДОВ

(Начальник отряда — Р. П. Свердлов], сотрудники: — Ю. Л. Клименко] и Т. Даниляров)

IX и X отряды проводили работу на север от центра сел. Калининского до границы Киргизии и Казахстана — р. Аспара.

Здесь сильно заболоченная местность, с востока на запад ее пересекает значительное количество ручьев, карасуков и болот.

Из наземных памятников были зарегистрированы около 20 земляных курганов, в числе их цепочка больших курганов, расположенных на север от поселка Каинды.

Коллекционный материал представлен в основном единичными находками фрагментов керамики вне комплексов, погребения и селища зарегистрированы не были.

Лишь на северо-восток от Каинды и на северо-запад от Джаильмы был вскрыт интересный материал, в целом составляющий единый комплекс. На глубине от 0.30 м до 2 м, а в основном на глубине 1.30—1.50 м между двумя заболоченными логами было найдено значительное количество весьма архаической по своему облику керамики. Ни четко выраженного культурного слоя, ни, тем более, остатков жилища обнаружить не удалось. Находки состояли из фрагментов грубых, сделанных от руки сосудов. Вместо глины замешана известковая масса. Сосуды плоскодонные с широким устьем, короткой шейкой и слабо отогнутым венчиком (либо совсем без него).

Орнамент нанесен палочкой или гребенкой либо по венчику, либо на налечном валике, либо пояском под валиком, в редких случаях орнаментирована вся поверхность сосуда. Основные элементы орнамента — елочка, насечки продолговатые, каплевидные и другие, часто под венчиком идет ряд ямок, сделанных палочкой. Два фрагмента горшка были скреплены тоненькой бронзовой полоской — след древнего ремонта сосуда.

Эта керамика, по заключению А. Н. Бернштама, может быть датирована II тысячелетием до н. э., андроновским этапом развития бронзы; наиболее близкие ей аналогии дает Казахстанский очаг бронзовой культуры.

Несколько выделяется группа сосудов, выполненных более высокой техникой. Сосуды эти тонкостенные, хорошего обжига, более

тщательной и тонкой профилировки, ровного черного лощения. Орнамент заполняет, повидимому, всю поверхность и состоит из ромбов, треугольников и тому подобных геометрических фигур, образованных насечками. Эту более совершенную керамику А. Н. Бернштам относит к карасукскому этапу развития бронзы (1200—800 г. до н. э.).

К ранним находкам относится, повидимому, и прясло в виде цветка с лепестками.

На участке обнаружены единичные находки усуньского времени — фрагменты круглодонных сосудов с отпечатками ткани с внутренней стороны, горшков с носиками под закраиной, горшков с петлеобразными ручками и т. д.

К этому же времени относится железный наконечник черенковой трехперой стрелы, найденной к северо-востоку от с. Джаильмы.

Еще более редкими находками представлена керамика тюркского времени; найдены фрагменты толстостенных котлов с вертикально поставленными конусовидными ручками, аналогичные находкам 11-го участка (см. отчет VIII отряда). Зарегистрировано и одно погребение с конем, где найдено бронзовое проволочное кольцо.

К XI—XII вв. мы можем отнести незначительное количество фрагментов керамики, типичной для сельских поселений этого времени (см. отчет VIII отряда). Одно сельское поселение было зарегистрировано на западном конце участка. Материал такой же.

Особняком стоит комплекс, находившийся в 5—6 км на северо-запад от Шиш-тепе, где наряду с неполивной обычного типа для сельских поселений керамикой найден ряд фрагментов пиал, кес и других сосудов с поливой. Полива светложелтая, коричневая, зеленая, белая с черными полосами, с S-образным орнаментом; находки эти датируются XI—XII вв.

Повидимому к этому же времени относится случайно найденная колхозниками бронзовая тарелка с арабской надписью (у с. Каинда); сведения о ней получены со слов колхозников, считать их абсолютно достоверными нельзя.

Таким образом, участок дал материал, отражающий весьма длительный хронологический период со II тысячелетия до н. э. по XI—XII вв. н. э.

Здесь, во II тысячелетии до н. э., у ныне заболоченных озер и ручьев были, повидимому, удобные места для сезонных перекочевков пастухов-скотоводов. Бедность материала для последующего времени объясняется, очевидно, тем, что заболотившаяся впоследствии местность была непригодна для выпаса больших стад кочевников, тем более неудобна она была для возникновения оседлых поселений (последние концентрировались южнее). Лишь отдельные группы усуней, а потом и тюрков, заходили ненадолго в эти места.

Глава II

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК

Десять отрядов экспедиции своими маршрутами и наблюдениями над различными строительными работами в Чуйской долине охватили территорию примерно в 200 км с запада на восток. Это наиболее населенная в древности часть Чуйской долины. Характер памятников и культурных слоев исключительно сложный. В нескольких местах было прослежено, как оседлое население, начиная с V в. н. э., захватывало территории, ранее принадлежавшие кочевникам — сакам и усуням. Это прослеживалось в Сукулукском городище, Александровском и других. Материальная культура кочевников представлена в культурных слоях этих городищ благодаря тому, что оседлые поселения располагались на древних кладбищах кочевников. Строители этих оседлых поселений, разрушая древние могилы, перемешивали остатки древней культуры с более поздними.

В известной степени это относится к памятникам тюркского времени VI—VIII вв. Однако для VI—VIII вв. характерно и другое происхождение памятников кочевой культуры в оседлых поселениях, — в результате прямого сосуществования кочевников как сельской округи оседлых поселений. Особенно это ясно для времени VI—XII вв. и прослежено во многих пунктах (Кара-балты, Александровское городище, Джуль и т.п.). В этих случаях археологи наблюдали погребения, составляющие кладбища, синхронные оседлым поселениям Чуйской долины. Такое одновременное существование оседлых земледельцев и пастухов-скотоводов составляет типичную черту Семиречья.

Другим историко-топографическим наблюдением является связанность оседлых поселений с трасой древней торговой дороги. В этом отношении типичен рост древнего г. Сарыга, предместья которого строились вдоль дороги, ведущей в столицу края XI—XII вв. — г. Баласагун. Восточные города Чуйской долины были явно богаче, чем западные. Последние имели более земледельческий характер (район древнего г. Нузкета). Для мелких поселений между Нузкетом и Сарыгом характерно развитие одного какого-то ремесла (Сукулук — керамическое ремесло, Александровское — железообрабатывающее).¹ Сарыг и Баласагун выступают не только как ремесленные, но и как политические и торговые центры, о чем наглядно говорят их памятники материальной культуры, особенно памятники религии.

Археологические отряды отметили также тяготение оседло-земледельческих центров к средней части подгорья, где «затишают» горные

потоки, уменьшается опасность силей и камнепадов. Этими соображениями руководствовались строители поселений в выборе мест для постройки жилищ и планировки примыкающих к ним пашен. В борьбе за воду они строили различные гидротехнические сооружения, особенно ярко прослеживающиеся в районе древнего Нузкета.

Территория между зоной оседлых поселений древности и каменистым подгорьем продолжала оставаться в руках кочевников. Чем ближе к горам, тем меньше оседлых поселений и больше памятников кочевников.

Археологические отряды сохранили материал как путем сплошного личного обследования, так и путем сбора вещественного материала, поступавшего в результате различных земляных работ в Чуйской долине. Поток материала был значительным, и не всегда археологи могли сопровождать находки требуемыми замерами и записями. В этом отношении коллекции экспедиции 1941 г. составляют нечто среднее между случайными находками и материалами, полученными в результате археологических раскопок. Однако археологи имели возможность увязать те или иные комплексы с тем или иным поселением или древним кладбищем, что намного увеличивало ценность находок и позволило сделать ряд общеисторических выводов. Сами комплексы настолько богаты, памятники представлены столь большими сериями, что их классификация и описание позволяют внести новую страницу в археологию Средней Азии. Поэтому мы сочли целесообразным дать групповую и частную характеристику этих серий находок в нижеследующем тексте. В основу классификации положен хронологический принцип, по периодам. Установлению этих периодов для Семиречья мы посвятили многие наши работы, перечисленные в начале настоящего тома.

Главной задачей нижеследующего текста является прежде всего описание и классификация новых находок, почему аналогии и параллели сведены к минимуму. Надеемся, что к опубликованным материалам археологи еще не раз будут обращаться и тогда будут уточнены наиболее спорные датировки и функции предметов.

§ 1. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ

(Табл. XXIX—XXXVIII)

Памятники эпохи бронзы в подгорной части Чуйской долины были найдены в разных местах, начиная с гребня террасовидного уступа, около западной оконечности сел. Ивановское, вплоть до сс. Джаильма и Каинды и др.

¹ См. табл. LXXXVII—LXXXVIII; ср.: Л. Г. Розина. Железные изделия караханидского периода. Тр. ИЯЛИ Киргостран, вып. 1, 1944, Фрунзе, 1945.

Однако керамика, несомненно относящаяся к эпохе бронзы, была встречена только в районе сс. Джаильма и Каинды.

Обнаруженная на вышеуказанных пунктах керамика залегала в слоях, идущих почти от самого дернового покрова и до глубины 2 м. Все же основная масса керамических находок связана с глубинными отметками 1.30—1.50 м. Иногда попадались группы фрагментов, из которых воссоздавались целые сосуды, иногда только отдельные фрагменты. Так как эти находки в большинстве случаев были обнаружены в отсутствие сотрудников надзора, установить по местам их залегания горизонтальные контуры стоянок и селищ не удалось. Отсутствует ясное представление и о характере вертикальных слоев; и все же о типе стоянок мы можем составить более или менее отчетливое представление.

Места находок керамики расположены по гребням или плоским вершинам небольших водоразделов, отделяющих один ручей от другого. Вся местность, где была обнаружена керамика, представляет собой сравнительно гладкую степь, прорезанную небольшими ручейками, называемыми здесь карасуками. Карасуки берут свое начало от родников, весьма частых в этом районе. Эти карасуки и обильные подпочвенные воды образуют в неглубоких логах, пересекающих степь, болотистые места — сазы, густо поросшие травой и камышом. В отдельных местах сазы превращаются в заболоченные озерки. На увалах, разделяющих эти водоемы, и обнаруживались следы древних стоянок, давших керамику, описываемую ниже. Всего в этом районе было обнаружено 6 основных точек. Географическая характеристика пунктов общая. В основном они расположены между двумя крупными логами, прорезающими степь в меридиональном направлении.

Район распространения керамики эпохи бронзы находится примерно в 6—7 км на северо-восток от поселка Каинды, между поселками Каинда и Джаильма, ближе к последнему. Собранный керамика резко делится на две группы. Первая (более многочисленная группа) представлена фрагментами больших сосудов двух типов (диаметр устья 18—25 см). Форма сосудов первого типа баночная и приближающаяся к полусферической. Один из восстановленных сосудов имел диаметр устья 36 см, дна 10 см, при высоте 30 см. Толщина стенок сосудов варьирует от 6 до 9 мм. Горловина сосуда слабо выражена, также слабо выражен обычно угловой в разрезе, иногда в виде ленты венчик. Сосуды второго типа по форме напоминают только что описанные, но отличаются совершенно иной горловиной. Она представляет резко отогнутую кнаружи закраину без всякого венчика, даже, наоборот, с несколько утончающейся к краю стенкой сосуда.

Сосуды обоих типов лепные, с большой примесью дресвы; излом черный. У большинства сосудов имеется орнамент, расположенный либо непосредственно под основанием горловины на плечиках, либо по закраине. Центральная и нижняя часть сосуда обычно гладкая. Цвет поверхности сосуда и тыльной стороны разный. Поверхность сосудов серого, желтого, светло-розового, коричневого и черного цветов. В последних двух случаях имеются следы затирки. На сосудах часто встречаются дырочки для подвешивания или для скрепления разбитых частей. В одном случае даже сохранилась бронзовая скоба, скреплявшая треснувший сосуд. Как правило, отмеченные сосуды богато покрыты разнообразным орнаментом. Основные элементы орнамента следующие:

1. Насечки стэком в виде вертикально поставленных капель, расположенных параллельно друг другу и вытянутых в пояс.
2. Косые насечки на венчике влево, направо и крест-накрест. Сосуды имеют дырочки для подвешивания.
3. Ромбические насечки на выпуклом пояске, охватывающем горловину сосуда у основания.
4. Насечки елочкой.
5. Насечки елочкой, окомтуренные поверху рядом ямок.
6. Орнамент из кружков, нанесенных заостренной камышинкой.
7. Каплевидные косые и вертикальные насечки.
8. Бугорки, расположенные под закраиной, сделанные палочкой изнутри.

Помимо орнамента данных типов выполненного, как правило, стэком, встречаются и украшения в виде охватывающих тело сосуда рельефных линий или отдельных рельефных отрезков, поставленных наискось.

Вторая группа фрагментов принадлежит также тонкостенным (6—7 мм) сосудам полусферической формы с плоским дном, без венчика, с утончающейся закраиной, но сделанным из теста несравненно лучшего качества. Поверхность сосудов покрыта черным лощением, доведенным до глянца. Диаметр сосуда в среднем 21 см. Отогнутые сверху стенки образуют ярко выраженную цилиндрическую горловину. Эти сосуды покрыты сплошным геометрическим орнаментом, выполненным чеканом и образующим ромбические фигуры. Фигуры заполнены внутри отрезками прямых, а ромбы зажаты между параллельными прямыми. Иногда в орнаменте проходит рельефный пояс. Среди сосудов встречен один с подобным орнаментом, но без черного лощения, причем вписанные друг в друга зигзаги сделаны чеканом.

Эта группа сосудов весьма немногочисленна и сосредоточена лишь в одном месте в районе с. Джаильма.

Таким образом, намечаются две группы керамических изделий эпохи бронзы, явно разновременных. К первой группе относится грубая

по технике выделки керамика с разнообразным орнаментом, исполненным резцом (штамп не употреблялся). Мотивы орнамента архаические: «елочка» и «ямочно-гребенчатый» тип.

Вторая группа состоит из сосудов технически более совершенной выделки, как правило, покрытых черным лощением, с богатым геометрическим орнаментом, почти исключительно выполненным штампом.

В обеих группах формы сосудов, в основном, общие: полусферические, при соотношении дна к устью 1 : 3 и диаметра устья к высоте сосуда 1 : 1, 1 : 2. Горловины цилиндрические, сопряженные со стенками тулова под углом. Венчики отсутствуют или слабо выражены.

Указанное сходство, главным образом общность форм, этих двух групп керамики прежде всего говорит об их родстве и примерной хронологической близости. Правда, резкое различие в технике выполнения отделки и орнаментации заставляет относить вторую группу к несколько более позднему времени.

Керамика второй группы локализована лишь в одном месте, только у поселка Каинды, керамика первой распространена от поселка Джаильма до Каинды. Поэтому мы условимся называть первую группу керамики джайльминской, а вторую каиндинской группой.

Джайльминская и каиндинская группы керамики имеют весьма любопытные аналогии в памятниках эпохи бронзы Казахстана и Сибири, которые помогают уточнить их датировку.¹ В связи с этими возможными аналогиями первую группу мы считаем синхронной андроновскому типу. Однако наличие на некоторых сосудах венчика, утолщенного накладной лентой, заставляют нас приблизить эту керамику к карасукскому времени. Вторую группу, вероятно, следует целиком отнести к карасукскому этапу.

Изделия из бронзы, найденные экспедицией, представлены известными типами орудий: 1) вислообушными топорами; 2) кельтами (?) в виде лопаток; 3) ножами двух типов: с обособленной рукоятью, иногда заостренным концом и монетовидным навершием, с некоторой тенденцией к искривлению, а также аморфными ножами в виде прямых пластин; 4) серпами в виде широких «луновидных» пластин с дыркой на одном конце; 5) наконечниками копий; 6) шильями; 7) пальставами и другими менее выразительными находками.

Перечисленные изделия из бронзы по технике их изготовления распадаются на две группы. Четко выделяются предметы грубого литья с явными следами дополнительной проковки, особенно ярко это заметно на серпах, втором типе ножей и отчасти вислообушных топорах и пальставах. Это позволяет нам отнести данные орудия к более ранней, андроновской

стадии. Орудия более совершенной технической выделки мы относим к карасукской, предскифской стадии. Основанием к этому является, в частности, и то, что в комплексе Джиек вместе со стрелами скифского типа были найдены листовидные наконечники копий, а в аналогичном кургане, вскрытом строительными работами у сел. Кант, граненые и круглые шилья, некоторые из них имели ажурную головку. Характеристике типических черт этих памятников мы уже уделяли внимание в другом месте.¹

К памятникам эпохи бронзы относится и найденная у с. Садовое литейная каменная форма для одновременной отливки двух пальставов.

Широко представлены на трасе и изделия из хорошо зашлифованного камня (песчаник, гранит): песты фаллической формы, мотыгообразные каменные поделки и зернотерки. Часть этих изделий была обнаружена вместе с предметами из бронзы, часть (зернотерки) рядом с керамикой того же времени. Несомненно, что орудия этого типа бытовали и позднее, в эпоху саков.

В тех случаях, когда они обнаружены вне комплекса, датировать их трудно, так как подобные предметы не имеют ясно выраженных черт, указывающих более или менее точно на время их изготовления.

§ 2. САКО-УСУНЬСКАЯ КУЛЬТУРА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

(Табл. XXXIX—XLIII)

а) Инвентарь сакских погребений

(Табл. XXXIX—XLI)

Памятников сакской культуры в обследованном районе было открыто чрезвычайно мало. Объясняется это тем, что в основном саки, видимо, заселяли горные районы — Тянь-шань; в пределах Чуйской долины оставленные ими курганы, как правило, находились ближе к горам. Лишь в одном месте (сел. Джиек) обнаружено сакское погребение, правда, сильно разрушенное. Установить точное местонахождение всех остальных памятников сакской культуры не удалось, так как отдельные предметы попадали в руки работников археологического надзора уже после того, как они были выкопаны из грунта строителями канала.

Все же характерно, что все немногочисленные находки предметов сакского времени (за исключением одной вещи, которая была найдена даже не на трасе канала, а в рядом идущем арыке, из чего следует, что она могла быть занесена сюда водой издалека) обнаружены в части канала, расположенной ближе к горам — Ивановское — Джиек. Это подтвер-

¹ Ср., напр.: О. А. Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. 17, 1948; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, т. 9, М., 1949.

¹ Основные этапы истории культуры Семипечья и Тянь-шаня. Советская археология, XI. Ср. также КСИИМК, XIII.

ждает наше предположение, что памятники сакской культуры тяготеют к горным районам. Характерно, что и ранее известные памятники сакской культуры также были обнаружены в горных долинах (Иссык-куль, Тянь-шань, Верхний Талас).

Могильный инвентарь известных сакских погребений был немногочислен и сводился в основном к круглодонным неорнаментированным сосудам и к бронзовому оружию — ножи и кинжалы. В соответствии с этими скудными данными и приходилось выделять предметы сакской культуры из общего археологического материала, собранного экспедицией. Однако и на самой трассе был выявлен материал, который помог уточнить типические черты, свойственные остаткам сакской культуры.

Так, в районе Джиека было обнаружено потревоженное погребение сакского времени. Здесь была вскрыта могильная яма с сильно нарушенным костяком. Рядом с костяком находились: раздавленный горшок и обломок бронзового ножа. Горшок грубый, ручной лепки, с небольшим носиком. Края горшка несколько вогнуты в середину. Горшок шаровидный. Сосуды такой формы были встречены нами во время раскопок могильника Берккара I в Казахстане. Особенностью джиекского горшка является его асимметричность и то, что он сделан без матерчатого шаблона, столь характерного для усуньской культуры. Наличие в инвентаре бронзового оружия дает основание датировать джиекское погребение VII—V вв. до н. э., что вполне соответствует дате сакских курганов Чимтюе и Айри-там в Верхнем Таласе. Такую датировку джиекского погребения подтверждают и находки в этих районах стрел скифского типа. Описание их будет дано ниже.

Исходя из приведенных данных, мы склонны относить асимметричную посуду усуньского типа, сделанную без матерчатого шаблона, к памятникам сакской поры.

Керамика этого типа в Чуйской долине весьма немногочисленна. К этому времени мы можем с полной уверенностью отнести лишь семь целых сосудов. Все они примерно одной формы — это чаша, приближающаяся к кубкообразным сосудам, стенки ее вытянуты кверху, закраина слегка загнута внутрь. Самые малые сосуды имеют наибольший диаметр тулова — 10 см, устья 8 см при высоте 8 см. Тесто содержит большую примесь дресвы, поверхность розоватая, иногда с серыми пятнами, слегка затертая, но не на всех сосудах. На одной маленькой чашечке (диам. 9.5 см, выс. 5.5 см) легко прослеживается процесс лепки, заметно, что сферическое дно вылеплено отдельно, борта чашечки сделаны лентой из глины.

Более крупные чаши имеют следующие размеры: устье 15 см, наибольший диаметр — 18 см, высота 9 см (Сарыг); чаша, найденная в сел. Александровское, несколько отличается по размерам — устье ее 13 см, наибольший диаметр

18 см, высота 14 см. Большинство сосудов не имеет дополнительных деталей (ручки, носики). Но на одном сосуде на 2.5 см ниже закраины расположен носик (диам. 2 см). На этом же сосуде сохранились следы отбитых ручек (сплошных) в виде арочек. Один из сосудов имеет кубкообразную форму (диам. 18 см, выс. 17 см, устье 14 см), на нем также есть вздернутый кверху носик-слив находки X отряда.

Как уже указывалось, сакские сосуды не орнаментированы. Исключение составляют два сосуда кубкообразной формы, которые явно относятся к керамике рубежа сакского и усуньского периодов. Один из этих сосудов имеет следующие размеры: устье 11 см, диаметр 13 см, высота 14 см (табл. XL, 1). Он имеет плоскую в сечении петлеобразную ручку, расположенную на месте наибольшего диаметра сосуда. Поверхность сосуда грубо затерта и украшена идущими сверху вниз, слегка наискось, красными полосами шириной в 8 мм. Второй сосуд несколько иной формы. Снизу он почти шаровидный, затем стенки его несколько сужаются и к венчику снова расширяются. Три горизонтальных сечения сосуда дают следующие промеры: 13 см, 10.5 см, 11.5 см. На наиболее узкой части заметны следы петлеобразной ручки такого же типа, как и на предыдущем сосуде. Поверхность сохранила также следы затирки и росписи красной краской.

Отмеченные два сосуда с раскраской принадлежат к весьма редким находкам Северной Киргизии.

В южной же Киргизии подобные сосуды очень распространены и представляют собой характерное явление ранней ферганской керамики эпохи Давань. В свою очередь, в Фергане отмечены для этого времени случаи проникновения посуды усуньского типа. Совершенно очевидно, что отмеченные два сосуда являются результатом влияния ферганской культуры на Семиречье, по всей вероятности начавшееся еще с эпохи саков.

Из отдельных находок, относящихся к сако-усуньскому периоду, следует отметить небольшой столик (табл. XL, 6), сделанный из камня-песчаника (Беловодское). Столик представляет собой овальную, слегка углубленную тарелку (27 × 16 см) на четырех массивных ножках (5.5 × 4.5 см). Борта верхней части украшены барельефно сделанными узорами в виде ряда запытых. Таким же орнаментом украшены и ножки столика. Форма столика весьма напоминает форму столиков, обнаруженных в Кенколе, но там они были сделаны из дерева и не орнаментированы. Орнамент описываемого столика напоминает по форме золотые вырезные лепестки из усуньских могильников.

Подобные каменные изделия, явно культового порядка, известны нам по собраниям Алмаатинского музея, часть из них описана в Отчетах Археологической комиссии.

Среди бронзовых вещей сакского времени должны быть отмечены, главным образом, наконечники стрел (табл. ХLI) и обломки ножей и кинжалов.

б) Пряжка со львами и ее дериваты

(Табл. XXXIX, 2, 3)

Быть может, к культуре саков должна быть отнесена исключительно интересная бронзовая бляха, покрытая сложным выпуклым орнаментом. Пряжка почти овальной формы, размеры ее 7.5×6.5 см. Она представляет собой выпуклую литую бляху, слегка вдавленную в верхней части. Ее закраину образует гладкая полоса, заканчивающаяся наверху двумя обращенными друг к другу головами хищников (барс или пантера). Окаймляющая пряжку полоса является как бы стилизованным изображением туловища обоих хищников. Размер голов 1.5×1.2 см. Центр пряжки заполняет геральдическое изображение двух львов. Львы изображены с большой экспрессией, техникой рельефа. Особенно выпукло переданы бедра львов. Хвосты загнуты к туловищу и прилегают к спине, лишь пушистые кончики хвостов примерно у середины спины подняты вверх. Левая передняя лапа одного льва и правая другого приподняты кверху и опираются на стержень (?), проходящий между ними. Другие передние лапы львов упираются в расширяющееся основание этого стержня. Пасти зверей открыты. Хорошо переданы грива и шея, хуже выполнены глаза. Головы львов подходят вплотную к нижней челюсти барсов.

Максимальные размеры изображения львов 2.5×2.5 см. Пространство между хвостами львов и бордюром пряжки заполнено также барельефным изображением, видимо виноградного листа с отрезком лозы. Побег такой же виноградной лозы с симметрично расположенными четырьмя листьями изображен и под ногами львов. В центре листья лозы отделены друг от друга барельефом в виде вертикального отрезка прямой с расширяющимися концами, в свою очередь разделенными на три части.

Описанная выше бляха была найдена на Сукулукском городище, вне современного ей культурного слоя. Дело в том, что позднее она была использована в качестве основы пряжки для пояса. В верхней части между головами барсов была грубо наклепана на двух шпешках небольшая бронзовая пряжка (длина 2.7 см) с овальной рамкой и подвижным язычком. Ниже ее была сделана (не точно по центру) прорезь (1.5×0.3 см) для протягивания ремешка пояса. Судя по форме наклепанной пряжки, «реконструкция» скифской бляхи была произведена не раньше VI в. н. э. Несомненно, что основной интерес представляет не переделка бляхи в пряжку, а ее «скифская» подоснова.

Попутно отметим и дериват только что описанной бляхи, возможно относящийся к более

позднему времени. Вторая бляха найдена в районе сел. Ивановское. По форме она близка к первой, но размеры ее несколько иные: 6.5×5.5 см. Бляха эта отлита из бронзы, почти плоская, с ажурным рисунком, лишь кое-где углубленным резцом. Композиция рисунка также геральдическая. В верхней ее части, как завершение внешнего бордюра, изображены две сильно стилизованные головы животных, очевидно лошадей, судя по контуру, форме ушей и ровно подрезанным чолкам. Средину бляхи представляет вертикально поставленный ствол с тремя рядами расходящихся в стороны отростков, причудливо переплетающихся с линиями, спускающимися от закраины и, быть может, представляющими собой стилизованные изображения ног лошадей. На бляхе имеются круглые отверстия для нашивки.

в) Комплексы усуньской культуры

(Табл. XLII—XLIII)

В несколько большем количестве были собраны вещи, относящиеся к эпохе усуней. Основную часть находок составляет керамика, сконцентрированная на древних поселениях несколько западнее селения Кара-балты.

В основном, собранная коллекция керамических изделий дополняет образцы, известные по собраниям М. В. Воеводского и М. П. Грязнова. Сосуды ручной лепки изготовлены на матерчатом шаблоне, тесто имеет примесь известковой массы.

Собранная экспедицией коллекция керамики представлена, в основном, различными типами чаш и кубков со всеми переходными градациями. Кувшинообразных сосудов с вытянутым горлышком почти нет. Некоторые сосуды, приближающиеся к кувшинам, будут описаны ниже.

Чаши, найденные к северу от сс. Полтавка — Кара-балты, прекрасно выделаны, форма их правильная, полусферическая, средние размеры: диаметр 20 см, высота 10.5 см. К ним примыкают чаши с прямыми стенками и сферическим дном, найденные на 7-м и 10-м стройучастках. Размеры последних несколько меньше: диаметр 13.5—16.5 и высота 9—10 см.

Более многочисленную группу составляют кубкообразные сосуды; чаш в коллекции экспедиции — 6, а кубкообразных сосудов — 12.

Кубкообразные сосуды имеют сферическое дно, шарообразное тулово, слегка сужающуюся горловину, иногда вытянутую немного вверх. Эти сосуды имеют обычно одну петлеобразную ручку. В пропорциях сосуда можно установить определенную закономерность: чем меньше сосуд, тем менее у него профилировано тулово и наоборот. Так, например, малые сосуды имеют диаметр устья 9 см, диаметр тулова 10 см, при высоте 7 см. Большие сосуды — диаметр устья 11, диаметр тулова 17.5, при высоте 17.5 см. В некоторых случаях у кубков этого

типа венчик слегка отогнут кнаружи. Необходимо отметить несколько сосудов, по форме отличающихся от обычного типа: бомбовидные сосуды с короткой горловиной и отогнутым кнаружи венчиком (диам. тулова 8,5 см, выс. 11 см, диам. устья 6 см, высота горловины 1,5 см; Сукулук) и один сосуд грушевидной формы с относительно массивным туловом и вытянутой кверху горловиной (диам. тулова 8,5 см при высоте 12,5 см; к северу от с. Кара-балты).

Отсутствие кувшинообразных форм, широко представленных в керамике из погребений, раскопанных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым, заставляет отнести найденные нами сосуды к категории несколько архаичной, но вряд ли сильно расходящейся во времени с усуньскими погребениями, т. е. позволяет датировать их III в. до н. э.—I—II вв. н. э.

Перейдем к характеристике других остатков материальной культуры, относящихся ко времени усуней.

Прежде всего следует отметить находимые сравнительно часто, а главное распространенные по всей изучаемой территории железные трехреберные черенковые наконечники стрел с длиной боевой части — 3,8 см и черенка — 4,2 см.

Ребра наконечника длиной 2,7 см резко скошены вниз и образуют массивный стержень, который затем небольшим уступом переходит в заостряющийся черенок.

Ко времени усуней относится и одно бронзовое зеркало, судя по его стилистическим особенностям, китайской работы эпохи Хань. Зеркало разбито на четыре куска, центральная часть с пуговкой утрачена. Диаметр зеркала 9 см. По краю проходит выступающий бортик шириной 0,5 см, затем идут два концентрических пояса: первый (к краю) украшен рельефными насечками, на втором — китайская иероглифическая надпись культового содержания. Надпись отлита нечетко и к тому же частично стерта, читается с трудом.

На средней части зеркала находится сложный рисунок, выполненный техникой высокого барельефа, содержание рисунка с трудом поддается расшифровке. Он представляет собой сложное сплетение растительных мотивов (хорошо различается виноградная кисть и плетение лоз), видимо, с остатками изображения какого-то фантастического животного, по всей вероятности дракона.

Очевидно, ко времени усуней относится и ряд отдельных находок, стратиграфия которых точно не выяснена, например часто встречавшиеся зернотерки разных форм и размеров и некоторые изделия из бронзы, найденные на Сукулук.

К группе вещей, связанных по своему происхождению с усунями, но относящихся, быть может, и к более позднему времени надо причислить бронзовые предметы из Сукулук. Это бронзовые шпильки, украшенные изображениями птицы и бубенцы двух видов. Во-пер-

вых, бубенцы (салтовского типа), представляющие собою миниатюрные копии двух скифских котлов, во-вторых, — сферические бубенцы.

Шпильки (табл. XLIII, 3—5) представляют собой бронзовые стерженьки, длиной до 10,5 см, при диаметре 3 мм. Один конец стерженька слегка заострен. На другом конце помещена либо головка птички, либо ее полное изображение.

Птичка обычно уплощенная, реалистически передана лишь шарообразная головка с коротким и тупым носиком. На двух таких изображениях птичек контуры крыльев четко очерчены, на других — крылья как бы сливаются с хвостами. Укажем здесь, что подобные изображения птичек встречаются и на многих глиняных ручках от крышек, описание которых будет дано ниже.

Аналогичные шпильки были найдены М. В. Воеводским и М. П. Грязновым при раскопках чильпекской группы курганов. Однако чильпекская группа курганов, по нашему мнению, относится к более позднему времени, чем основная масса усуньских курганов, что мы уже отмечали в печати. Поэтому указанные аналогии не могут служить основанием для датировки наших находок. Стратиграфия этих предметов в сукулукском комплексе также не ясна. Отмеченные вещи найдены в перемешанных слоях, оплывших и перекопанных. Весьма вероятно, что на гребне холма находился ранний могильник, который впоследствии был застроен более поздними жилыми комплексами (Сукулукское поселение). Указанные навершия, найденные в Сукулук, идут вне усуньского комплекса, а несомненно тяготеют ко времени древнейшего пласта Сукулукского поселения. Предположительно мы можем поэтому отнести указанную группу предметов к первым векам н. э., т. е. к «сарматскому» периоду. Аналогии изображений птиц с такими же на ручках глиняных крышек сосудов нас в этом еще более убеждают.

Однако с этими бронзовыми шпильками связаны и находки бубенцов, представляющих собой миниатюрные копии скифских котлов (табл. XLIII, 1—2.) Найдены бубенцы двух размеров, но конструктивно одного типа — полусферический «котел» укреплен на конической ножке, расширяющейся книзу и образующей плоский круглый ободок, в котором имеются отверстия. На закраине помещены две петлеобразные горизонтально расположенные полукруглые ручки с дырочкой посередине.

Размеры этих миниатюрных котлов: высота 3—2,5 см, диаметр 3,5—3 см, высота ножки 1,2—1 см. Два «котелка», соединенные вместе, и составляют подобие бубенца. Котелки литые. Внутри, на дне, имеется расплющенный шпек — место прикрепления ножки. На расширяющемся основании ножки два отверстия, функция которых нам не ясна. Дно котла снизу в центре несколько утолщено и обведено круглой линией.

Бубенцы второго вида представляют собой шар с диаметром 2.8 см, снизу до половины разрезанный, наверху массивная петелька.

§ 3. СОГДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

(Табл. XLIV—LXIII)

а) Ранние памятники согдийской культуры

В ряде пунктов, особенно в районе Сукулук и отчасти в других местах (Кенбулунь, Ивановское), были обнаружены предметы, этническая принадлежность и время бытования которых не вызвали особых сомнений. Это были вещи V—VII вв. н. э., связанные с согдийской культурой. К этой же коллекции принадлежали и случайные находки в районе строительства железной дороги Фрунзе—Токмак, также поступившие в музей.

Группа описываемых вещей имеет ряд характерных черт, позволяющих установить относительно твердую датировку, что давало возможность датировать и менее типические предметы, стратиграфически с ними связанные.

Из наземных памятников данной культуры прежде всего следует отметить два зороастрийских кладбища с оссуариями семиреченского типа (табл. LXII).

Одно из кладбищ находилось непосредственно у северной стены г. Баласагуна и было прорезано строительством железной дороги Фрунзе—Рыбачье. Кладбище внешне представляет собой группу плоских бугров высотой в среднем 1 м при диаметре у подошвы не более 20 м. Бугры эти расположены в беспорядке вдоль глубокого лога, идущего в меридиональном направлении. Вскрытые строительные бугры не имели следов кладки. На уровне дневной поверхности стояли оссуарии, иногда хумы с костями, т. е. костехранилища, связанные с зороастрийским культом. Неправильная форма этих бугров заставляет предполагать, что это семейные могилы, в которые костехранилища могли быть впущены и позднее основного захоронения. В таких случаях производилась дополнительная присыпка холма. Таким образом, происходило постепенное наращивание этого холма, своеобразного «науса».

Корчаги и оссуарии, вскрытые строительством, не имеют особо отличительных признаков. У корчаг венчик слабо отогнут, и обычно непосредственно под ним идет поясок жгута. Оссуарии овальные, со скудным рисунком из прочерченных линий. Крышки у них сферически-овальные с простыми ручками без налепных украшений. На части таких оссуариев налепные изображения видимо имелись. Так, в музей была передана т. Борзуковым статуэтка, найденная среди раскопанных при строительстве бугров корреспондентом газеты «Советская

Киргизия» т. Декастро. Статуэтка (табл. LXI, 5) представляет собой изображение мужской фигуры (высотой в 10.5 см при максимальной ширине в 3.3 см), выполненной односторонним барельефом. Статуэтка плохо сохранилась, но все же различимы детали. Лицо явно монголоидное, округлых очертаний, хотя и несколько вытянутое (2.5 × 1.5 см). Скулы сильно выдаются. Разрез глаз, слегка опущенных внутренними углами вниз, окаймлен большими, в виде плавной дуги, бровями. С одной стороны сохранились следы выступающего уха. Детали костюма не различимы, конец конического головного убора отломан. В сложенных у пояса руках зажат какой-то предмет (сосуд или свиток?). Ноги слегка согнуты в коленях, ступни с намеченной черточками обувью, очевидно были прижаты к стенке оссуария. На обратной стороне статуэтки различимы места прикрепления ее к оссуарию, сохранились следы замазки швов между статуэткой и стенкой оссуария.

В том же районе, ближе к селу Старая Покровка, во время строительных работ было вскрыто еще несколько подобных бугров. Здесь т. Пасько были обнаружены и доставлены в музей хум, содержащий захоронение, и оссуарий. Размеры хума: высота 55 см, диаметр 44 см, диаметр горловины 29 см. Прямоугольный в сечении венчик, выступающий всего на 2 см, орнаментирован у основания пояском в виде жгута.

Оссуарий, найденный в другом холме, весьма интересен. Размеры его: длина 54 см, ширина 35 см, высота 22 см, высота с крышкой 38 см. Оссуарий в плане овальный, несколько приземистый, массивный. Стенки его абсолютно гладкие, только по краю идет обычного типа жгут, вылепленный пальцами.

Богато орнаментирована крышка оссуария. Детальный осмотр всех оссуариев музея показал, что при лепке крышка составляла одно целое с туловом, а затем отрезалась ножом. Такая же техника выделки была применена при лепке и данного оссуария.

Крышка разбита зубчатыми ребристыми полосами на четыре неравных сектора: два торцовых — узкие, два фасадных — большие. Три сектора покрыты врезными линиями, образующими слабо выраженные ромбические узоры. Центр четвертого (фасадного) сектора занят восьмилепестковой резной розеткой, лепестки которой заканчиваются в углах сектора, по оси каждого лепестка идет прожилка. В сердцевине розетки сферическая шишечка. Оставшиеся свободными поля сектора заполнены резьбой, такой же как и на остальных секторах. Уже после нанесения орнамента в углах торцовых секторов сделаны два сквозных отверстия в форме черенковой стрелы, длиной по 8—8.5 см.

В центре крышки массивная ручка с семью отростками. Техника лепки этой ручки очень

простая. На крышку была наложена глиняная лепешка, которая затем от краев к центру была прижата пальцами, выпирающая между пальцами глиняная масса и образовала отростки.

Обломки оссуариев, хумов и больших горшков с костями в значительном количестве были обнаружены на площадках, расположенных на высокой террасе, поднимающейся над местностью Кенбулунь. Здесь находилось зороастрийское кладбище, известное уже раньше. Кладбище вскрывалось карьерами Кенбулуньского кирпичного завода. Из такого карьера происходит и один оссуарий, хранившийся некоторое время в школе в сел. Ивановское.

Это самый большой (по длинной его оси) из всех нам известных оссуариев. Длина его 73 см, при сравнительно небольшой высоте 29 см и ширине в 30 см. По верхнему краю оссуария идет паз для крышки (сама крышка не сохранилась) и бордюр в виде зубчатых «городков» сасанидского типа. «Городки» имеют от 3 до 6 зубцов, а всего их (больших и малых) по закраине оссуария 25 штук.

Орнаментирована только фасадная сторона. В центре она украшена розеткой из 8 лепестков. Лепестки миндалевидной формы образованы concentрическими прорезными линиями. В сердцевине розетки круглое сквозное отверстие. Листья розетки друг с другом не связаны. Диаметр розетки 21,5 см.

На небольшом расстоянии от центральной розетки имеются еще две круглые розетки диаметром в 14 см. Каждая из них представляет собой два concentрических круга, внутри находится пятилепестковый прорезной цветок. Лепестки цветка дополнены по ободку резными линиями. В одной розетке два лепестка обломаны.

Оссуарии найдены и в других местах, тоже у Кенбулуна, у подножья террасовидного уступа, где на глубине 1,5 м и были найдены два раздавленных оссуария.

Оба они овальные в плане, один несколько больше другого.

Размеры большого оссуария: длина по оси 56 см, ширина 34 см, высота 35 см, высота с крышкой 44 см. Крышка при изготовлении была отрезана от тулова сравнительно высоко, так что отверстие (33 × 21 см) намного меньше основания самого оссуария. Характерно, что жгут, который всегда проходит под самой закраиной оссуария, на данном экземпляре помещен на 6 см ниже обычного. Фасад украшен елочным орнаментом, образующим два треугольника, обращенных своими вершинами друг к другу и лежащими на боку. В трех секторах, образованных этой фигурой, симметрично расположены примитивные рисунки стрел, в четвертом, нижнем, только одна вертикальная черточка.

Отверстия для доступа воздуха находились, видимо, в торцевых (разрушенных) сторонах оссуария.

Второй оссуарий имеет размеры: 35 × 20 × 41 см (с крышкой). На закраине обычная полоска жгута. Фасад разделен елочкой на две половины (сохранилась одна), украшенные тоже резным орнаментом. Центр орнамента образует круглый налест, от которого радиально расходятся резные линии, образующие в краях углы.

Сфероидальная крышка по краю, примыкающему к фасаду, имеет резной орнамент — ряд ромбов. В центре крышки ручка в виде столбика, на котором посажена скульптурка птицы.

Хорошо сделана голова птицы с большим массивным клювом, двумя глазами (ямки) и со своеобразной диадемой в виде ленточки с косыми насечками, к которой прилеплены три кругляшка с точками посередине. Скульптурно даны крылья и хвост (частично обломаны), по столбику ручки со стороны фасада прочерчены трехпалые птичьи лапы.

Киргизы, при первом взгляде на эту скульптуру, определили в ней беркута, своеобразный головной убор, по их словам, изображал шапочку, которой охотник закрывает глаза птицы перед выездом на охоту.

Вторая группа вещей, относимая нами к согдийскому периоду и отличающаяся большой выразительностью, происходит из Сукулук.

Большой интерес представляет миниатюрный четырехгранный обелиск, слегка сужающийся кверху (табл. LV, 3). Обелиск стоит на плоской площадке. С одной стороны его прикреплена вертикальная ручка, овальная в сечении. Вершина обелиска раздваивается и представляет собой как бы два рога, разделенных ложбиной, проходящей вдоль той стороны, где прикреплена ручка. Высота обелиска 17,5 см, среднего сечения 7,5 см.

Все стороны обелиска украшены резным орнаментом. На стороне, противоположной той, где прикреплена ручка, нанесены только вертикальные параллельные линии, между которыми разбросаны ямки. Две примыкающие к ней грани украшены почти одинаковыми изображениями геральдически поставленных птиц, видимо фазанов. На одной грани между фигурами фазанов изображен ствол дерева, крона которого распускается над головами птиц, на другой грани над головами птиц — растительный орнамент, напоминающий гаому. По обеим граням и даже по тулову птиц разбросаны ямки. Последняя грань покрыта орнаментом сложного рисунка. Внизу два небольших стилизованных изображения фазана, поставленных здесь спинами друг к другу, над ними прочерчены спирали, а наверху обелиска, на этой же грани, резными линиями дано изображение фигуры, напоминающей петуха. У вершины обелиска украшения овальных очертаний с точками посередине.

Нижняя площадка украшена меандрического типа орнаментом. Обелиск представляет собой светильник, связанный с зороастрийским куль-

том. Отметим сразу и характерные изображения геральдических фазанов, имеющих аналогии в сасанидских орнаментах на тканях VI—VII вв. В пантеон изображений входит и новый сюжет — горный козел, связанный, вероятно, с тотемистическим пантеоном изображений местного населения. Это скрещение сюжетов наглядно демонстрируется изображениями на одной сферической крышке, также относящейся к предметам, употребляющимся при зороастрийских ритуальных обрядах. Коллекция подобных предметов будет рассмотрена ниже.

Упомянутая только что крышка (табл. LII, 9) — конической формы, диаметр ее 14 см. Крышка имеет прямоугольную в сечении ручку. Высота крышки с ручкой 7 см. Половина крышки отбита. Крышка была расчленена на четыре дугообразные сектора. Полностью сохранился один сектор, частично — два. Один сектор утрачен.

В сохранившемся полностью секторе, изображения сделаны техникой накладных полосок, дополнительно прочерченных резными линиями. Линейной резной техникой сделано изображение горного козла с поднятым небольшим хвостиком и загнутыми назад большими рогами. Горный козел-теке упирается лбом в клюв фазана, туловище и голова которого схематически прочерчены резными линиями. Вместо глаза у фазана ямочка.

Большой интерес представляет сам сюжет изображения. Фазан является священной птицей иранцев.

Среди находок на Сукулукке обращают на себя внимание два скульптурных портрета. Один из них представлен штампом (для оттиска) с изображением головы какой-то царственной особы (табл. L, 1).¹ Второй является налепом на основании вертикальной ручки кувшина (табл. L, 4).² От самого кувшина сохранилась лишь горловина и части плечиков. Кувшин принадлежит к типу грушевидных кувшинов кафыркалинского типа. Аналогичной формы серебряный кувшин был найден в сел. Покровском в кладе, состоящем из вещей византийского происхождения.

Фрагмент кувшина из Сукулукка имеет угловой (в профиль) слив. Ручка в месте прикрепления к закраине горловины украшена тремя налепами. На месте изгиба ручки внизу приделан выдающийся бугорок, имеющий характер пяты. На горловине по оси слива идет накладная полоска, на которой нанесен орнамент елочкой. Низ горловины охватывают две полоски врезанного орнамента в виде зигзагообразной линии. Орнамент сделан весьма тщательно, путем выемки острым резцом маленьких уголков.

¹ А. Н. Бернштам. Образ сасанидского царя в сукулукской терракоте. КСИИМК, XXIII.

² А. Н. Бернштам. Буддийская терракота из Сукулукка. КСИИМК, XIV.

На основании ручки налепен скульптурный портрет. Эта голова по исключительно благородной трактовке напоминает тип гандарских портретных изображений.

Трактовка черт лица этого скульптурного изображения — античная. Маленький рот, нос, линия которого не выступает дальше линии лба, несколько выступающие вперед, прямо поставленные глаза с большим разрезом, высокие, большие, плавной дугой изогнутые брови.

На голове богатый убор. Внизу убор украшен рядом крупных рельефных черточек, выше убор гладкий, увенчан он круглым налепом. Отдельные черты лица и головного убора этого портретного изображения по тщательности выполнения согласуются с прекрасно сделанным в техническом отношении кувшином, покрытым светложелтым ангобом.

Из Сукулукка происходят также два предмета, связанные со строительным делом (табл. LXI). Первый представляет собой штамп для оттиска орнамента на гипсовом тесте. Штамп (табл. LXI, 2) овальный, одна сторона, на которой вырезан орнамент, ровная, тыльная сторона слабосферическая и имеет массивную ручку. Орнамент симметричный, геометрический, в виде бугорков и завиточков с плавно изгибающимися отростками. Штамп глиняный с примесью шамота.

Второй предмет — терракотовая плитка (табл. LXI, 3), сохранился только фрагмент ее (несколько больше четверти). Толщина плитки 3 см, предполагаемые размеры 28 × 28 см. Край плитки окаймлен бордюром. Всю плоскость занимают концентрические круги с выпуклыми горошинками между ними. Центр занят многолепестковым цветком типа лотоса. Углы плитки — между бордюром и кругом — заняты рисунком, состоящим из трех лепестков, одного короткого в центре и двух длинных с боков. Орнамент отличается большим изяществом и заполняет всю площадь плитки. Ближайшей аналогией данного орнамента является сасанидский круг на памятниках VI—VII вв. Подобные плитки были найдены при наших раскопках Тараза в 1938 г., но там они круглой формы. Серия таких же плиток, собранная М. Е. Массоном на городище древнего Тараза, хранится в археологическом кабинете САГУ.

Как видим, отмеченные находки из Сукулукка относятся к V—VII вв. н. э., во всяком случае, ни одну из них нельзя связать со временем позже VIII в. н. э. Перечисленные предметы были найдены на одних горизонтах с массой других находок, анализ которых мы даем ниже. На основании аналогии, легко проводимой между этими находками и остатками согдийской культуры, и, в частности, на основании изложенных данных мы относим соответственный слой Сукулукка к согдийской эпохе.

б) Образ согдийца в Сукулукской терракоте

(Табл. LI—LII)

В Сукулук собраны целая коллекция разнообразных статуэток. Среди них обращает на себя внимание ряд статуэток, изображающих более или менее реалистически или очень стилизованно человека и различных животных.¹

По типу изображения и технике выполнения статуэтки могут быть распределены на следующие группы:

1) Изображение старца с бородой. Техника — скульптурный рельеф и резьба.

2) Такие же изображения старца, но сильно стилизованные. Грубая лепка.

3) Скульптурные и резные изображения животных с человеческими головами.

4) Изображения человеческого лица, явно восходящие к мифическим образам.

Среди первой группы прежде всего необходимо отметить антропоморфный сосуд в виде человеческой фигуры (табл. LI, 1). Высота сосуда 19,5 см. Сосуд резко делится на две части: на тулово и горловину. Тулово шарообразное, диаметр его 13 см, при высоте 12 см. Горловина цилиндрическая, вверху она срезана наискось, так что один ее край (передний) выше другого на 3,5 см. Диаметр горловины 7,5 см, наибольшая высота ее тоже 7,5 см. Толщина стенок сосуда до 0,5 см.

Передняя часть сосуда изображает мужскую фигуру. Лицо расположено на приподнятой части горловины. На 4 мм ниже закраины идет диадема, опоясывающая немного больше половины горловины. Ширина диадемы 1,2 см, она украшена орнаментом в виде прочерченных углов, в центре каждого угла небольшая черточка. По бокам диадемы спускаются две полосы, левая полоса украшена вертикальной врезанной линией, правая — двумя такими же линиями. Эти полосы как бы прикрывают уши изображаемого человеческого лица.

Нос, так называемого «греческого типа», передан рельефной полосой, начинающейся от центра диадемы, он составляет со лбом прямую линию.

Глаза и рот выполнены одной техникой, путем наложения полоски шириной в 3 мм. Глаза миндалевидные, заостряющиеся к внешнему краю. Зрачки в виде круглых бугорков помещены ближе к внутреннему краю. Рот полуоткрыт.

Непосредственно под нижней губой длинная (4,2 см) клиновидная борода, сделанная также налепом глиняной полосы с вертикальными волнисто прочерченными линиями, подражающими курчавым волосам.

Тулово сосуда имитирует туловище человека, причем это достигается весьма простым приемом. От плечиков сосуда (у места соединения горловины сосуда с туловом) идут ребристые вы-

ступы, изображающие руки человека, сходящиеся у пояса.

В этом месте сосуд несколько попорчен, но ясно, что руки держали какой-то предмет, вероятно сосуд, от нижней части его сохранились следы.

Весь сосуд исполнен лепной техникой, поверхность его залощена. Цвет сосуда сверху коричневый, книзу постепенно переходящий в красный. Дно сосуда плоское и в середине даже слегка вогнутое. На задней стороне сосуда сохранились следы коפות.

К только что описанному сосуду близко примыкает массивная статуэтка, изображающая такого же старца (табл. LI, 2). На статуэтке особенно тщательно сделана голова, более схематично — туловище со сложенными у пояса руками, держащими видимо чашу. Совсем условно переданы непропорционально короткие и массивные ноги. Задняя сторона статуэтки почти гладкая, хотя на ней различимы следы заглаженного, также человеческого, изображения. Высота статуэтки 18 см, наибольшая ширина 8,5 см, средняя толщина 4,5 см.

На голове изображения имеется три выступа, украшенные в вертикальном направлении резными линиями, очевидно диадема. Брови дугообразные, сильно изогнуты. Глаза и щеки несколько вдавлены, что увеличивает размеры и без того сильно выступающего длинного носа. Виски и щеки покрыты косыми насечками, имитирующими баки, переходящие затем в усы и клиновидную бороду (длина бороды 5 см, при высоте лица тоже 5 см).

Глаза миндалевидные, накладные, дополнительно прочерченные резными линиями. Свообразно подчеркнуты и крылья носа — углублениями из трех углов расположенных точек. Рот маленький и сделан в виде налета на бороду. Уши отбиты, очевидно они были выступающими, рельефными. Остались следы дырочек у мочки уха. Согнутые на животе руки прочерчены еще узким желобком.

К этой же группе принадлежит и третья массивная статуэтка (табл. LI, 4), представляющая собой как бы четырехгранную пирамиду, верхняя часть которой, отделенная от большей нижней желобком, образующим шею, изображает человеческое лицо.

Общая высота статуэтки 15,5 см, высота лица 7 см, ширина основания 7 см, толщина 8 см. Форма лица приближается к овалу, верх заострен и украшен вертикальными черточками, в нижней части лица такие же черточки изображают бороду и баки. Брови переданы дугообразными линиями, глаза миндалевидные — также с точками в центре вместо зрачков. Глаза и щеки, так же как и на второй статуэтке, вдавлены. Нос выступающий. Рот маленький, передан глубоко врезанной линией.

Массивное туловище имело два вертикальных выступа, ныне сбитые, но, видимо, представлявшие руки. Тип лица схож с лицами первых двух статуэток.

¹ Часть их опубликована нами в статье «Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины», КСИИМК, XVII.

Вторая группа может быть охарактеризована двумя нижеописываемыми фигурками (табл. LI, 3 и 5). Они представляют собой массивные глиняные песты.

У одной из этих статуэток-пестов основание сильно расширено, нижняя поверхность слегка сферическая. Высота этой статуэтки 9 см, изображает она мужскую фигуру. Лицо сделано путем зажима пальцами, отчего образовался выступающий нос и вдавленные щеки. Глаза выделены лишь бровями — валиками, изогнутыми в виде запятых. Нос внизу подрезан, на подбородке имеется выступ, долженствующий, видимо, изображать бороду. Короткие руки сложены на животе и держат, по всей вероятности, чащу. У сгиба локтей имеются выпуклые нащелки непонятного назначения. Весьма интересна рельефная вертикальная полоска сзади фигурки. На полоске — наклонные насечки, придающие рельефу вид косы.

На второй статуэтке (высота 14 см) все детали отсутствуют, лицо, главным образом нос, даны тем же приемом, путем зажима двумя пальцами верхней части болванки, маленькая черточка отделяет нос от подбородка, возможно, одновременно исполняя роль очертания рта. В боках статуэтки на высоте 5,5 см стержнем проделано круглое сквозное отверстие, от которого на тыльной стороне образовался слабо заметный валик. Описанная статуэтка имеет квадратное сечение и также сделана из глины с дресвой.

С этими двумя статуэтками могут быть связаны и две другие поделки в форме пестов, не имеющих на себе никаких изображений.

Статуэтки третьей (табл. LII) группы также весьма схематичны. Если на статуэтках второй группы схематические изображения сделаны путем лепки, то на статуэтках данной группы изображения нанесены минимальной резьбой.

Эти статуэтки представляют собой животных с человеческими головами, своеобразное грубое изображение зороастрийского божества Гопатшаха (табл. LII, 2, 3).

Человеческие лица этих изображений плоские, овальной формы (высота 7 см), сверху и снизу они заострены (борода?). Скульптурно передан лишь нос — сильно выступающий, с горбинкой, слегка опущенный вниз. Брови — изогнутые резные линии, резными же линиями даны глаза, на одной статуэтке — миндалевидные, на другой круглые, зрачки в виде глубоких, круглых ямок. Рот — сильно врезанная короткая черточка. Неглубокими ямками даны и ноздри. В одном случае на лбу, у переносицы, также имеется ямка.

К четвертой группе мы отнесли изображения, не имеющие в нашей коллекции аналогий. Первое изображение (табл. LII, 1) представляет собой мужскую голову (12 × 8,5 см), являющуюся частью какого-то предмета. Голова выполнена в манере плоского рельефа с дополнениями глубокой резьбой.

Лицо почти квадратное. Нижняя часть слегка заострена — видимо она должна изображать бороду, хотя последняя не прочерчена, как на статуэтках первой группы, к тому же заостренный конец обломан. На голове трехрогая корона (левый рог отломан), по основанию которой проходит венец, украшенный выступающими вперед вертикальными зубцами. Брови и нос даны одной выпуклой линией. Кончик носа отбит. Очертания миндалевидных глаз врезаны, глаза очень крупные, сделаны из налепного валика, вставленного в разрез кружком, который образует зрачок. Под носом усы в виде длинного жгута, рассеченного косыми нарезками, симметрично направленными с обеих сторон ко рту. Рот маленький — углубление на невысоком бугорке. Уши не обозначены.

Расширяющаяся книзу шея соединялась, видимо, с массивным основанием или продолжением статуэтки. Описанное изображение по стилистическим особенностям можно сопоставить с изображением лица на самаркандском оссуарии, о котором упоминает Н. Веселовский (находится в Эрмитаже). Н. Дьяконова изображение лица на оссуарии сопоставляет с мифическим образом Зохака¹ (табл. LII, 1).

Второе лицо — маска, сделанная также из глины, поверхность красного цвета. Лицо сохранилось наполовину, только верхняя часть. Размеры уцелевшего фрагмента 11 × 11 см, толщина 6 см. Задняя поверхность гладкая. Низкий лоб убегает назад. Лицо вдавленное. Нос начинается на уровне бровей, у ноздрей слегка расширяется. Глаза даны утрированно, выпукло, в виде конических бугорков без всякой дополнительной прорисовки. Высота глаза 2 см. Лицо весьма напоминает схему римских масок, или даже минусинские поздние гипсовые маски (табл. LII, 10).

Все вышеописанные статуэтки, как мы уже говорили, происходят из Сукулук.

Отметим здесь же антропоморфное изображение, обнаруженное в Беловодской крепости (табл. LII, 11). Оно изображает скульптурно выполненную голову, в основе голову человека, но дополненную атрибутами животного. Голова (10 × 11,5 см) закреплена на длинной шее, полый внутри, соединявшейся прежде с сосудом. Совершенно очевидно, что это часть водолея. На фрагментах сохранились следы отбитой ручки.

Лицо слегка суживается книзу. Рот напоминает «пяточок» свиньи, на «пяточке» четыре отверстия для слива жидкости, вытекавшей по горлу из сосуда, к которому это скульптурное изображение было прикреплено. На лбу выступающий кверху рог, конец которого обломан. Глаза даны круглыми налестками и частично покрыты стеклянной глазурью. Длинный нос заканчивается внизу ямками (ноздри).

¹ ТОВ, III.

Рельефно даны уши, над которыми сохранились основания обломанных рогов. На темени след прикрепления ручки, такой же след сохранился у основания шеи. По гребню шеи идет ряд каких-то выступов, концы которых обломаны. Вся поверхность терракоты затерта желтой глиной. Тесто в изломе красное, сравнительно чистое.

в) Культурные атрибуты семире-
ченского зороастризма

(Табл. LIII—LIX)

На территории Сукулукского городища, главным образом в центральных его слоях, относящихся к согдийскому и частично к карлукскому периодам, была найдена серия предметов, назначение которых удалось определить лишь после тщательного анализа.

Речь идет о многочисленных находках полусферических крышек (табл. LVII—LIX), светильников (табл. LV—LVI) и загадочных предметов, представляющих собой грубо сделанные массивные фигурки животных, порой эти фигурки настолько стилизованы (табл. LIII—LIV), что опознать кого именно они изображают можно лишь при сопоставлении со статуэтками, выполненными более реалистически.

Всю эту группу предметов связывает не только происхождение из одного комплекса, но и тот факт, что все они сохранили на себе следы копоти и выполнены одной и той же техникой. Эти фигурки и светильники сделаны из глины с большой примесью дресвы, а иногда и шамота, и те и другие грубой ручной лепки.

Значительно меньше примеси дресвы, и то только мелко истолченной, в глиняном тесте, из которого вылеплены крышки. Связывает этот комплекс и общая орнаментация, сюжет которой будет подробно разобран ниже.

При первом же взгляде на все перечисленные предметы обращает на себя внимание характер их закопченности. Следы копоти на всех предметах расположены весьма неравномерно.

Совершенно очевидно, что копоть покрывала предмет с той или иной стороны в зависимости от разных причин: конечно, прежде всего тут играло роль положение, в котором данный предмет находился по отношению к источнику огня, в каком направлении была тяга огня и как, в связи с этим, изменялось направление пламени. В расположении следов копоти на всех предметах устанавливается определенная закономерность. На статуэтках животных копоть более интенсивно покрывала переднюю, наиболее высокую часть статуэток, на крышках она больше всего сконцентрирована в середине крышки, на внутренней стороне.

Вместе со сферическими крышками были найдены и плоские круглые крышки, несомненно прикрывавшие сосуды. Эти плоские крышки сосудов обычно закопчены сверху и резко отличаются от сферических крышек. Если последние были бы крышками сосудов,

то почему у них копоть внутри, в самом центре? Совершенно очевидно, что сферические крышки, закопченные в центре на тыльной стороне, прикрывали не сосуды для варки пищи, а источник огня. Источник огня был сравнительно сконцентрированным, так как площадь, отмеченная копотью, намного меньше площади крышки.

Таким вместилищем огня могли явиться найденные здесь же в большом количестве светильники, диаметр вместилища огня которых намного меньше диаметра крышки.

Крышка несомненно неплотно прикрывала светильник. В противном случае она, прежде всего, изолировала бы доступ воздуха, и огонь в светильнике должен был бы непременно погаснуть. Во-вторых, как указывалось выше, крышка сильно закопчена в центре, но и остальная поверхность ее покрыта менее интенсивными слоями копоти, что явилось результатом колебания языка пламени при движении воздуха. Значит, крышка была неплотно прижата к светильнику, она была водружена над светильником на постаменте, между которыми свободно проходил воздух. Такими постамен-тами могли быть и были зооморфные статуэтки и их дериваты. Они ставились фасадной стороной к светильнику или другому вместилищу огня (поэтому у них и закопчена более интенсивно фасадная часть), а на них опирались края крышки. Таким образом, крышки, светильники, статуэтки составляют единый комплекс.

Богатый орнамент на всех этих предметах, разнообразие зооморфных сюжетов, сложность всей конструкции, исключая возможность восприятия всего этого комплекса как чисто бытового, позволяют категорически утверждать, что мы здесь имеем дело с культовыми аксессуарами, связанными с культом огня. Как мы покажем ниже, это была часть своеобразного ритуала шаманистско-зороастрийского культа, имевшего в условиях Семиречья свои особенности, подобно тому, как мавераннахрский зороастризм имел свои особенности по сравнению с зороастризмом иранским.¹ Прежде чем перейти к характеристике этого культа и его особенностей, остановимся на описании этих трех групп предметов: статуэток-подставок, крышек и светильников. Начнем с наиболее разнообразной группы — со статуэток.

Группа зооморфных статуэток, обнаруженная экспедицией, весьма значительна. По существу, вся эта коллекция в основном происходит из Сукулук. Лишь отдельные экземпляры найдены в других древних культурных центрах (Александровское городище, Беловодская крепость). Часть статуэток из Сукулук была в употреблении, другая еще

¹ В специальных работах мы уже сопоставляли изображения зооморфных статуэток с вещами из Семиречья скифского цикла. См нашу статью в сб. Сов. Археология, XI, а также наш труд: «История изобразительного искусства Киргизстана» Рефераты ОИФ, М-Л, 1947.

не была использована. Очевидно здесь был храм огня, возле которого продавались и готовые подставки.

Значительная часть статуэток выполнена грубо условно, схематично, и, как мы указали выше, содержание изображений распознается только при сопоставлении с более реалистическими изображениями. Последние представлены несколькими интересными экземплярами.

В зависимости от степени стилизации, статуэтки могут быть разбиты на 6 категорий. К первой категории относятся условно реалистические изображения животных (табл. LIII—LIV). Статуэтка (табл. LIII, 1) представляет собой массивную фигуру крупного, по всей вероятности рогатого животного. Передние и задние ноги даны отдельно, но каждая пара ног разделена лишь вертикальной резной чертой. Ноги покрыты горизонтальными глубокими насечками, а внешний контур ног и живота покрыт линией орнамента, составленного из кружков, сделанных пунцоном, бока дополнительно прочерчены двумя резными линиями. Судя по характеру оттиска, пунцион заменяла отточенная камышинка. Голова сделана грубо, морда выступает вперед, рога (уши?) высоко подняты вверх. Пространство между рогами заполнено такими же кружками, сделанными пунцоном. Два из них имитируют глаза, два других расположены по оси носа на темени. Непосредственно от головы отходит один конец дугообразной ручки, другой конец которой упирался в приподнятый круп животного. Однако вторая половина ручки отломана и утеряна.

Ручка четырехугольная в сечении, каждая из ее внешних сторон покрыта одним рядом ямочек. Размеры статуэтки: длина 18 см, высота (с ручкой) 17 см, ширина 6 см.

Аналогична только что описанной и другая статуэтка (табл. LIII, 3) меньших размеров ($10 \times 8 \times 4$ см), но той же конструкции. В отличие от первой, на голове животного имеются только два кружка, явно изображающие глаза — круглые налепы, вдавленные в середине. Статуэтки эти лепились из одного куска, затем к ним примазывалась ручка. Кстати сказать, что на всех находках ручки отбиты.

Вторую категорию составляют статуэтки, у которых хорошо различимы формы туловища животного, но отсутствуют изображения головы. На одной статуэтке туловище трактовано весьма реалистически. Оно округло, массивно, кажется скульптор хотел изобразить жеребую лошадь или стельную корову. Однако передние и задние ноги статуэтки переданы уже далеко не реалистично. Они уплощены и как бы искусственно приставлены к туловищу, хотя на них и проведены вертикальные черточки, долженствующие воспроизводить ноги животного. Передняя часть резко вытянута

вверх и отдаленно имитирует голову. На спине имеется такая же ручка, как и на статуэтках первой группы, большая часть ее отбита.

Почти все эти статуэтки орнаментированы. Так, на статуэтке, изображенной на табл. LIV, 3, орнамент состоит из резных «елочек» с центральным стволем. Спереди и сзади по две вертикальных «елочки», на спине и боках по одной горизонтальной. На боковых площадях переднего фасада также имеется по одной «елочке». Размеры статуэтки $15 \times 15 \times 7$ см.

Отмеченный только что орнамент елочкой характерен для всей этой группы, но иногда он дополняется другими элементами. Так, например, на статуэтке, представленной на табл. LIII, 4 (высота сохранившейся части 20 см, при длине 13—14 см), выдающаяся вперед часть, изображающая, очевидно, голову, на верхнем срезе имеет два круглые налепы, имитирующие глаза, над глазами слабые выступы (рога?), а на обратной стороне (затылке) также накладка в виде треугольника. Бока прочерчены овальными линиями, остальное пространство покрыто елочкой.

Третью категорию составляют статуэтки, стоящие на дальнейшем этапе стилизации. Здесь уже отсутствует сколько-нибудь реалистическая трактовка туловища животного. Сохранились лишь обобщенно трактованные две пары ног. Разделены они друг от друга глубокими вмятинами, сделанными просто пальцем. Характерно весьма короткое и низкое туловище при относительно высоко приподнятой выступающей части, изображающей голову. Так, например, общая длина одной статуэтки 9.5 см, высота с ручкой 7.5 см, а высота выступающей части 15 см.

Характерной чертой третьей группы является гладкая неорнаментированная выступающая часть (что также имело место во второй группе) и преобладание резного меандрового орнамента на остальной поверхности: линии меандра массивных очертаний либо зажаты между параллельными отрезками, либо окаймляют центральную линию, украшенную елочкой. Встречаются меандровые линии без окаймляющих гладких линий, обращенные друг к другу вогнутыми частями так, что при этом образуются крестовидные формы. В некоторых случаях эти основные формы орнамента дополнены резными линиями в виде штрихов или резных глубоких черточек. Имеются и гладкие неорнаментированные экземпляры.

Четвертую категорию образуют статуэтки, в которых одна прямоугольная часть вытянута вверх, а другая заканчивается треугольником, иногда с резными краями наподобие древесного листа, и загнута назад до соединения с первой стороной, образуя, таким образом, ручку. Эта загнутая часть (в третьей группе мы видели, что на выступающей части, там где должна была находиться голова животного, уже отсутствовал орнамент) богато покрыта

орнаментом. Тип орнамента тот же: резные линии елочкой или линии меандра, зажатые между параллельными прямыми. Здесь эти два вида орнамента дополнены еще более или менее глубокими ямками. Некоторые статуэтки совсем не орнаментированы. Среди поделок этой группы имеются и такие, у которых задняя сторона заострена, но не загнута (в этих случаях имеется особо сделанная ручка), а орнамент состоит из налестных кружков. Размеры этих постаментов: длина 9 см, ширина также 9 см, высота (сохранившаяся) 12 см.

Пятую категорию составляют постаменты еще более стилизованные. Они имеют высоко поднятый фасад при низком и потерявшем хоть сколько-нибудь реалистические черты основании.

Два фрагмента таких постаментов (табл. LV, 4, 5) покрыты орнаментом из резных линий; на одном из них между линиями нанесены точки. Расположение орнамента таково: по краям фасада идут вертикальные линии и на них опираются плавно провисающие книзу такие же резные линии. Разделка фасадной части напоминает какую-то архитектурную конструкцию. Центр фасада очевидно венчала головка животного (сохранившаяся на одном экземпляре). Размеры постаментов: длина 5,5, ширина 7, высота 11 см.

Последнюю, шестую, категорию составляют постаменты, доведенные до крайней степени стилизации. На массивном основании выступают два рога, иногда соединенные ручкой. В других случаях — это глиняные столбики с развилкой в верхней части. Размеры одного такого столбика: высота 11 см, при диаметре основания до 5 см. Кверху столбик несколько суживается. Сбоку имеются следы ручки, ныне утерянной. Покрыт столбик орнаментом в виде кружков.

Другой аналогичный постамент украшен орнаментом из двух концентрических колец с точкой посредине.

Часть постаментов этой группы совсем лишена орнамента, часть покрыта скудным елочным рисунком.

Вне указанных категорий следует отметить еще два постаменты, выделяющиеся среди только что описанных.

Первый представляет собой массивную фигурку животного, длиной в 20 см, при ширине 8 см и высоте 11 см. Фигурка имеет выгнутое кверху туловище, ноги отчетливо делятся на две пары — передние и задние. С одной стороны идет плавно изогнутая книзу полоса, упирающаяся в основание передних ног. По общему облику эта массивная поделка напоминает фигуру слона.

Второй постамент, сделанный в той же технике, что и все вышеописанные, представляет массивный глиняный пласт, слегка выгнутый кнаружи, одна сторона его гладкая, другая, в центре которой имеется массивная

ручка, покрыта резным орнаментом. Посредине пласта и по ручке проходит елочка, по обеим сторонам — дугообразные линии. Слева промежутки между дугообразными линиями заполнены вертикальными резными линиями. Торцовые стороны украшены вертикальными елочками.

Размеры предмета 19 см по основанию и 14 по верху, высота 11,5 см, толщина по основанию 7 см, по верху 4,5 см.

Вторую группу предметов, связанных с зороастрийским культом, составляют обломки сферических крышек, украшенных обычно ручками в виде головок птиц и животных.

Коллекция сферических крышек с зооморфным сюжетом ручек может быть расчленена на три основные категории, отличающиеся каждая друг от друга типом изображенного животного (табл. LVII—LIX).

К наиболее многочисленной категории принадлежат крышки с изображением птиц. В центре крышки поднимается массивный столбик диаметром 3,5 см. Середина этого столбика вдавлена, а края образованной чашечки разделены на четыре части (сектора). Одна из этих частей вытянута вверх и изображает головку птицы. На некоторых экземплярах сделана выемка, чтобы показать раскрытый клюв птицы, маленькими ямками отмечены глаза (табл. LVII, 3). Вторая пара секторов слегка заострена к концу и имитирует крылья, поверхность которых украшена косыми насечками — перья крыла, четвертый сектор заострен и изображает хвост (табл. LVII, 1).

Наблюдается и несколько иная техника. На массивной колонке дано схематическое изображение птицы в полете, по оси туловища проходит гребень, от которого идут по четыре насечки, изображающие маховые перья.

Размеры фигурок птиц примерно одни и те же; они колеблются от 5 до 6 см, при высоте всей ручки в 5,5 см.

Изображения птичек настолько обобщены и схематичны, что распознать породу птицы невозможно. Характерна в них собранность тулова, короткий клюв и маленькая головка.

Орнамент на крышках с изображениями птиц — резной, растительный и геометризованный, иногда дополненный вдавленными ямками. Расположение орнамента — круговое, ручка занимает в орнаменте центральное положение.

К этой же группе изображений птиц хотелось бы отнести и бубенцы, представляющие собой глиняный шар, на который насажена головка птички. Такие бубенцы были найдены при раскопках Тараза в 1938 г. в согдийском слое и датировались V—VII вв. н. э. (ср. табл. LII, 7)

Вторую, тоже количественно значительную, категорию составляют крышки с изображением какого-то мифического существа. На этих крышках также от центра поднимается колонка, но менее массивная — диаметром

в 3 см. Вершина колонки разделена на три сектора, два из которых образуют длинные уши животного, а третий — морду. Уши подняты вверх и широко расставлены, по пропорциональному отношению к величине морды и по постановке и расположению они весьма напоминают уши осла или мула (длина ушей 2.5 см, длина морды 3.5). Сходство с этим видом животных подкрепляет и длинная морда. Этими схематическими чертами и ограничивалось изображение животного.

Но есть и более детализированные изображения. Например на некоторых экземплярах прочерчен рот, двумя ямками намечены ноздри, круглыми налепами с ямками посередине показаны глаза (табл. LVII, 5).

Крышки с подобными изображениями орнаментированы обычно радиально расходящимися елочками, отделенными друг от друга рядами кружков, сделанных пунцом. Имеется орнамент в виде вдавленных ложбинок, иногда высокая ручка (табл. LVII, 6), достигающая до 6.5 см, стоит на круглом основании, края которого отделаны косыми зубцами.

Третью — малочисленную категорию — составляют крышки с головками, напоминающие голову верблюда (табл. LVIII, 1, 2). Массивная ручка конусообразно суживается кверху (диаметр основания 5 см, диаметр верхней части 3.5 см, при высоте 5.5 см). Голова животного часто без ушей, иногда уши слабо намечены. Морда тупая, короткая. Слегка прочерчена сжатая пасть. Глаза сделаны пунцом или круглыми налепами. Иногда имеется такой же налест сзади. Сама ручка украшена резным орнаментом из вертикальных и резных полос с каплевидными черточками. Крышка тоже орнаментирована. В одном случае головка возвышается на круглом зубчатом основании.

Особняком стоит одна крышка, украшенная орнаментом пунцом, в центре которой лежит животное, скорее всего баран.

Этими тремя группами не исчерпываются типы ручек на сферических крышках. Целая серия этих крышек имеет ручки, в которых уже нельзя найти первоначального реалистического образа, они относятся явно к более позднему времени.

Эти крышки имеют ручки следующих типов:

1. Ручка наверху закруглена и имеет круглые нащепки, закрывающие всю верхнюю плоскость. Количество нащепок от 5 до 6, вероятно, они имитируют животных третьей зооморфной категории.

2. Ручки с двумя или с большим количеством рогов, близкие к первой и второй зооморфным категориям.

3. Ручки с отростками. Один отросток поднят вверх, другие расходятся в стороны (до 6). Есть экземпляры только с двумя поднятыми вверх отростками. По типу изображений эти ручки следует сопоставить скорее всего с первой и второй зооморфными категориями.

4. Ручки в виде столбика, верхняя часть которого либо плоская, либо вогнута в середину и образует чашечку, либо заканчивается петлей или шишечкой разных размеров.

Следует отметить, что крышки с только что описанными ручками геометрических форм конструктивно делятся на два вида: гладкие сферические и крышки, имеющие в верхней части небольшое возвышение с зубчатым краем. Никакой закономерности в связи форм ручек с типом самих крышек установить не удалось. Не наблюдается закономерной связи и между формами ручек, типом крышек и характером орнамента. По сюжету, расположению и технике орнамент на крышках можно разделить на три типа. Во-первых, орнамент, нанесенный резными тонкими линиями и вдавленными полосами; во-вторых, орнамент с растительным сюжетом (непрерывный побег), правда, всегда зажатый геометрическими фигурами, или чисто геометрический орнамент; в-третьих, орнамент, расположенный либо в концентрических кругах, либо в отчетливо ограниченных секторах.

Кроме резьбы наблюдается редкое употребление пунца.

Третью группу вещей, восходящих к зороастрийскому ритуалу, составляют светильники-аташданы (табл. LV—LVI), большая часть которых была обнаружена также в Сукулукке, но отдельные находки известны и по другим городицам и древним населенным местам (Александровское городище, район г. Фрунзе — 6-й стройучасток, г. Сарыг и др.).

Светильники делятся на три типа.

Первый, с нашей точки зрения наиболее архаичный тип представлен светильниками на трех ножках. Второй тип представлен пирамидальными и конусообразными стволами с чашечкой. Третий тип — уплощенные светильники, в виде плоских, с которыми генетически связаны поздние мусульманские чираки, особенно бытовые — неполивные. Трехногие светильники весьма разнообразны. Нижняя часть светильника состоит из трех отростков, обычно коротких, высотой до 3 см, сходящихся к стволу подсвечника (высота ствола — 7.5 см). Ствол заканчивается расширением, образующим круглую чашечку, глубиной до 1.5 см, с резным краем в виде зубцов. Другой орнамент на подобных светильниках почти не встречается. Размеры светильников сильно колеблются, есть светильники общей высотой и в 5.7 см и в 17 см.

В группе этих светильников могут быть особо отмечены два, оба найдены на Сукулукке.

Светильник, изображенный на табл. LVI, 2, имеет три прямоугольных в сечении ножки высотой в 5 см. Ножки отстоят друг от друга на расстоянии 4—5 см. На шестом сантиметре ножка изогнута почти под прямым углом и соединяется со стволом подсвечника, средний диаметр которого 4.5 см, а высота 3 см. Верх

ствола поддерживает чашечку диаметром в 10.5 см, при глубине 3.5 см.

Ножки украшены елочкой в виде одной вертикальной врезанной черты и расходящихся кверху линий (симметрично с обеих сторон).

На месте излома ножки имеется грубо выполненное изображение морды животного, переданы только глаза и рот. Судя по аналогии с нижеописываемым светильником, — это изображение собаки. Две ножки этого светильника обломаны.

Другой светильник (табл. LVI, 1) более сложной конструкции. Массивный ствол светильника (выс. 9 см, диам. 5.5 см) имеет внизу три массивных ножки (дл. 5 см, диам. 4 см). Концы ножек прочерчены вертикальными бороздками, что придает им вид лапы хищника. В верхней части ствола выступают вперед четыре отростка, расставленные асимметрично и представляющие собой скульптурное изображение голов собак с настороженными, хотя и слегка обвислыми ушами, с глазами переданными глубокими ямками и со слабо прочерченной пастью. Ствол заканчивается ребристым пояском с косыми насечками, от которого и начинается донце чашечки. Борты чашечки не сохранились. Ствол и ножки украшены глубоким резным орнаментом в виде дугообразных полос, соединяющих ножки, а также зигзагообразными полосами и полосами типа меандра, идущими по оси ножек и ствола, и, наконец, пространство, оставшееся свободным, заполнено глубокими насечками. Орнамент всех трех видов весьма разнообразен. Сохранившаяся высота светильника 14.5 см.

Вторая группа — пирамидальных и конических светильников, — также технически разнообразна, но в целом орнамент их беден, особенно у светильников конических.

Как правило, конические светильники имеют круглое расширяющееся основание диаметром до 9 см, высокий, гладкий конический ствол до 15.5 см высотой и чашечку диаметром до 9 см.

В отдельных случаях наблюдались украшения в виде поясковых ребристых выступов, ангобированная (светложелтым ангобом) поверхность, налеты в виде змейки (сохранилась часть налета).

Несколько разнообразнее пирамидальные, четырехгранные светильники. Так, на одном сравнительно целом (отбита чашечка) светильнике по четырем ребрам идет зазубренный выступ и слабые следы резьбы отдельными дугообразными линиями.

Обломки таких пирамидальных брусков с петлеобразными вертикальными ручками должны быть отнесены к постаментам. Вспомним описанный в начале этого параграфа в разделе «а» миниатюрный обелиск.

Последнюю группу светильников составляют плоские иногда на подставке. Ствол ее массив-

ная цилиндрическая короткая болванка на уступчатом основании, иногда таких уступов ступенек несколько. На стволе — чашечка, отделанная выступающим поясным ребром. Ствол и внешняя сторона стенок чашечки покрыты резным орнаментом и ямочками (см. табл.). Высота таких светильников 9 см при диаметре площадки 8.5 см, встречаются светильники размерами 12.5 × 13 см и т. д.

Отметим, что в коллекции экспедиции имеются плоские как без стволов, так и с утраченными стволами, которые тем не менее можно связать с каким-либо определенным видом светильников.

Так, имеется плоская от четырехгранного светильника (сохранилась лишь часть ствола), с трех сторон орнаментированного меандром, заключенным в параллельных прямых, четвертая сторона светильника гладкая. Плоская, также четырехугольная, орнаментирована резными линиями-акантами.

Другая плоская, видимо от конического светильника, имеет четырехугольное основание с круглым резервуарчиком в центре. Борт круглого резервуарчика орнаментирован ямками. Плоская украшена дугообразными фестонами; угловые фестоны имеют по две концентрические дуги, в центре фестоны одинарные.

Возможно, к этим комплексно связанным предметам принадлежат и глиняные пестики (дл. до 14 см, наибольший диам. 5.5 см) конической формы, со сферическим основанием и неорнаментированной рукояткой в виде шарика или двух рожков, вероятно, этими пестиками растирались растения для воскуривания. Связь пестиков со всем комплексом вышеупомянутых находок подтверждается как совместным нахождением, так и тем, что ручки пестиков своими формами напоминают стилизации на постаментах и ручках сферических крышек.

г) Керамические изделия согдийцев (Табл. LX, LXIII)

Прежде чем перейти к описанию весьма интересной, хотя и немногочисленной группы сосудов согдийского производства, отметим немногие статуэтки, не относящиеся к циклам, которые были разобраны выше. Среди них имеются две статуэтки, изображающие коней (табл. LII, 6) (одна — целая, другая — фрагментированная), а также статуэтка, изображающая, по всей вероятности, рыбу.

Оба конька вылеплены грубо, пропорции вытянуты. Грива изображена зубцами, маленькие уши торчат вверх, глаза сделаны в виде ямочек. Обращают внимание слишком большие седла с высокими передней и задней лунками. Особенной массивностью отличается седло на фрагментированной статуэтке. Размеры целой статуэтки — 10.5 × 5.5 см.

У третьей из упомянутых статуэток яйцевидное тулово и прямоугольный в плане хвост, украшенный елочным орнаментом. Вдоль хребта идет зазубренный выступ, по бокам выступают короткие крылья-плавники, статуэтка стоит на трех коротких широко расставленных ножках.

Согдийская керамика (мы имеем в виду сосуды чисто бытового назначения) до сих пор фактически точно не определена. Правда, в археологических исследованиях некоторых оазисов Средней Азии намечены отдельные типы сосудов, которые связаны с согдийским периодом, однако, общая характеристика всех видов отсутствует. Сказанное в полной мере относится и к согдийской керамике Семиречья. Для этого района возможность характеристики керамики затрудняется еще и тем, что согдийские формы явно продолжали бытовать и в карлукский период. Мы пытаемся дать ниже обобщенную характеристику согдийской керамики, но попутно отметим и те известные нам типы, которые хотя бытовали позднее, но создавались техническими и художественными приемами, свойственными мастерам согдийского происхождения.

Характерными чертами согдийской керамики являются все еще продолжающаяся ручная лепка, высокий обжиг, обилие накладного орнамента в сочетании с резьбой, сравнительное разнообразие форм сосудов, хотя теперь уже начинает выявляться несколько более или менее определенных форм.

Согдийская керамика может быть распределена на следующие группы:

1. Сравнительно приземистые сосуды в виде небольших котелков со сферическим дном, размеры которых слабо варьируют.

2. Кувшины, обычно изящных пропорций, с вытянутой горловиной и богато орнаментированные. Большая часть их сделана на гончарном круге.

Между этими двумя формами наблюдается ряд переходных типов, которые будут описаны особо. Следует отметить, что именно из этого типа посуды развились две основные формы бытовой керамики карлукского и караханидского периодов.

Один из упомянутых котелков (табл. LXIX, 2) представляет собой полусферический сосуд (диам. 19 см, выс. 10 см, диам. устья 12.5 см) со слегка отогнутым венчиком. Сосуд ручной лепки, тесто с примесью дресвы, поверхность затерта. Описываемый сосуд имел три ножки, которые, к сожалению, отломаны. Форма его, таким образом, напоминала котел скифского типа на трех ножках. Несколько ниже венчика расположены крест-накрест две пары ручек разных размеров, но одного рисунка. Ручки выступающие, сплошные, несколько подняты вверх, что весьма напоминает ручки на тюркских котлах, описание которых мы дадим ниже. Ручки на описываемом

сосуде имеют вид закрученных сверху усов.

Другой сосуд такого же типа (табл. LXIX, 1) имеет богатый налепной весьма выпуклый орнамент, однако часть его была отбита, и восстановить орнамент целиком трудно. По плечикам проходит накладная полоса, слегка примятая пальцами. На нее опираются налепные арочки, имеющие на вершине круглые налепы. Такие же налепы с ямочкой в центре сделаны и у основания арочек. С одной стороны имеются следы двух круглых крупных налепов. Часть венчика отбита, на дне сосуда пробоина.

К этой группе следует отнести еще два сосуда того же типа. У одного сделан на плечике небольшой цилиндрический слив. Другой сосуд имеет налепные дугообразные ручки, характерные для более позднего времени, поэтому мы относим этот сосуд к карлукскому периоду.

Точной копией таких сосудов с плоским дном и дугообразными ручками является один котелок, относимый к категории «детских игрушек». Его размеры 3 × 5 см.

Вторая группа, т. е. группа кувшинов, весьма разнообразна. Не останавливаясь пока на некоторых индивидуальных формах, опишем две, более многочисленные. Это, во-первых, кувшины с биконическим туловом плавных очертаний, с узким и высоким горлышком, расширяющейся закраиной, далеко выступающим сливом и вертикальной ручкой. Эти сосуды, несомненно, генетически связаны с кафыркалинским типом кувшина. Второй, более редкий тип кувшина имеет почти цилиндрическую нижнюю часть тулова, затем острое ребро и коническое сужение к широкой цилиндрической горловине.

Большая часть кувшинов первого типа сделана на гончарном круге и, как правило, имеет резной, четко выполненный орнамент, сосуды второго типа лепные, часто с накладным орнаментом. В обоих случаях орнамент занимает верхнюю часть тулова. Изредка для изготовления орнамента применяется штамп, но обычно на более поздних сосудах, относящихся к карлукскому периоду.

Кувшин вышеописанного типа, сделанный на гончарном круге, найден на Александровском городище. Высота его 35 см, наибольший диаметр тулова 21 см, высота горлышка 11.5 см, диаметр горлышка 4.2 см. Кувшин богато орнаментирован (табл. LX), нижний край орнамента захватывает наиболее широкую часть тулова и покрывает горловину почти до самой закраины. Основной пояс орнамента состоит из двух параллельных рядов кружков, нанесенных резьбой. По подсохшему, но еще не обожженному тулову сосуда острым резцом были сделаны круглые ячейки, которые опоясывали тулово, а по внешней стороне каждой ячейки нанесены треугольники выемчатой техникой. Таким образом, кружок по контуру имеет не-

сколькими ограниченную форму. Между двумя такими поясками располагался другой рисунок: выполненные зубчатым штампом углы, в вершине которых располагались виньетки из трех кружков, зажатые между тонкими резными линиями. Эта деталь орнамента — виньетка из трех кружков — весьма характерна для карлукской керамики и впоследствии встречается довольно часто. Между сторонами углов расположена также розетка. Центр ее составляют два концентрических кружка с круглой ячейкой в середине, нанесенной, видимо, путем надавливания четко ограниченного, возможно металлического стержня. Вокруг центрального кружка расположены выполненные пунцоном кружки (13—15 кружков). Неправильный расчет углов привел к тому, что в двух случаях углы стали непропорционально малыми. Большая розетка не вместились в узкий угол и изображена поэтому центральным кружком и лишь двумя обрамляющими кружками. Из 17 розеток только 4 имеют вдавленную середину. В одном случае наблюдаются лишние линии около розеток.

Следует указать, что тип розетки весьма характерен и принадлежит к известным саманидским орнаментальным мотивам.

Горловина украшена двумя рядами простого орнамента — внутри параллельных линий гребенкой нанесена волнистая полоса. По типу орнамента к этой же группе относится один сосуд несколько иной формы, из серии семиреченских эпохой.

Опишем один сосуд (табл. LXIII, 1) из Сукулукского городища. Это — высокий кувшин (выс. 36 см) с туловом шарообразным вверху (диам. 26 см) и конусообразно суживающимся книзу. Горловина цилиндрическая с ребристым венчиком (выс. 8.5 см, диам. 11.5 см). От середины горловины, имеющей два поясковых ребристых выступа, отходят изогнутые ручки, идущие к плечикам кувшина. На изгиб ручек опирается третья дугообразная ручка, проходящая сверху горловины. Таким образом, горловина была заключена в систему трех ручек (верхняя ручка отбита), образующих «трефовидный» рисунок. У основания ручек, по плечикам сосуда проходит линия орнамента в виде полосы вытянутых овалов, расположенных длинной осью вертикально. Овалы сделаны в той же технике, что и кружки на только что описанном кувшине и на кувшинах кафыркалинского типа с портретом, т. е. путем выемок на непросохшей глине острым ножом. Эту технику нанесения рисунка мы, как известно, называем «выемчатой техникой». Под основанием ручек расположены горизонтально три зубца, в точках, лежащих на концах перпендикулярного ручкам диаметра, сделаны конические выступы.

Упомянем, наконец, третий сосуд, который заслуживает самостоятельного описания. Это — кувшин ручной лепки с лощеной желтокоричневой поверхностью из Александровского

городища (табл. LXIV, 6). Высота его 36 см, диаметр тулова до 24 см. Кувшин почти правильной биконической формы, тулово сосуда плавно переходит в горловину. Часть тулова утрачена. Вертикальная ручка наверху раздвоена, концы до половины охватывают горловину и прижаты к ней пальцами. По внешней стороне ручки идет выпуклое елочновидное ребро. На плечиках расположен орнамент в виде пояска из пяти резных треугольников, опущенных углами вниз. Треугольники заполнены горизонтальными рядами вертикальных насечек. Углы треугольников закрыты либо глиняными приплюснутыми шариками, либо, что весьма характерно, инкрустацией из бирюзы той же формы. Инкрустация бирюзой, применяемая кочевниками уже с начала н. э., особенное развитие получает в V—VIII вв. Например бирюза широко употреблялась на украшениях, найденных Фетисовым в курганах тюркского времени в Шамси и Кочкорки. Это обстоятельство — инкрустация бирюзой — датирует данный кувшин VI в., а вместе с тем датирует и подобные формы сосудов, вид орнамента и технику выделки.

Лепные кувшины этого времени обычно имеют еще накладной орнамент в виде жгутов с подвесками. Жгут обычно проходит по горловине, по оси слива и доходит до максимального сечения тулова. Иногда расположение жгута напоминает ожерелье. Подвеска весьма характерная и устойчивая форма в орнаменте. Это либо цветок с тремя лепестками, либо стилизация цветка, составленная из трех кружков, расположенных треугольником, с вершиной, опущенной книзу. Исключение мы наблюдали только в одном случае: основание треугольника располагалось внизу. Эта композиция в некоторых сосудах доходит до крайнего упрощения — просто под горловиной сосуда располагаются в той же системе три бугорка.

В сосудах этого типа, повторяем, характерен массивный накладной орнамент, грубо сделанные жгуты в виде покрытого насечками накладного валика, витые ручки и рельефные накладные бугорки на вершинах ручек и по тулову сосуда.

Последний элемент характерен и для второй группы кувшинов. Все они имеют большое количество налепов и резной орнамент. Один кувшин из Сукулука имеет поясок из опущенных вершиной книзу треугольников; середина их заполнена рядами вертикальных насечек. Вершина и середина сторон треугольников украшены штампованными розетками. Горловина кувшина также покрыта штампованными розетками и рядом кружков (тоже нанесенных штампом), заполненных пересечением параллельных линий, создающих квадратную сетку. Сочетание врезных треугольников, заполненных внутри насечками, и налепов можно видеть и на другом сосуде из Сукулука. В нем характерна ручка, раздвоенная сверху,

с круглым налепом на вершине, украшенная врезным орнаментом елочной по всей поверхности. Этот тип ручки, как доказал Г. В. Григорьев, является стилизацией ручки с изображением барана; он будет рассмотрен нами ниже при анализе аналогичных сюжетов на керамике карлукского периода.

Для полноты классификации согдийской керамики следует остановиться еще на некоторых группах сосудов, которые относятся к этому же времени и, быть может, к самому началу карлукского периода.

Мы имеем в виду грубую керамику ручной лепки с примесью дресвы, обычно желтого лощения; она представлена двумя видами: 1) открытые миски (диам. 14 см, выс. 4.5 см) со стенками, немного вогнутыми по краю внутрь; венчик, слабо выраженный, отогнут назад. На дне с внешней стороны имеются следы ткани и стеблей растений (ср. сосуд из Сукулук, XLVIII, 6); 2) широкогорлые кувшины очень грубой лепки, иногда с круглым налепом на вершине ручки. Высота 18.5 см, диаметр тулова 11 см, диаметр устья 6.5 см. Техника исполнения та же, что и в мисках.

Грубые асимметричные формы этих сосудов делают их облик весьма архаичным. Эту группу помогает датировать один кувшин с отломанной горловиной, найденный на 11-м стройучастке (табл. XLVIII, 1). Сохранилась ручка с круглым налепом и орнаментом елочной по внешней ее грани.

Упомянутый сосуд грубой ручной ленточной лепки. На тыльной стороне ясно видны следы спайки глиняных полос. Поверхность сосуда залощена (желтое лощение) и украшена грубым резным орнаментом. Орнамент расположен на самой выпуклой части тулова. Он образован волнистой полосой из двух параллельных резных линий. Полоса зажата между двумя точечными линиями. В двух местах к основанию волны подвешены, знакомые нам по согдийской керамике, треугольники, один из которых заполнен вертикальными насечками, другой и насечками и точками. Между треугольниками изображены два фазана, обращенные головами в одну сторону. Изображения сделаны крупным, но весьма грубым рисунком: очерчен контур птицы, намечен глаз; туловище покрыто резными линиями, несколько расширяющимися к хвосту. Ноги переданы тонкой линией, крылья показаны рядом линий, направленных назад.

Мотив фазана и треугольники нам уже хорошо известны по точно датированным и неоднократно описанным находкам. Сосуд по технике исполнения и по форме идентичен только что описанным грубым лепным сосудам.

Таким образом, сосуд с фазанами может быть точно локализован в пределах VI—VIII вв. Он представляет собой как бы промежуточную форму между двумя группами сосудов: между грубыми лепными сосудами желтого лощения

и сосудами более совершенной, хотя и ручной лепки; вторые представлены небольшими кувшинами с широким устьем, украшенными круглыми налепами, и кубышкообразными сосудами для варки пищи. Последний тип посуды, видимо, должен быть отнесен к более позднему времени — к началу карлукского периода. Такие кубышкообразные сосуды, связанные с несколько более ранними памятниками, встречены в Ташкентском оазисе; поэтому для удобства мы будем их называть «шашским» типом керамики. С ним связана и серия разнообразных плошек. Эта керамика ручной лепки производилась, видимо, жителями сельских местностей и бытовала как у оседлого, так и кочевого населения. Керамике кочевников, впрочем, свойственны и свои особые формы.

Для завершения характеристики типов керамики этого периода нам осталось рассмотреть еще одну группу керамических изделий. Это — сравнительно тонкостенная, сделанная без гончарного круга, но вместе с тем с симметричным профилем посуда в виде усеченно-конических и цилиндрических стаканов, чаш с ручками и некоторых других единичных форм. Стаканобразные сосуды и сосуды единичных форм имеют тонкие стенки с красным лощением. Тесто плотное, хорошего промеса и сильного обжига.

Чаши с ручками имеют сложный профиль. Для них характерно маленькое дно, расширяющееся на конус и опять сужающееся тулова и снова сильно расширяющееся кверху устье. При высоте чаши в 9.5 см диаметр ее сечений следующий: дно 5.5 см, на высоте 4—11 см, на высоте 6—9.5 см, устье — 12 см (размеры даны по чаше, представленной на табл. LXIII, 2—8).

Чаши, повторяем, ручной лепки. На внутренней поверхности видны круги — следы вращения рукой, внешняя поверхность имеет следы срезов ножом. Поверхность покрыта либо красным лощением, либо плотным слоем краски, коричневой и красной. Размеры чашек варьируют, имеются экземпляры с высотой в 6 см и диаметром устья 6.5 см и чаши высотой 11 см и диаметром устья 14 см.

Отмеченная группа керамики по своим формам (сложный профиль у чаш) и технике (лощение и сплошное покрытие краской) весьма напоминает керамику кушанского времени из Ферганы.¹ По аналогии с ферганской керамикой мы считаем, что сосуды этого типа создавались под воздействием кушанского влияния на Семиречье, и поэтому именуем их керамикой кушанского типа. По письменным источникам можно установить, что особо сильно это влияние через тюркскую среду сказывалось с середины VI в. до VIII в. Этим временем и датировем мы описанную группу сосудов. Отметим попутно, что, видимо в результате этого влияния, появляется также тип бикони-

¹ В. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Известия Узб. филиала АН СССР, 10, 1940.

ческих сосудов с почти одинаковым диаметром дна и горловины при сильно выпуклом тулове. Такой тип сосудов, по Жукову, может быть отнесен к тому же времени. Для них обычна красная, слабо залощенная поверхность, хранящая следы медленного вращения. Как характерную черту сосудов I типа (по Жукову) и кушанского (напр. фляга), отметим ручки на сосудах, помещаемые на самой закраине. Это полуовал с маленькой дырочкой посредине, куда могла проходить только тонкая бечева. Такие ручки известны на одном сосуде из Кенкольского могильника и на сосудах из наших раскопок на Красной Речке.

К группе согдийских керамических изделий надо отнести и один тип пряслиц (маховички для веретен) биконической формы, хотя несколько уплощенных, покрытых богатым резным орнаментом, все элементы которого встречаются на согдийской керамике.

Пряслица покрыты орнаментом в виде вихревой розетки, на некоторых имеются фестоны и углы, образующие секторы с внутренним заполнением точками. К согдийским же изделиям следует отнести похожие по форме прясла из кости — биконические и цилиндрические. Орнамент на них располагается только по верхней грани прясла (табл. LXXV).

д) Инвентарь тюркских погребений

(Табл. XLIV—XLIX)

Весьма широко представлен в коллекциях экспедиции инвентарь тюркских погребений. Однако специфические условия работ не позволяли в ряде случаев вести тщательную разборку погребений и, за редкими исключениями, точное местоположение в потреблении (по отношению к костяку) керамики и бронзовых вещей не зафиксировано. Многие предметы, относящиеся к кочевому быту, были найдены в слоях оседлых поселений. Это объясняется следующим образом: во-первых, иногда оседлое поселение перекрывало древний могильник тюркского времени, и могилы попали в культурные слои городищ (Александровское городище), во-вторых, зачастую жители поселения были тесно связаны с кочевым бытом (Сукулук).

Из инвентаря тюркских погребений и селищ собрана большая коллекция керамики, бронзовых украшений сбруи и вооружения. Изучение тюркской керамики VI—VIII вв. представляет большие трудности. Для Семиречья, в частности для Чуйской долины, мы имеем пока очень мало раскопанных археологами тюркских погребений, точно датированных, с достаточно богатыми находками керамических изделий.

Тем не менее, во время сбора археологических предметов Чуйской долины выявились две группы сосудов, довольно строгих форм, которые

можно связать с тюркской культурой как по техническим данным, так и по аналогиям.

Первая группа тюркской керамики представлена сосудами ручной лепки с малым донцем и вогнутым в середину поддоньем, конически расширяющимся кверху туловом и цилиндрической верхней частью. Имеются сосуды без поддонья, с гладким дном.

Венчик у этих сосудов весьма слабо выражен небольшим утолщением и немного отогнут кнаружи. Размеры сосудов варьируют. Так, например, сосуд (табл. XLVIII, 7) имеет следующие размеры: общая высота 13 см, диаметр дна свыше 6 см, диаметр устья 15.5 см, высота конической части 8 см. Тесто сосудов серое или черное с примесью мелко истолченной дресвы. Поверхность гладкая. Аналогичные хорошо датированные сосуды с меньшей разницей диаметров дна и устья уже известны нам. Это сосуды из тюркских погребений Енисея и Алтая. Сосуд же, который мы только что описали, по своим стройным формам и пропорциям восходит к рюмкообразным сосудам кушанского типа из Тали Барзу. Совершенно естественно полагать, что здесь мы имеем скрещение южносибирских и кушанских форм, давших новый вариант тюркской кочевнической керамики. Серия этих сосудов весьма выразительна. Характерно, что они найдены на разных пикетах, по одному на пикет, т. е. получены в единичных экземплярах из вскрытых погребений. Они обнаруживались, начиная с района с. Ивановки до Петровки.

Вторая группа керамики, которую мы относим к этой же эпохе, представлена массивными котлами с прямыми стенками (найлены в фрагментах), имеющими сплошные ручки, либо поставленные горизонтально сплошной полоской, либо в виде рога, поднятого вверх. Отличаются они от первых сосудов, кроме формы, плотным черепком и хорошим обжигом.

В Сукулуке был найден один такой почти целый сосуд (часть боковины отбита). Это цилиндрической формы котел, высотой в 15 см при диаметре 24 см. Венчика нет, у закраины расположены две горизонтальные ручки в виде накладной полоски с четырьмя зубцами. Поверхность слегка залощена и покрыта желтовато-коричневым ангобом. (табл. XLVIII, 2).

Форма такого прямостенного котла может быть сопоставлена со стаканообразными сосудами красного лощения из кушанской группы керамики. Видимо и здесь сказалось в керамическом производстве влияние кушанской культуры, роль которой в истории культуры Семиречья до сих пор не учитывалась.

К эпохе тюркского каганата принадлежит большая серия изделий из бронзы, преимущественно бляхи и пряжки, употреблявшиеся для украшения одежды и конской сбруи. Сравнивая указанную коллекцию с известными собраниями из могил тюркских кочевников Алтая и Енисея, мы убедились в том, что ука-

занные находки относятся к довольно большому хронологическому периоду, ко времени VI—IX вв. Среди них можно выделить группу более ранних и более поздних изделий.

Так, например, к более ранней группе мы относим бронзовую поделку из трех гнезд для инкрустации в виде лепестков (XLIV, 8). Это типичные гнезда для перегородчатой эмали.

Два гнезда каплевидной формы, одно — центральное — ромбической. Они образованы тем, что на пластинку-основание напаяны стенки из массивной ленточки. Зубцов для зажима камня или эмали нет. Подобная техника встречена нами в вещах из урочища Боровое, которое мы датировали V в. н. э.¹ Возможно, что поделки, исполненные такой техникой, представленные в Боровое лишь единичными экземплярами, относятся и к VI в.

К еще более ранним вещам принадлежат накладки на ременные узлы, полусферические, с расходящимися тремя дугообразными отростками (XLV, 1, 2). Максимальные их размеры 7 × 4 см. Аналогичные вещи известны в раннетюркской коллекции Флорова из Алтая, хранящейся в Эрмитаже.

В коллекции экспедиции имеется сравнительно большое количество пряжек трех видов.

Во-первых, небольшие пряжки (до 3.5 см по оси) с овальной рамкой, с подвижным язычком и вытянутой площадкой, внешний край которой закруглен. Площадка не орнаментирована. Соотношение диаметра рамки и площадки 1 : 1.

Во-вторых, той же конструкции пряжки более крупных размеров (5.5 см). Из пяти с половиной сантиметров общей длины пряжки площадка занимает 3.5 см, т. е. соотношение почти такое же, как и в первой группе. Отличаются эти пряжки только несколько уплощенным овалом рамки. Края рамки и площадки скошены. Язычок клювообразной формы. Площадка обычно покрыта геометризованным растительным орнаментом. Орнамент двусторонний, симметричный по оси (сверху вниз), делится на обособленные части, изображающие растительные завитки или волюты, отходящие от центрального стержня.

К третьему типу мы должны отнести пряжку (XLIV, 4, Сукулук), состоящую, по существу, из одной рамки. Один край рамки сердцевидной формы, другой край прямоугольный, обе части соединяются между собой незамкнутой осью. Длина пряжки 3.8 см (размер сердцевидной части 2.5 см). Обе части пряжки выделялись отдельно, а затем скреплялись. Если на пряжках первых двух типов для прикрепления к ремню имелись на тыльной стороне шпеньки и бронзовая пластинка (шпеньки проходили через ремень и заклепывались на подстилающей рамку и ремень бронзовой пла-

стинке), то на этой пряжке нет никаких шпеньков. Вероятно она просто пришивалась к ремню.

Эта пряжка без язычка походит по форме на костяную пряжку из Сукулук (табл. XLVII, 6).

Весьма массивная костяная пряжка имеет сердцевидную рамку, прорезь рамки узким каналом глубоко врежется в середину площадки, на площадке проделаны два отверстия диаметром 6 мм. Конец площадки обломан, но, видимо, пряжка на этой стороне имела рамку (прямоугольную). В рамке, по бокам, имеются отверстия, куда вставлялась ось подвижного язычка, который очевидно укладывался в узкий канал, врезаемый в площадку. Этот тип пряжки приводился С. Теплоуховым как наиболее характерный для инвентаря тюркских погребений V—VII вв. Фрагмент железной пряжки такого же типа найден на 7-м строительном участке в погребении с конем.

К пряжкам можно отнести также бронзовую поделку из Беловодского (табл. XLIV, 9). Поделка вытянутой формы; она состоит как бы из трех частей: первая часть — прямоугольная рамка, соединяющаяся широкой перемычкой со следующей частью — сердцеобразной рамкой, переходящей в свою очередь в сплошную площадку, также сердцеобразной формы. Вторая и третья части поделки украшены растительным орнаментом. Общая длина поделки 6.5 см.

Наиболее значительную группу составляют всевозможные ременные накладки, которые разделяются на два типа: прорезные и сплошные. Прорезные накладки бывают обычно четырехугольными или полукруглыми, сплошные имеют фигурные очертания. Прорезь чаще всего бывает прямоугольная и проходит по наибольшей оси накладки. В прямоугольных накладках встречаются круглые прорези.

Все эти накладки имеют отогнутый книзу бортик. По углам накладки располагаются шпеньки, которые проходили через ремень. Под ремнем находилась пластинка, такой же величины, как верхняя накладка, имеющая соответствующую прорезь. Размеры этих накладок варьируют от 3 × 2.3 см до 1.3 × 1.2 см. Как правило, орнамент на них отсутствует. Только в одном случае верхняя пластинка была украшена виньеткой, состоящей из трех самостоятельных фигур геометризованного орнамента (Александровское городище, табл. XLIV, 14).

Сплошные накладки чаще бывают, как мы отмечали, фигурными. Правда, в коллекции есть серия гладких прямоугольных накладок, лишь один край которых закруглен.

Фигурные накладки обычно бывают двух типов — сердцевидные (иногда приближающиеся к полудушной форме) и накладки, контуры которых напоминают голову быка. Накладки эти весьма небольших размеров: 1 × 1 см; 1.5 × 1.2 см. Они покрыты рельефным геометрическим орнаментом. Бортик на-

¹ А. Н. Бернштам. Клад вещей из Боровое.

кладки загнут, обычно на оборотной стороне имеется шпенок для прикрепления.

Интересные накладки и некоторые другие предметы найдены в погребении, у с. Новопокровка на глубине 1,30 м. Здесь был найден костяк, ориентированный головой на север, около которого сохранились бусы, обломки стекла, бронзовое гладкое двустороннее зеркало, разбитое на несколько кусков, с отломанной боковой ручкой. Лучше всего сохранились поясные накладки первого типа (прямоугольные и полукруглые с прорезью). Почти все они имеют прикрепленную на шпеньках нижнюю пластинку с прорезью. На верхней стороне хорошо виден рельефный орнамент в виде шестилепесткового цветка, от которого расходятся в обе стороны закручивающиеся внутрь ветки с пятилепестковыми цветками на концах. В этом же комплексе найдены и фигурные накладки: одна лунообразная и одна, напоминающая по форме голову быка.

Сочетание тех и других форм в одном погребении свидетельствует о их синхронности.

Зеркало с боковой ручкой, с орнаментальными мотивами, типа, хорошо известного для X в., в данном случае датирует погребение временем не раньше VIII—IX вв., так как для более ранней поры известны либо китайские зеркала, либо местные подражания им.

Из отдельных находок, не объединяющихся в большие серии, отметим прямоугольные рамки для ремней; накладку в виде 9 полусфер, расположенных в три ряда и образующих квадрат (табл. XLIV, 7), между рядами четыре круглые отверстия; конусовидные (сильно вытянутые) пряжки (?) с выступами на концах (накладка сбруи?); пряжку продолговатой формы с закрученными краями и суживающуюся в середине, в этой части пряжки прорезь, над которой возвышается перемычка (петля) П-образной формы (табл. XLV, 5, Сукулук); серьгу салтовского типа с утолщением (табл. XLV, 16, Сукулук). По аналогии с серьгой салтовского типа мы относим к этому же времени и найденное кольцо с выступающим шипом вместо камня. Близки к ним по типу и другие кольца, имеющие, однако, вместо шипа ячейку для укрепления камня, например, на одном из них ячейка с 3—4 зубцами. В одном кольце этого типа сохранился даже карнеол (сердолик).

Все пряжки и накладки литые. Часть из них покрывалась листовым золотом, следы которого сохранились на некоторых экземплярах. Кольца и серьги кованые.

Возможно, к этому времени относятся и бубенцы в виде шарика диаметром 2 см, с прорезью снизу до половины, на концах прорези — круглые отверстия, на вершине шарика — маленькая петля. На Александровском городище была найдена и полусферическая накладка с плохо сохранившимся рельефным

орнаментом, сюжет которого разобрать не удалось.

Временем тюркского каганата и, быть может, началом карлукского периода мы датируем изделия из кости. Помимо вышеописанной пряжки в коллекции с БЧК имеются и другие изделия из кости, образующие серии, правда, немногочисленные: накладки на вершину лука, рожки, видимо для хранения трута, а также ряд других поделок.

Одна из накладок для лука (XLVII, 1, Сукулук) имеет вид пластины со слегка закругленными концами. Размер ее $12,5 \times 5$ см. Узкие концы ее немного загнуты кверху и представляют собой грубо стилизованные головы животных, возможно лошадей. Вся поверхность покрыта беспорядочно расположенным циркульным орнаментом. В нижней части орнамент стерт частым скольжением стрелы. По бокам имеются три сквозных отверстия (диаметр их равен диаметру орнаментальных кружков) для прикрепления к остову лука.

Другая накладка для лука (табл. XLVII, 3) почти той же формы, но несколько более вытянутая ($14,5 \times 4$ см). На концах у нее такие же стилизованные головы животных. Поверхность накладки покрыта резным орнаментом. Справа изображена елочка с длинными ветвями, от нее отходят плавные волнистые линии. По бокам накладки имеются по два отверстия, отстоящие друг от друга на 2 см. Нижний край пластины также сглажен от употребления.

Кроме этих двух экземпляров, имеются еще обломки накладок, украшенных циркульным орнаментом.

Рожки для трута делались обычно из рога теке. Найдено большое количество «полуфабрикатов»: отрезанная кость, частично зашлифованная. Найдены также и готовые рожки. Часть этих рожков гладкая, около устья проделаны друг против друга дырочки для подвешивания.

Особый интерес представляет один рожок (Сукулук, табл. XXXIX, 1), сделанный из целого рога, длиной в 46 см. Весь рожок имитирует фантастическое животное, дракона. Голова его длиной в 2 см. Пасть открыта и оконтурена валиком. Прочерчены зубы. Наверху две маленькие ямки — глаза. Хорошо выполнены уши, направленные кверху и немного вперед. Туловище на протяжении 6 см разделено на шесть граней. Две нижние грани заполнены косыми насечками, грани же, изображающие бока и спину дракона, покрыты врезанными треугольниками, исполненными техникой «выемчатого» орнамента, свойственного согдийской керамике. Это и позволяет датировать описанную поделку согдийским периодом, хотя аналогии этому предмету восходят к скифо-сарматским сериям.

Считаем нужным отметить следующие отдельные изделия из кости: костылек с прорезью, обычный в тюркских курганах. Это — круглая

в сечении болванка, с обеих сторон имеющая прорези; предмет неизвестного назначения, в виде пластины (сохранившаяся длина 15 см, шир. 4.5 см, толщ. 8 мм) с овальными отверстиями (3.5 × 1.5 см). Каждое отверстие с одной стороны имеет по два зубца. Возможно, что это приспособление для плетения сетей.

Чтобы дополнить характеристику изделий из кости, отметим еще одну поделку, датировать которую очень трудно. Это — длинная шпилька (15.5 см), один конец которой расплюсчен в виде лопаточки (Александровское городище, табл. XLVII, 2). Несомненно, что это китайская шпилька для женской прически. Кстати, находки китайских вещей в Александровском городище не единичны.

В описание инвентаря тюркских погребений необходимо включить еще три серии предметов. Во-первых, китайские вещи и подражания им, во-вторых, изделия из железа, в-третьих, каменные бабы.

К китайским вещам и подражаниям им относятся зеркала и монеты.

Интересно китайское зеркало, представляющее бронзовый (с сурьмой) кружок диаметром 10.5 см, бортик которого поднят вверх (табл. XLIX, 1). В центре пуговка, на пуговке — петля. Кругом пуговки крест-накрест расположены рельефные рисунки, изображающие облака в условной китайской трактовке, между которыми помещены стилизованные драконы с пушистыми хвостами (фениксы?).

На Александровском городище найдены и местного производства зеркала, подражающие только что описанному китайскому зеркалу. Впрочем, влияние китайского образца сказывается только в имитации формы; на местных зеркалах рисунка нет совсем, и даже петли сделаны иначе: то в виде столбика со сквозным отверстием, то в виде выдающегося плоского в сечении шпенька также с дырочкой. Иной формы и бортик; он имеет широкое основание в одном случае, а в другом — сделан в виде легкого валика. Меньше и размеры зеркал (диам. 8 и 9 см). О качестве зеркальной поверхности судить трудно.

Китайские монеты, найденные на городище, почти все относятся ко времени Кай Юань — VIII в. (мы не говорим о поздних монетах типа «цзянь лунь»). Во всей коллекции имеется только одна, к сожалению поломанная и плохо читаемая монета другой даты. Монеты на городище обнаруживались не группами, а по одной. Среди местных подражаний китайским монетам большая часть относится к уже известным тюркешским типам. Но и среди них удалось выявить новый тип тюркешской монеты.¹

Железные предметы представлены стременами обычного тюркского типа (узкое подножье, прямоугольная рамка с прорезью для ремня),

эсвидными псалями и двуколенчатыми удилами и стрелами вытянутой формы. Стрелы четырехгранные, в сечении ромбовидные, при переходе от боевой части к черенку имеется уступчик. Длина боевой части и черенка обычно равная (табл. XLVI 1).

Из коллекции каменных баб, собранных экспедицией, заслуживает внимания, собственно, одно изваяние. Оно представляет собой торс с отбитой головой (дл. 45 см, шир. 26 см), несколько сужающийся кверху. Изваяние левой рукой держит кубок (шир. 7 см) с узким поддоном, а на правой руке сидит сокол. Изображение сделано неглубоким рельефом, внизу имеется шип для прикрепления к пьедесталу. Длина шипа 6 см.

Другие изваяния не представляют особого интереса. находка каменной бабы обычного типа на Александровском городище, где она залегала под основными культурными слоями, указывает, что основной мощный слой Александровского городища относится ко времени не раньше VI—VIII вв.

На этом мы заканчиваем характеристику инвентаря тюркских погребений и описание отдельных находок VI—VIII вв. Нами установлены связи найденных предметов с южно-сибирским кругом памятников и китайскими вещами. Это проникновение китайского влияния через кочевую среду настойчиво дает себя знать и позднее, в памятниках оседлых поселений карлукского и караханидского периодов. На смену согдийской культурной волне идут новые мусульманские влияния, нашедшие свое полное развитие при караханидах. В последующем, карлукском, периоде мы наблюдаем этот процесс нарастания новых особенностей, не уничтоживших, однако, местные самобытные черты культуры Северной Киргизии.

§ 4. ПАМЯТНИКИ КАРЛУКСКОГО ПЕРИОДА

а) Согдийские традиции и роль ислама

(Табл. LXIV—LXXXIV)

Рассматривая памятники согдийского периода и тюркского каганата, мы отмечали, что целый ряд описанных явлений не прекращает своего существования в VIII в. и позднее. В известной мере можно утверждать, что в карлукский период — со второй половины VIII в. и до конца X в. (766—999) — согдийская в основе культура продолжает свое существование, претерпевая, правда, существенные изменения.

Причиной этих изменений являлось проникновение в города Чуйской долины ислама. Несомненно, что исламизм начинал довлеть над местными согдийскими и тюркскими элементами культуры.

Наряду со старой культурой, возникает новая культура — мусульманская. Однако по-

¹ См. нашу статью: «Новый тип тюркешских монет».

следняя не получила своего полного развития в силу ряда причин. Прежде всего, Семиречье являлось еще долго убежищем иммигрирующих из Мавераннахра согдийцев, несущих, с точки зрения коранических догматов, еретические традиции. Мало еще было в Семиречье и истых поборников ислама, хотя уже на границе Чуйской долины в г. Таразе в конце IX в. Исмаил ибн-Ахмед из несторианской церкви сделал мечеть. Развитию ислама способствовали прежде всего крупные социальные сдвиги в Чуйской долине, выразившиеся, главным образом, в быстром росте городов, в сложении феодального типа отношений. В социальной среде феодального города и началось распространение ислама, несомненно получившего большое развитие в конце IX в., а особенно в X в.

В области материальной культуры распространение ислама воздействовало на среду ремесленников и их потребителей. На основе старых местных традиций стала слагаться культура нового вида, типичная для IX—X вв. Характерно исчезновение старых, сравнительно реалистических образов зороастрийской и шаманистской тематики. Начинают вырабатываться ремесленные каноны, в связи с этим появляются более или менее устойчивые формы сосудов, в области искусства абсолютно господствует орнаментализм, имевший своим «предком» изощренную резьбу по дереву и металлу у кочевников и по глине — у согдийцев. Этими двумя штрихами характеризуются типические стороны материальной культуры карлукского периода, судя по дошедшим до нас вещам, сохранившим все же в большой мере старые согдийские традиции. Исчезновение согдийских зооморфных сюжетов лучше всего прослеживается, например, на том, как изменялись ручки от сосудов определенного типа.

Так, первоначально ручки кувшинов представляли собой более или менее реалистически выполненную фигуру барана. Такие формы ручек хорошо известны по раскопкам Г. В. Григорьева в Ташкентском оазисе. Как установил Г. В. Григорьев, этот сюжет впоследствии схематизируется и теряет свою первоначальную реалистическую основу. Таковую уже сильно схематизированную ручку в виде изображения барана мы видим на горловине одного из кувшинов (табл. LXIV, 1—5). Тулово этого кувшина цилиндрическое, горловина имеет венчик и вытянутый слив. Вся ручка покрыта короткими черточками, а на верху ее — стилизованная виньетка, изображающая барана с завитыми рогами. На морде прочерчена пасть. Весьма характерны короткие отдельные штрихи, покрывающие всю ручку. Так обычно изображали шерсть животных на восточно-туркестанских терракотах. Не менее выразительна группа вещей, представленная в хотанских собраниях Свен Гедина, изданных Монтелем.

Дальнейшее развитие подобной стилизации мы можем проследить по ручке другого кувшина (табл. LXIV, 4); ручка гладкая, на ней нет уже штрихов, только на вершине ее изображены рога, поставленные даже не поперек, а вдоль ручки. Наконец, крайним вырождением этого приема является одиночный круглый налеп на верхнем конце ручки, который должен изображать голову барана. Обычно размеры этих ручек одинаковы, в среднем — 8 см. Рисунок рогов 2.5—3 см. Диаметр налепов невелик — до 1 см.

Помимо изображений барана — этого символа солнца (благополучия), встречаются другие стилизованные изображения, например изображение змеи. Змея обычно изображалась при помощи накладной полосы, изогнутой плавными волнами и украшенной насечками. Прекрасный образец такого изображения змеи, представляющей, возможно, символ воды и земли (основные элементы зороастрийского культа), мы имеем на фрагменте горловины одного кувшина.

Любопытна и форма своеобразных сосудов для воды, известных среди таджиков и по сей день и носящих название «утки».

Эти сосуды представлены несколькими типами. Часть из них выполнена ручной лепкой.

Образцом двугорлых сосудов может служить сосуд № 27/22 (из старой коллекции музея). Сосуд черного цвета, тулово его шарообразно, несколько сплюснуто (11 × 13.5 см). Он имеет высокоподнятую закрытую сверху горловину (6 см) с узким сливом, рядом с ним была еще одна горловина, через которую наливалась вода, верх второй горловины отломан. Обе горловины соединяются одной дугообразной ручкой.

Сосуды с одной горловиной более массивны. Такие сосуды выделывались и путем ручной лепки и на гончарном круге. Тулово у них шаровидное, дно плоское, средняя высота 21 см. На верхней части сосуда, несколько вбок, отходит горловина, диаметром в 5 см, длиной в 7.5 см. От закраины горловины к центру сосуда идет плоская в сечении ручка, иногда с ребром посередине. Как правило, сосуды отмеченного типа орнамента не имеют, поверхность у них гладкая, без особой обработки.

На лепных сосудах этого типа ручка часто не связана с горловиной и расположена на вершине шарообразного тулова. По бокам сосудов имеются дугообразные налепы, имитирующие крылья утки.

Неполивная керамика карлукского периода, помимо вышеотмеченных форм, представлена согдийского типа керамикой, некоторыми ее дериватами и дополнительными видами. К керамике согдийского типа принадлежат обычно высокогорлые кувшины, с правильным, почти шарообразным туловом; кувшины с цилиндрическим туловом и цилиндрической горловиной, иногда с изящно выгнутым сливом (эти формы

имеют аналогии в изделиях из бронзы); сосуды для варки пищи в виде лепных котелков и кубышек, также восходящие к согдийским формам.

К дериватам керамики согдийских форм относится серия кружек, подобных кушанского типа кубкам из сукулукской коллекции. Кубки карлукского периода сделаны обычно на гончарном круге, они тонкостенны, тесто хорошее, высокого обжига. У некоторых тулово цилиндрическое, стоящее на конусовидном поддоне, во многих случаях в месте перехода тулова к поддону сделан уступчик. Размер этих сосудов невелик: диаметр до 7.5 см, при высоте в 6 см.

К этой же серии должны быть отнесены и плоские тарелки с вертикальной ручкой и небольшим сливом. Разновидностью подобных сосудов надо считать и открытые чаши или миски с плоским дном, иногда снабженные ручкой. Чаше эти миски ручек не имеют и по краю отделаны оборочкой. Диаметр мисок 12.5 см при высоте 4 см.

Характерную группу сосудов карлукского периода составляют небольшие лепные сосуды, самых разнообразных размеров и форм, от открытых мисок до кувшинов. Самые маленькие из них представляют собой кубышечки диаметром 1.5—2 см, при высоте до 2 см. Сосуды эти, как правило, грубой выделки, украшены скудным орнаментом. Иногда встречаются налепы арочкой и резьба тоже в виде арочек или поясков с подвеской на плечиках. Част и орнамент, нанесенный пунцоном.

Из перечисленных сосудов этого типа выделяется часть, которая и формой и техникой выделки воспроизводит сосуды первой группы керамики тюркского каганата. Таковы, например, миски с плоским дном и ручками в виде налепов с дырочками, маленькие кувшинчики и сосуды типа кринок.

Обычно эти сосуды, очень небольших размеров, относят к серии так называемых детских игрушек. Но возможно и другое их назначение.

Как мы указывали выше, все эти сосуды относятся к эпохе тюркского каганата. Известно, что в эту эпоху захоронения с инвентарем были широко распространены. Быть может, сосуды эти являются малыми копиями обычных сосудов, предназначенными для помещения в могилу. Напомним известные нам аналогии в античном погребальном ритуале. Весьма вероятно (если пользоваться теми же аналогиями с античностью), что часть из этих сосудов служила вместилищем для масел и других ценных веществ, как известно имевших широкое распространение в Средней Азии.

Мы больше склоняемся к тому, чтобы считать эти сосуды культовыми, а также употреблявшимися в качестве детских игрушек, хотя в то же время должны подчеркнуть, что ни одна из вышеперечисленных функций не может быть ни абсолютно утверждена, ни отвергнута. Со-

вершенно несомненно только, что эти сосуды входят в употребление не раньше VI—VIII вв. и бытуют долго, во всяком случае захватывая и карлукский период Семиречья.

Из новых форм отметим еще широко распространенные сосуды в виде ступок. Вместилище имеет вид опрокинутого конуса и опирается на малый конус — подставку. Высота сосуда 13 см, диаметр открытого устья 18 см. Поддонье обычно украшено грубым, массивным орнаментом, сделанным пальцем, или жгутом, закраина также обычно опоясана жгутом. Такие сосуды-ступки могли служить для самых разнообразных целей. Очевидно с ними связаны и глиняные пестики, которые также были найдены в большом количестве.

Развитие городов и оседлых поселений, рост и укрепление оседлости вызвало появление массивных форм сосудов и предметов домашнего обихода. Появляются массивные очажки, широко распространяются хумы, большие, всегда богато орнаментированные и, наконец, достарханы. Впрочем, очажки, столь распространенные в Мавераннахре, в Чуйской долине встречаются крайне редко. За время работ в 1941 г. был найден фрагмент лишь одного очажка (Красная Речка). Это массивная глиняная пластина толщиной в 2.5 см, высотой в 15.5 см, изогнутая в полукруг; к концам пластины примазаны фасадные стенки. Верхний край фасадных стенок подрезан под арочку и украшен двойной полосой резных линий со жгутом посередине. Вдоль внешнего края стенок идет вертикальная врезная линия, по обеим сторонам каждой стенки, также вертикально, расположен орнамент из штампованных кругляшков со звездчатым узором в центре.

Как мы уже говорили, в это время появляются хумы. Встречены хумы двух типов. У хумов первого типа тулово удлиненной формы, слабо выпуклый венчик вяло выражен, порой он представляет собой лишь отогнутую кнаружи закраину. Соотношение высоты хума и наибольшего диаметра 10 : 7 (80 см и 56 см). На одном из таких хумов имеется уйгурская надпись. Другой хум покрыт резным орнаментом с подвесками в виде растительных розеток.

Хумы второго типа весьма разнообразны по размерам. У них иное соотношение высоты и диаметра. Так, например, высота двух хумов с уйгурскими надписями, происходящих из предместья Сарыга, 1.02 м при диаметре 0.74 м. Хумы этого типа имеют более ярко выраженный венчик, прямоугольный в сечении, иногда сильно выступающий и отогнутый книзу. Под прямоугольным венчиком имеется жгут.¹

Хумы второго типа часто орнаментированы штампом, что заставляет нас относить их ко времени несколько более позднему, чем

¹ См. нашу статью в «Эпиграфика Востока», I и II, Л., 1947 и 1948.

хумы первого типа, во всяком случае они продолжают бытовать и при ранних караханидах.

Хумы служили для двух целей. Во-первых, для хранения пищи (найжены хумы с просом) и жидкостей, во-вторых, для погребений зороастрийского типа. Осуарии карлукского периода нами не встречены.

К серии сосудов типа хумов примыкают сосуды, очень на них похожие. У этих сосудов дно малого диаметра, очень небольшое устье, венчик слабо отогнут. Поверхность чаще всего гладкая, без орнамента. Наибольшего диаметра сосуд достигает в верхней своей части.

Хумы часто прикрывались крышками — массивными щитами толщиной до 3 см и диаметром в 75 см. Крышки хумов обычно имеют три конусовидные ручки, расположенные треугольником. Высота ручек до 10 см.

Достарханы весьма схожи с крышками хумов. Это такой же массивный круг толщиной в 3 см, с диаметром до 75 см. В центре располагается чаша в виде опрокинутого и усеченного конуса. Высота чаши 10 см, при диаметре в 26 см. Крышки хумов и достарханы, часто воспринимаемые как «столики», всегда покрыты богатым орнаментом. Характер этого орнамента мы опишем ниже.

Чтобы закончить характеристику керамических изделий карлукского периода, укажем, что в VIII—X вв., судя по стратиграфическим наблюдениям на раскопках прежних лет, продолжают бытовать предметы, употреблявшиеся при ритуальных обрядах зороастрийского культа, которые мы уже описывали выше. В культурных слоях этого периода встречены и постаменты, постепенно сменяемые очажками, и светильники, и сферические крышки. Все эти культовые предметы отличаются от таких же предметов более раннего времени лишь тем, что в их орнаменте исключена всякая зооморфная тематика, украшения на них носят характер чистого орнаментализма.

Наряду с культовыми светильниками встречаются и бытовые, подчас, весьма примитивные. Так, например, один из чираков (табл. LXXXII, 1, Сукулук) имеет две ячейки с диаметром 6,5 см каждая, внутри сильно закругленные. Высота чирака 4 см. Более совершенен чирак в виде круглого резервуара с несколько закрытыми краями, вытянутым носиком и петлеобразной ручкой. Чираки этого типа уже к концу карлукского периода покрывали светложелтой и светлозеленой поливой с подглазурным орнаментом в виде точек или стилизованных арабских надписей, сделанных коричневой краской.

Размеры чираков: длина 13 см, диаметр резервуаров 7 см, высота 5 см.

Появляется в конце карлукского периода и поливная посуда. В основном это кубышкообразные сосуды или сосуды в виде стаканов удлиненной формы, покрытые светлой поливой желтоватого или зеленоватого цвета. Основ-

ные формы орнамента — плетенка, кружки, сгруппированные в треугольник, растительные узоры, размещенные вертикально. Впрочем, в карлукский период в Чуйской долине поливная керамика, видимо, не производилась, и встреченные сосуды с поливой, по всей вероятности привозные, возможно их доставляли из Тараза. Во всяком случае полива карлукской эпохи крайне немногочисленна.

Характерны для этой эпохи и плоские прясла для веретен. Часть из них украшена пунционными орнаментами. Обычно к пряслам относят конусовидные кружки диаметром 2,3 см, покрытые циркульным орнаментом. Но это не прясла, а пуговицы, делались они из кости, глины и бронзы. Помимо круглых пуговиц зарегистрированы и пуговицы прямоугольной формы, с петелькой.

Поливная посуда, хумы, крышки хумов, достарханы, прясла, чираки, как мы уже говорили, впервые появляющиеся при карлуках, продолжают свое существование и позднее — при караханидах, причем некоторые формы керамики, например поливная посуда, получают при караханидах особое развитие.

б) Орнаментака достарханов и крышек и ее историко-культурное значение

(Табл. LXXI—LXXIV)

Богатая коллекция крышек хумов и достарханов, собранная экспедицией 1941 г., отличается исключительным разнообразием орнамента как в стилистическом, так и в техническом отношении.

Прежде всего следует отметить два предмета, в орнаменте которых еще удержалась старая тематика — изображение животных. Так, на чаше одного достархана, гладкой, неорнаментированной, в центре имеется наклеенное изображение животного, с короткой мордой и поднятым хвостом, весьма напоминающее собаку (Сукулук, табл. LXXII, 1). У животного ямочкой отмечен глаз и прочерчен рот. Внутри изображения вдоль головы, шеи, туловища и ног проходит резная линия.

Основание чаши прижато к площадке достархана пальцами, от которых остались углубления. Слегка приподнятый внешний бордюр достархана украшен косыми линиями, а оставшая плоскость двумя рядами орнамента, вытесненного тупым стержнем. Первый ряд — полоса своеобразных растительных розеток, второй ряд — более или менее сложные волуэты.

Второй предмет с изображением животного представляет собой крышку хума, вернее ее фрагмент (половина). На ней сохранились лишь следы прикрепления ручек, расположенных треугольником. Между ручками проходит рисунок, нанесенный тонкими резными линиями. Этот предельно скупой рисунок изображает борьбу двух хищников, очевидно барса

и льва. Большая часть рисунка утрачена. От изображения барса сохранились лишь концы ног (больше передняя, меньше — задняя), голова с открытой пастью и часть шеи, покрытая поперечными полосами. Быть может эти полосы символизируют полосы на звериной шкуре, тогда в изображении хищника мы должны видеть не барса, а тигра. Передняя лапа барса (или тигра) опирается на спину льва. Спина льва под тяжестью лапы сильно прогнулась, очевидно художник хотел изобразить зверя, гибнущего под ударами барса. Очертания туловища льва помещены между передними и задними лапами барса. Голову лев держит прямо, на шее у него черточки, имитирующие гриву, на туловище также несколько резных линий. Против льва, мордой к нему, стоит какое-то маленькое животное, опознать которое трудно. Спина животного изогнута, кончик хвоста пушистый.

Изображение всех зверей плоскостное. Очерчен лишь контур животных, и то лишь сторона, обращенная к зрителю. Так, например, на рисунке изображены только лапы зверей, находящиеся на переднем плане. Лапы, находящиеся на втором плане, не очерчены. Тем не менее, это говорит не о неграмотности художника, а об определенном приеме рисунка. В скурых штрихах рисунка чувствуется все же достаточная уверенность художника и знание изображаемого. Выразительно даны фигуры зверей в целом и в отдельных деталях. Прекрасно передана кошачья гибкость зверя, плавные контуры тела, мягкая лапа хищника, подчеркнуты основные черты (хотя и минимально), характеризующие породу или другого зверя. Вместе с тем на изображении зверей даны отдельные орнаментальные завитки (напр. на лапе барса), которые как бы стилистически смыкают эту группу с общим круговым орнаментом крышки, представляющим собой сплошной побег лозы с усиками и завитками, переходящими порой в цветочнообразные формы.

Размер сохранившейся части изображения 12 × 14 см, при диаметре крышки в 58 см.

Орнамент крышки хумов и достарханов весьма разнообразен.

Композиционно орнамент на достарханах распределяется двояко. Он либо располагается концентрическими кругами вокруг чаши достархана, либо замкнут в секторах, отделенных друг от друга радиально расходящимися полосами. Чаши достарханов, за немногими исключениями, внутри орнамента не имеют, в единичных случаях орнаментированы внешние стенки чаш. Выполнен орнамент несколькими способами. Он нанесен: 1) тупым стержнем; 2) пунцоном; 3) насечками штампа; 4) гребенчатым штампом; 5) резьбой; 6) способом «выемки»; 7) пальцем; 8) налепным жгутом. По всей вероятности, достарханы с орнаментом, сделанным штампом, относятся к более

позднему времени, соответствующему карахандскому периоду.

По своей конструкции достарханы делятся на два типа. На плоском круге в центре водружена чаша — первый тип; при том же положении чаши круг имеет бортик, поднимающийся до 5 см и загнутый внутрь еще сантиметра на 3—4, — второй тип.

Сравнительно разнообразен и сюжет орнамента. Мы можем указать следующие типы:

1) Концентрические, вдавленные пальцем полосы.

2) Рисунок, нанесенный тупым стержнем или пальцем, образующий растительную вязь или отдельные, не связанные между собой, стилизованные цветы.

3) Орнамент, распадающийся по секторам, сектора заполнены вставленными друг в друга углами, либо тем или другим сочетанием елочек. Имеются случаи комбинирования этого орнамента с пунцоном.

4) Орнамент в виде концентрических поясков и зигзагообразных линий.

5) Вдавlenia, сделанные пальцем или тупым стержнем. Распределение ямок бессистемно.

6) Резной орнамент в виде растительных узоров. Внутри чаши на одном достархане из Беловодского городища имеется розетка, составленная из двух концентрических прямоугольников со слегка вогнутыми в середину стенками. По углам пятилепестковые цветки. Лепестки расположены следующим образом: внизу два ряда лепестков, положенных горизонтально (по два лепестка в каждом ряду), и сверху один лепесток, поставленный вертикально. На другом достархане внутри чаши дана имитация вихревой розетки — одна волота в центре и четыре по углам.

Большой художественный интерес представляет одна чаша с Александровского городища (площадка достархана не сохранилась).

Венчик этой чаши отогнут и оторочен жгутом в виде оборочки. Поверхность венчика украшена узором из отдельных миндалин, с одной стороны отороченных шестереночной полоской.

По краю чаши с внутренней стороны идет ряд нанесенных штампом ромбов с ямочками посередине. Несколько ниже еще один ряд, состоящий из конических выпуклостей, покрытых полосами, расходящимися от вершины конуса к основанию. Всего таких бугорков 21. В центре чаши на дне помещается еще 7 бугорков. Орнамент в общем чрезвычайно прост, но, благодаря рельефным украшениям, создающим игру света и тени, производит весьма выгодное впечатление и имеет очень нарядный вид.

Большую группу составляют достарханы с резным и выемчатым орнаментом. Резной растительный орнамент и выемчатый геометрический всегда располагается концентрическими полосами. Для этих типов орнамента харак-

терно сочетание различных технических приемов, в то время как остальные типы орнаментов выполнены всегда в одной технике (только штамп, только тупой стэк и т. д.).

Излюбленные мотивы резьбы — побег лозы с отростками, заканчивающимися несколькими волютами (обычно три) и удлиненными листьями. Иногда сюда вплетаются веточки с листьями. Ближайшей (территориально и сюжетно) аналогией подобному орнаменту может служить резьба и раскраска по сырцовым стенам постройки из шахристана Сарыга. Реже встречаются волюты, насечки, плавная волнистая линия, между волнами которой вписываются цветочные розетки и просто дугообразные отрезки.

Излюбленным мотивом выемчатого орнамента служит меандровая линия и ее разновидности. Меандровые линии либо образуют концентрические круги, разделенные нейтральными полосами, либо представляют отдельные дуги. Меандр чередуется с елочными полосами и полосами орнамента в виде прямоугольных розеток, косых линий, выпуклых ромбиков (сделанных выемчатой техникой) и т. п. Меандр имеет либо правильные геометрические очертания, либо зигзагообразные, переходящие в плавную волну.

Резьба и выемчатый орнамент дают наибольшее разнообразие сюжетов. Характерно, что орнамент, выполненный этими двумя приемами, заполняет все поле крышки хума или достархана. Умелое сочетание глубокого выемчатого орнамента и плоской резьбы придает предмету очень нарядный вид. Даже самые простые комбинации в виде углов или елочек, густо покрывающих крышку или достархан, создают исключительную пышность и разнообразие.

Характерно, что эти два приема являются, в сущности говоря, основными техническими приемами для орнаментации изразцов — архитектурных элементов, широко употреблявшихся в более позднее время. В изразце караханидской архитектуры мы найдем и эти технические приемы — резьба (тонкая и глубокая), и выемчатая техника, и знакомые сюжеты орнамента (меандр, елочка, растительная вязь, геометризированные розетки).

Эти приемы впрочем были уже известны и раньше. Ими выполнялись самые разнообразные рисунки. Необходимо отметить, что для данного периода орнамент на хумах и достарханах, за исключением двух случаев, о которых мы говорили выше, при многочисленных вариантах сводится к одному типу — к исключительному преобладанию орнаментализма. Это абсолютное господство орнаментализма было вызвано все увеличивающимся влиянием ислама, изгоняющим зооморфные мотивы из искусства Семиречья (впрочем как и всей Средней Азии). Техника резьбы, возникшая еще во времена согдийской колонизации, применялась теперь в широких масштабах и, со-

вершенствуясь вначале на орнаментации достарханов и крышек хумов, подготовила возникновение и развитие устойчивых и характерных форм орнамента на классическом среднеазиатском изразце.

Все остальные технические приемы явно отмирают, их вытесняет штамп, который не теряет своего значения и в последующих образцах керамики караханидского периода.

Индивидуальная резьба (вернее, резьба и выемчатый орнамент, технически с нею связанный), требующая умелой руки искусного мастера, позднее, как мы уже говорили, найдет свое применение, если не в бытовой посуде, то в архитектурном изразце.

е) Буддийский храм у Джуля и сосуд из Александровского городища

(Табл. XXI, LX, LXXVII)

Постройка у города Джуля (у сел. Военно-Антоновское) представляла собой в плане четырехугольник массивных стен (несколько пологих внутри), ориентированных по странам света. Кроме этой постройки, на поселении имела еще одна постройка. Она начиналась в северо-восточном углу городища и доходила до середины площади поселения. До раскопок она представляла собой размытый и разрушенный бугор, также прямоугольной формы (по подошве).

На бугре было позднемусульманское кладбище; бугор был сплошь изрыт могилами киргизов. Так как при постройке канала им пользовались для добычи земли, то он был скрыт почти целиком. В процессе вскрытия были обнаружены сырцовые стены постройки с фрагментарными остатками росписей стен и лепных украшений. Остатки росписей дали возможность утверждать, что это были развалины сильно разрушенного буддийского храма, вероятно переделанного из раннемусульманской постройки. Храм был настолько разрушен поздними могилами, что составить ясное суждение о внутреннем плане чрезвычайно трудно. Можно лишь полагать, что здесь были маленькие комнаты типа келий. Незначительность бытового инвентаря (мелкие обломки толстостенной, мусульманского типа керамики) еще более убеждает в том, что это остатки храма или, быть может, местожительства буддийских монахов.

Собранные в храме куски сырцовых стен со следами росписи и лепки делятся на две группы: 1) объемные и барельефные изображения и 2) куски плоскостных росписей.

Объемных изображений немного. Особый интерес представляет рельефное изображение мужского лица, очевидно старика, в очень своеобразной трактовке, сохранившееся на $\frac{2}{3}$ (отсутствует подбородок и левая половина

лица — глаз и щека). Лобные кости слегка вдавлены. Над глазами нависают густые брови, резко поднимающиеся вверх над переносьем. Глаза большие, внутренние углы опущены. Глазное яблоко очень выпуклое, зрачок слегка намечен ямочкой. Массивный с легкой горбинкой нос заканчивается широко раздутыми ноздрями. Большие усы по очертаниям напоминают рисунок бровей. Лицо раскрашено сухой росписью (альсекко). Все лицо покрыто красно-коричневой краской, брови оставлены белыми, на них только нанесены косые коричневые насечки. Глаза покрыты темной краской, темной (сине-черной) краской покрыты и усы. Щеки (сравнительно плоские, без скул) и нос покрыты красной краской.

Судя по сохранившемуся фрагменту, изображение изготовлено при помощи штампа, причем никаких следов дополнительной обработки резцом не видно. Изображение было отштамповано на простой глиняной массе и, после того как глина немного подсохла, раскрашено.

По типу лицо старика настолько схоже с каноническими портретами Ваджрапани, что к их числу мы относим и наше изображение. Как мы уже говорили, нами обнаружен только фрагмент росписи. Возможно, что вся роспись изображала фигуру докшита (табл. XXI, 4).

Высота уцелевшей части лица 13 см, из них лоб — 7 см, нос 4.5 см. Ширина лица была, видимо, 13 см.

Из других фрагментов стенных росписей любопытен кусок с нанесенными на него двумя рельефными полосками (табл. LXXVII, 1). Ширина полосок до 1 см, высота рельефа до 3 мм. Полоски состоят из параллельных линий, заключающих ряд примыкающих друг к другу выпуклых кружков. Одна из полосок подходит к другой под углом, причем в углу находится сасанидского типа розетка. Розетка (диам. 2 см) состоит из 10 кружков, расположенных вокруг одного центрального, обведенного бордюриком. Центральный бугорок синий, синей краской частично покрыты и полоски. Красной краской оконтурено с одной стороны основание полосок. Такие рельефные полоски с розеткой встречаются на статуях буддийского типа из Восточного Туркестана, в частности, в Кучара, а в Средней Азии на статуях из Варахши. В обоих случаях они украшают одежды буддийских рыцарей «шакья».

Такие розетки имеются еще на двух фрагментах со сферической поверхностью. Рядом с ними проходят полосы красного цвета, сами же розетки не раскрашены.

Следует еще отметить фрагмент стеного штука со следами красных плоских полос и массивным налетом до 2 см толщиной, форму которого установить трудно.

Налеп разделен на две части глубокой врезной полоской. На левой стороне черными тонкими линиями (до 1 мм толщины) и красно-

коричневой краской нанесены изображения вытянутых листьев (лотос). Грань среза (ложбинка) окрашена в сплошной светложелтый цвет.

На правой стороне большой кусок поля закрашен красной краской, образующей с одного края часть окружности, верхняя часть закрашенного красной краской пространства уходит вверх, ее окаймляет полоса (шир. в 1 см) неокрашенной поверхности, затем идет тонкая черная полоска и снова окрашенная желтой краской поверхность.

Красная краска образует нимб, внутри которого сохранились следы контурной росписи вокруг трех выпуклостей, весьма напоминающих абрис головы будды. Центральная выпуклость — ушниша. Принимая во внимание известные стеновые росписи Восточного Туркестана, мы можем, с большой долей вероятности, предположить, что наш фрагмент скорее всего является частью изображения бодисатвы.

Вторую группу, как мы указали, составляют плоскостные росписи. Следует, однако, сказать, что плоский раскрашенный орнамент выступал на гладкой поверхности стены, которая оставалась не раскрашенной. Не раскрашивались и боковые грани выступающего орнамента.

Роспись производилась: красной, черной, синей и коричневой красками. Желтых расцветок здесь нет. По сюжету роспись разбивается на две группы — геометрическую и растительную.

На одном фрагменте с геометрической росписью синими полосами довольно небрежно нанесены большие квадраты (диагонали 6.5×6.5 см), поставленные на угол; ширина полос не всюду одинаковая (в среднем — 1.2 см). Очевидно квадраты располагались несколькими рядами. Фоном служит естественный цвет сырцово-красной стены. Низ росписи оконтурен широкой красной полосой. В середине фрагмента круглое пятно.

Второй фрагмент имеет более сложную роспись. Три черные полосы шириной от 2 до 3 мм идут параллельно друг другу по незакрашенному полю сырцово-красной стены, затем две крайние полосы расходятся в разные стороны, окаймляя, видимо, какую-то правильную многогранную фигуру. Средняя полоса продолжается дальше и упирается в перпендикулярные линии центрального рисунка. Многогранная фигура, очерченная черными линиями, закрашена красной краской. Однако красная краска покрывает ее не сплошь, внутри фигуры черными тонкими линиями очерчен ромб, примерно тех же размеров, что и на первом фрагменте (6.5×6.5 см), но не совсем правильной формы (концы углов ромба затуплены). Ромб в свою очередь имеет внутри какой-то рисунок, нанесенный синей краской, но настолько расплывшийся и неясный, что уловить какой-либо определенный узор почти невозможно.

Судя по другому фрагменту, красные поля многогранников были разделены нейтральными (неокрашенными) полосами и окаймлены черными линиями. Красные многогранники с синим заполнением внутри были как бы островками, не связанными друг с другом непосредственно. Расположение красных многогранников шахматное.

К плоскостной росписи с растительным орнаментом мы относим кусок фриза, обломанный внизу под углом. Край фриза, отделенный от общего фона черной тонкой линией — желтый, за этой узкой желтой полосой идет широкая полоса с изображением синих цветов (синим даны контуры лепестков) ромбической формы. Центр цветка, также ромбической формы, окрашен либо в красно-коричневый цвет, либо в красный. Цветы идут сплошной полосой, один цветок налегает на другой. Рисунок по стилю напоминает более реалистически выполненные бордюры из цветов — северо-маньчжурские астры, — открытые нами в развалинах постройки IX—X вв. в Красной Речке (древний город Сарыг).

Последний из имеющихся фрагментов сложен для расшифровки. Он представляет собой плетение цветных линий на естественном фоне (синие линии с красным или черным контуром и т. д.), образующих плавные волны и острые углы. Возможно, что этот фрагмент следует отнести к первой группе — к группе геометрических орнаментов.

Техника росписи на всех фрагментах одинакова. Стена сделана почти без примеси самана — чистая глина (имеющиеся примеси, по нашему мнению, случайного происхождения). Поверхность стены слегка затерта и по ней сухой росписью наносился рисунок.

К ранним памятникам буддийской культуры, проникшей в Семиречье через кушан, относится один замечательный сосуд — кувшин красного лощения, найденный на Александровском городище (табл. LX). Сосуд имеет грушевидную форму. Горловина его и верхняя часть тулова утрачены. Высота сохранившейся части 33 см, диаметр тулова 26 см. Сосуд украшен богатым орнаментом. Между двумя орнаментальными полосами (шириной в 2 см), опоясывающими сосуд, идет широкая (6 см) полоса, разделенная на четыре равные части: в трех точках скульптурными фигурками (4.5 см), в четвертой — основанием вертикальной ручки кувшина. Фигурки примазаны к тулову сосуда. Сделаны они весьма тонко и тщательно. На голове пышный убор. Посредине его двумя концентрическими кружками изображено солнце, от которого в обе стороны двумя полукругами отходят банты. Основание головного убора украшено жгутом. От головного убора опускаются подвески (может быть, это оттянутые книзу уши?). На обоих плечах круглые медальоны, вокруг шеи — ожерелье, свободно ниспадающее на грудь. Руки фигурки

сложены на груди молитвенным жестом (ладонями друг к другу). На бедрах повязка, посредине перевязанная узлом, концы ее спускаются вниз. Ноги отчетливо видны только до голени, так как ниже статуэтка, очевидно еще не совсем просохшая, была прижата к поверхности сосуда. Прекрасно выполненное лицо с большими прямо поставленными глазами, маленький рельефный рот, большие дугообразные брови свидетельствуют о высоком искусстве мастера. Плавный овал лица и правильное соотношение черт соответствуют классически-каноническому буддийскому типу гандарского происхождения. Между фигурками расположены трехлепестковые резные изображения лотоса с налепной розеткой посредине (4 × 5.5 см). По концам горизонтальных лепестков орнамент пунцом из трех кружков (каждый состоит из двух концентрических окружностей), расставленных треугольником. Диаметр кружков 0.5 мм. Над вертикальным лепестком находится один такой кружок.

Вышеописанную широкую полосу орнамента с двух сторон, как мы уже говорили, окаймляют узкие полосы, в свою очередь состоящие из двух рельефных валиков с крестообразными насечками, между ними ряд углов, сделанных довольно грубой выемчатой техникой; между сторонами углов расположены овальные вдавления.

Статуэтки сделаны разными, хотя и весьма схожими штампами. В этом убеждает нас некоторое различие головных уборов. В одном случае петли банта образованы двумя самостоятельными линиями, в другом — тремя связанными линиями.

Остальной орнамент выполнен металлическим резцом и просто пальцем, так, например, фигурки прилеплены к сосуду нажатием пальца.

§ 5. КУЛЬТУРА ГОРОДОВ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАРАХАНИДСКОГО ПЕРИОДА

(Табл. LXXVIII—LXXXVIII)

Расцвет городов в караханидскую эпоху и широкое развитие ремесел обусловили возникновение специальных торгово-промышленных предместий — рабадов. Поэтому культурные слои, относящиеся к этому времени, мощны и занимают значительную площадь. Материал караханидской эпохи встречался буквально на всей трассе. Обилие встреченного материала объясняется еще и тем, что караханидская эпоха продолжала свое существование вплоть до завоевания монгол. Города, сгоревшие во время монгольского завоевания, погребли под развалинами обильный бытовой инвентарь. От прежних эпох по различным причинам до нас дошел сравнительно незначительный материал. Так, например, почти не сохранилось изделий из бронзы карлукского периода

(за исключением находок в могильниках). Это объясняется тем, что бронза была очень ценным металлом. К тому же этот металл, обладающий способностью «не стареть», очень удобен для переливки. Поэтому бронзовые изделия, вышедшие из употребления, неизменно переливались и отражали уже культуру ремесленников новой эпохи. Это и привело к тому, что мы почти не знаем бытовой бронзы карлукского периода, но хорошо знаем карахандскую бронзу, которая сохранилась под развалинами после пожаров и разрушений, произведенных монголами.

Собранный экспедицией материал наглядно отражает, как мы уже говорили, бурный рост городов и городских ремесел при карахандах.

Весьма показательным материалом растущего градостроительства и благоустройства городов являются водопроводные гончарные трубы, большая коллекция которых была собрана экспедицией. Как и следовало ожидать, трубы найдены на местах более или менее крупных поселений (Сукулук, Александровское городище, Беловодская крепость). Трубы делятся на два типа. Первый тип представлен цилиндрическими отрезками труб, один конец которых внутри имеет паз, другой конец соответственно слегка сужается для монтажа трубопровода. Трубы второго типа имеют слабо выраженную коническую форму. Расширенные и сужающиеся концы имеют валики. Размер труб первого типа: дл. — 49 см, диам. — 13, дл. — 48, диам. — 14, дл. — 36, диам. — 18, дл. — 35, диам. — 11,5 см. Поверхность труб сохранила следы вращения на гончарном круге, широкая закраина обычно несколько утолщена. Стенки труб также сделаны неровно. Так, имеются экземпляры труб первого типа, у которых один конец конусовидный, а в середине наблюдается расширение диаметра. Конические трубы второго типа имеют диаметры последовательных сечений: 43, 12, 8 см или 45, 15, 8 см.

Имеются обломки гончарных труб с диаметром 6 см и диаметром рабочего отверстия 3 см. На конических трубах в широком конце, в муфте, сохранились следы замазки — белого раствора, вероятно ганча. Следы замазки наблюдаются как внутри муфты, так и на ее поверхности.

Особо должна быть отмечена одна труба, неизвестного назначения, найденная в Сукулук. Сохранившаяся длина трубы 50 см. Она представляет собой правильный цилиндр с тщательно затертой внутренней и внешней поверхностью. Диаметр трубы 26 см, при сравнительно тонких стенках (до 1,5 см). Сохранившийся конец имеет выступающий край с зубцами (жгут, сделанный пальцами). На образцованном жгутом венчике имеется желобок в виде слива шириной 3—5 см. На противоположной стенке трубы имеются выемки — следы прикрепления вертикальной ручки, видимо более

широкой наверху. Примерные ее размеры 11,5 × 7 см (табл. ХСIV, 5).

Широко представлена неполированная керамика карахандской эпохи. Основную группу в этой керамике составляют самых разнообразных форм и размеров кувшины, покрытые орнаментом. Наиболее характерной особенностью этих кувшинов является то, что они сделаны на гончарном круге и орнаментированы штампом. Характерна для них и устойчивость формы и, в связи с этим, серийность образцов. Оба эти обстоятельства говорят об укреплении ремесленного производства, выделении гончарного ремесла из домашнего хозяйства и свидетельствуют о широком размахе гончарного дела. Не только в собственно городских центрах, но и в предместьях бывали гончарные мастерские. По мере развития гончарного производства стирались индивидуальные особенности мастерства в изготовлении посуды и особенно в орнаментике. Свободная рука художника-гончара заменялась штампом ремесленника. Возможно, что корпорация ремесленников находилась под покровительством властей, оказывавших на них идеологическое влияние. Это подтверждает соответствующий текст из Кудатгу—Билик, дидактического произведения XI в., созданного в столице карахандов в г. Баласагуне, как известно, находившегося в Чуйской долине. Это идеологическое влияние и привело к тому, что в штампах ремесленника, прошедших мусульманскую «цензуру», получили господство чисто орнаментальные мотивы.

Кувшины с орнаментом, представленные в коллекции экспедиции, составляют по размерам и форме две основные серии. Чисто бытовую хозяйственную посуду мы рассмотрим ниже.

Первая серия представлена кувшинами, имеющими шарообразное тулово, высокую и узкую горловину с вертикальной ручкой. Носик-слив сделан в виде конической высокой трубочки, основание которой укреплено на самой выпуклой части тулова. Длинный носик сильно выступает вверх и немного вперед. Ручка кувшина поставлена к горловине так, что она с осью горловины и носика составляет прямой угол.

Сосуды иногда имеют залощенную и покрытую красным ангобом поверхность. Носики и ручки, как правило, гладкие, иногда ручки имеют на верхнем сгибе шишечку. Горловина нередко расширяется кверху, закраина имеет венчик в виде валика. По верхней части тулова проходит поясной орнамент. Орнамент сравнительно однообразен. Нами наблюдались следующие его разновидности: а) две параллельные линии, сделанные резцом (редко) или гребенчатым штампом с волнистой линией посередине (чаще, табл. LXXX, 7); б) орнамент (также расположенный по тулову пояском) образован штампами двух типов: либо в виде круглой розетки с радиально расходящимися полосами, либо оттисками зубчатого штампа,

окруженными миндалевидными овалами или расположенными между вертикальными полосками.

Орнамент наносился сразу по изготовлении сосуда (тулово и горловина лепились вместе), затем проделывались отверстия для носика и ручки (о чем говорят разорванные отверстиями линии орнамента), и только потом примазывались носик и ручка, при этом носик и один конец ручки вставлялись изнутри. Поверхность у основания ручки и носика тщательно заглаживалась. Высота кувшинов варьирует от 31 до 15 см при диаметре тулова от 22 до 11 см. Высота носиков 4—6 см. Как видно из приведенных размеров, диаметр сосуда составляет примерно $\frac{2}{3}$ его высоты, а крупные сосуды к малым относятся также в определенной пропорции. Возможно эти соотношения вызваны тем, что кувшины являлись определенными мерами вместимости.

В числе орнаментальных приемов следует отметить, как исключение, употребление налепов, в свою очередь еще украшенных штампом уже упомянутых типов или техникой выемчатого орнамента, образующего сглаженную меандровую линию. Наблюдается орнамент в виде насечек (штамп), образующих ряд ромбов. Известный нам прием трехугольного расположения налепов или пунцонных кружков также имеет здесь место. Один из налепов был украшен штампом в виде густо поставленных параллельных линий, пересекающихся с центральной вертикальной линией.

Большой интерес представляет один штамп в виде кольца с незамкнутыми концами. На концах шишечки, а все полукольцо покрыто небольшими черточками. Этот штамп был обнаружен на вертикальной ручке одного сосуда, найденного в районе с. Ивановское, и на петлеобразной ручке кувшинообразного сосуда к югу от с. Краснореченское. Оба пункта были расположены на территории окраины древнего города Сарыга. Очевидно, что сосуды вышли из рук одного и того же мастера и были куплены разными хозяевами.

Такие индивидуального характера штампы могут рассматриваться как своеобразные клейма, которые одновременно украшают сосуд, заполняя пустые пространства.

Это предположение подтверждают и аналогичные штампы на венчиках хумов. Обычно такие круглые клейма расположены симметрично по венчику сосуда (по 4 или 6). Штампы-печати известны и для более раннего времени по находкам в Чуйской долине, широкое употребление печати (тамга) было неоднократно зафиксировано письменными источниками. Штампы-клейма на хумах бывают или круглые или продолговатые с различными заполнениями внутри — секторальная разбивка, сетки, цветочные виньетки. Особый интерес представляют клейма с арабскими надписями. Так, на Красной Речке (древний Сарыг) был найден венчик хума с шестью клеймами, внутри кото-

рых почерком куфи были надписи с благопожеланиями.¹

Штамп для изготовления этих надписей один, некоторое отличие в оттисках зависит от степени нажима на штамп. На том же венчике хума, кроме отчетливых оттисков, сохранились оттиски едва различимые — следы легкого прикосновения штампа, очевидно мастер искал место для симметричного расположения штампа.

Для полноты обзора неполивной посуды караханидского времени, собранной во время работ экспедиции, следует отметить группу кухонной керамики.

Кухонная керамика ремесленного производства состоит из сосудов двух видов: кувшинов с вертикальной ручкой и высокой горловиной и кубышкообразных сосудов с петлеобразными ручками.

Кувшины гладкие, без орнамента, высота их 48—50 см, диаметр тулова 25—28 см, т. е. соотношение высоты и диаметра — 1 : 2. Впрочем в коллекции экспедиции имеется один кувшин высотой в 75 см, при диаметре 46 см.

Горшки для варки пищи (обычно со следами копоти) имеют плоское дно, плавно расширяющееся кверху тулово, резко переходящее затем в цилиндрическую горловину. На горловине петлеобразные ручки, закраина имеет отогнутый наружу венчик. Размеры этих горшков сравнительно разнообразны, но в соотношении высоты и наибольшего диаметра заключается определенная закономерность, превалируют равные размеры высот и диаметров (25 × 25).

Вся рассматриваемая посуда, включая кухонную, сделана на гончарном круге. И только в способе изготовления одного вида кухонной посуды сохранились пережитки домашнего ремесла — ручная лепка. Ручной лепкой изготавливались круглодонные котлы кочевнического типа. Это объясняется тем, что кочевники только начинают переходить к оседлому образу жизни. Котлы или котлообразные сосуды имеют слабо выраженный отогнутый наружу венчик. На плечиках котла помещаются две, иногда четыре, симметрично расположенные горизонтальные ручки. Ручки сплошные, разных размеров и форм. В этой серии грубо сделанных котлов выделяются лишь единичные экземпляры, явно выполненные гончарами-ремесленниками.

В эту же эпоху появляются (и широко распространены) горшки для детских колыбелей, известных в Средней Азии под термином «сувак».

Как видно из общей характеристики караханидской керамики, при изготовлении керамических изделий данного времени (за исключением котлов кочевнического типа) соблюдались определенные каноны, но все же изредка попадаются и «внесерийные» сосуды.

¹ А. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья. Эпиграфика Востока, II.

Укажем, например, на плоскую флягу (LXXXI, 5) с двумя петлеобразными ручками из г. Сарыга. Фляга не орнаментирована, размеры ее: $21 \times 17 \times 5.5$ см, дно плоское. Аналогичного типа фляга-мустахара широко известна в Средней Азии.

Оригинальна форма одного сосуда из Александровского городища. Сосуд состоит из двух сообщающихся между собой кувшинчиков черного лощения. Кувшинчики соединяются наиболее выдающейся частью тулова и трубочкой, прикрепленной наверху горловин. От этой соединительной трубочки отходит перпендикулярно вниз постамент, опирающийся на тулово сосуда в месте соединения двух кувшинчиков. Один из кувшинчиков имеет выдающийся носик. Кувшинчики изготовлены из хорошо отмученного теста, черепок в изломе серый. Высота сосуда 13 см. Диаметр каждого сосуда 8.5 см, общая ширина 17 см (табл. LXXXI, 7).

В Чуйской долине была собрана большая коллекция сфероконических сосудов обычного среднеазиатского типа, как правило обильно украшенных богатым штампованным орнаментом. Среди них особенно выделяется один, нижняя часть которого и дно имеют необычную форму — в виде хвоста рыбы. Другой сосуд имеет накладные ребра и изящно сделанную горловину. Важно отметить, что среди собранных сосудов этого типа встречаются явно бракованные, что свидетельствует об их местном производстве (Сукулук).

Выдающийся интерес представляет поливная керамика с изображением живых существ. Характерно, что все найденные фрагменты сконцентрированы в одном месте — в Сукулуке.

Опишем несколько подобных сосудов. Сосуд первый представляет собой глубокое блюдо размером 25.5×7.5 см, край которого округлен черными точками. Чуть ниже закраины сосуд опоясывает арабская надпись, выполненная коричневой краской и обведенная более тонкими, но более темными коричневыми линиями. Надпись представляет повторение одного слова *اليمن* — «будь благополучен».

В центре, в весьма реалистической трактовке, той же коричневой краской дано изображение бегущего фазана. Ноги, клюв и глаз переданы зеленой краской. На крыльях и хвосте более интенсивными коричневыми и светлыми линиями прорисованы (схематически) перья.

Светлые линии достигались гравировкой по коричневому фону изображения. Блюдо было разбито еще в древности. Прослеживаются следы давней сшивки. Сохранилось оно почти полностью (см. фронтиспис).

Другой интересный зооморфный сюжет выполнен на блюде светлозеленой поливы (LXXXIII, 3—4). На этом блюде коричневой аркской нанесен «пропеллерный» орнамент, с арабскими надписями почерком куфи между

«пропеллерами». Кроме того, тут же, между «пропеллерами», изображены две распластанные лягушки, упирающиеся в нижний край надписи. Одна лягушка нарисована серой, другая — желтой краской. Контуры лягушек очерчены черными линиями, черной же линией оконтурены глаза, нос, изображены хвосты в виде трех извивающихся полосок. Черными точками и штрихами разрисованы туловища.

Третье изображение животного дано также на блюде. От блюда сохранился небольшой фрагмент (табл. LXXXIII, 1). По черному фону поливы проходит жгут из двух переплетающихся бледнозеленых лент, ниже идут коричневые полосы, окаймленные беловатой краской. Полосы упираются в изображение головы медведя. Голова, нос, уши и глаза очерчены тонкими белыми линиями, остальной фон зеленого цвета. Голова медведя сделана весьма просто и смело. Контур головы, включая контуры ноздрей и, видимо, глаз даны одой непрерывающейся линией. Только уши как бы пририсованы к голове. Под мордой медведя нарисована геометрическая фигура (прямоугольник?) с белыми точками в середине.

Последнее изображение — человека в красном халате — дано на донце сосуда белой поливы (табл. LXXXIII, 2). Рисунок сделан черной обводкой, в «древнеегипетском» стиле, грубо передано лицо, сохранившееся частично, плечи широкие. К изображению человека с трех сторон подходят острия какого-то орнаментального узора с кружками на концах.

Такова немногочисленная группа поливы данного типа. Интересна в ней не столько техника исполнения, говорящая, правда, о высоком искусстве гончара-художника, сколько сюжет изображений.

Комментарии к корану запрещают изображение живых существ. Это весьма ярко отразилось на керамике карлукского и караханидского периодов и привело, как мы уже указывали, к постепенному развитию и, наконец, к полному преобладанию орнаментализма. На вышеописанных образцах поливной посуды как бы отдается дань господствующей официальной идеологии правящего класса — в орнамент введены коранические надписи. Но вместе с тем все еще живые согдийские традиции и веротерпимость городского населения позволили воскресить более древние народные сюжеты — изображения человека и животных. Такой орнаментальный синкретизм стал возможен именно в эпоху караханидов, когда основная масса кочевников, слабо разбирающихся в догматах ислама, проникла в города и переходила к оседлому образу жизни.

Эта среда и вызвала воскрешение изгнанных из искусства сюжетов. Художник-гончар объединил различные художественные традиции. Вместе с кораническими надписями в орнамент вошли: из согдийского пантеона — фазан —

символ огня; излюбленный сюжет китайского рисунка — лягушка — символ благополучия, и образ, близкий вероятно тюркам — медведь.

Характерно, что все эти фрагменты поливной посуды происходят из Сукулука, этого древнего центра гончарного ремесла, образцы которого мы уже неоднократно рассматривали. В этом древнем городе, несмотря на общую канонизацию ремесла, еще не были забыты старые традиции, еще были живы потомки искусных гончаров согдийского периода, воскресившие в XI—XII вв. народное искусство и осмелившиеся нарушить сухой мусульманский канон.

Мы уже отмечали в печати своеобразие культуры крупных центров Чуйской долины и, в частности, тот факт, что поливная (глазурованная) посуда местного производства в широких размерах появляется в Чуйской долине только в XI—XII вв.¹

Несмотря на такое позднее появление, поливная посуда караханидской эпохи, найденная экспедицией, имеет весьма разнообразные сюжеты росписи. Грубо классифицируя эту посуду, мы можем указать следующие типы:

1. Посуда с орнаментом, расположенным поясами; в орнамент включены куфические надписи с благопожеланиями, чаще всего «аль-юмн» и «алла».

2. Посуда со стилизованным растительным орнаментом, которую можно разделить на две подгруппы:

а) с вихревой розеткой на донце;

б) с орнаментом в виде «пропеллера» по всей плоскости сосуда.

3. Посуда с изображениями живых существ, описание которой дано выше.

4. Особую группу составляет большая коллекция чираков.

5. Единичные находки привозной посуды неместного происхождения.

Широкое распространение в это время приобретает посуда обще-среднеазиатских типов — блюдо, кеса, пиала.

Техника отделки поливной посуды одинакова: по слегка подсохшему телу сосуда наносился краской полихромный рисунок, а затем сосуд покрывался прозрачной или цветной глазурью. Изредка рисунок дополняет тонкая гравировка.

Надпись на сосудах обычно делалась черной и коричневой красками по белому, коричневому и красно-коричневому фону. Как исключение, наблюдались случаи, когда надпись была сделана светложелтой и красной красками. Имеется группа надписей, нанесенных белой краской, но тогда фон обязательно цветной (красный, коричневый).

Надписи сделаны почерком куфи; как правило, не только такие буквы как алиф, лям и им подобные сильно вытянуты вверх, но и некоторые другие (нун, мим и т. д.).

Надписи разбиты на секторы, иногда разделены цветной розеткой, обычно архаического типа (центральная горошина, окаймленная цветной полосой, замкнутой кружком горошин, все три части розетки разного цвета).

Надписи иногда располагаются и между другим, более сложным орнаментом растительного характера.

Надписи куфи, постепенно стилизуясь, преобразовались в своеобразный орнамент. Те же коранические формулы были настолько стилизованы, что надписи совершенно потеряли свое смысловое значение и превратились в простые орнаментальные полосы, опоясывающие тулово сосуда.

Второй тип посуды весьма распространен. Вихревая розетка, являющаяся отличительным признаком первой подгруппы, располагается на внутренней поверхности донца сосуда и выполнена обычно коричневой или черной красками. Как исключение, встречаются белые розетки на черном фоне. Розетку окаймляет круг из лепестков или из геометрических узоров, образующих углы. Линии, составляющие вихревую розетку, либо одинаковой толщины, либо несколько расширяются к концам.

Орнамент посуды второй подгруппы однообразен; он состоит из центральной точки, от которой отходят два стебля, на их концах массивное изображение цветов, напоминающих современный узор на ферганских тюбетейках, по догадке Г. Григорьева «тус-туши». Значительно реже встречается более сложная комбинация растительного и геометрического орнамента. Так же редки и плетенки в сочетании с изображением «тус-туши» (желтая полива).

Чираки в основном одной формы. Кроме продолжающего бытовать саманидского типа чираков, появляется типично караханидский чирак. Он имеет конический резервуарчик с вертикальными желобками, имитирующими якобы металлическую основу чирака, вытянутый носик и петлеобразную ручку с пятой. Пята обычно изображает древесный лист и покрыта богатым растительным орнаментом в виде пружилок, иногда орнаментом геометрического типа. Чираки все одноцветные. Чаще всего они покрыты густозеленого цвета поливой, встречаются и коричневые чираки. Формы чираков варьируют незначительно, и несколько различаются лишь формы резервуарчиков (имеются резервуарчики с более или менее закрытыми бортиками).

Из привозной посуды отметим лишь один сосуд из Александровского городища (табл. LXXXVI, 3). Сохранились только фрагменты — днище и нижняя часть тулова. Вероятно, это был кувшин. Плотный, светлорозовый черепок покрыт густой стекловидной

¹ См.: А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

глазурью молочного цвета, отливающей желтизной. Орнамент нанесен коричневой краской. Нижний пояс орнамента составляют несложные растительные узоры. Второй пояс состоит из медальонов, с вписанными в них фигурками сидящих людей в просторных халатах из пестрой материи. Контуры фигурок очерчены краской, лица белые. Овальные медальоны, с изображением людей, разделены более вытянутыми медальонами (таких было, видимо, только два), с изображением каких-то птиц (вероятно, попугаев).

Мы предполагаем, судя по технике глазури (люстр), характеру орнамента и иконографическим деталям, что сосуд, вероятно, западного происхождения, скорее всего из Рея (Иран).

Вся местная посуда происходит из Сарыга, Сукулука, Александровского и Беловодского городищ. Богатый колорит расцветок полихромной посуды создан черной, коричневой, красной, зеленой, желтой, белой красками и переходными тонами.

Закрытые типы сосудов не представляют особого интереса и весьма редки.

Было так же собрано довольно большое количество бус. В основном они были найдены в Сукулуке (26) и Александровском городище (8), ряд находок происходит из других мест — Беловодск, и, главным образом, из могил тюркского времени.

По материалу бусы делятся на следующие группы:

1) Пастовые бусы разнообразных размеров и цветов, зачастую инкрустированные. К ним должны быть отнесены бусы, изготовленные из каких-то стекловидных шлаков.

2) По технологии изготовления к ним примыкают бусы из стекловидной массы, которые являются как бы переходными от пастовых бус к стеклянным. Эти бусы обычно одноцветны.

3) Стеклянные бусы, обычно цилиндрические, огранные и боченковидные. Встречаются уплощенные огранные бусы.

4) Бусы из естественных материалов, среди которых отметим: перламутр, сердолик, бирюзу, мрамор, канифоль, коралл, кварц, лазурит, роговик, корунд, яшмовый кварцит, мраморовидный известняк, яшму (желтая), мелкокремнистый сланц, мергелистый известняк, глиняный песчаник.¹ Строго говоря, украшения из сланца, известняка и песчаника представляют собой не бусы, а круглые или овальные плоские в сечении подвески диаметром до 4 см. Часть из них имеет выпуклое ушко для подвешивания. Встречаются украшения аналогичной формы (чаще прямоугольной — 2.9 × 1.8 см) из белой керамической массы, поверхность их покрыта циркульным орнаментом.

¹ Определение материала бус естественного происхождения любезно взял на себя инженер-геолог Л. Д. Прасол.

Бусы последней группы в основном простые сферические, цвет естественный. Бусы из бирюзы обычно уплощенные, с двумя отверстиями. Встречаются бусы и биконической формы.

Хорошо известна трудность датировки бус. Казалось бы, опорой для датировки могут служить бусы, найденные в твердо датированных могилах. По этим образцам можно было бы выделять синхронные группы бус, обнаруженных на городищах. Однако, если в могилах встречается сравнительно ограниченная по форме и материалу серия бус, то бусы, найденные на городищах, весьма разнообразны; кроме того, невозможно установить соответствие определенного типа бус определенным эпохам. Так, например, некоторые древние формы бус, скажем, скифосарматского времени, продолжают существовать вплоть до современности, и лишь единичные формы бус связаны с определенными этапами развития общества. Это относится прежде всего к цилиндрическим пастовым бусам, покрытым черной с белыми разводами стекловидной массой. Иногда такие бусы имеют параллельно припаянную тонкую цилиндрическую трубку такого же цвета. Длина такой бусы 3.2 см при диаметре 1.3 см. Такие бусы имеют сквозное по оси цилиндра отверстие.

Бусы из твердых естественных пород, как кварц, яшма, корунд, мелкозернистый мрамор, имеют обычно гладкие геометрические формы (шар, цилиндр, призма, биконические бусы и т. д.). Изредка встречаются огранные бусы или бусы с бороздками, как бы делящими шар на дольки. Последний прием более распространен на пастовых бусах. Мягкие естественные породы использовались, главным образом, для уплощенных подвесок.

Пастовые бусы отличаются большим разнообразием форм и украшения поверхности. Они делятся на две группы. К первой относятся бусы из обычной пасты, они одноцветные — голубые — и сравнительно однообразные по форме (шар, цилиндр), иногда, как мы уже говорили, на них имеются бороздки, делящие бусинку на дольки.

Пастовые бусы второй группы сделаны из твердой почти кристаллической керамической массы и покрыты стекловидной глазурью. Чаще всего они шаровидной формы, поверхность их украшена выпуклыми разноцветными шишечками, окаймленными тоже цветными кружками. Встречаются бусы, покрытые извилистыми разноцветными линиями, в этих случаях поверхность у них гладкая, без выпуклых шишечек.

Любопытна одна буса, найденная в сел. Красная Речка. Она представляет собой полусферу диаметром в 2.5 см. Центр ее занят цветочной пальметкой из восьми лепестков, ооконтуренных валиком. По этому валику движется вереница фазанов. Отверстие для нашивки проходит по оси диаметра основания бусы.

Устанавливается лишь одно отличие между поздними и ранними пастовыми бусами. У ранних глазчатых бус поверхность рыхлая, раскраска однообразная — синие глазки и коричневые полосы (например бусы с 5-го строй участка). Более поздние бусы покрыты стекловидной плотной массой, по их черной поверхности расходится целая сеть разноцветных разводов, на некоторых экземплярах имеются выступающие полосы, изогнутые в виде арочек.

Изделий из бронзы, встреченных в мусульманских слоях, сравнительно немного, и все они относятся, в основном, к караханидскому периоду, вернее, были найдены в слоях, соответствующих XI—XII вв.

Упомянутые находки не образуют серий и представлены отдельными изделиями и многочисленными обломками бронзовых предметов неизвестного назначения. Из отдельных находок упомянем найденные на Сукулук, Александровском городище и Беловодской крепости подсвечник, колоколец, крышки от сосудов, чираки.

§ 6. НОВЫЕ ЦЕНТРЫ КАРАКИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Табл. LXXXIX — XC)

Во время работ экспедиции 1941 г. в некоторых, правда немногочисленных, пунктах были обнаружены наметники так называемой каракитайской культуры. До работ экспедиции 1941 г. материальные остатки ее были вскрыты на городище древнего Баласагуна, в так называемом каракитайском квартале (см. ч. I, гл. II, § 6). В 1941 г. остатки каракитайской культуры обнаружены на Александровском городище, кроме того было вскрыто одно каракитайское погребение на 7-м стройучастке. В процессе работ экспедиции, при содействии геологов, удалось обнаружить еще один пункт нахождения вещей каракитайского происхождения — на городище в сел. Ворошиловском.

Наиболее мощным по содержанию предметов каракитайского происхождения оказалось Александровское городище. Памятники каракитайской культуры были обнаружены на правом берегу оврага и карасука Мамай (который омывает Александровское городище с запада) в результате земляных работ по устройству канала и сноса близлежащих холмов. При вскрытии этих холмов обнаружили остатки квартала гончаров, четко разделяющегося на две части. Южная часть его была местом изготовления кровельного, строительного материала и кирпича, северная часть — местом изготовления посуды. В обеих частях были обнаружены обжигательные печи, полуфабрикат, брак, шлаки, готовая продукция. В районе изготовления строительных материалов были найдены: черепицы двух типов, «коньки» на черепицу и кирпичи больших размеров.

Обнаруженная здесь черепица представляет собой в сечении пологую дугу размером в 19 см

при толщине в 0.8 см. Длина черепицы 30 см. Внешняя поверхность ее заложена. Изнутри вся поверхность, за исключением узких кантов по краям, шершавая, имеет следы присыпки песком. Излом черепицы серо-синий. Черепок плотный, звонкий.

Черепица другого типа сравнительно короткая — 17 см, в сечении она представляет дугу, расстояние между концами которой 10 см. Техника и обжиг те же. На одной стороне имеется пирамидка, треугольная в сечении, с округлыми гранями. Высота пирамиды 3 см. Черепица этого типа несколько толще — до 2 см. Оба типа черепиц отличаются от так называемой баласагунской: высота черепицы из Александровского городища 3.5 см, в то время как черепица из Баласагуна имеет высоту в 6 см. Ширина черепицы из Александровского городища — 19 см, а из Баласагуна — 12 см.

Весьма любопытны коньки из Александровского городища. По существу, это обычная каракитайская черепица Александровского типа, которая имеет поднятый кверху козырек, высотой в 6 см, несколько сужающийся кверху до 5 см. В центре козырька выступ в 2 см при ширине также в 2 см.

На верхней половине козырька имеется штампованный орнамент, причем просмотр серии таких коньков показал, что штампы были разные. Рисунок орнамента представляет собой совокупность вертикальных черточек и мелких плоских и круглых выступов. В центре — один более крупный сферический выступ, по бокам его расположены более мелкие. Характер расположения этих элементов орнамента очень напоминает весьма стилизованное изображение будды с бодисатвами и, быть может, является своеобразным буддийским триптихом. На некоторых коньках различимы, помимо вертикальных ложбинок и выступов, ряды кружков с бугорками по середине. При обработке поверхности конька, также как и черепицы, пользовались не только штампом, но и простым ножом (табл. LXXXIX, 1—2).

На северном участке квартала была обнаружена в большом количестве бракованная посуда двух типов, характерных для караханидского периода. Это посуда для варки пищи с петлеобразными ручками и кувшины с одной вертикальной ручкой. Сосуды неорнаментированы. Здесь были найдены скопления пережженной керамики и оплывших (бракованных) сосудов.

Западнее северного участка квартала гончаров, к северу от рабада Александровского городища, были вскрыты естественные холмы. Тут были обнаружены погребения с одиночными труположениями. Одно из погребений было перекрыто сырцовыми кирпичами больших размеров, уложенными шатром. Погребенные были ориентированы головой на север и лежали на спине.

На костяках были обнаружены предметы украшения: нефритовые пряжки с ремней и серьги из нефрита и бронзы. Серьги и пряжки весьма похожи друг на друга. Для пряжки из нефрита вырезалась несколько удлиненная пластинка длиной 6 см, шириной в 3,5 см, толщиной 2 см, состоящая как бы из двух окружностей. Края пластинки резные (табл. ХС, 3). В пластинке с одного края имеется отверстие в виде замочной скважины, длиной в 1,2 см. Один конец отверстия расширен, другой несколько сужен. На конце ремня, видимо, был шпинец, который заходил в широкую часть отверстия и закреплялся у узкой. Кроме того на пластинке имеются отверстия для пришивки пряжки к поясу.

Совершенно аналогичную форму имеют маленькие нефритовые пластинки для серег (3,5 × 1,8 × 0,2 см). Они несколько более ажурны. В одном конце имеется круглое отверстие диаметром в 0,5 см. Такие подвески имели пропущенную через отверстие сравнительно плотную проволоку, закрученную в круг. Серьги в погребении лежали у черепов.

Кроме указанных типов нефритовых изделий, найденных в каракитайском некрополе Александровского городища и обнаруженных случайно у древнего города Сарыга, в коллекции экспедиции имеются и другие нефритовые поделки. Таковы, например, нефритовые кольца, плоские, диаметром в 3,8 см с такими же замочнообразными отверстиями, найденные в районе Джуля. На этом стройучастке и в районе Кенбулуньского кладбища были найдены еще некоторые виды нефритовых изделий, например гладкая сердцевидная пряжка (Кенбулунь) и кольцо в виде витого жгута из очень интересного погребения на 7-м стройучастке.

В погребении был найден, кроме упомянутого кольца, еще кувшин из фарфоровидной массы, покрытой белой стекловидной поливой. Кувшин караханидского типа, с вертикальной ручкой и выступающим вверх носиком (табл. LXXXIX, 4). Горловина узкая (диам. 4,5 см, при диаметре кувшина 11,5 см). Глазурь покрыта паутиной тонких трещин кракля — весьма характерный прием «украшения» керамики Сунского Китая. Рядом с кувшином стояла бронзовая неорнаментированная цилиндрическая чашечка в виде пиалы со сферическим дном.

Аналогичная керамика сунского типа с сеткой под глазурью или расписанная голубыми разводами была встречена и в других пунктах, например на Александровском городище найдено несколько фрагментов от небольшого типичной китайской формы сосуда белой глазури с подглазурным синим орнаментом. У сосуда отогнутая наружу закраина и слегка идущее на конус тулово. Другие два фрагмента от блюда, с круглым поддоньем, белой поливы с подглазурным орнаментом в виде

тонкой резьбы, типа гравировки. Орнамент представляет собой лабиринт плавно изгибающихся линий.

Для того, чтобы завершить характеристику немногочисленных фрагментов керамики китайского типа, отметим фрагмент селадонного блюда с вогнутым поддоньем и частично сохранившимися стенками. Под зеленой глазурью — цветочный орнамент в виде стеблей и листьев, сделанный плоским рельефом. На обороте донца по зеленой глазури процарапана довольно небрежно китайская монограмма, состоящая из двух иероглифов (сверху вниз) на фоне одного знака. Фрагмент был найден в районе сел. Беловодское.¹

§ 7. ПАМЯТНИКИ МОНГОЛО-ТИМУРИДСКОГО ВРЕМЕНИ

(Табл. ХСІ—ХСІV)

Памятники тимуридского периода весьма многочисленны. Основные находки были сделаны в районе Кенбулуньского кладбища и происходят из тимуридских погребений. Наряду с небольшим количеством стрел — железных с ромбовидным острием, — были обнаружены неполивные сосуды типа «кузача» и неполивные же пиалы. Кроме Кенбулуна тимуридская керамика высокого качества (поливная) была найдена в небольшом количестве на Александровском городище.

Неполивные кувшины «кузача» имеют размеры: высота 24,5 при диаметре 15 см. Поверхность их гладкая, без орнамента, на кувшинах небольшая вертикальная ручка, несколько утолщенная закраина и слабо выраженный слив. Отличаются они от кувшинов предшествующих эпох диаметром и высотой горловины и ее соотношением с размерами тулова. Эти кувшины имеют более «приплюснутые» пропорции по сравнению с караханидскими.

Своеобразен и тип пиал. Если обычная пиала коническая, то пиалы тимуридского времени сферические, без поддонья. Кверху стенки сосуда слегка вогнуты в середину и затем сильно отогнуты наружу и заострены.

Как мы уже отмечали, среди керамики с Александровского городища имеются фрагменты кувшина голубой поливы с серебристым оттенком, грушевидной формы, с вогнутым внутрь поддоньем. Кувшин имел обособленный носик и вертикальной формы ручку. Поверхность сосуда гладкая, лишь у основания горловины проходят два поясковых валика. Там же был обнаружен фрагмент — часть горловины и тулова — сосуда сферической формы. Горловина его цилиндрическая с вмятинами, венчик угловой. Сосуд также не орнаментирован.

Большой интерес представляет фрагмент боковины небольшого сосуда из кашина с белой

¹ А. Берштам. Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью. КСИИМК, XVII.

плотной поливой. На сосуде помещен фриз в виде виньетки, раскрашенный синей, белой, красной и зеленой красками. Между завитками виньетки изображены фантастические существа, имеющие женское лицо и туловище хищника с загнутым кверху хвостом. Этот фриз подчеркнут синей полосой, по которой проходит куфическая надпись, сделанная белой краской. Повидимому надпись состоит из повторений одного слова «алла». Описанный черепок относится явно к монголо-тимуридскому времени, сосуд не местного происхождения, а привозной, с запада, очевидно из Рея (табл. LXXXIV, 5).

В районе того же Александровского городища был собран и строительный материал тимуридского времени — массивные плитки голубой поливы с ленточным плетением белыми полосами. Фигуры, образованные плетением, бывают двух типов: это или вытянутые прямоугольники, или восьмиконечные звезды (табл. XCIV, 1—4). Здесь же была найдена часть шара, покрытого голубой поливой, со следами отверстия для насадки на стержень.

Отметим также отдельные находки кусков мрамора и одну тщательно отшлифованную квадратную плитку темносерого цвета с черными пятнами. Мрамор также не местного происхождения.

Как и следовало ожидать, от времени монгольского завоевания в культурных слоях Чуйской долины не осталось почти никаких следов. Монгольское завоевание отмечено лишь завалами разрушенных стен и черными углями пожарищ. Несомненно, что в раннемонгольскую эпоху, там, где сохранилась жизнь оседлого поселения, продолжали бытовать вещи, известные нам по культуре караханидского периода, и памятники культуры XIII—XIV вв. мало чем отличаются от памятников культуры XI—XII вв. К новым явлениям культуры XIII—XIV вв. следует отнести весьма широкое распространение подсвечников с бронзовыми массивными стволами. Такие подсвечники найдены на Александровском и Беловодском городищах. Стволы этих подсвечников представляют собой массивные цилиндры с отогнутыми, треугольными в сечении краями и с треугольным же ребром, опоясывающим ствол подсвечника посередине. Поверхность стволов украшена богатым орнаментом и надписями.

Любопытными, хотя и малоизученными памятниками монгольского времени являются стволы несторианских подсвечников. В 1941 г. были найдены два таких ствола, один в Беловодской крепости, другой на Александровском городище (табл. XCI—XCII).

Ствол, найденный на Александровском городище, отличается от известных аналогичных находок своей величиной. Он представляет собой сделанный из бронзы цилиндр, высотой в 28.5 см при диаметре 20.5 см. Тол-

щина стенок до 1 см. По обоим краям и посередине ствола проходят ребристые выступы. Таким образом, средним выступом, опоясывающим подсвечник, ствол делится на две равные части. Обе части ствола украшены сложным симметричным резным орнаментом. Составные элементы орнамента верхней части следующие: круглые медальоны, обведенные широким пояском. Таких медальонов четыре (крест-накрест). В медальонах помещены геометризированные рисунки. Между круглыми медальонами проходят сильно стилизованные арабские надписи почерком куфи (типа надписей на караханидских блюдах), вплетенные в геометрический орнамент.

§ 8. К ДАТИРОВКЕ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КИРГИЗИИ

В данном параграфе мы изложим наши наблюдения, касающиеся уже не непосредственно археологических памятников, а того, как эти памятники помогают датировать те или иные процессы, связанные с изменениями рельефа Киргизии, происшедшими, с точки зрения геолога и почвоведов, в сравнительно недавнее время. Использование археологических памятников как датирующего материала у геологов, исследующих четвертичные отложения, получило полное признание; и не случайно Международный конгресс по изучению четвертичного периода (АИЧПЕ) всегда имеет в своем составе археологическую секцию.¹

Во время своих обследований Семиречья, в частности, — Киргизии, мы сталкивались с археологическими находками, иногда с целыми погребенными культурными слоями, подстилающими естественные образования, под которыми порой трудно предположить наличие культурных отложений. Такие находки дают возможность указать предельную дату, не раньше которой мог произойти тот или иной геологический процесс, например, почвообразования, осыпей, заболачивания и т. п. Приведем наблюдаемые нами факты.

1

В урочище Нельды, на старых рудниках Ачик-таш еще в 1932 г. была сделана одна чрезвычайно важная находка. В стволе штольни, заложенной в осыпях по правому склону горы, на глубине 5 м была найдена четырехгранная палочка из тянь-шаньской ели, на гранях которой была вырезана древнетюркская надпись.²

¹ См., например, С. Трусова. III конференция по изучению палеолита. КСИМК, III, 1940.

² Подробней об условиях находки и чтение надписи см.: М. Массон. К истории открытия древнетюркских рунических надписей в Средней Азии. Материалы Узкометариса, 6—7. М.—Л., 1936; С. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Там же.

Эта надпись содержала маршрут какого-то каравана, который, видимо, шел из степей (район станции Акыр-тобе) через перевал Мак-баль в Таласскую долину. «Маршрутный указатель» был потерян или оставлен за ненадобностью на правом берегу р. Нельды. Наше обследование пункта находки (в 1936 г.) показало, что место, где была потеряна палочка, могло служить стоянкой каравана. Впоследствии палочка оказалась погребенной под беспрерывным потоком осыпей. Этот поток осыпей продолжался двенадцать-тринадцать столетий, ибо характер письма на палочке, его палеография, говорит о том, что это письмо не моложе VII—VIII вв. н. э. Надпись сделана выразительным древнетюркским руническим шрифтом, который в этом крае уже в VIII в. был вытеснен согдийским шрифтом. Следовательно осыпи, имеющие в сечении вид прямоугольного треугольника, образовывались в течение двенадцати-тринадцати веков, причем высота осыпи была равна примерно 5 м. Отсюда геолог легко может извлечь данные для вычисления скорости разрушения пород в результате выветривания и размыва, а также скорости образования осыпей из аналогичных пород, в данном случае, впрочем, довольно рыхлых.

2

Во многих местах Чуйской долины при случайных земляных работах и во время наших раскопок удавалось установить, что мощный почвенный слой, достаточно зрелый, в сравнительно спокойных условиях, т. е. в стороне от действия горных речек и древних больших арыков, также зачастую подстилается археологическими находками. Эти почвенные покровы оказываются нарастанными на культурные отложения, достаточно твердо датируемые. Так, в районе Красной Речки под почвенным слоем мощностью до 0.60 — 1.0 м обнаружены следы поселения времени XI—XII вв. Следует указать, что в этом случае речь идет не о случайных единичных находках, а о сравнительно больших древних жилых комплексах. Итак, процесс образования полноценных почв произошел за отрезок времени не более восьми-девяти столетий. И. В. Выходцев обратил наше внимание на аналогичные случаи и по другим районам (в районе г. Фрунзе).

3

Чрезвычайно интересен вопрос о темпе заболачивания и длительности процесса торфообразования в Чуйской долине. Некоторыми данными по этому вопросу располагают и археологи. В болотах района Сукулук—Александровское вскрыты археологические комплексы, которые можно датировать временем не позже V—VII вв. н. э. В районе г. Фрунзе встречены остатки поселений (район Карагачевой рощи), ныне заболоченные, относящиеся к XI—XII вв. н. э.

Характерно отсутствие археологических находок в торфоносных болотах района Кенбулунь—Токмак. Если учесть чрезвычайную насыщенность Чуйской долины древними стоябищами, поселениями, курганами, то отсутствие археологических памятников в пойменных местах Кызыл-су дает возможность утверждать, что период образования болот, вероятно, древнее вышеуказанных дат. В то же время в пойме р. Чу и в междуречье рр. Кызыл-су и Чу (у сел. Ивановское) обнаружены поселения XII в., хотя район болот, расположенных выше по течению Кызыл-су, и принадлежит к весьма древним образованиям. Наличие этих поселений в районах междуречья заставляет нас предполагать сокращение площади болот и освоение осушаемых (искусственно или естественно — данных для ответа пока нет) территорий под сельскохозяйственные культуры еще в древности.¹

В ряде мест района Каинды (Чуйская долина) были обнаружены памятники II тысячелетия до н. э. — стоянки эпохи бронзы, расположенные на водоразделах, отделяющих один карасук от другого. Стоянки эти принадлежали пастухам-скотоводам, которые, судя по характеру находок, занимались в этих местах сенокосением, охотой и рыбной ловлей. Заболоченные ныне места представляли собой прежде обильно поросшие растительностью озерки, образованные стоком карасуков в естественные впадины. Они-то и привлекали древнего человека. Кроме стоянок эпохи бронзы, следов других, более поздних поселений тут не обнаружено. Это говорит об изменении ландшафта, связанном с усыханием озер и превращением всего этого района в болота.

4

Памятники эпохи бронзы, т. е. II тысячелетия до н. э., связаны еще с одним интересным явлением. В различных пунктах Чуйской долины (сел. Ивановское, г. Фрунзе, Ала-арча) были обнаружены под 1—1.5 м слоем суглинков лёссовидного типа на первой гравийной подстилке — непосредственно на ней или в ее верхних слоях — орудия из бронзы: древний тип топоров, так называемые кельты (сел. Ивановское и г. Фрунзе) и наконечник копья (Ала-арча). Находки датируются II тысячелетием и во всяком случае не позже I тысячелетия до н. э. Гравийные подстилки районов, где обнаружены эти бронзовые орудия, находятся вне связи с террасами р. Чу и скорее всего являются результатом силевых потоков с гор. Об этом прежде всего говорит находка

¹ Массовое заболачивание мы связываем с монгольским завоеванием. Брошенные, не регулируемые человеком арыки заполнялись водой и заливали оставленные жителями селения, расположенные среди пашен. Естественные русла рек, в силу разветвленной системы арыков, принимали лишь незначительную часть паводка.

около ущелья Ала-арча, обнаруженная, примерно, на отметке 1000 м при уровне долины Чу на этом меридиане 764 м. Если это так, то последний наиболее мощный силевой поток произошел три тысячи лет тому назад, и лёссовидные суглинки толщиной до 1.5 м образовались именно в этот отрезок времени.

5

Пользуясь случаем, отметим некоторые пока еще немногочисленные данные и о времени горных выработок, датированных археологическим материалом. Старшим геологом рудника Хайдаркан, В. А. Невским была собрана в древних выработках интересная археологическая коллекция, в 1946 г. переданная на хранение в Музей национальной культуры г. Фрунзе. Коллекция состоит из глиняной посуды, орудий горного промысла и монет. Монеты относятся ко времени, начиная только с XI—XII вв. и вплоть до бухарских «пулов» XIX в. Среди керамики весьма выразительны чаши типа кес раннекушанского времени (II в. до н. э. — II в. н. э.). В этот период для Ферганы, как и для всей Средней Азии, характерно складывание античных форм общественных отношений.¹ Широкое использование рабского труда и дало возможность развернуть уже с этого времени горнодобывающую промышленность, продолжавшую существовать, как

¹ А. Н. Бернштам. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет. ВДИ, 3, 1947.

об этом говорят археологические памятники, до XIX в.

В 1941 г. геолог Д. П. Резвой ознакомил нас с найденной им печатью, с вырезанным изображением яка (по определению Бурчак-Абрамовича — реликтовый вид индийского яка).¹

Печать была найдена на разработках Багашии в 12 км к западу от Хайдаркана, в долине р. Сох, урочище Кош-куль.

Летом 1946 г. мы имели возможность ознакомиться с этим местом и установить наличие здесь культуры не только времени находки (V в. до н. э.), но и более позднего, что свидетельствует о длительной эксплуатации древними горняками этих месторождений.

Любопытно, что эти материалы документируют самые древние (из известных нам до сих пор) горные разработки Средней Азии на сурьму. Обследованные ранее месторождения пока давали археологический материал более позднего времени (X в. и позднее).²

Весь археологический материал ясно свидетельствует о местном характере разработок.

¹ Рисунок печати воспроизведен в нашей книге «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского Канала». (Фрунзе, 1943, табл. 3, рис. 21).

² См. многочисленные труды по этому вопросу М. Массона. (Список его работ издан в Ташкенте в 1944 г.). Характерно, что восточноказахстанские рудные разработки, наоборот, относятся к очень раннему времени (II—I тысячелетия до н. э.); ср.: С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая, алма-Ата, 1949.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы посвятили настоящий том изложению материала, накопленного археологическими экспедициями 1938—1941 гг. В основном книга представляет собой публикацию материалов о Средней Азии, еще мало известных в археологической литературе. Недостаточно полное освещение вопросов, связанных с историей Семиречья, являлось большим пробелом в данном разделе советской археологии. Наряду с публикацией материала, мы пытались наметить датировку памятников и дать их первичное историко-культурное осмысление. В настоящей главе мы ставим перед собой задачу обобщить наши выводы и выяснить основные связи Семиречья с окружающими странами, прежде всего с Средней Азией.¹

Открытые экспедицией памятники эпохи бронзы (Каргалы I, Алмаатинской области Казахской ССР; Каинды, Фрунзенской области Киргизской ССР) показали, что в Семиречье наряду с типичными чертами южносибирской бронзы, достигшей здесь юго-западного предела своего распространения, получили отражение западные влияния. Об этом свидетельствует вислообушный топор — для эпохи бронзы, наконечники копий ананьинского типа — для эпохи скифов, а особый вид лопатообразных кельтов, не имеющих себе аналогий среди известных нам кельтов на территории СССР, отчасти напоминающих лемеха из Юннани (опубликованные Олов Янзе),² дает возможность в пределах Семиречья выделить северокиргизский вариант культуры эпохи средней бронзы. Чу-Илийское междуречье представляется пока главным центром распространения памятников эпохи бронзы. Топография поселений и характер культурных отложений

свидетельствуют о сезонных перекочевках пастухов-скотоводов, которые наряду с интенсивным скотоводством (на что указывает находка серпов, которыми производилось сенокосение) занимались охотой, рыболовством и, быть может, земледелием.¹ В культуре эпохи бронзы заметно влияние Китая, о чем свидетельствует коленчатый нож чжоусского типа (Нарын, Тянь-шань) и особый тип серпов (Узунгач, Алмаатинская обл.).

В поздних памятниках эпохи бронзы (Каргалы I) уже чувствуется формирование культуры кочевников Семиречья, не исчезающей до VIII в. н. э.; особенно ярко сказывается это в керамике. В этой культуре кочевников — чем позже, тем ярче — выступают минусинские и алтайские влияния, по существу придающие культуре кочевников Семиречья частный, западный вариант культуры южносибирского круга памятников.

Индивидуальной особенностью памятников скифской эпохи (точнее — сакской) является широкое распространение комплексов светильников, жертвенных стволов и котлов для изготовления ритуальной трапезы; комплекс ритуальных предметов типа «дин» и «фу»² мы встречаем и в Чжоусском Китае. У кочевников-саков этот комплекс был связан с культом огня и шаманистскими ритуалами, позднее сочетавшимися с зороастрийским мировоззрением.

Упомянутые культовые предметы зачастую украшены реалистически выполненной бронзовой скульптурой, изображающей борьбу зверей, трактованных в типичном скифском стиле; иногда они декорированы барельефами с фантастическими животными, встречающимися в Семиречье и позднее — в V—VII вв; а также в коропластике Китая эпохи Хань. Такая

¹ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня. СА, XI; см. также нашу рецензию на работу С. П. Толстова «Древний Хорезм», Изв. АН СССР, серия ОИФ, т. VI, вып. 1, 1949.

² Olove J an s e. Un groupe des bronzes anciennes propres à l'Extrême Asie Méridionale. MEA, Bulletin, II, 1930, стр. 136—137.

¹ Ср. рецензию А. Тереножкина на наши работы в ВДИ, 2, 1947.

² В. Karlgren. Jin and Chou in Chinese Bronzes. MEA, Bulletin VIII.

декорировка особенно ярко представлена в статуэтке из собрания Освальда Сирена.¹

Сакская культура Семиречья, выросшая на основе предшествующей культуры эпохи бронзы, в свою очередь легла в основу культуры, известной под именем усуньской (III в. до н. э. — I в. н. э.). Непрерывность линии развития культур этих трех стадий (бронза, культура саков и культура усуней), прослеженная нами по археологическим памятникам, заставила пересмотреть традиционные представления об эмиграции усуней из Восточного Туркестана и на новых основаниях выдвинуть гипотезу о тождестве усуней с исседонами как частью сакского союза племен, жившими на Тянь-шане, в III в. ставшими политическим гегемоном на этой территории и известными в китайской транскрипции под этнонимом усунь.²

Памятники эпохи саков и усуней, открытые нами в многочисленных районах Семиречья от Таласа до Или, дали ряд локальных вариантов и несколько хронологических групп.³ Эти сако-усуньские памятники Семиречья делятся на следующие четыре группы:

1. Карачоко (р. Или) и Чуйские курганы VI—IV вв. до н. э. Датируются стрелами скифского типа и наременными бляхами.

2. Берккара I (хребет Кара-тау) и Нарынские курганы IV—III вв. до н. э. Датируются бронзовой пряжкой с изображением льва, глотающего птицу (гуся?), а также пряжками без язычка.

3. Берккара II и Усуньские курганы, раскопанные М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в долине рр. Чу и Каракола (Иссык-куль) II в. до н. э. — I в. н. э. Датируются инвентарем сарматского типа, в частности ажурными серьгами с зернью и бусами.

4. Карачоко II, Каргалы II (р. Или) I в. до н. э. — II в. н. э. К этому времени относится выдающееся произведение искусства Семиречья — золотая диадема из Каргалинского ущелья. Вместе с диадемой было найдено еще 410 золотых предметов, служивших украшением платья молодой шаманки, погребенной в ущелье.⁴

Каргалинская диадема, находящая себе — и по сюжету и по стилю — аналогию в инкрустированном китайском блюде эпохи Хань (кол-

лекции Лоо), семантически и функционально входит в круг шаманской атрибуции, разъясненной в статье К. Хентце по материалам из раскопок в Корее,¹ произведенных Козаку Хамада и Суэджи Умехара.²

Весь этот хронологический ряд связан единством стиля керамики, отчасти погребального ритуала, а также преемственностью форм и сюжетов в памятниках материальной культуры.

Эту закономерную линию развития нарушают могильники, связанные с вторжением на Тянь-шань гуннских завоевателей середины I в. до н. э., именно северных гуннов, во главе с Чжичжи шаньюем.³ Они усилили в Тянь-шане влияние китайской культуры и положили начало интенсивному процессу в области монголоидного расогенеза и сложения типичных черт тюркской кочевой культуры, донесенной до наших дней в этнографических материалах киргизов, казахов и других народов Средней Азии. Памятником этой эпохи являются курганы Кенкольского могильника⁴ (Киргизия, р. Талас, правый приток р. Кенкол), давшие уникальной сохранности шелковые ткани и богатый инвентарь, интереснейший палеоантропологический и не менее интересный палеоботанический материал⁵ (кстати сказать, здесь встречена древнейшая форма кольцевой деформации черепа).⁶

В VI—VIII вв. — в период господства западных тюрков (582—704) и тюркшей (704—766) — лицо Семиречья сильно изменилось вследствие иммиграций в эти районы согдийцев, переселившихся из района Зеравшана, но известных в Семиречье уже с V в. н. э.⁷ Иммиграция эта особенно усилилась после вторжения арабов в Среднюю Азию с середины VII в. Носители идей Авесты и зороастрийского культа, предприимчивые купцы, прекрасные земледельцы и искусные ремесленники — они воздвигли в своих колониях фундаментальные укрепленные дома (кешки), наиболее полно исследованные нами в районе сел. Красная Речка (долина Чу, 30 км к востоку от Фрунзе),

¹ C. Hentze. Schamanenkronen zur Hanzeit in Korea. OZ, вып. 5, 1933.

² См. японские издания: K o s a k u H a m a d a a. S u e j i U m e h a r a. A royal tombe «Kinkan Tsuka» or the gold Crown tomb at Keishu and its treasures. Chosen, 1924—1927 (имеется в библиотеке Гос. Эрмитажа).

³ А. Н. Бернштам. Хуханье и Чжичжи шаньюи. Из истории гуннов I в. до н. э. Советское востоковедение, I, 1941.

⁴ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник (в серии «Археологические экспедиции Эрмитажа», вып. 2.). Л., 1940.

⁵ В. А. Петров. Некоторые проблемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок. КСИИМК, VI, 1940.

⁶ Е. Жиров. Об искусственной деформации головы. КСИИМК, VIII, 1941; В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР, сб. МАЭ, X 1949.

⁷ А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI, 1940.

¹ O s v a l d S i r é n. Histoire des Arts anciens de la Chine, III. La sculpture de l'époque Han à l'époque Ming. Париж—Брюссель, 1930, табл. 25, рис. А.

² G. F. H u d s o n. Europe and China. A Survey of their Relations from the earliest times to 1800. Лондон, 1931, стр. 40—42.

³ Об этом мной прочитан доклад на тему «Древнейшие тюркские элементы в этногенезе народов Средней Азии» (на конференции по этногенезу в августе 1942 г. в Ташкенте), Советская этнография, VI—VII, 1946.

⁴ См. нашу статью «Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке», КСИИМК. V. (Вещи находятся в Алма-ата, в Центральном музее Казахстана). О Берккаре см.: А. Бернштам. Берккаринская пряжка. КСИИМК, XVII.

на базе которых возникли впоследствии города мавераннахрского типа (по Таласу и Чу), такие как г. Сарыг и г. Баласагун (р. Чу в Киргизии) и Тараз (р. Талас в Казахстане). Подобно тому, как гебры в Иране и парсы в Индии, согдийцы в Семиречье были носителями идей зороастризма и среднеазиатской иранской культуры, сочетавшими предписания Авесты с шаманистскими воззрениями тюрков. Так родились шаманистско-зороастрийские атрибуции культа огня, исследованные нами по сукулукским находкам. Среди них мы встречаем фантастические фигурки животных и их стилизации, подобные отмеченным выше на сакской бронзе; охраняя вечный огонь, мерцающий в аташданах,¹ они поддерживали крышки над пламенем светильника. Крышки эти чаще всего были украшены изображениями барана или таутеке (горного козла) вместо обычных — собаки или птицы. В свете Авесты, Бундахишна и в свете ранних произведений пехлевиийской литературы типа Аик-намэ и мусульманских изводов IX в. (как, например, у Джахиза)² становится понятен весь этот комплекс с богатой и семантически ясной орнаментацией, где собака и птица, подобно авестийской собаке и петуху, защищая негаснущий огонь, помогают бороться Сраошу с демонами ночи и где баран и таутеке, видимо, являются семиреченским вариантом авестийских представлений, ибо Авеста, по словам Гейгера, «была составлена главным образом для оседлого населения».³

Богатое собрание глиняных изделий и терракот этого времени, происходящее в основном из городища на р. Сукулук, дает представление об авестийском и среднеазиатском, иранском пантеоне. Здесь встречен и Гопатшах⁴ и Зохах,⁵ здесь найден пирей для огня — аташгах — и сосуд в виде мифического космогонического существа «химар» — сосуд, находящий себе наиболее полную аналогию, как это ни странно на первый взгляд, в микенском ритоне XIII в. до н. э.⁶ Все это указывает на далеко ведущие на запад связи Семиречья того времени. Говоря об этих западных связях, укажем на находки варварских подражаний восточному римскому

солиду V в.,¹ брактеатов с варварским подражанием византийским монетам императоров Ираклия (611—629) и Константина Погоната (641—668),² и на широкое распространение в резной кости орнамента и технических приемов обработки кости, типичных для коптского искусства IV—VI вв.³

Эти явления были обязаны своим существованием не только согдийцам, принесшим с собой определенные традиции искусства: сасанидский орнаментальный круг, обнаруженный нами на достархане из Баласагуна, на облицовочной плитке из Сукулука (где он сочетается с лотосом — мотивом, известным на тканях из тюркских погребений Алтая и Монголии), геральдических фазанов на аташдане из Сукулука и модифицированный в кибиткообразный оссуарий — астодан Согдианы; в значительной мере эти западные связи идут и от манихейцев-сирийцев, имена которых известны по нашим эпиграфическим находкам из Тараза и Сарыга; надписи прочитаны покойным А. Я. Борисовым.

С ними связано и развитие согдийского письма, первого буквенного письма Семиречья, приспособленного тюрками, точнее, быть может, тюркешами, для своего языка и нашедшего распространение не только в виде надписей на сосудах (находки у сел. Лебединовка, Красная Речка), но прежде всего на монетах,⁴ обогативших нас новыми сериями восточной нумизматики.

Наряду с влиянием, шедшим из Согдианы, следует отметить частичное проникновение культуры Ирана, северной Индии и Византии. Имела значение и культура восточного Туркестана, о чем свидетельствуют раскопанные нами памятники, особенно буддийские, доселе вообще мало известные и обычно приписываемые джунгарам (XVI—XVIII вв.).

Среди находок из Сукулука мы можем ясно выделить ранние формы буддийской пластики, происходящей из Гандары и лучше всего сохранившейся в вэйской скульптуре Китая; в наших находках она представлена апотропеем — головой бодисатвы под ручкой сосуда, типичного для VI—VII вв. (так наз. кафыркалинского типа); в идеально трактованной голове бодисатвы (что, по Фушэ, особенно характерно для Гандары) чувствуется вэйская традиция; голова увенчана диадемой, лучшей аналогией которой могут служить диа-

¹ Адекватных либо сакским светильникам с Исыркуля, либо аташданам, воспроизведенным на сасанидских монетах; К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. ТОВ, II.

² Grundriss der iranischen Philologie, II. Страсбург, 1896—1904 (статья E. W. Wes' u. H. Ethé). См. также серию The Sacred Books of the East, т. V и XVIII, а также К. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909 он же. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. ЗВО, т. XVIII.

³ W. Geiger. Ostiranische Kultur im Alterthum, стр. 344—345.

⁴ К. Тревер. Гопатшах, пастух-царь. ТОВ, II.

⁵ Н. Дьяконова. Терракотовая фигурка Захака. ТОВ, III.

⁶ Claude F. A. Schaefer. Les fouilles de Ras-Shamra-Ugarit, septième campagne (1935), Syria, XVII, 1936, табл. XVII.

¹ Определение А. Н. Зографа.

² Определение Л. А. Мацулевича.

³ В этом убеждает сравнение вещей, происходящих из тюркских могильников и городищ этого времени в Семиречье, с вещами, воспроизведенными О. Wulff в его «Altchristliche und Mittelalterliche byzantinische und italjanische Bildwerke» I. Берлин, 1909, табл. XXI, XXII, XXIII.

⁴ А. Н. Бернштам. Тюркешские монеты. ТОВ, II; см. также о согдийских элементах в ремесле и искусстве в наших статьях, напечатанных в РСИИМК, XIX и XXIII.

демы на фресках Кизила (оазис Куча), изданных Грюнведем.¹

Прекрасные памятники буддизма открыты нами в районе древнего города Джуль (в 10 км к западу от Фрунзе) в буддийской сангараме IX в., где найдены фрагменты изображений Ваджрапани и шакья и других атрибутов буддизма. Сюда примыкает ручка от сосуда из Сарыга с изображением женщины с поднятой рукой, типа буддийской феи Нагини, и сосуд из Александровского городища с фигурками в позе анжала; по деталям костюма эти фигурки находят себе аналогии в известных изображениях ступы из Санчи, в буддийских изображениях Китая и в мелкой и монументальной китайской пластике, особенно полно представленной в сводной монографии упомянутого Освальда Сирена. Росписи глиняных фигур обнаружены нами в сангараме Джуля, принадлежат турфанскому типу уйгурского периода,² в то время как в домашней чайтэ из Сарыга, в маньчжурских астрах, нарисованных техникой альсекко, сильнее ощущается влияние манеры манихейской росписи из Ходжо³ или росписи Бамаана в Афганистане.⁴

В заключение отметим, что собственно тюркская культура Семиречья сохраняла в себе и черты енисейско-алтайской культуры (особенно алтайской); в этом убеждает прежде всего манера обработки украшений из бронзы для платья, оружия и сбруи, иногда покрытых листовым червонным золотом; на это указывает и кыргызская палеография надгробных стел Таласа, а керамика находит себе аналогии и в близких районах, например в Ташкентском оазисе и Фергане, и в таких далеких, как Паннония, особенно керамика баночной формы.⁵

В свете приведенных данных с несомненностью выступает синкретический характер культуры Семиречья VI—VIII вв. Культура тюркских кочевников вошла в тесное взаимоотношение с культурой обитателей согдийских колоний.

На эти основные явления культуры в свою очередь оказали влияние культуры тех стран и областей, с которыми входили в соприкосновение тюрки Семиречья. Все эти влияния подвергались сильной переработке, в процессе которой создавалось новое качество,

¹ Al. Grünvedel. Alt-Kutscha. Berlin, 1920, табл. III—IV, 1—2. См. нашу статью «Буддийская терракота из Сукулук». КСИИМК, XIV.

² По тону они напоминают раскраску лица и тела лепных глиняных фигур из Шорчука VII—VIII вв. См.: A. von Le Qoq. Die buddhistische Spätantiken in Mittelasien. Die Plastik. Berlin, 1922, стр. 36.

³ A. von Le Qoq. Die buddhistische Spätantiken in Mittelasien, Die manichaeischen Miniaturen. Berlin, 1923, табл. 5.

⁴ J. Hackin et J. Carl. Nouvelles recherches archéologiques à Vamiyan. MDAFA, III. Париж, 1933, ср. табл. XIII.

⁵ См. например: Tibor Horvath. Die avarischen Gräberfelder von Ullö und Kickörös. Archaeologia Hungarica, XIX. Будапешт, табл. XIX.

культура особого типа. Принимая и критически перерабатывая культурные влияния, прежде всего оазисов Средней Азии (Согд, Хорезм), тюркские племена (и среди них киргизы) Семиречья, опираясь на «помощь» согдийцев, создавали свою самобытную культуру.

Карлукский период VIII—X вв. (766—940) принес в Семиречье существенные перемены: усилилась оседлость, начали нарождаться города, появилась более органическая связь тюркских кочевников с оседлым населением, наступила стабилизация караванных путей, возникли рибаты, завершилось оформление шахристана, возник рабад. На Таласе, в г. Таразе ощущалось уже сильное влияние Мавераннахра, увеличился согдийский экспорт глазурованной керамики, в то время, как на Чу и Или, отделенных от Таласа кочевьями карлуков Кульшуб и Касрибас, наблюдалась отсталость и провинциализм, не говоря уже о Центральном Тянь-шане, среднем и нижнем течении Или и ее притоков. Сказывались традиции Согда в декорировке внутренних помещений жилых домов (г. Сарыг); в искусстве победил орнаментализм, развивались согдийские традиции, под влиянием которых перерабатывались эстетические вкусы тюрков, что особенно ярко сказалось в орнаментации глиняных изделий. Семиречье не знало саманидской монеты. Саманидский диргем (по определению М. Е. Массона) встречен лишь однажды, и то как височное украшение. В ходу была медная тюркешская монета, свидетельствующая о господстве в основном натурального обмена и слабой развитости товаро-денежных отношений при больших сделках. Одно только разнообразие форм и техники посуды и конкуренция ручной лепки с гончарным кругом уже говорит о все еще сохранявшемся значении домашнего ремесла.

Картина резко меняется к концу X в. при сложении в Семиречье караханидской династии. К этому времени приобретают все свои типические черты и города долины Чу. В бассейне Или и на Тянь-шане возникают города караханидского типа, также четырехугольные в плане, ориентированные углами (а не сторонами, как прежде) по странам света, но без цитадели. Ремесленник завоевывает господство, что ярче всего проявилось в строгих, серийных формах станковой посуды — поливной и неполивной, в орнаменте штампом, в росписи и резьбе по трафарету, в клеймах мастеров. Город наполнился монументальной архитектурой;¹ он был оснащен водопроводом (обнаружен нами в Таразе, Текабете и в ряде других пунктов),² замощен, приобрел четкую

¹ См., например, нашу статью «Баня древнего Тараза». ТОВ, II.

² См. нашу статью «Строительные приемы древних зодчих и использование их опыта в современной практике». Тр. Кирг. фил. АН СССР, т. I, вып. 1, 1943. Ср. нашу книгу «Архитектурные памятники Киргизии». М., 1950.

социальную физиономию. В Чуйской долине возникли собственные центры производства глазурованной керамики, где свободные народные традиции в росписях посуды оказались более живучи, чем в каком-либо другом районе Средней Азии; реализм в изображении человека и животных (птиц, медведя, лягушки), здесь несравненно выше, чем в керамике Самарканда и Бухары, Фостата и Рея.

В эту эпоху является характерным распространение и развитие оседлой жизни в глубинных районах, появление новых торговых путей, уже неоднократно нами отмеченных. Наши многочисленные разведочные экспедиции по этой стране позволили найти и отождествить с названиями, главным образом, мусульманской географической литературы десятки городов и селений. Характерной чертой этой эпохи является наиболее органичное включение Семиречья в среднеазиатскую общность, но вместе с тем и сохранение в Семиречье (меньше всего по Таласу, больше по Чу и особенно сильно на Тянь-шане и в бассейне Или) — в разной степени и в различных проявлениях — черт самобытности и явлений архаизма и пережитков глубокой (даже для XII в.) древности.

Памятники материальной культуры XI—XII вв. в Семиречье, открытые нашими экспедициями, помогли понять подлинный характер караханидского государства — не столько выяснить до сих пор неясную (несмотря на обилие нумизматических находок) генеалогию династов, сколько социально-экономическую и культурную жизнь государства.

Важнейшим результатом экспедиций является обнаружение каракитайской культуры в столице каракитаев (на месте бывшей столицы караханидов) в г. Баласагуне и в двух других пунктах Чуйской долины (дома у сел. Ворошиловское, поселение Гончаров и могильник у сел. Александровское). В ней ясно проявился синкретизм и объединение китайско-буддийской культуры со среднеазиатской. Хэнаньского типа скульптура, восходящая к вэйским стелам будды (нами найдены фрагменты таких стел с изображением будды, бодисатв, мифических существ «фо» и т. д.), сочетается здесь с глиняными статуями, ближайшие аналогии которым встречены в Миране. Караханидская керамика лежит вместе с селадоном, керамикой типа, известного по Харахото, фарфором с кракля типа тин-яо. Китайские монеты еще времени Кай-юань (713—742) обнаруживались здесь вместе с караханидскими дирхемами, а кровельная черепица типа находок из Фурдучана украшалась здесь налепами по китайскому образцу, орнамент которых представлял собою не обычную маску Тао-тье, а «сасанидский круг» с лотосом посередине. Уйгурским шрифтом и на санскрите писались здесь непонятные нам, хотя и хорошо читаемые слова, являющиеся, быть

может, первыми дошедшими до нас словами каракитайского языка.¹ Здесь, наконец, вместе с местной грубой неполивной керамикой были обнаружены изящно обработанные нефритовые изделия и тонко выполненное из глины изображение ветки дерева, в которой ботаник И. В. Выходцев определил священное для буддистов ныне реликтовое дерево *Ninca viloba*. Многочисленные находки каракитайских памятников являются пока уникальными, они представлены в Музее национальной культуры Киргизского филиала АН СССР.

Памятников времени после монгольского завоевания и разрушения монголами городов Семиречья экспедицией, естественно, обнаружено весьма мало. Но в тех центрах, где жизнь существовала и при монголах, например в Таразе, или в тех поселениях, которые были восстановлены Тимуром (города Ашпара, Шельджи), экспедиции удалось найти большой нумизматический материал, особенно монеты Шахруха, местную керамику, а вместе с ней китайскую (например сосуд типа яо), удалось выяснить структуру городов, а на обрывистом гребне надпойменной террасы р. Кызыл-су в районе Кенбулуна было обнаружено тимуридское кладбище воинов, быть может, участников кровавой битвы тимуридов с моголистанцами в конце XIV в. на берегах Сурхоба (местное название — Кызыл-су) или, быть может, похода Улугбека 1425 г.

Мы уделили внимание и памятникам джунгар и более поздним, вплоть до мазаров XIX в., в которых нас особенно привлекала фресковая роспись, подкупающая художественной простотой.²

Таковы общие черты историко-культурных явлений Семиречья, главным центром которого была Чуйская долина. Как мы пытались показать в заключении и как об этом говорят публикуемые памятники, культура этой области слагалась в первую очередь в тесном взаимодействии с культурными центрами Средней Азии. Среди них Согд и Хорезм имели исключительное значение. Публикация С. П. Толстовым его выдающихся открытий в Хорезме³ позволяет теперь подчеркнуть наряду с ролью Согда, о чем мы уже неоднократно говорили в печати,⁴ и связи с Хорезмом.⁵ В основном это тема еще будущих исследований.

¹ См. нашу статью в «Эпиграфике Востока», II, а также заметку: «Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью». КСИИМК, XVII.

² Предварительное описание ее дано участником экспедиции 1936 г. А. И. Тереножкиным в журн. «Искусство», 1938, № 2, стр. 159—162.

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; он же. По следам древнехорезмской цивилизации. М., 1948.

⁴ КСИИМК, VI.

⁵ Эти проблемы намечены в нашей рецензии на труд С. П. Толстова «Древний Хорезм» (Изв. АН СССР, сер. ОИФ, т. VI, вып. 1, 1949).

В заключение следует отметить основные черты общественного строя племен и народов этой страны в рассматриваемый период, т. е. со II тысячелетия до н. э.

Исследования археологических памятников Чуйской долины и сопоставление их с письменными источниками позволяют нам представить последовательную смену разных этапов общественного строя у племен и народов, ее заселявших. Наиболее подробно рассмотрены нами два этапа — усуньский и тюркский. Несомненно, что племена и народы Чуйской долины по отношению к оседлым оазисам Средней Азии и таким древним государствам, как Хорезм, Согд, Бактрия и даже в известной мере Фергана, выступают в глубокой древности как периферия, как район сосредоточения варварских, кочевых резервов.

Распад первобытнообщинных отношений эпохи бронзы особенно интенсивно проходит в сакский период VII—III вв. до н. э., когда складываются первые военнотемократические союзы. Высшего подъема эти военнотемократические союзы достигают при усунях (III—I вв. до н. э.).

С началом господства гуннов (I в. до н. э.—IV в. н. э.) создаются условия для формирования патриархально-рабовладельческих отношений, которые достигли своего расцвета при возникновении больших оседлых поселений во время согдийской колонизации (V—VII вв. н. э.).

Время западнотюркского каганата (VI—VIII вв.) знаменует наивысший подъем и вместе с тем начало стремительного распада рабовладельческого общества. Уже при карлуках (VIII—X вв.) окончательно складываются дофеодалные отношения, формируются предпосылки для развития собственно феодальных отношений, получивших свой первый расцвет при караханидах (XI—XII вв.). Господство каракитаев и монгольское нашествие не могли остановить процесса феодализации Семиречья,

хотя и несколько замедлили его темпы, особенно, может быть, в Чуйской долине, население которой первым во всей Средней Азии приняло на себя удары монгол.

Семиречье после монгол уже не достигало прежнего величия и расцвета культуры: слишком уж тяжки были последствия «ига кровавого болота» (К. Маркс). Тимур и его преемники (XIV—XV вв.) не могли, да и не хотели возродить некогда цветущую страну для новой жизни. Коренное же население, издревле связанное с Чуйской долиной, — киргизы, в основном кочевники, не в силах были восстановить разрушенные города и сожженные селения. Руины этих городов и поныне стоят, как свидетельство опустошительного нашествия монгол.

В возрождении страны огромную и решающую роль сыграл великий русский народ. Бурный расцвет национальной культуры киргизов связан с Великой Октябрьской социалистической революцией. Но эти темы находятся уже вне сферы археологии.

Таковы в самых общих чертах наиболее существенные предварительные итоги экспедиций, которые мы провели в Семиречье. Главным образом благодаря археологическим памятникам мы получили возможность четырехтысячелетнюю историю Семиречья рассматривать по этапам, охарактеризовать его культуру и искусство, раскрыть в ряде случаев внутреннюю жизнь племен и народов и их социально-экономические отношения. В результате проведенных обследований многое теперь стало понятным. Во многих случаях нам удалось исправить ошибочные представления и уточнить неполные сведения, содержащиеся в археологической литературе, особенно по исторической топографии.¹

¹ См. нашу статью «Историческая топография Чуйской долины». ВДИ, 1940, № 2, стр. 191 сл., а также специальную главу в «Археологическом очерке северной Киргизии».

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Абд ар-Раззак Самарканди** 9, 24
Абд уль-Феда 9
Абруй 83
Агеева Е. И. 5, 6, 14, 22, 26, 84, 88
Айкаган 69
Ай-хан 69
Акимова М. С. 6
Акэн 147
Алладад (эмир) 24
пбн Арабшах 9, 23
Аргун-шах 24
Арслан 17
Артамонов М. И. 100
ибн аль-Асир 9
- Бабур** 9
Байтыгулов 5, 22
Бальдерман Ф. И. 14, 84, 88
Бань-гу 59
Бань-Чао 59
Бартольд В. В. 6—8, 10, 11, 13, 21, 22, 24—26, 31
Белазури 7
Бенедиктов И. К. 5, 6, 14, 22, 30, 84, 88
Бернштам А. Н. 5, 6, 11, 14, 18, 22, 24, 28, 30—32, 39, 42, 46, 84, 86, 89, 91—93, 98, 99, 101, 103, 112, 135, 137, 140, 143—146
Борзуков 110
Борисов А. Я. 20, 146
Бурчак-Абрамович 143
Бусыгин 88
Бэй-Вей 71
- Ваджрапани** 132
Вассаф 9
Вест Е. 146
Воеводский М. В. 59, 100, 101, 108, 109
Вульф О. 146
Выходцев И. В. 142, 148
- Габриил** 81
Ган-Ин 59
Гардизи 8, 21, 26
Гедин Свен 127
Гейгер В. 146
Гейкель Г. 59
Геродот 60
Гинзбург В. В. 145
Гракова О. А. 100, 106
Григорьев Г. В. 33, 127, 137
Грюнведель А. 147
Грязнов М. П. 59, 100, 101, 108, 109
- Далу** 66
Данилов Т. 103
Декастро 110
Джахиз 146
Джувейни 9, 13
Джурджани 9, 24
Домашев 84, 92
Дьяконова Н. В. 146
- Егизов** 5, 22
- Живей хан** 75
Жиров Е. 20, 32, 145
Жуков 123
- Земарх** 72, 73, 80
Зограф А. Н. 146
Зубакина О. М. 5
- Иинал Тегин (царь Аслыга)** 9
Ийлан шах (царь Суяба) 9
Ильясов С. 5
Иностранцев К. А. 146
Ионова 84, 90
Иракий 146
- Каладжур (царь Салыга)** 9, 21
Категин (царь Лабана) 9
Карл Г. 147
Карлгрени Б. 144
Карши 9
Киселев С. В. 106
Клименко Ю. Л. 84, 93, 103
Константин Погонат 146
Кудам 8, 13, 14, 21, 23
Кульбакар (царь Бунджиката) 9
Кюн-хан 69
- Латынин Б. А.** 99, 100
Лекок А. 147
Линшиц 84
Лео С. 145
Луниан М. В. 5, 14
- Маглыга (царь Хуркутала)** 9
Макдиси 21, 24, 27, 69
Малов С. 141
Маниах 72
Маркс К. 71
Массон М. Е. 16, 112, 141, 143, 147
Махмуд Кашгарский 8, 9, 14, 21, 78
Махмуд Тей 13
Мацулевич Л. А. 146
Менандр 72
Минорский В. 7
- Мирхонд** 9, 24
Михельс Г. Л. 5, 6, 14, 22, 84, 99
Монтель 127
Мухаммед Султан 23, 24
Мухаммед Хайдар 9
Мухаммед Хорезмшах 9, 13
- Нагини** 147
Наср II. 16
Невский В. А. 143
- Огуз-каган** 69
Олейник 84, 92
ал-Омари 9
- Пантусов** 22
Пасько 84, 97, 110
Пацевич Г. 25
Петр 81
Петров В. А. 145
Петровский Н. 7, 12
Поярков 22
Прасол Л. Д. 138
- Радлов В.** 80
Рашид ад-Дин 9, 69
Резвой Д. П. 143
Розина Л. Г. 5, 6, 14, 22, 28, 84, 86, 91, 99
Рощин И. А. 5, 22, 84, 86
- Самани** 9
Свердлов Р. С. 84, 99, 103
Сейф ад-Дин 23, 24
Семенов 84, 99
Сильзибул 73, 80
Сирен Освальд 145, 147
Соколов 84, 93
Сорокин С. С. 6, 84
Страбон 60
Сулу (каган тюркешский) 74, 83
Сюань Цзан 21, 27, 71—73, 75, 76, 78, 80, 82, 83
Сыма Цянь 59
- Табари** 8
Тегин Барсхан (царь Барсхана) 9
Теплоухов С. 124
Тереножкин А. П. 10, 14, 22, 25, 100, 101, 144, 148
Тилегенов 84, 90
Тимур 9, 23, 24, 148
Толстов С. П. 14, 83, 148
Томашек 26
Тревер К. В. 146
Трусова С. 141

Турксанф 80
Тухосьян Гучжо 75

Улугбек 24
Умехара Суечжи 145
Умняков И. И. 8

Факых 5
Фетисов 78, 80
Флоров 124
Фрейман А. А. 12
Фуше 146

Хамада Козаку 145
Хамдабаева 84
Хентце К. 145
Херцфельд 19

Хилаш Эркен (царь Шельджи) 9
Хорват Т. 147
ибн-Хордадбех 7, 8, 14, 21, 23
ал-Хорезми 7, 8
Хуханье 145
Хэдсон Г. 145

Цылими 62

Чеканинский И. А. 84
Черкасов Н. Д. 84
Черников С. С. 143
Чжан-Цянь 59
Чжипчжи 60, 145

Шаболо-шеху 74
Шахматов В. Ф. 22

Шахрух 148
Шереф ад-Дин Али Иезди 9, 24
Шефер Г. 146

Щербаков П. В. 5, 22, 84

Эте Г. 146

Юлдуз-хан 69

Яковлева 84, 91
Якуби 7
Якубовский А. Ю. 14
Якут 9
Янзе Олов 144
Яншансин 84, 97

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕННЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абалыг** 8
Авас 8
Адахкес 76
Азийцы, азы 8, 76
Азия восточная и западная 82
Айритам 107
Акбаш-ат 102
Аксу 9, 24, 99
Ак-тепе 76
Ак-терек 26
Ак-тобе 76
Акыр-тобе 142
Алаарча 142
Алатау 13
Александровское, пос. 98, 104, 107, 115, 118, 120, 121, 123—126, 130, 133, 134, 136—142, 147, 148
Алма-ата 145
Алмаатинская обл. 59, 144
Алмаатинская ул. 91
Аламединка, р. 100
Алтай 58, 74, 77, 78, 123, 124, 146
Амур, р. 13
Андроново, с. 58
Арабы 7, 8, 25, 145
Аргу 9
Арпа 58
Аслыг 9
Аспара, г. (или Асран-тобе) 8, 9, 22—24, 27, 76, 103
Аспаринское ущелье 23
Асран-тобе, см. Аспара
Асса, р. 62, 76
Атбаши 27
Атлах 8, 9, 25, 76
Ачик-таш 141
Ачинский округ 58
Ашпара 148
Афганистан 147

Багашин 143
Байтык-Бакши 101
Бактрия 149
Балаг 8
Баласагун 5, 8, 9, 10, 12—14, 21, 22, 25, 27, 29, 30, 47, 76, 86, 88, 110, 134, 139, 146, 148
Балыччи 22
Бамиан 147
Баркуаб 8
Барскаун, р. 26
Барскаунское ущелье 22
Барсхан 8, 9
Баш Хамра, крепость 24
Безеклик 78
Бек-тобе 76
Беклелиг (или Расманна) 8

Беловодская крепость 98, 102, 114, 115, 134, 139, 141
Беловодское, с. 88, 98, 102, 138, 140, 141
Берккара, ущелье 59
Берккара I 107, 145
Берккара II 145
Берккаринский могильник 59, 62, 64, 66—68
Бехлу (или Беш-агач) 76
Беш-агач, см. Бехлу
Бешташ, ущелье 59
Бийли-Куль, оз. 59
Большая Капка, ущелье 25
Большевик, к/х. 10
Большой Ак-Пешин 10—14, 19, 21, 22, 25, 47, 99
Большой Кемин, 5, 7, 14, 19, 20, 73
Большой Ферганский канал 84
Большой Чуйский канал (БЧК) 5, 6, 84—86
Боомское ущелье 7, 8, 14, 22, 26, 73, 75
Боровое 124
Буденовка, пос. 88
Будухкет 8
Бунджикет 8, 9
Бурана, башня 11
Бурана, городище 10—13, 76
Бурана, р. 11
Бухара 10, 25, 148

Варахша 132
Верхний Барсхан 7, 26, 75, 76
Верхний Талас 8
Византийцы 83
Византия 75, 81, 146
Водное, с. 76
Военно-Антоновское, с. 131
Ворошиловское, с. 90, 91
Восточные турки 80, 81
Восточный Туркестан 24, 55, 71, 75, 77, 81, 132, 145, 146

Гавриловское, с. 93
Гандара 146
Гувны 59, 60, 61, 66, 72, 145, 149

Далпаран, ущелье 19, 20
Джаильма, пос. 105, 106
Джакаркан 8
Джаман-курган 76
Джамбул, г. 25
Джамбуловская обл. 23, 76
Джамук 8
Джамукет, см. Хамукет

Джаргалан 26
Джаркерд 8
Джете (см. Моголистан) 23
Джиек 90, 106
Джикиль 76
Джуван-тобе 25, 74—76
Джувикет 76
Джуль (см. Чола-Казак) 19, 21, 24, 25, 69, 75, 76, 93, 131, 147
Джумгал 22
Джунгарское Алатау 60
Диль 8
Динлины 60
Дмитриевское, с. 76
Дохнуджикес 76
Дулу 21, 73, 76
Дунгане 27
Дунгановское 27

Европа 145
Енисей 78, 123

Жужане 71

Заилийское Алатау 44, 59
Западные турки 7, 21, 145
Зеравшан 145

Ивановка, с. 11, 55, 87, 88, 104, 106, 108, 110, 111, 142
Ивановское кладбище 87, 88, 101
И-ву (см. Хами) 60
Или 73, 145, 147
Илийский бассейн 24, 148
Илийская долина 27, 59, 73, 74, 80
им. Ильича, с/х. 19
Индия 146
Иран 75, 77, 81, 138, 146
Иранцы 30, 73, 79, 81, 82
Ирису, к/х. 99, 101
Иргыш (см. Уту) 60, 72
Испиджаб 7, 75, 76
Исседоны 145
Иссык, могильник 62
Иссык-куль 5, 7, 9, 21, 22, 26 (см. Койсара), 59, 61, 72, 75, 76, 79, 84, 107, 145

Кавакет 76
Кавказ 81
им. Кагановича, к/х. 99
Кагановичское, с. 25, 58, 93
Казахи 145
Казахстан 5, 22, 23, 58, 64, 77, 103, 106, 107, 144—146
Каннды, пос. 76, 103, 105, 106, 142, 144

- Калбинский хребет 60
 Калининское, с. 100, 101, 103
 Калма-ашу, ущелье 19, 22
 Канглы 60
 Канглюй 60
 Кант, пос. 88, 89, 90, 91, 106
 Капкинское ущелье 76
 Карабалты 24, 25, 76, 99, 100, 109
 Карабалык 9
 Карабулак 19
 Карагачевая роща 91, 142
 Каракитай 13, 27, 29, 30, 85, 98, 99, 148, 149
 Каракол, р. 145
 Каракууз 27
 Каратау 59, 145
 Карачоко 145
 Карачоко II 145
 Каргалинка, р. 59, 66, 69, 145
 Каргалинское ущелье 145
 Каргалы I 144
 Каргалы II 145
 Каркара, р. 75
 Карлуки 21, 22, 74, 76, 77, 149
 Карпинского, ул. 91
 Касрибас 13, 76, 147
 Катак 8
 Каттакурганское водохранилище 84
 Кашгар 9
 Кашка-джол 19, 20
 Кенбулуь, пос. 110, 111, 140, 142, 148
 Кенбулуьнский кирпичный завод 111
 Кенбулуьское кладбище 87, 88, 140
 Кенес, к/х 74
 Кенкол, р. 145
 Кенкол, ущелье 59
 Кенкольский могильник 59, 61, 64—69, 123, 145
 Кескен-таш, урочище 80
 Кидани 13, 19, 28, 30, 47
 Кизил 147
 Кимаки 13
 Киргизское Алатао 58, 62, 75, 80
 Киргизы 145, 149
 Кирмирау 8, 13, 76
 Кировск, с. 76
 Китай, 23, 24, 26, 58—60, 66, 67, 71, 75, 140, 144, 146, 147
 Китайцы 9, 27, 29, 81, 83
 Койсара (см. Иссык-куль) 26
 Кольцовка, пос. (или Кунчыгыш) 26
 Корея 145
 Кочкарская долина 26, 77
 Кочкорка 26, 27, 121
 Кош-куль 143
 Красная Речка 10—14, 16, 20—22, 24, 25, 43, 73, 76, 77, 81, 92, 123, 128, 133, 135, 138, 142, 145, 146
 Краснореченское, пос. 88—90
 Кубал (см. Суяб) 8, 21
 Кубрикет 76
 Кугойрок 26, 75
 Куз-орду 8
 Кулан 8, 76
 Куль 8, 76
 Кульшуб 76, 147
 Кунгей 26
 Кунгей-Алатау 22
 Кунчыгыш, см. Кольцовка
 Курдайский перевал 24
 Куча 132, 147
 Кызыл-су, р. (см. Сурхоб) 9, 86, 87, 142, 148
 Кызыл-ярская степь 99
 Кыргыз енисейские 80
 Кырк-Чоро 27
 Кысмычи (см. Якалыг) 5, 23, 27, 35, 55
- Лабан** (см. Огуз Дабан) 9
 Лакра 8
 Лебединовка, сел. 146
 Лубяной завод 48, 51
 Луговое, с. 11, 71, 76
- Мавераннахр** 76, 127, 128, 147
 Маданкет 8
 Малый Ак-Пешин 10
 Малый Кемин 5, 14, 19, 20, 73
 Макбаль 142
 Май-тобе 25, 76
 Маньчжурия 13
 Маньч, р. 100
 Малтабарский холм 12
 Мамай, овраг 139
 Междуречье Чу-Или 144
 Мерв 10
 Меркенский свеклосовхоз 23
 Миздахкан 14
 Миусинский край 58, 77
 Миран 148
 Мирки 8, 22, 25, 76
 Миркинский р-н 23
 Моголистан (см. Джете) 9, 23, 103
 им. Молотова, к/х. 76
 Монголия 77, 146
 Монголы 23, 24, 30, 148, 149
 Муг, г. 12, 67
 Мынг-Булак 76
- Навикет** 8
 Нарын, р. 22, 86, 99, 144
 Нарынские курганы 145
 Нарынский хребет 60
 Невакет 7, 8, 19, 21, 22, 25, 76
 Нельды, р. 142
 Нельды, ущелье 80, 141
 Нижний Барсхан (или Уч-курган) 13, 76
 Новопавловка, с. 92
 Новопокровка, с. 90, 91
 Новороссийское, с. 19—21, 25, 26, 74, 76
 Новотроицкое, с. 91, 92
 Норуд, р. 90, 91
 Нузкет (или Нункет) 8, 24, 76, 99, 102, 104
 Нункет, см. Нузкет
 Нушиби 73, 76
 Нушкет 8
- Огуз Дабан** (или Лабан?) 9
 Орловка, с. 19, 21, 25, 76
 Ортосу, пос. 99
 Ош 84
- Паннония** 147
 Петровка, с. 99—102
 Петропавловское, с. 25, 102
 Петровка, с. 10
 Предтеченское, с. 25, 102
 Пржевальск, г. 59
- Раванджан** 8
 Расмакна, см. Беклелиг
 Рей 138, 141, 148
 им. Розы Люксембург, пос. 88
 Романовское, с. 25, 93
 Рыбачье 43, 110
- Сагур-Кубал** (см. Суяб) 8, 21
 Садовое, пос. 98, 106
 Садыр-курган 23, 64, 76
 Сайрам 24
 Саки 60, 104, 106, 107, 145
 Салыг 9, 21
 Самарканд 10, 24, 72
 Самарра 19
- Санчи 147
 Сары уйшунь 60
 Сарыг 5, 8, 14, 21, 22, 25, 27, 28, 30, 35, 37, 38, 43, 76, 78, 88—90, 107, 118, 128, 131, 133, 135, 136, 138, 140, 146, 147
 Северная Киргизия 5—9, 12, 22, 23, 25—27, 30, 31, 39, 42, 58, 66, 84, 85, 86, 100, 103, 104, 107, 126, 137, 141, 143—146
 Северное Притяньшанье 22
 Северные чэши 60, 72
 Сейхун 9
 Семеновский мост 7
 Семиреченские турки 80
 Семиречье 6, 7, 9, 13, 14, 18, 21, 22, 27, 28, 30, 42, 46, 58—62, 64—66, 68, 69, 71—82, 87, 88, 97, 106, 107, 115, 120, 122, 123, 127, 131, 135, 141, 144—148
 Серафимовка, с. 25, 76
 Сибирь 106
 Синьли 60
 Сирийцы 28, 81, 82
 Советское, с. 76
 Согд (или Согдиана) 58, 66, 67, 72—74, 77, 81, 146—149
 Согдиана, см. Согд
 Согдийцы 13, 14, 28, 80—83, 97, 103, 127, 145—147
 Согд-Сули 72
 Солдатское, с. 25, 76
 Сох, р. 143
 Социалчи, к/х. 90
 Средняя Азия 7, 24—27, 30, 33, 59, 61, 65, 66, 71, 75, 82, 120, 128, 131, 132, 135, 136, 143—145, 147—149
 Сретенское, с. 24, 76
 Сталинское, пос. 24
 Старая Покровка 110
 Степное, с. (см. Тай-кичу) 24
 Су-е, см. Чуйская долина
 Сукулук 25, 89, 92, 93, 95, 97, 100, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 121—125, 129, 134, 136—139, 146
 Сурхоб, р. (или Кызыл-су) 87, 148
 Сусы 8, 25, 76
 Суяб (см. Кубал и Сагур-Кубал) 8, 9, 19, 21, 22, 25, 29, 72—74, 76
 Сюгаты, р. 76
 Сынтас, перевал 75
 Сяньбийцы 71
- Таджики** 127
 Тай-кичу (см. Степное) 24
 Талас, г. 7, 76, 82
 Талас, р. 8, 25, 59, 61, 62, 66, 73, 76, 79, 80, 82, 107, 145—148
 Таласская долина 5, 9, 10, 25, 26, 59, 73, 76, 80, 142
 Талгар 62
 Тали Барзу 123
 Тамга, р. 26
 Тараз 9, 11—14, 18, 25, 73, 75—77, 80, 81, 127, 129, 146—148
 Тарсакент 9
 Тарсу, ущелье 19, 21
 Ташкент 24, 145
 Ташкентский оазис 84, 122, 127, 147
 Ташкентский р-н 101
 Ташрабат 9
 Текабкет 8, 25, 76, 147
 Темерлик 74
 Терской Алатао 26
 Токмак 10, 19, 55, 76, 110, 142
 Тонский залив 26, 76

- Тонское городище 22
 Тосор, р. 26
 Трудовик, к.х. 55, 73
 Тунгусо-маньчжурская группа пле-
 мен 61
 Тургенъ, могильник 62
 Тухси (см. Тюргеши) 8
 Тюп 26
 Тюпский залив 26, 76
 Тюргеши (см. Тухси) 8, 21, 74, 75,
 145
 Тюрки 8, 9, 14, 21, 22, 24, 30, 73—
 77, 79—83, 88, 92, 103, 105, 138,
 145
 Тянь-шань 5, 27, 42, 58, 73, 75—
 78, 80, 82, 83, 106, 107, 144, 145,
 147, 148
- У**
 Уге 60
 Узукенд 9
 Узун-булак 74, 75
 Узунгач 144
 Уйгуры 60, 72, 83
 Урджар 80
 Урду 8, 9, 21, 22
 Уркес 8
 Урнэк, к.х. 62
 Усуни 58—62, 65, 66, 68, 70—72,
 96, 98, 102, 104, 109, 145, 149
 Усунские курганы 145
 Уту (см. Иртыш) 72
 Уч-Курган, см. Нижний Барсхан
- Ф**
 Фергана 75, 101, 122, 143, 147,
 149
 Фостат 148
 Фрунзе 10, 14, 19, 21, 22, 24, 25,
 43, 55, 58, 76, 84—86, 91, 110,
 118, 142, 143, 145, 147
 Фрунзенское шоссе 93
 Фурдучэн 148
- Х**
 Хайдаркан 143
 Халаджи 21
 Хами, оазис (см. И-ву) 72
 Хамукет (или Джамукет) 25, 76
 Харранджуван 8, 24, 25, 76, 98,
 102
 Ходжо 78, 147
 Хорезмский оазис 20, 147—149
 Хуркутал 9
- Ч**
 Чалдывар 23, 24, 76, 88
 Чашме 8
 Чигили 8
 Чигиль, г. 9
 Чильпекская группа курганов 109
 Чимкент 76
 Чимтюе, курганы 107
 Чола-Казак (см. Джуль) 25, 76, 93
 Чолпан-ата 26
 Чон-кемин 14, 19, 20, 22, 26, 74,
 75, 83
- Чу** 5, 7, 9, 10, 11, 14, 15, 19, 21,
 22, 24, 25, 27, 55, 59, 66, 73—76,
 82, 84, 86, 100, 142, 143, 145—
 148
 Чуйская долина (или Су-е) 5—8,
 10, 12, 14, 19, 20—22, 24—28,
 59, 73, 75, 76, 81, 83, 84, 91, 97,
 99, 106, 107, 123, 126—129, 134,
 135, 137, 141, 142, 147—149
 Чуйские могильники 67
 Чуйский район 10
- Ш**
 Шамси, долина 78, 121
 Шаповаловка, с. 62
 Шельджи 8, 9, 25, 27, 76, 148
 Шиштепе 24, 76, 99, 103, 104
 Шортюбе 27
 Шортибинский канал 27
 Шуй 8
 Шур 8
- Ю**
 Юебань 71, 72
 Юечжи-массагеты 60
 Южная Киргизия 107
 Юннань 144
- Я**
 Ябгу 8
 Яг 8
 Яганкес 8
 Якалыг (см. Кысмычи) 5, 8, 27, 30,
 55
 Янги 24
 Ячжун 60

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Фронтиспис. Караханидское блюдо XII в. (Сукулук).
Рисунок. С. С. Сорокина

Табл. I. Археологическая карта Чуйской долины.
Табл. II. Общие виды городищ Чуйской долины и оз. Иссык-куль.

1— Ак-тепе (Харранджуван); 2— Чола-назан (Джуль); 3— Сукулукское городище; 4— Тонское городище (Иссык-куль); 5— Малый Ак-пешин; 6— Кочкарское городище (Тянь-шань).

Табл. III. Планы городов и поселений Чуйской долины и оз. Иссык-куль.

1— план г. Ашпара; 2— Новопавловка (Джуль); 3— Кысмычи (Якаент); 4— Тосор; 5— Бурана (Кирмирау); 6— Кочкорское городище.

Табл. IV. Планы городов и поселений Чуйской долины и оз. Иссык-куль.

1— Шиш-тепе (древний г. Нузет); 2— Кувьчыгыш; 3— Ак-тепе (Харранджуван); 4— Кором-дунун Коктусу; 5— Курменты; 6— Сукулук.

Табл. V. «Стена Туратам» — у Тонского залива оз. Иссык-куль, Верхний Барсхан, VIII в. (общий вид и план).

Табл. VI. Общие виды древних городов Сарыг и Кысмычи и раскопов на городищах.
1— Сарыг; 2—5— Кысмычи.

Табл. VII. Планы и разрезы важнейших раскопов на городищах древнего Сарыга и Баласагуна.

1—3— планы и разрезы раскопа VIII на городище Красная Речка; 4— раскоп VI; 5— раскоп V; 6— общий план раскопов в Баласагуна; 7— раскоп монастыря; 8— раскоп часовни.

Табл. VIII. План г. Сарыга (Краснореченское городище).

Табл. IX. Раскопы в г. Сарыге.

1—2— общий вид раскопа VIII; 3—5— помещения, вскрытые раскопом VIII; 6— раскоп V.

Табл. X. Находки на раскопах II и VIII г. Сарыга.
1—2— бронза; 3— глина.

Табл. XI. Роспись альсекко, г. Сарыг, раскоп VIII.

1— бодисатва; 2— маньчжурские астры.

Табл. XII. Фрагменты резной панели с раскраской альсекко из жилого дома (IX—X вв.) древнего Сарыга. Раскоп VI.

Табл. XIII. Бусы из погребений и раскопов жилых зданий X—XII вв. г. Сарыга (коралл, раковины, янтарь, пахта и стекло).

Табл. XIV. Осууарии и их фрагменты из раскопа I в г. Сарыге.

Табл. XV. План и разрезы раскопа I г. Сарыга.

Табл. XVI. Бытовой инвентарь из г. Сарыга (1—7); 6— красное лощение.

Табл. XVII. Бытовой инвентарь из городов Сарыг (1—3) и Якалыг (4—6).

4— бронза; 6— железо. Остальные изделия из глины.

Табл. XVIII. План г. Баласагуна (городище Ак-пешин).

Табл. XIX. Общие виды раскопок буддийской часовни (1—2) и монастыря XII в. в каракитайском квартале г. Баласагуна (2—5); 6— остатки постройки в теле в каракитайском квартале, сырцовые кладки.

Табл. XX.

1—7— исполнившая керамика из раскопов в Баласагуна XII в.; 8— предмет из бронзы.

Табл. XXI. Росписи (фрески).

1—3— из Баласагуна (XII в.); 4— из Джуля (VIII—IX вв.).
1—3— выполнены М. Лушпан, 4— С. Сорокиным.

Табл. XXII.

1—4 и 6— фрагменты сырцовых глиняных поделок из буддийской часовни Баласагуна; 5— фрагмент достархана.

Табл. XXIII. Поделки из камня и глины, найденные при раскопках буддийской часовни в Баласагуна.

1— обломок украшения из камня; 2— фрагмент изображения мифического существа «фо»; 3— бодисатва; 4, 5, 6— фрагменты статуи будды.

Табл. XXIV. Поделки из камня и глины, найденные при раскопках буддийской часовни в Баласагуна.

1— навершие ступы (?); 2— лотос; 3, 4— фрагменты декоративных фризов— обожженная глина.

Табл. XXV. Находки при раскопках храма в Баласагуна.

1—3— кровельная черепица; 4, 5— глиняные налеты из часовни и монастыря в Баласагуна.

Табл. XXVI. Находки при раскопках в Баласагуна.

1— навершие трубы; 2, 3— отпечатки форм на черепицах; 4—6— декоративные плитки.

Табл. XXVII. Эпиграфические находки.

1— из г. Якалыг; 2, 3— из г. Сарыга; 4, 5— из г. Баласагуна (1, 3, 4— уйгурские надписи; 2— согдийская; 5— санскритская).

Табл. XXVIII. План расположения памятников, обнаруженных археологической экспедицией 1941 г. в подгорной части Чуйской долины.

Табл. XXIX. Эпоха бронзы. Керамика Каиндинских стоянок (1/2 нат. вел.).

Табл. XXX. Эпоха бронзы. Керамика Каиндинских стоянок. (1/2 нат. вел.).

Табл. XXXI. Эпоха бронзы. Керамика Каиндинских и Джаильминских стоянок. (1/2 нат. вел.).

Табл. XXXII. Эпоха бронзы. Керамика Каиндинских и Джаильминских стоянок. (1/2 нат. вел.).

Табл. XXXIII. Эпоха бронзы. Каменные песты и терки. (1/3 нат. вел.).

- Т а б л. XXXIV. Эпоха бронзы. Кельты и вислобушные топоры из бронзы ($\frac{2}{3}$ нат. вел.).
1 — г. Фрунзе; 2, 3, 7 — сел. Ивановское; 4, 5, 8 — сел. Новопавловка; 6 — сел. Лебединовка.
- Т а б л. XXXV. Эпоха бронзы. Шилья и серпы из бронзы.
1 — сел. Кант (нат. вел.); 2, 3 — сел. Беловодское ($\frac{1}{2}$ нат. вел.); 4, 5 — сел. Ивановское ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. XXXVI. Эпоха бронзы. Серпы и наконечники копий из бронзы.
1—3— $\frac{2}{5}$ нат. вел.; 4—6— $\frac{3}{4}$ нат. вел.
- Т а б л. XXXVII. Эпоха бронзы. Наконечники копий и ножи из бронзы.
1—3 — нат. вел.; 4 — $\frac{3}{4}$ нат. вел.
- Т а б л. XXXVIII. Эпоха бронзы. Каменная форма для отливки пальцев. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. XXXIX. Памятники саков.
1 — Сунулук, кость; 2, 3 — пряжки из бронзы. (2 — Сунулук, 3 — Ивановское). (Нат. вел.).
- Т а б л. XL. Памятники саков. Керамика. Внизу жертвенный столик из камня. ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).
- Т а б л. XLI. Памятники саков. Бронзовые наконечники стрел. (Нат. вел.).
- Т а б л. XLII. Памятники времени усуней. Керамика. ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).
- Т а б л. XLIII. Памятники времени усуней. Украшения и оружие.
1—5, 7 — бронза; 6, 8 — железо. (Нат. вел.).
- Т а б л. XLIV. Находки в погребениях тюркского времени. VI—VIII вв. (бронза). (Нат. вел.).
- Т а б л. XLV. Находки в погребениях тюркского времени. VI—VIII вв. (бронза). (Нат. вел.).
- Т а б л. XLVI. Находки в погребениях тюркского времени. VI—VIII вв. (железо). ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. XLVII. Находки в погребениях тюркского времени. VI—VIII вв. (кость). (Около $\frac{2}{3}$ нат. вел.).
- Т а б л. XLVIII. Находки в погребениях тюркского времени. VI—VIII вв. Керамика.
1—7 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 8—10 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.
- Т а б л. XLIX. Находки в погребениях тюркского времени. VI—VIII вв. (бронза). (Нат. вел.).
- Т а б л. L. Памятники тюрко-согдийского этапа.
1 — форма для оттиска изображения человеческого лица (нат. вел.); 2, 3 — электровые брагтеаты (нат. вел.); 4 — рельефное изображение на сосуде тюрко-согдийского времени (VI—VIII вв.) (увел. в 2,5 раза).
- Т а б л. LI. Сосуды и статуэтки из глины тюрко-согдийского времени VI—VIII вв.
1—2 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 3—5 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LII. Статуэтки, барельефы и штампы из глины тюрко-согдийского времени VI—VIII вв.
1—3, 9, 10 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 4, 5 — $\frac{3}{5}$ нат. вел.; 6, 7, 11 — $\frac{7}{7}$ нат. вел.; 8 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 12 — $\frac{2}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LIII. Культовые предметы. Стилизованные изображения животных (глина). ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. LIV. Культовые предметы. Стилизованные изображения животных. V—VIII вв.
1—3, 5, 6 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 4 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LV. Светильники (аташданы) и стилизованные изображения животных. V—VIII вв.
1, 4—6 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 2, 3 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LVI. Светильники (аташданы). V—VIII вв. (глина). ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. LVII. Украшения и ручки крышек от сосудов и жертвенных очагов. V—VIII вв. (глина). (Около $\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. LVIII. Украшения и ручки крышек от сосудов и жертвенных очагов. V—VIII вв. (глина).
1, 11, 14 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 2—4, 6—10, 12, 13, 15 — около $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 5 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.
- Т а б л. LIX. Украшения и ручки крышек от сосудов и жертвенных очагов. V—VIII вв. (глина).
1, 3 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 2, 4—13 — около $\frac{1}{2}$ нат. вел.
- Т а б л. LX. Сосуд из Александровского городища с буддийскими эмблемами. VIII в. (глина).
1 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 2 — нат. вел.
- Т а б л. LXI. Штампы и налёпы. VI—VIII вв. (глина). (Около $\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. LXII. Оссуарии и фрагменты оссуариев. VI—VIII вв. (глина)
1, 4, 5 — $\frac{1}{5}$ нат. вел.; 2, 3 — около $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LXIII. Сосуды тюрко-согдийского времени. VI—VIII вв. (глина).
1—3 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 4—8 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.
- Т а б л. LXIV. Керамика карлукского типа. VIII—X вв.
1—5 — около $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 6 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.; 7, 9 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LXV. Керамика карлукского типа. VIII—X вв.
1—3— $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 4—6— $\frac{1}{2}$ нат. вел.
- Т а б л. LXVI. Керамика карлукского типа. VIII—X вв. (Около $\frac{1}{4}$ нат. вел.).
- Т а б л. LXVII. Керамика карлукского типа. VIII—X вв.
1, 2, 4, 5 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 3 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.
- Т а б л. LXVIII. Керамика карлукского типа. VIII—X вв.
1—4, 6—8 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 5 — $\frac{3}{4}$ нат. вел.; 9 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 10, 11 — нат. вел.
- Т а б л. LXIX. Керамика карлукского типа. VIII—X вв.
1 — $\frac{3}{2}$ нат. вел.; 4, 5 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.
- Т а б л. LXX. Керамика карлукского типа. VIII—X вв. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. LXXI. Достарханы. VIII—X вв. (глина) ($\frac{1}{5}$ нат. вел.).
- Т а б л. LXXII. Достарханы. VIII—X вв. (глина).
1— $\frac{1}{5}$ нат. вел.; 2 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.; 3 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LXXIII. Достарханы. VIII—X вв. (глина)
1 — $\frac{1}{7}$ нат. вел.; 2, 3 — $\frac{1}{5}$ нат. вел.
- Т а б л. LXXIV. Достарханы. VIII—X вв. (глина). ($\frac{1}{5}$ нат. вел.).
- Т а б л. LXXV. Прясла и пуговицы. VIII—X вв. (глина). (Нат. вел.).
- Т а б л. LXXVI. Прясла и пуговицы. VIII—X вв. (кость). (Нат. вел.).
- Т а б л. LXXVII. Фреска из буддийского храма у древнего города Джуль. VIII—IX вв. (по зарисовке С. Сорокина). (Нат. вел.).
- Т а б л. LXXVIII. Глиняные сосуды карлуко-караханидского времени. X—XI вв.
1 — $\frac{1}{5}$ нат. вел.; 2, 3 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LXXIX. Глиняные сосуды карлуко-караханидского времени. X—XI вв.
1—3, 5, 6 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 2 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 4 — $\frac{1}{5}$ нат. вел.
- Т а б л. LXXX. Глиняные сосуды карлуко-караханидского времени. X—XI вв.
1—4, 6—8 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 5 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.
- Т а б л. LXXXI. Глиняные сосуды карлуко-караханидского времени. X—XI вв.
1, 3, 6 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.; 2, 4, 5, 7 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- Т а б л. LXXXII. Карлукские и караханидские чираки. X—XI вв. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).
- Т а б л. LXXXIII. Поливная керамика караханидов. XI—XII вв.
- Т а б л. LXXXIV. Поливная керамика караханидов. XI—XII вв. 5-Рейская керамика XIII в.
- Т а б л. LXXXV. Поливная керамика караханидов. XI—XII вв. (коричневая и черная роспись по белому фону). ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

Табл. LXXXVI. Поливная керамика караханидов. XI—XII вв.

1, 2, 4—6—коричневая и черная роспись по белому фону; 3—люстр. (2/3 нат. вел.).

Табл. LXXXVII. Железные изделия. XI—XII вв. Александровское городище.

1—7—1/3 нат. вел.; 8—12—1/4 нат. вел.

Табл. LXXXVIII. Железные изделия. XI—XII вв. Александровское городище.

1—6, 8—9—1/4 нат. вел.; 7—1/3 нат. вел.

Табл. LXXXIX.

1, 2—каракаитские кровельные «коньки»; 3—фрагмент селадонного блюда; 4—белый фаянсовый сосуд; 5—бронзовая статуэтка будды. (1, 2, 4—1/3 нат. вел.; 3, 5—нат. вел.).

Табл. XC. Изделия из нефрита. XII в. Немного уменьшены.

Табл. XCI. Украшения на бронзовых ствoлах подсвечников. XIII—XIV вв. (Около 2/3 нат. вел.).

Табл. XCII. Бронзовые подсвечники. XIII—XIV вв. (1/3 нат. вел.).

Табл. XCIII. Посуда тимуридского времени. XIV в.

1—голубая глазурь; 2, 3—белон; 4—6—неполивная глина. (1—4—1/3 нат. вел.; 5, 6—1/4 нат. вел.).

Табл. XCIV. Поливные изразцы XV—XVI вв. и типы водопроводных труб. XI—XII вв.

1—4—2/7 нат. вел.; 5—1/4 нат. вел.

Табл. XCV. Историко-археологическая классификация памятников Семиречья и Тянь-шаня.

Типы памятников: 1—Арпа, Тянь-шань; 2—Чон-кемин, северная Киргизия; 3—Кара-чоко, р. Или, Казахстан; 4—Карагалы, Алмаатинская обл., Казахстан; 5—Берккара, Джамбуловская обл., Казахстан; 6—Берккара I; 7, 8—Берккара II; 9, 10—Кенкол, Талас, Киргизстан; 11—Арпа, Тянь-шань; 12, 13—Джуван-тепе, р. Или, Алмаатинская обл., Казахстан; 14, 15—Сарыг, Чуйская долина, Киргизстан; 16—Ширдабек, р. Алабука, Тянь-шань; 17—Талгар, Алмаатинская обл., Казахстан; 18—Верхний Талас, Киргизстан; 19—Баласагун, Чуйская долина; 20—Несторианская могила, Чуйская долина; 21—Атбаш, Тянь-шань.

Археологические находки: 1—2, 12—13—Арпа, Тянь-шань; 3—9, 11—Каинда, Чуйская долина; 10—Талды-курган, Казахстан; 14—18, 19a—22, 24, 25, 27—30—Чуйская долина; 19—Узун-агач, Алмаатинская обл.; 23—Атбаш, Тянь-шань; 26—Иссык-куль, Киргизстан; 31—Карагалы, Алмаатинская обл.; 32—36—Чуйская долина; 37—41—Тюп, Иссык-куль; 42—44—Нарын, Тянь-шань; 45—48—Чуйская долина; 49—Берккара-чоко, р. Или; 50—52—Чуйская долина; 53—55—Берккара; 56—59—Семиречье; 60, 61—Кырчин, Иссык-куль; 62—Берккара, Джамбуловская обл.; 63—Нарын, Тянь-шань; 64—Вагашин, Сох, Южная Киргизия; 65—71—Чуйская долина; 72—Араван, Южная Киргизия; 73—79, 80, 81, 90—93—Чуйская долина; 82—89—Берккара; 94—1126—Кенкол, Талас, Киргизстан; 113—170, 172—174—Чуйская долина (в основном Сукулукское городище); 171—Тараз, Чуйская долина (в основном Сукулукское городище); 234, 240—244—Александровское городище и некрополь, Чуйская долина; 235—239, 246, 247—Баласагун, Чуйская долина; 245—Чуйская долина; 248, 249, 252—254, 259—260—Чуйская долина; 250, 251—Талас, Киргизстан; 255—Талгар, Алмаатинская обл.; 256—258—Семиречье.

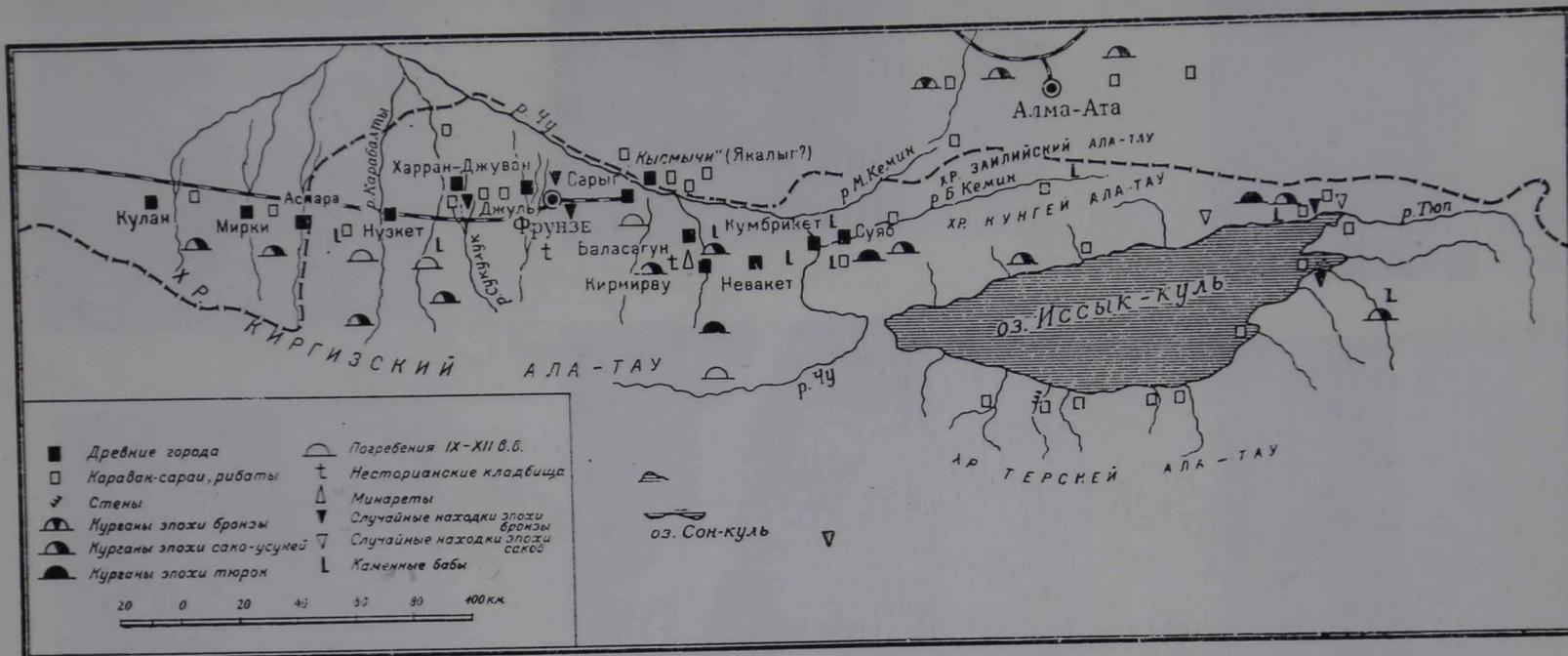
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БЧК — Большой Чуйский канал
- ВДИ — Вестник древней истории
- ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- ОИФ Известия — Известия Отделения истории и философии
- ИИМК — Институт истории материальной культуры
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
- СА — Советская археология
- ТОВ — Труды Отдела востока Гос. Эрмитажа
- ГИМ Труды — Труды Государственного Исторического музея
- GMS — Gibb Memorial's Series
- MDAFA — Memoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
- MEA — Bulletin the Museum of far Eastern Antiquities
- OZ — Ostasiatische Zeitschrift

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.		Стр.
Введение (А. Н. Бернштам)	5	Часть II. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ПОДГОРНОЙ ЧАСТИ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ 1941 г.	84
Часть I. ДРЕВНИЕ ГОРОДА ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ	7	Введение (А. Н. Бернштам)	84
Глава I. Обзор археологических исследо- ваний в 1938—1940 гг. (А. Н. Берн- штам)	7	Глава I. Отчеты начальников археологи- ческих отрядов (I—X) экспедиции по археологическому обследованию подгор- ной части Чуйской долины (Г. Л. Ми- хельс и С. С. Сорокин)	86
§ 1. Общий обзор городов VIII—XVI вв. по письменным источникам.	7	Отчет I отряда	86
§ 2. Обследование городищ долины р. Чу в 1938 г.	10	Отчет II отряда	88
§ 3. Работы 1939 г. в Чуйской долине и долинах Малого и Большого Ке- мина	14	Отчет III отряда	90
§ 4. Итоги работ 1940 г. в северной Кир- гизии	22	Отчет IV отряда	91
Глава II. Раскопки городов Сарыга, Ба- ласагуна и Якалыга (§§ 3, 4, 8— Е. И. Агеева; § 1—И. А. Бене- диктов; §§ 2, 5, 6, 7—Л. Г. Ро- зина)	30	Отчет V отряда	92
А. Сарыг (Краснореченские развалины)	30	Отчет VI отряда	93
§ 1. Согдийский замок (раскоп I).	30	Отчет VII отряда	97
§ 2. Шахристан (раскопы II и IV)	37	Отчет VIII отряда	99
§ 3. Средневековый кешк (раскопы VII и VIII)	38	Отчеты IX и X отрядов	103
§ 4. Караханидский дом XI в. (раскоп V)	43	Глава II. Опыт классификации археоло- гических находок (А. Н. Бернштам).	104
§ 5. Караханидские погребения (раскоп III)	46	§ 1. Памятники эпохи бронзы в Север- ной Киргизии	104
Б. Баласагун (развалины Ак-пешни)	47	§ 2. Сако-усуньская культура ранних ко- чевников Чуйской долины	106
§ 6. Разведочные шурфы в киданьском квартале.	47	§ 3. Согдийская культура и тюркский ка- ганат	110
§ 7. Буддийская часовня и монастырь (раскопы I и II)	48	§ 4. Памятники карлукского периода	126
В. Якалыг (городище Кысмычи)	55	§ 5. Культура городов и сельских посе- лений караханидского периода	133
§ 8. Раскопки в шахристане	55	§ 6. Новые центры каракитайской куль- туры	139
Глава III. Очерк истории культуры древ- него Семиречья по археологическому материалу (А. Н. Бернштам)	58	§ 7. Памятники монголо-тимуридского времени	140
§ 1. Ранние кочевники Семиречья III в. до н. э. — II в. н. э.	58	§ 8. К датировке естественно-историче- ских процессов в Киргизии	141
§ 2. Культура Семиречья во время тюрк- ского каганата VI—VIII вв. н. э.	71	Заключение (А. Н. Бернштам)	144
		Указатель собственных имен (составл. И. Б. Бен- тович)	150
		Указатель племенных и географических назва- ний (составл. И. Б. Бентович)	152
		Описание таблиц памятников материальной культуры Чуйской долины	155
		Список сокращений	157
		Таблицы памятников материальной культуры Чуйской долины	159

**ТАБЛИЦЫ ПАМЯТНИКОВ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ**

1

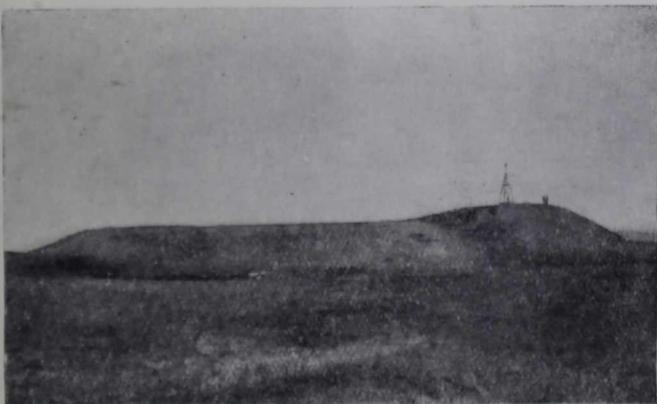
2

3

4

5

6

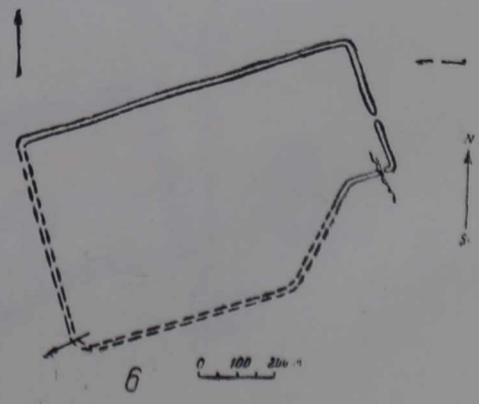
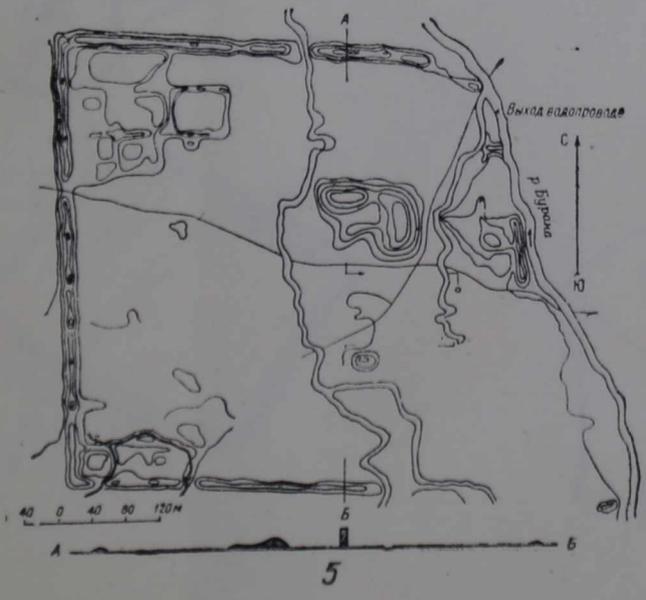
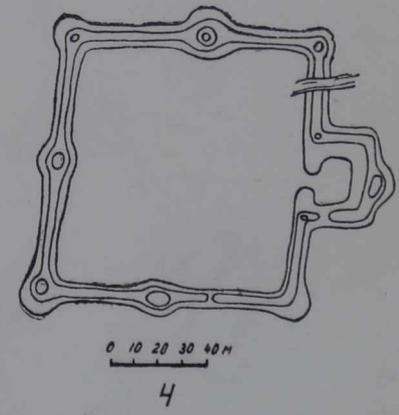
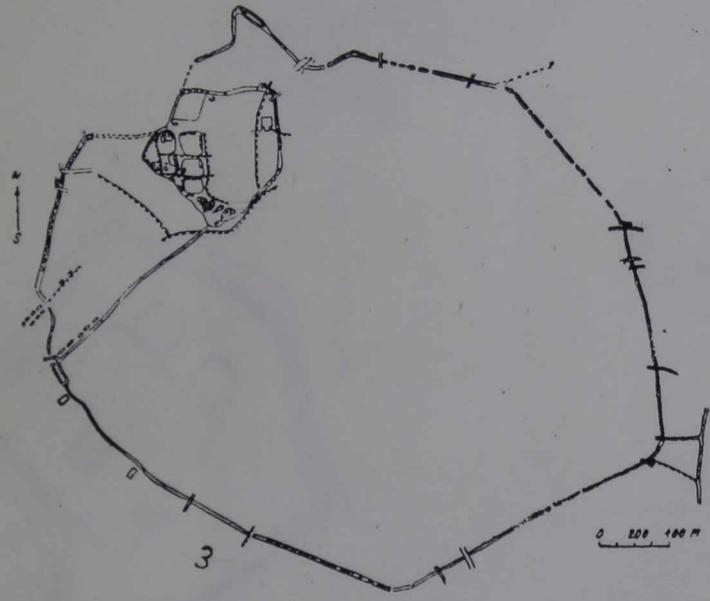
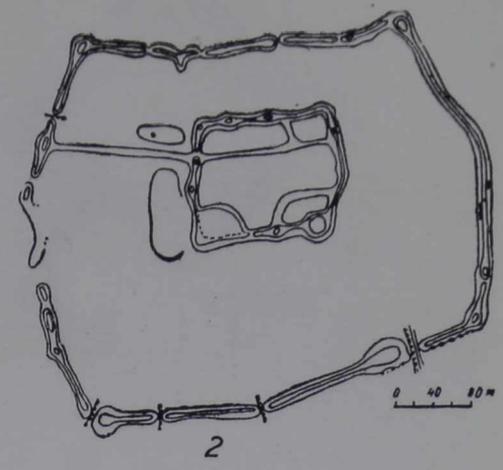
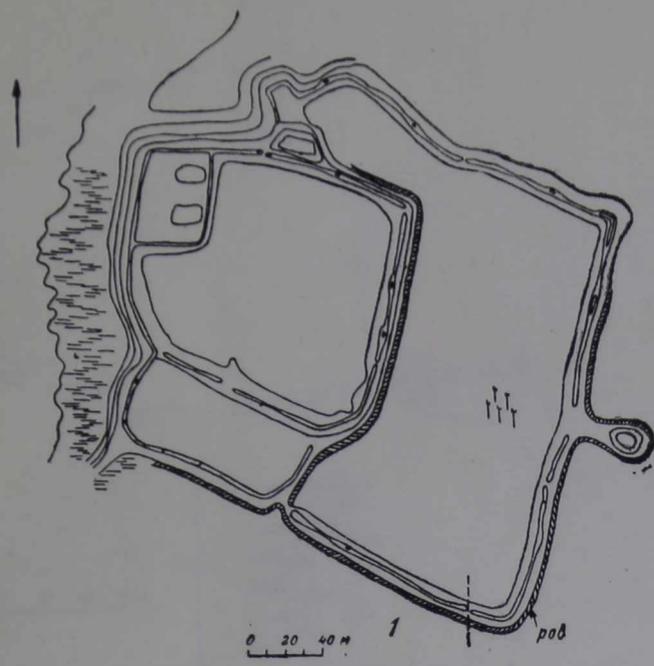
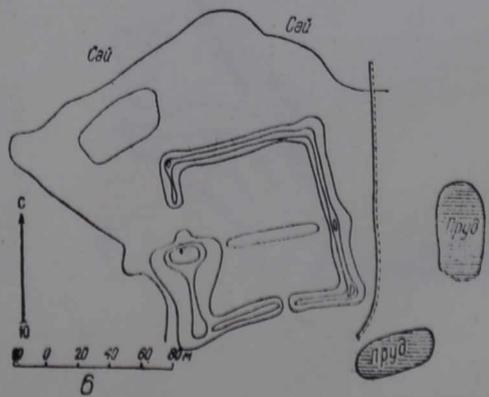
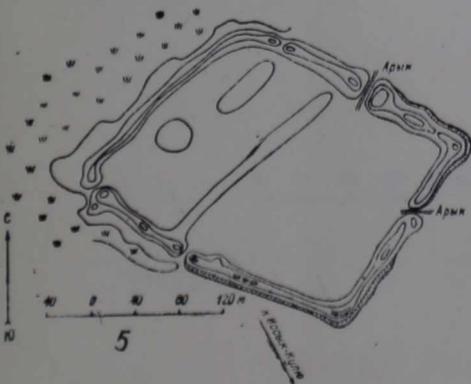
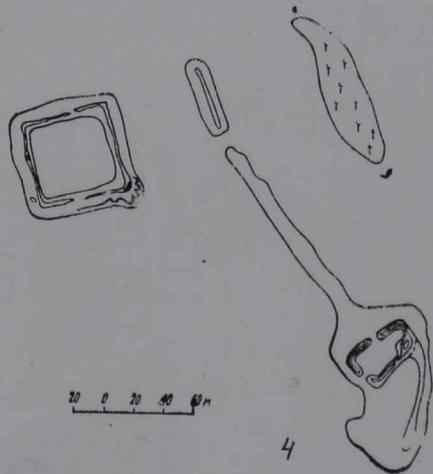
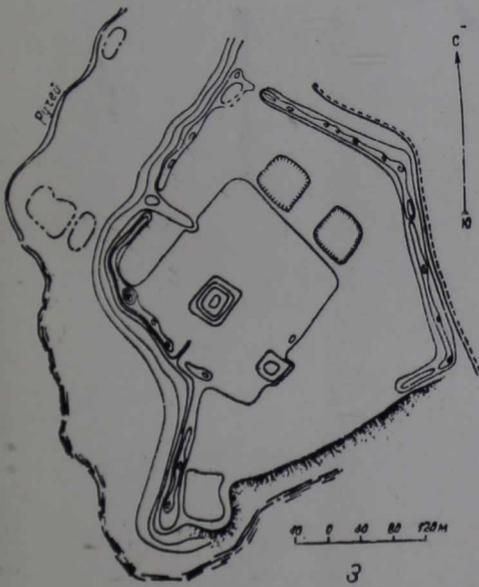
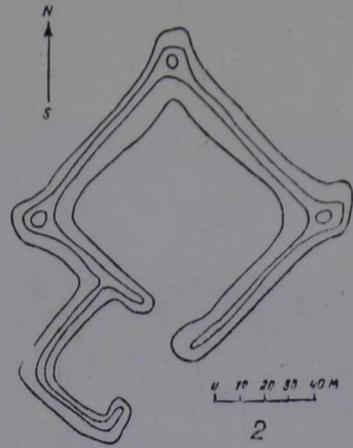
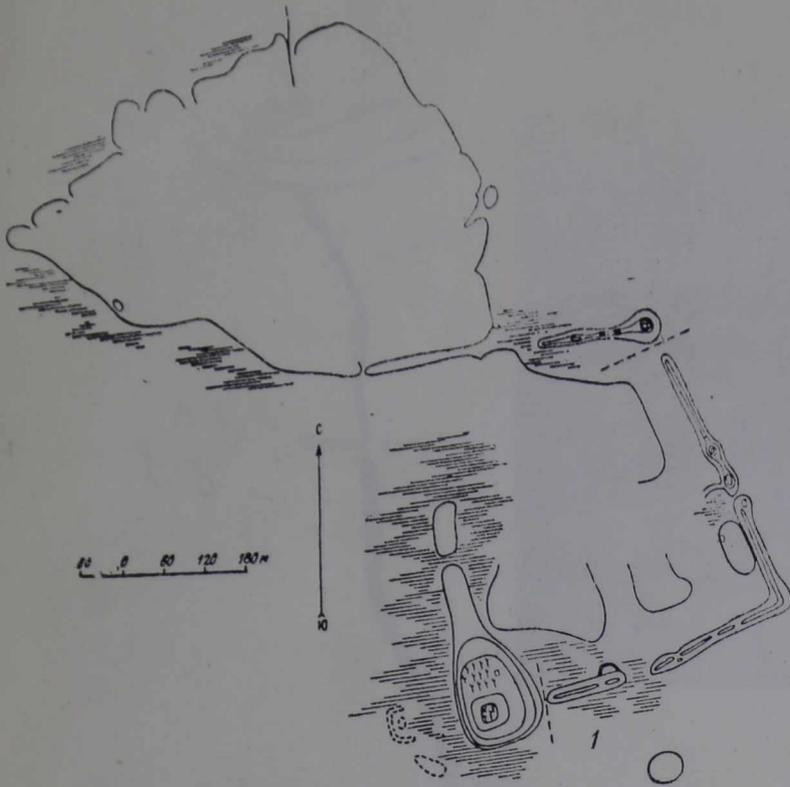
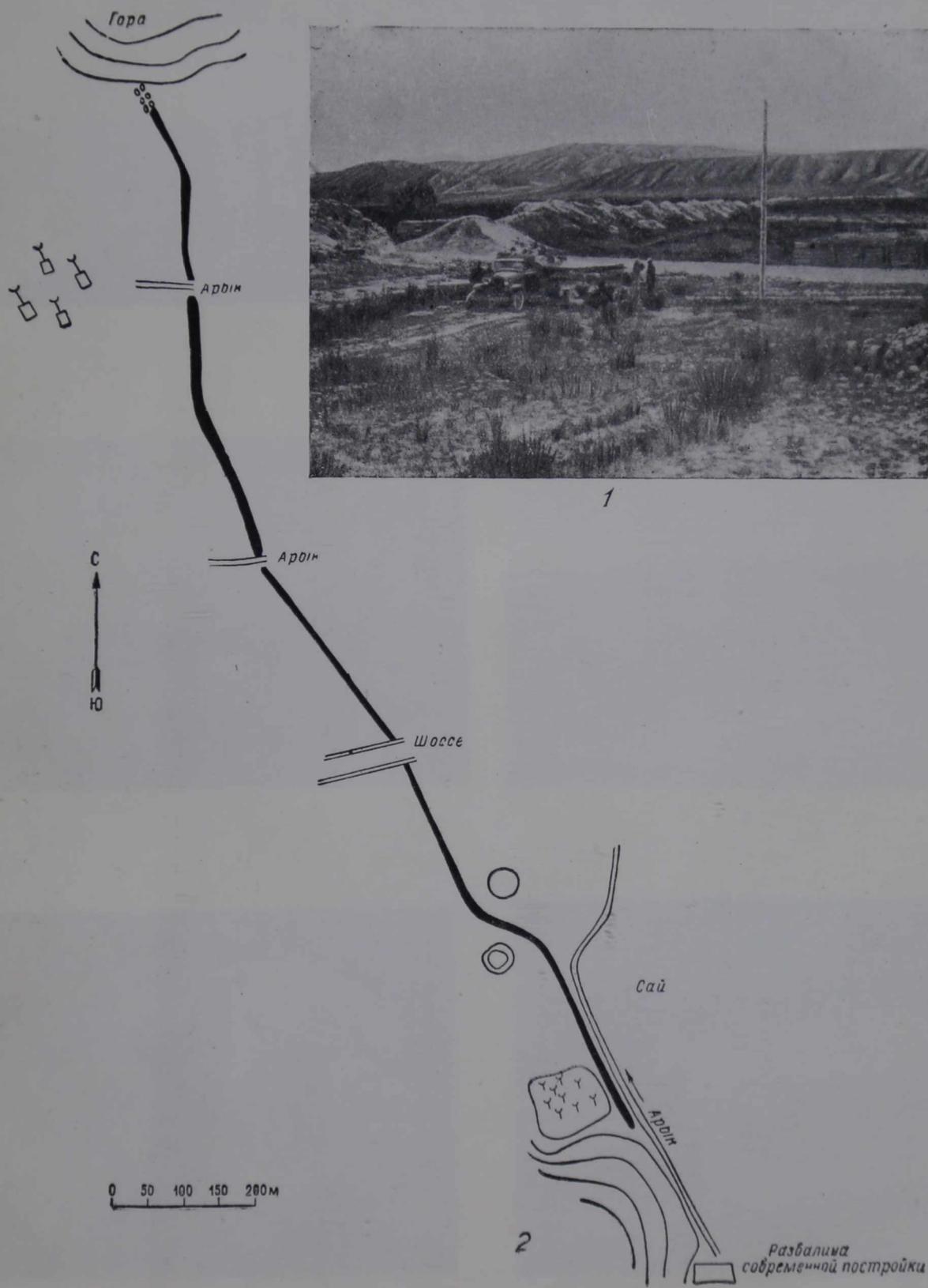

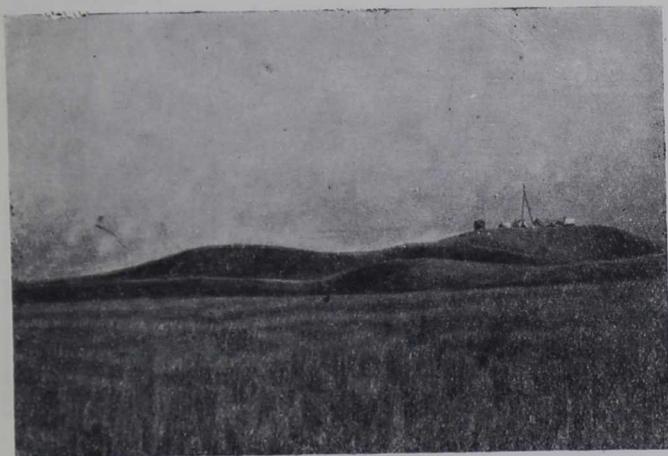
Таблица IV

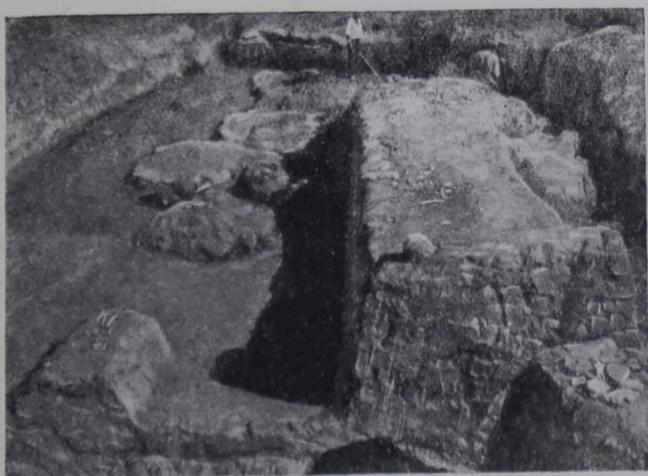
1

2

3

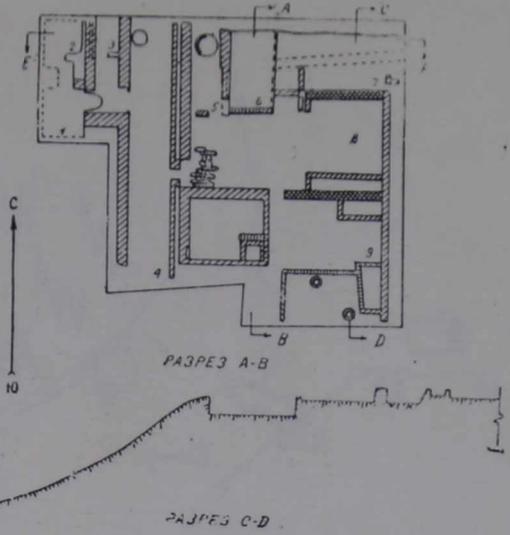
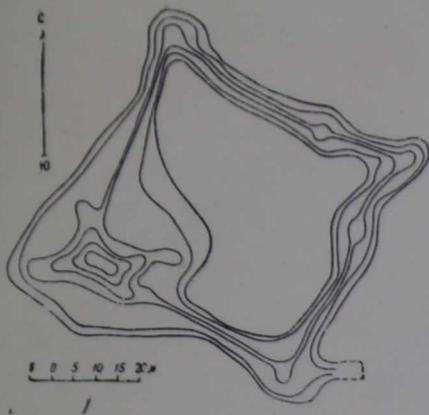

4

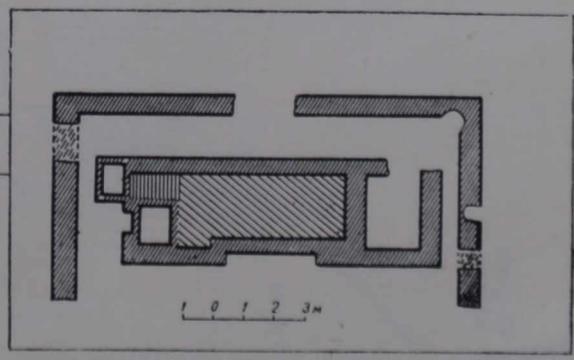
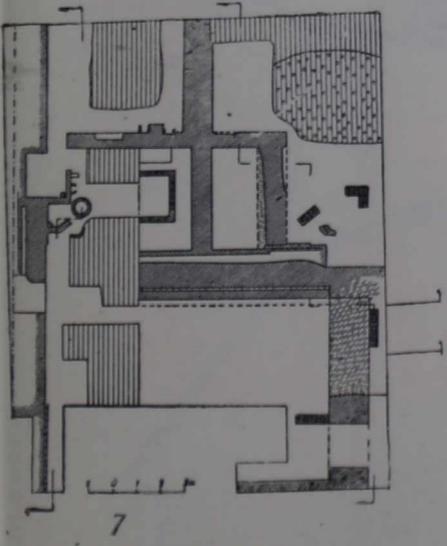
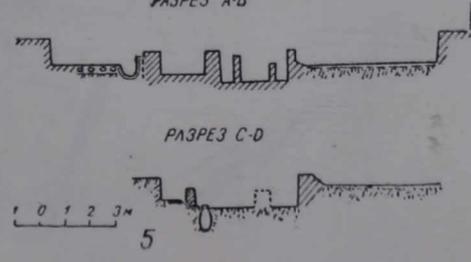
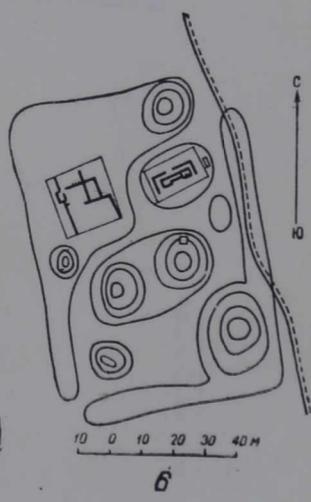
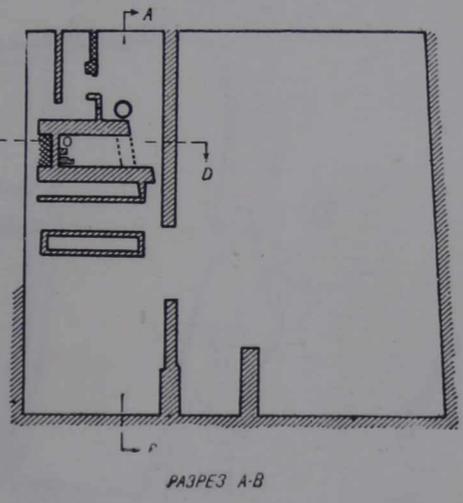
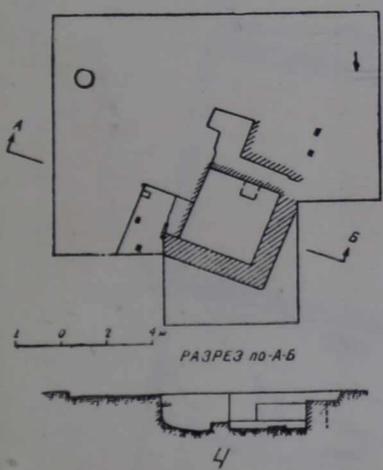
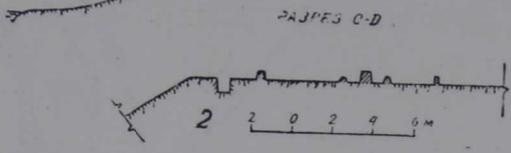
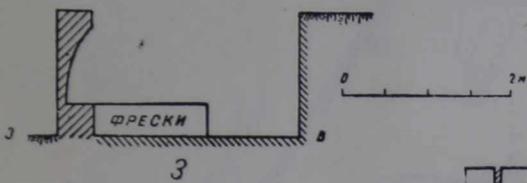

5

Таблица VII

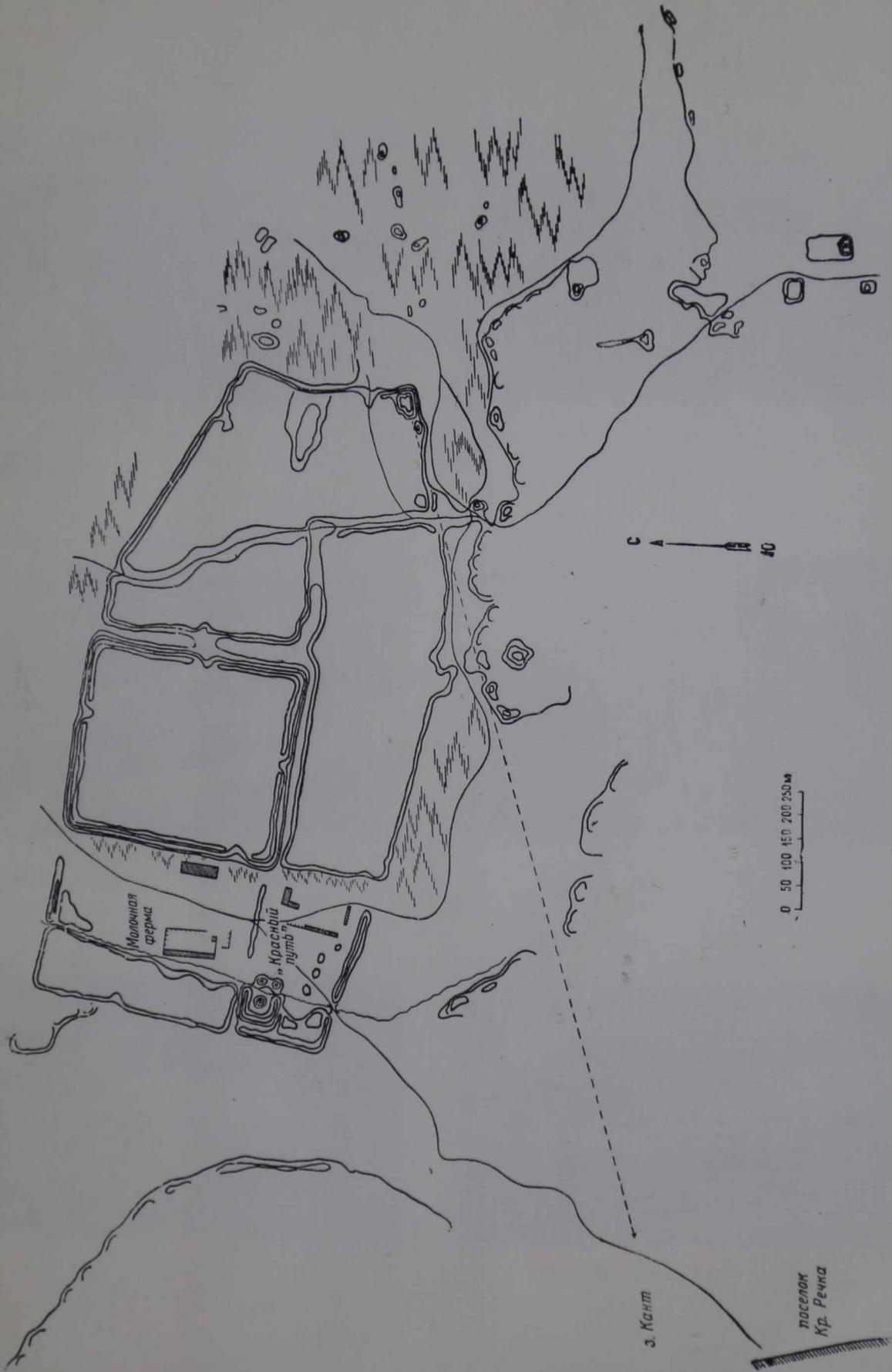

РАЗРЕЗ ЧЕРЕЗ КОМНАТУ №8

Стены из сырцового кирпича
 Утрабованная просеянная глина
 Нерасчищенный участок

8

1

2

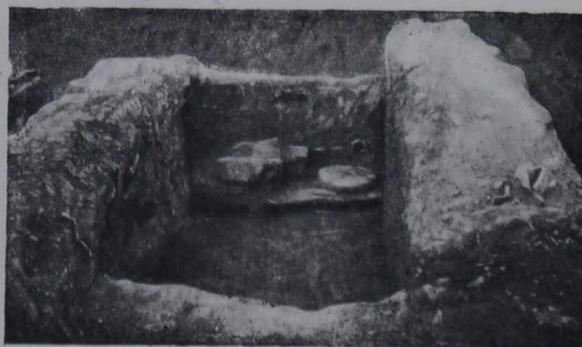
3

4

5

6

0 1 2 3cm

1

0 1 2 3cm

2

0 1 2 3cm

3

三三

1 0 1 2 3cm

1

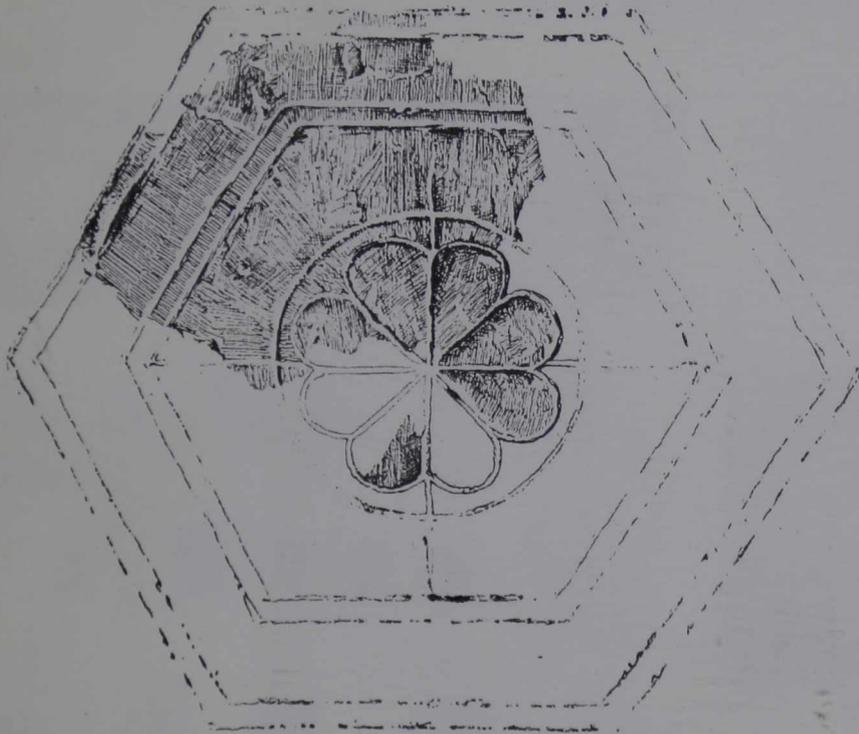

1 0 1 2 3cm

2

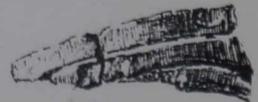
1

2

3

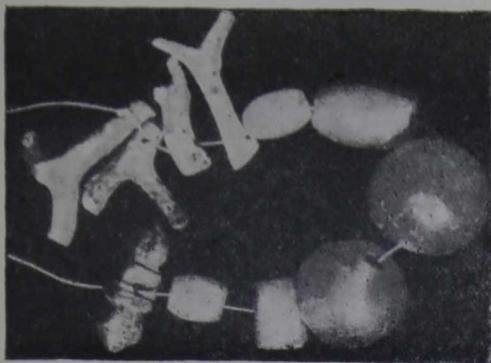
4

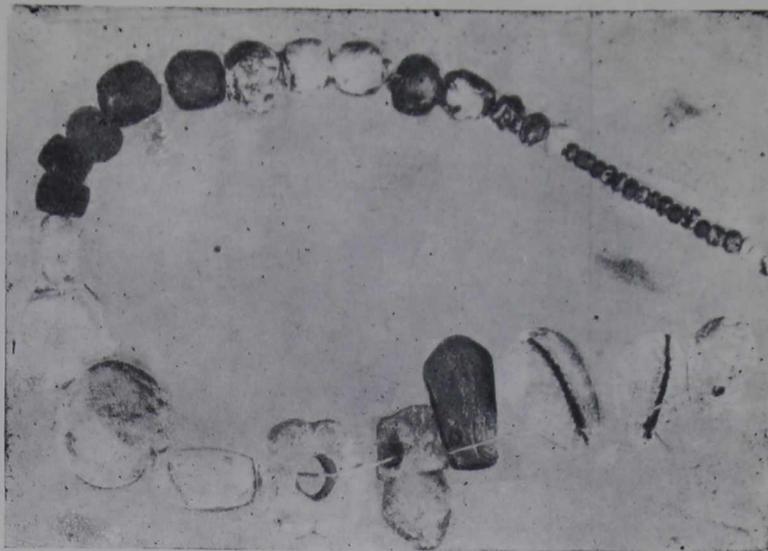
5

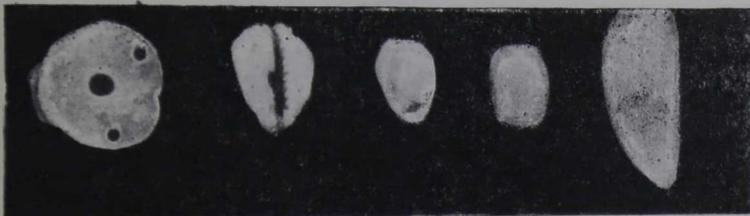
6

1

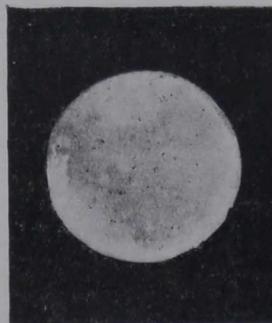
2

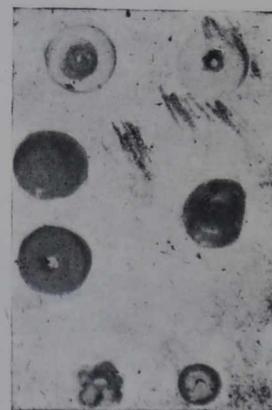
4

3

5

6

7

1 0 1 3 3 CM

1

1 0 1 2 3 CM

2

1 0 1 3 5 CM

3

1 0 1 3 5 CM

4

1 0 1 2 3 4 CM

5

1 0 1 2 3 CM

6

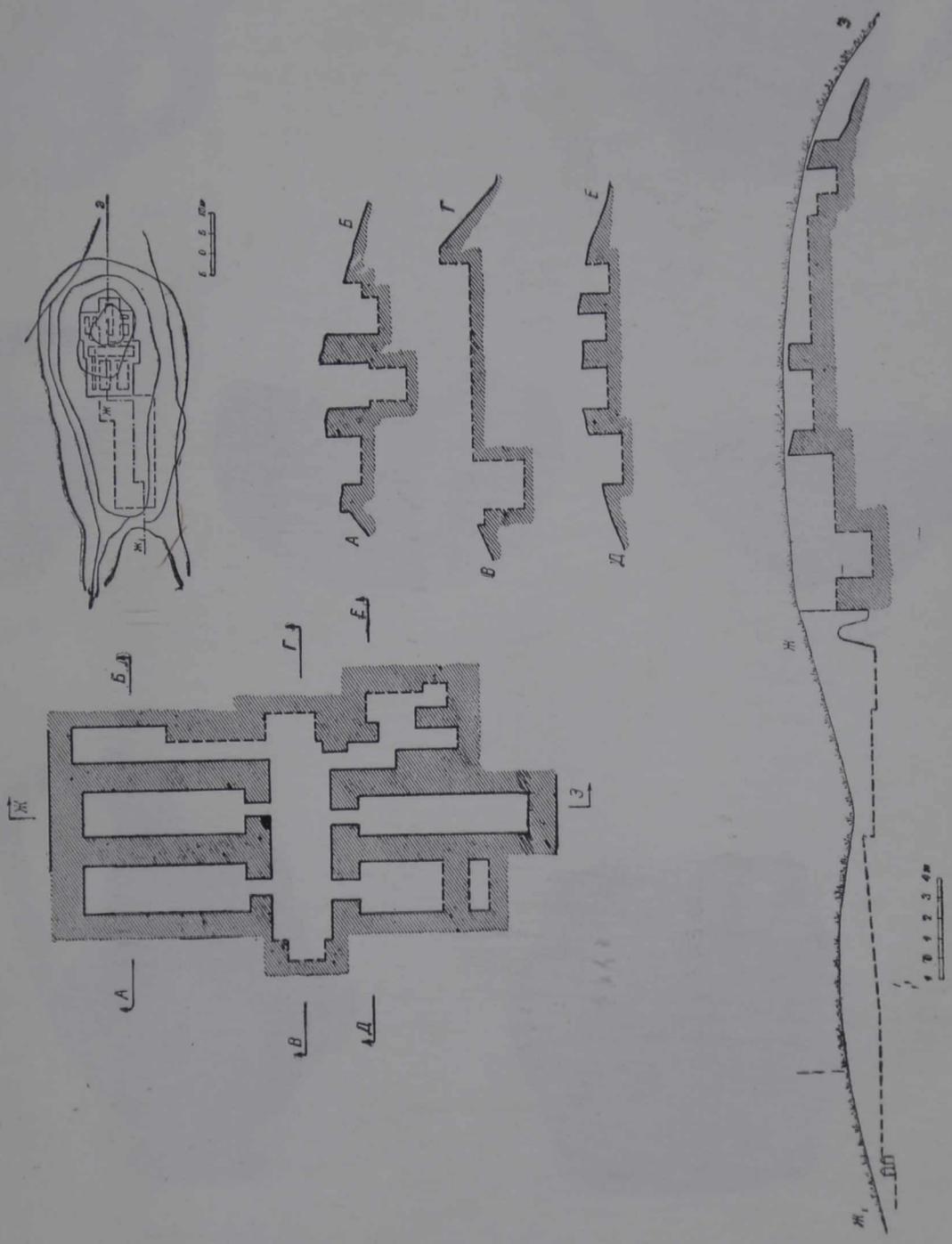
1 0 1 2 3 CM

7

1 0 1 2 3 CM

8

1 0 1 2 3 4 5 CM

1

1 0 1 2 3 4 5 CM

2

1 0 1 2 3 CM

3

1 0 1 2 3 CM

4

1 0 1 2 3 CM

5

1 0 1 2 3 CM

6

1 0 1 2 3 4 5 CM

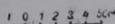
7

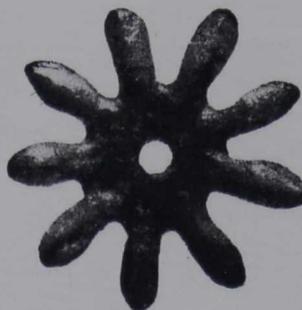
1

2

3

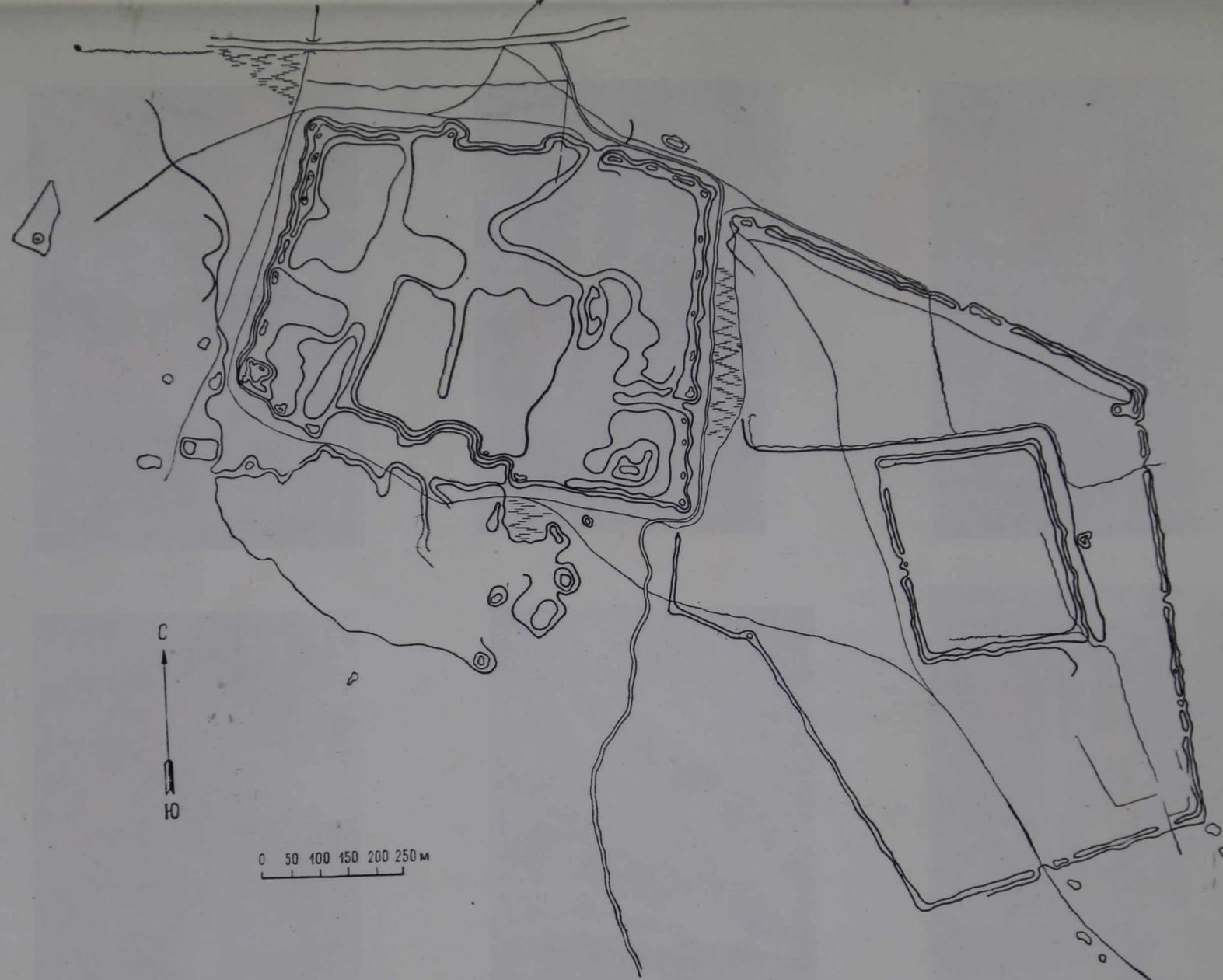
4

5

6

0 50 100 150 200 250 м

Лубяной завод

Таблица XVIII

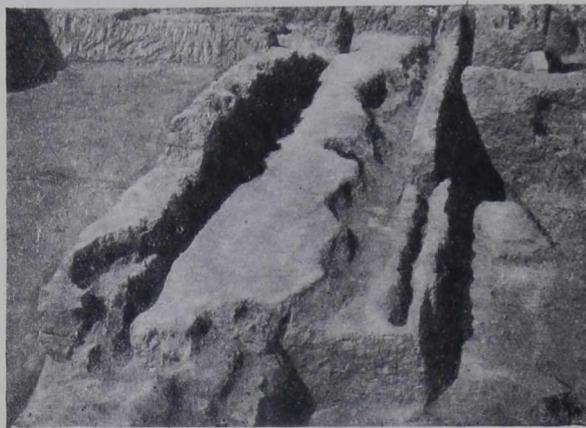
1

2

3

4

5

6

1 0 1 2 3 см

1

1 0 1 2 3 см

2

3

1 0 1 2 3 см

4

1 0 1 2 см

5

1 0 1 2 3 4 5 см

1 0 1 2 3 см

6

1 0 1 2 3 см

7

1 0 1 2 3 см

8

0 1 2 3cm

1

0 1 2 3cm

2

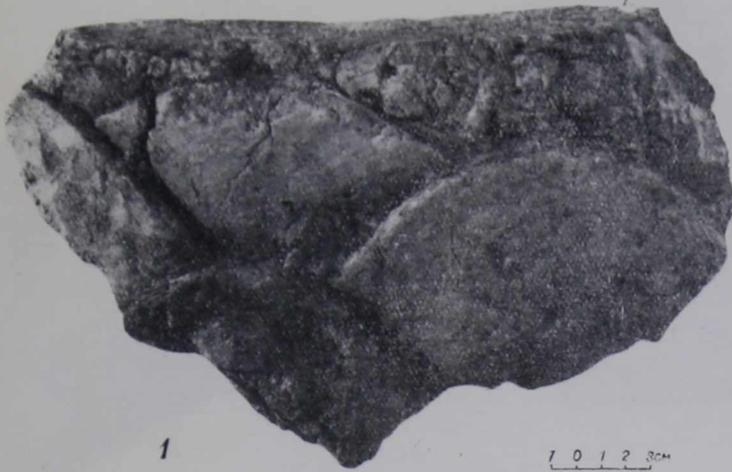
0 1 2 3cm

3

0 1 2 3cm

4

1

1 0 1 2 3cm

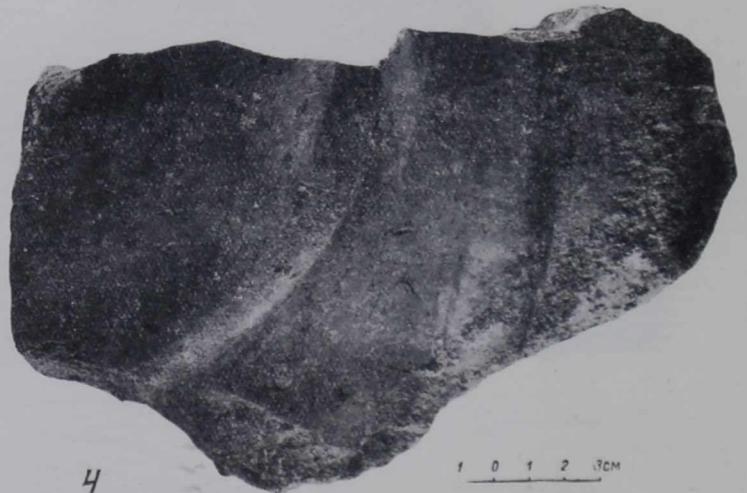
2

1 0 1 2 3 5cm

3

1 0 1 2 3 4cm

4

1 0 1 2 3cm

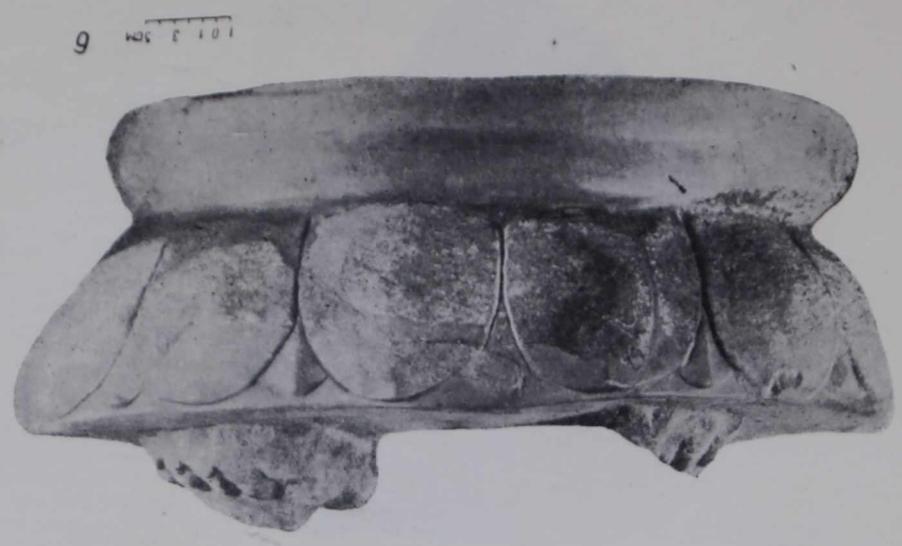
5

1 0 1 2 3cm

6

1 0 1 2cm

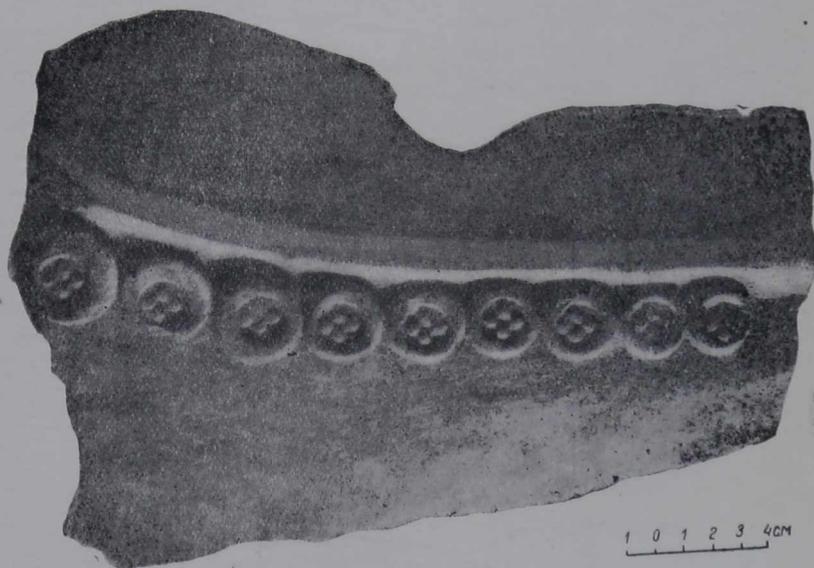
1 0 1 2 3cm

1

1 0 1 2 3cm

2

1 0 1 2 3 4cm

3

1 0 1 2 3cm

4

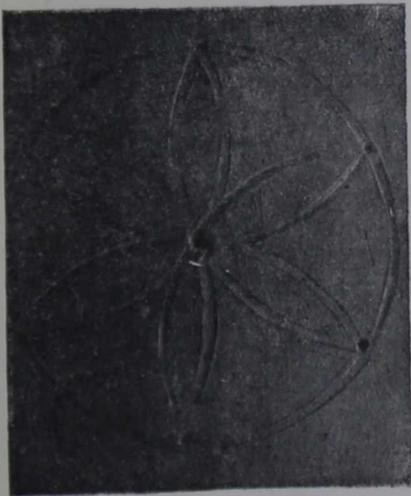
1 0 1 2 3 CM

1

1 0 1 2 3 CM

2

0 1 2 3 CM

3

1 0 1 2 3 CM

4

1 0 1 2 3 CM

5

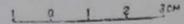
1

2

3

4

5

6

5

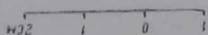
4

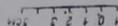
3

2

1

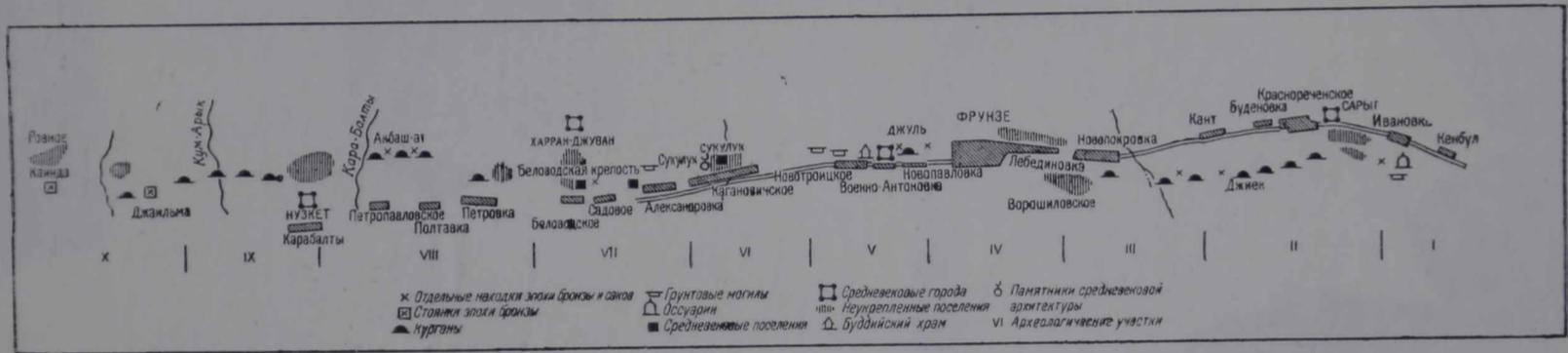
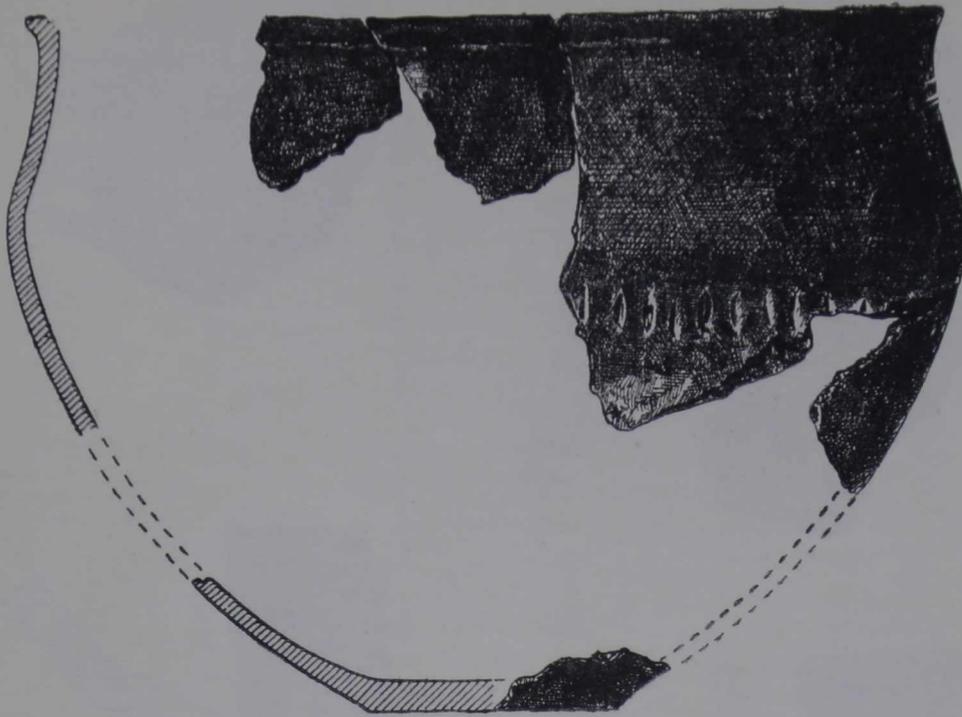
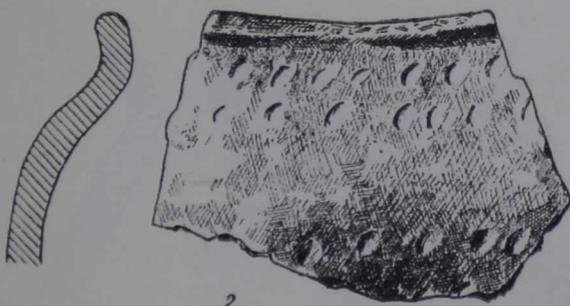

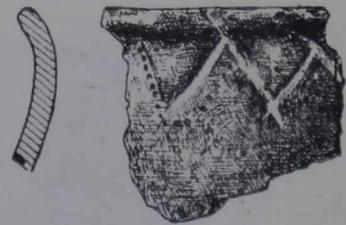
Таблица XXVIII I

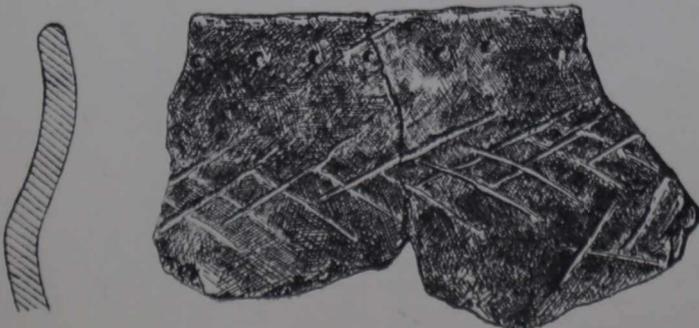
1

2

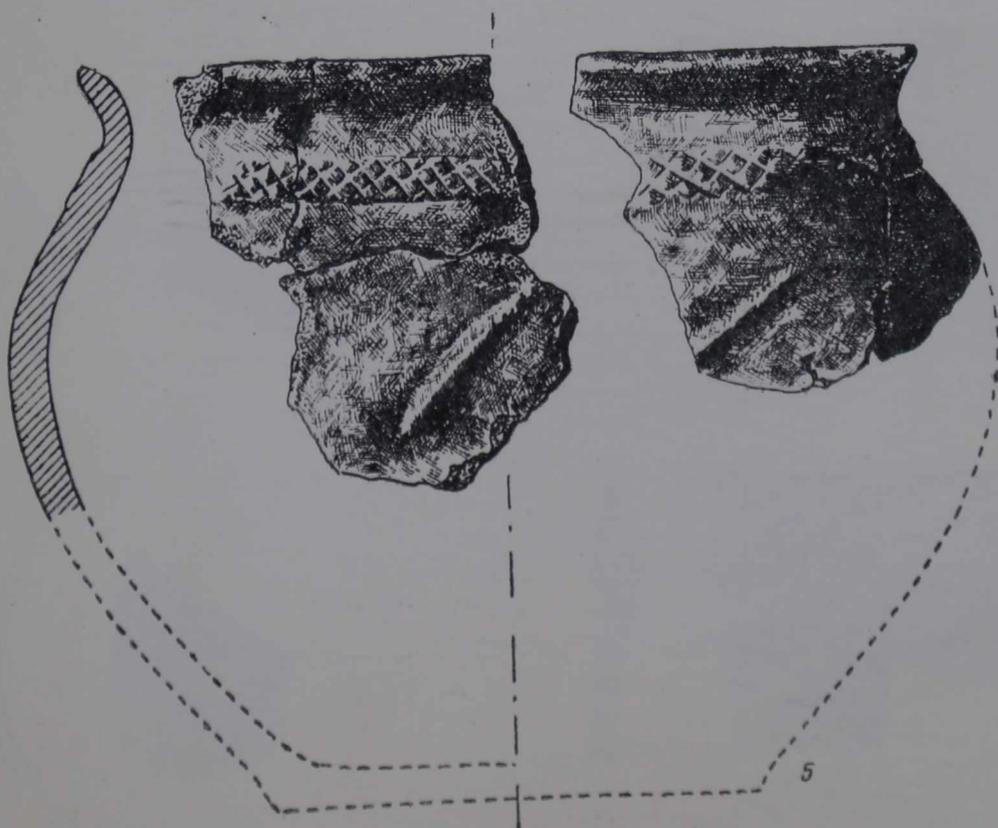
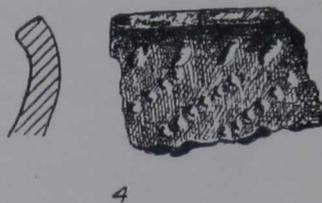
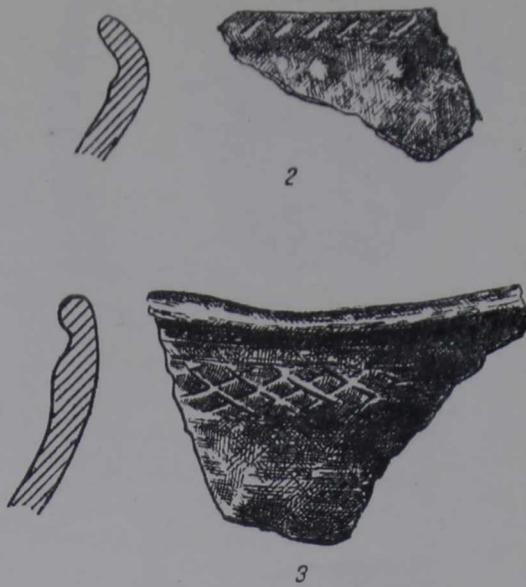
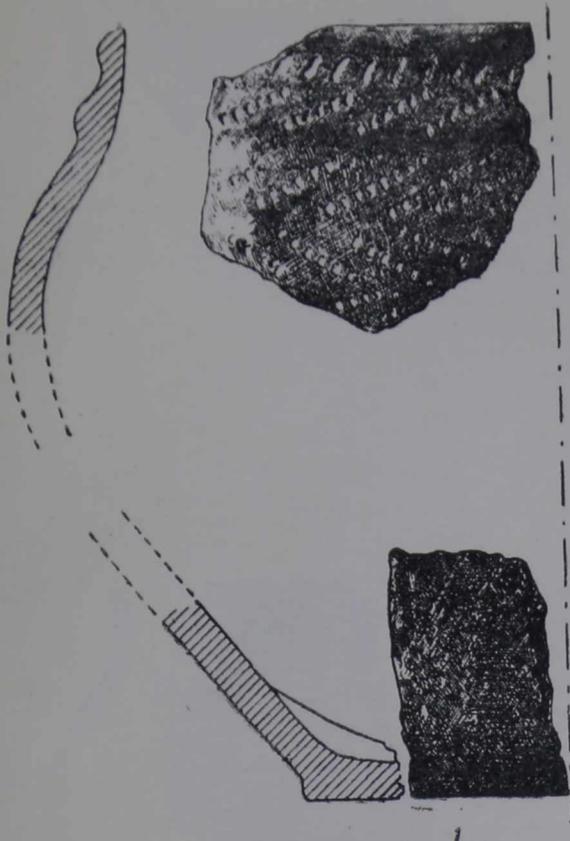

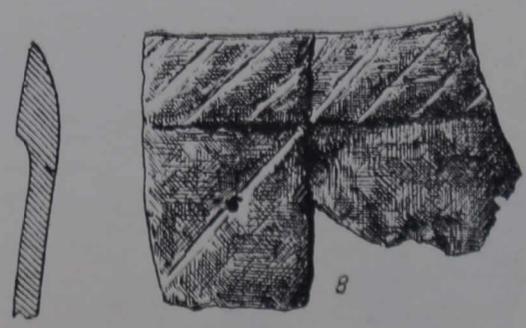
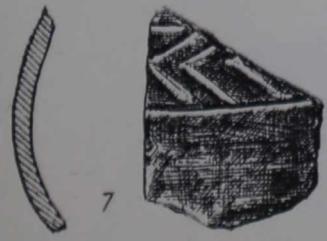
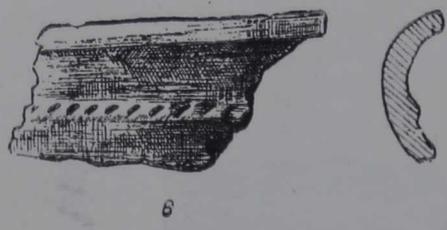
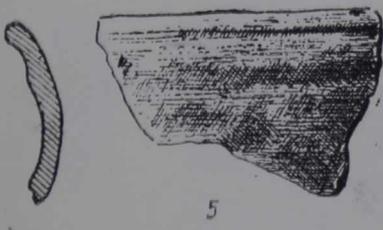
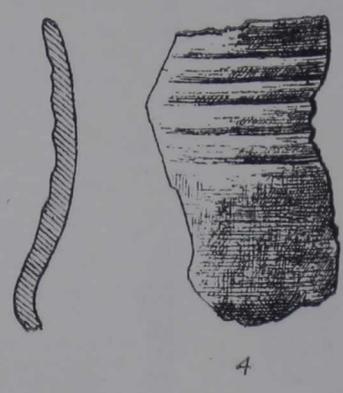
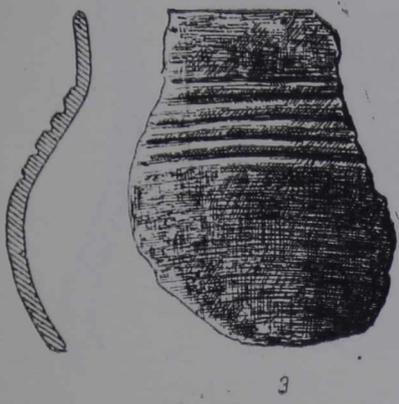
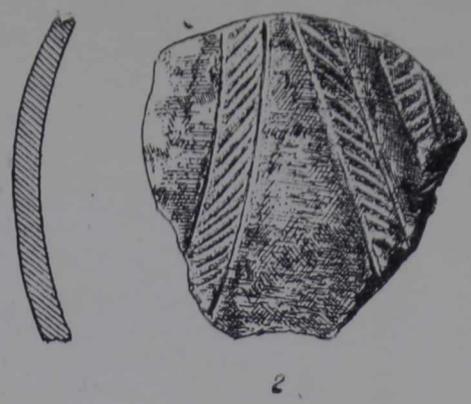
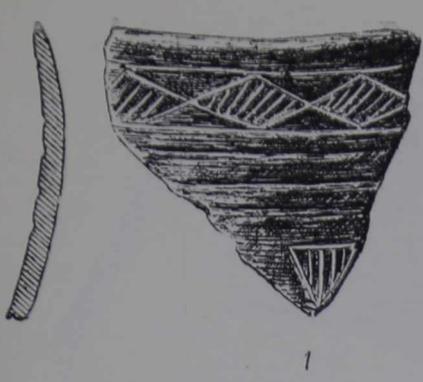
3

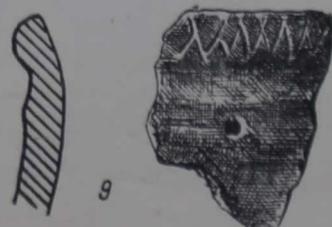
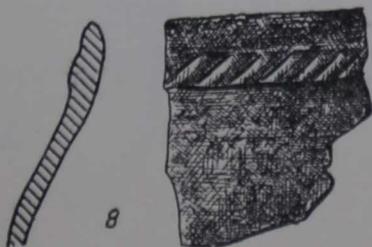
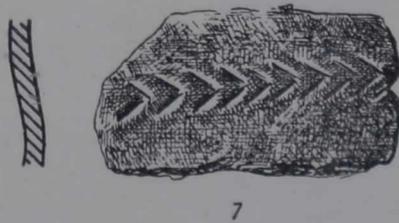
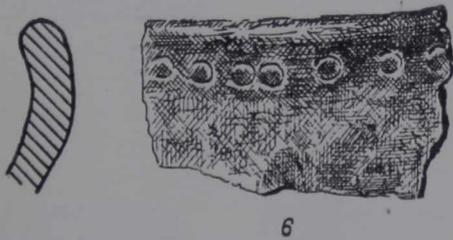
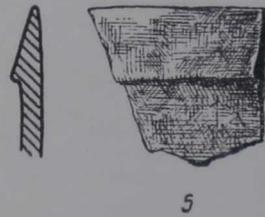
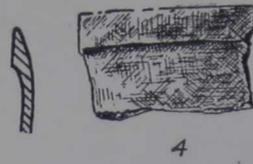
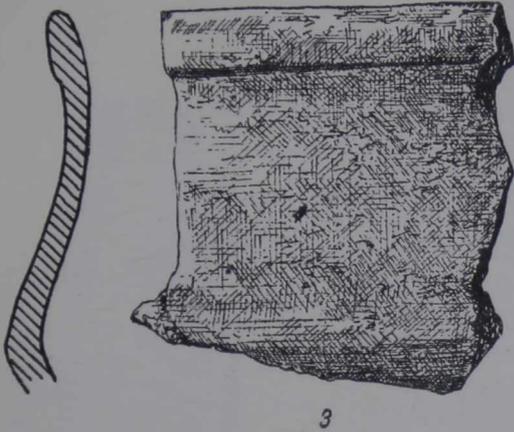
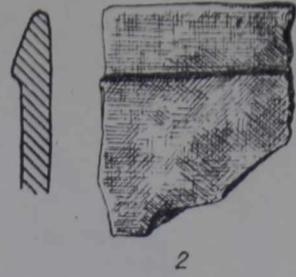
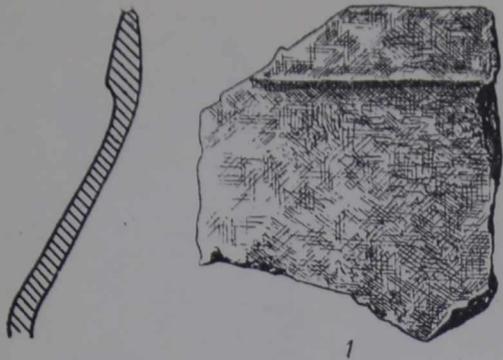

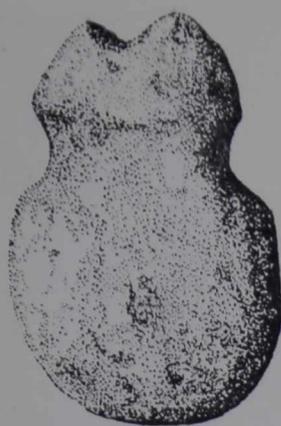
4

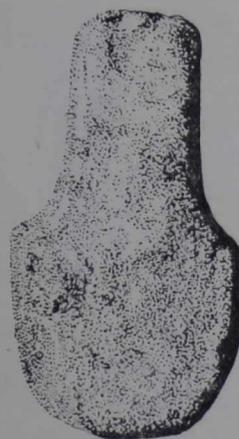

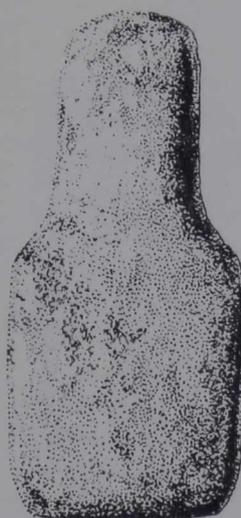
1

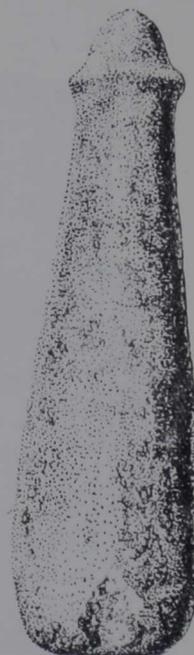
2

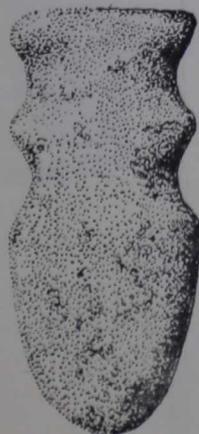
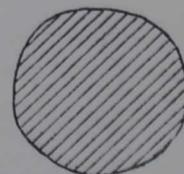
3

4

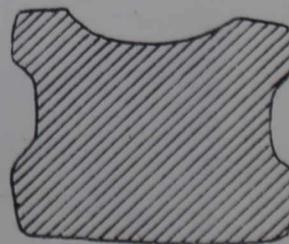
5

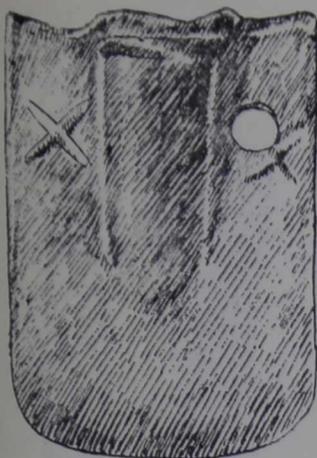

6

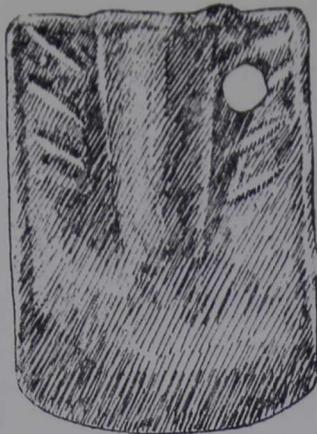

7

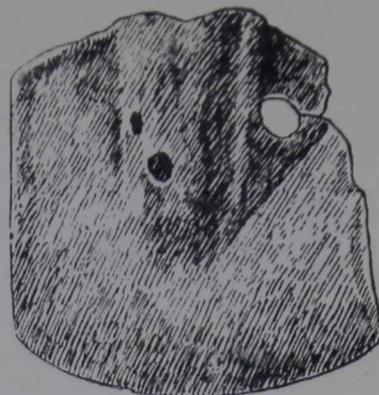

1

2

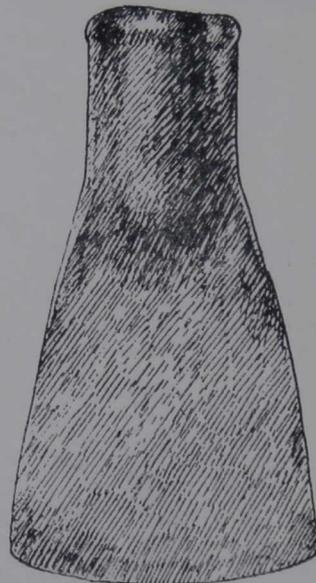
3

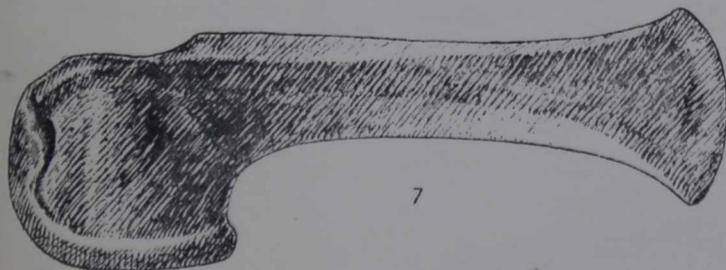
4

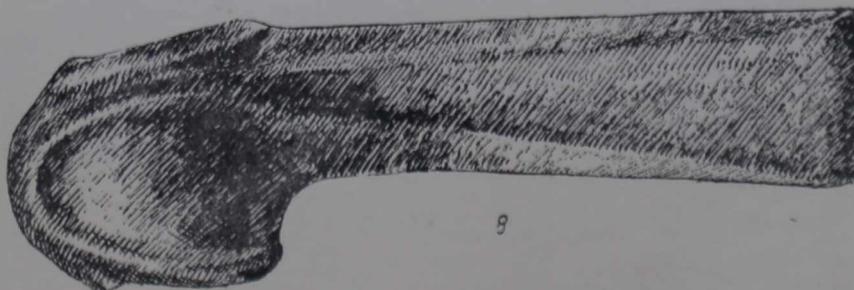
5

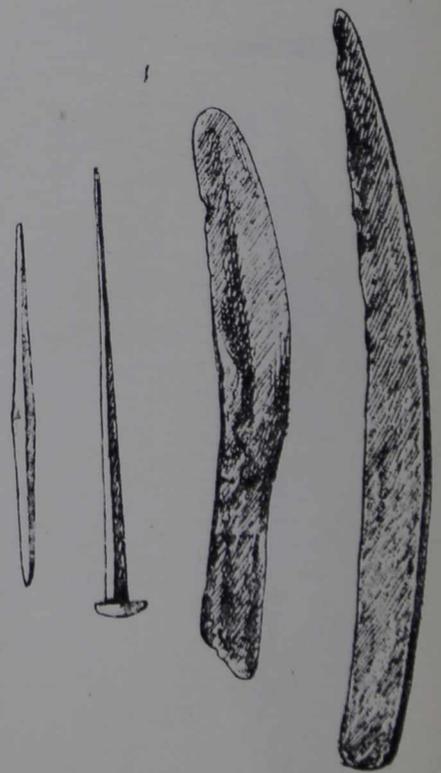
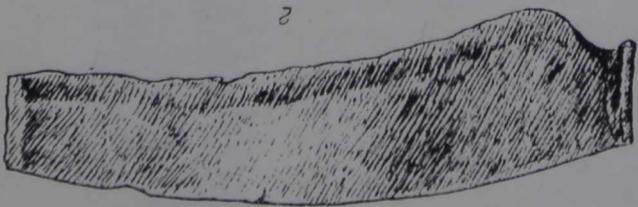
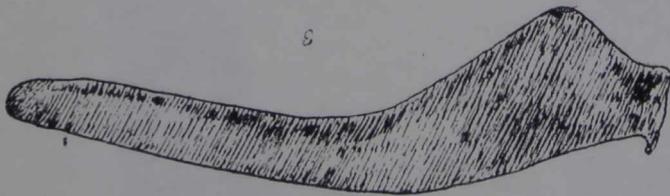
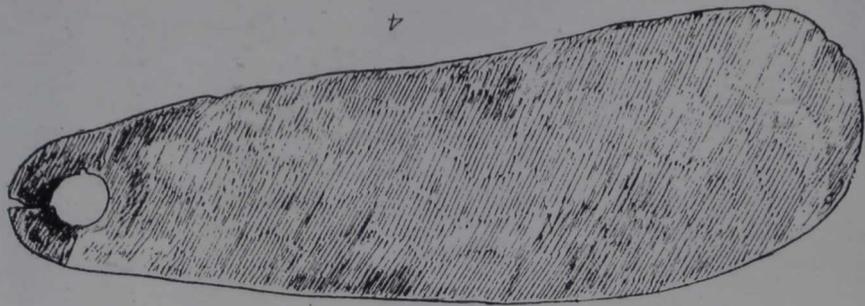
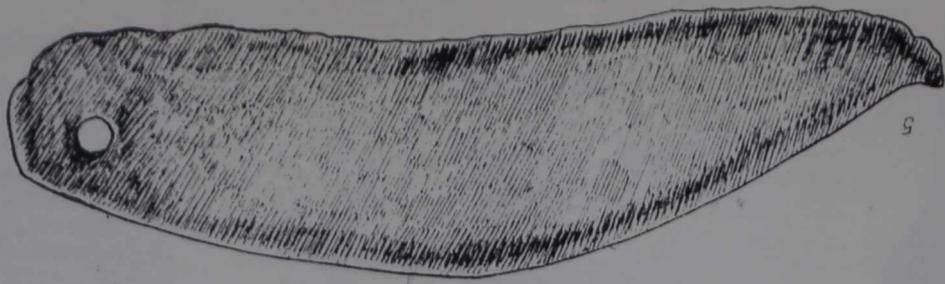
6

7

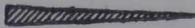

8

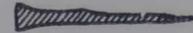

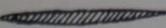
1

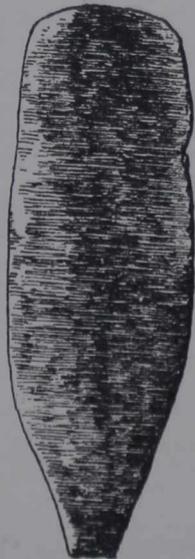
2

3

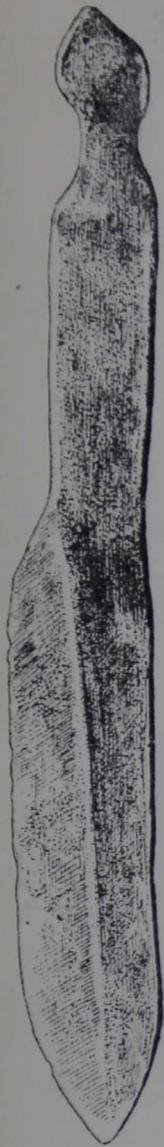
4

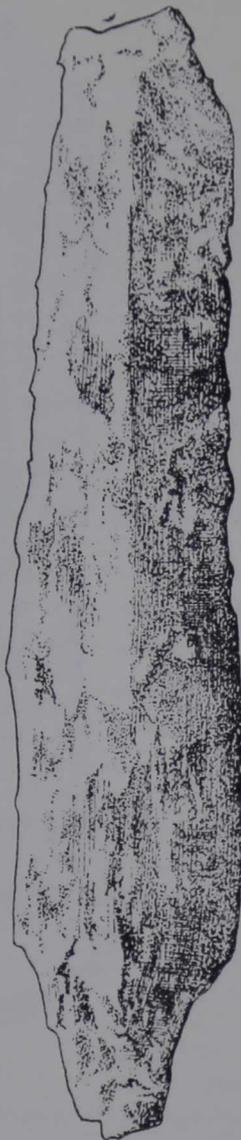
5

6

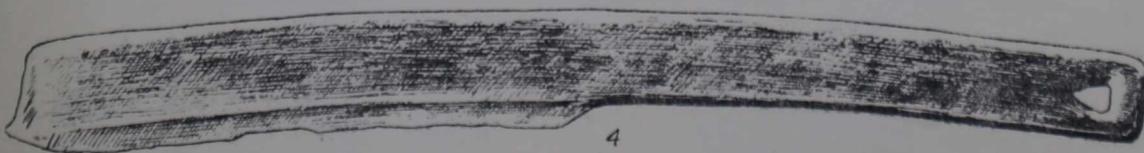
1

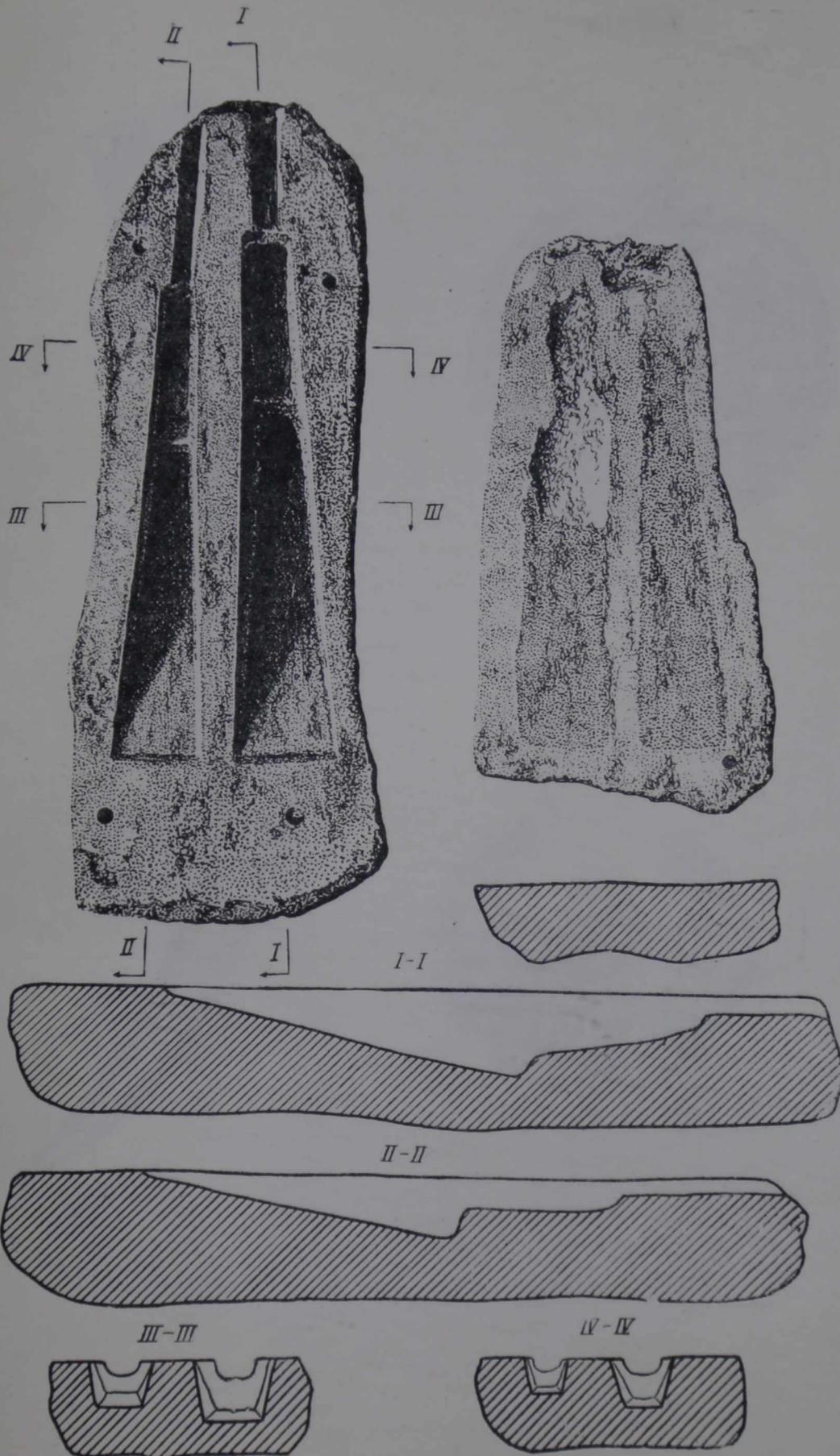
2

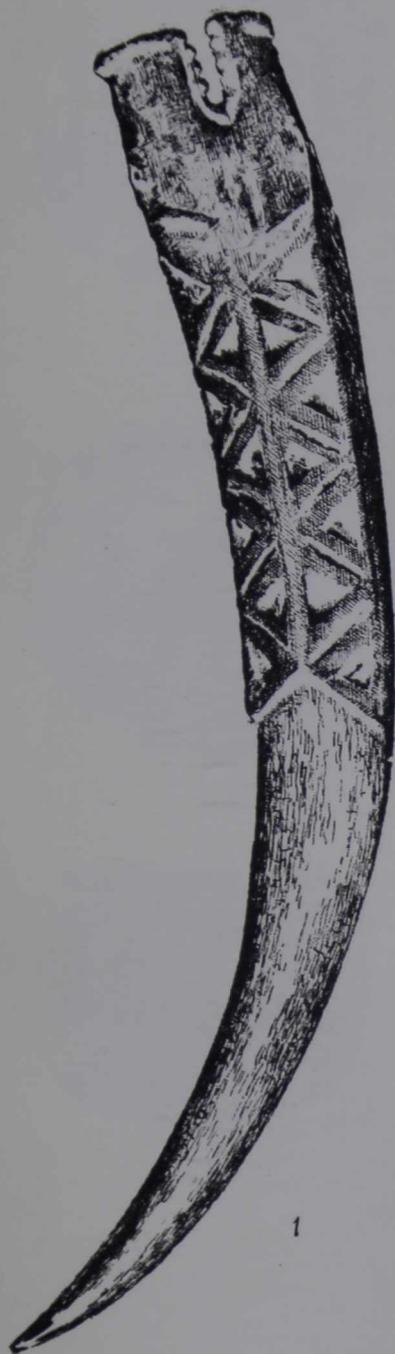

3

4

1

2

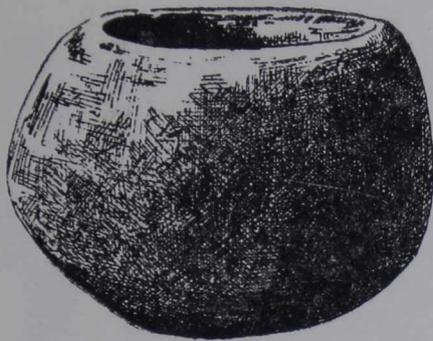
3

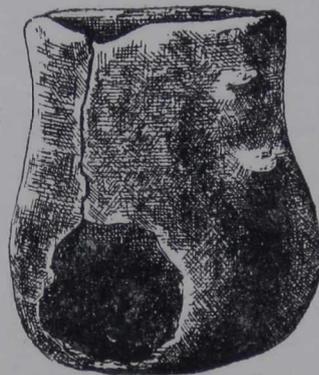
1

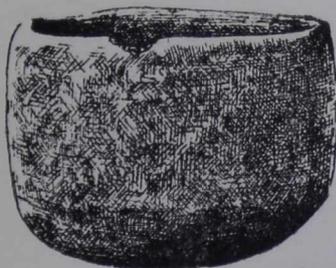
2

3

4

5

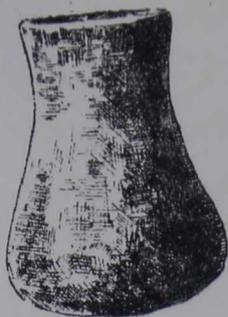

6

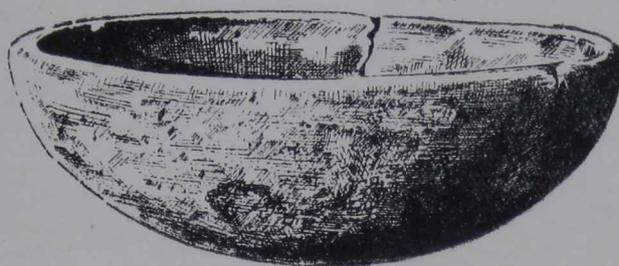
1

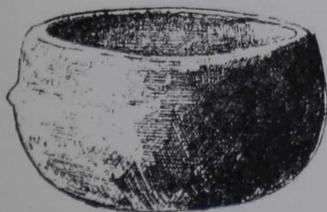
2

3

4

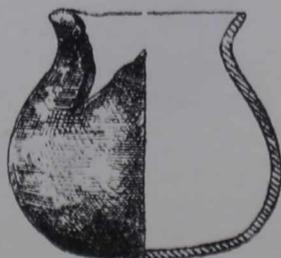
5

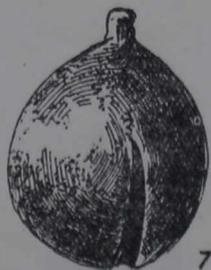
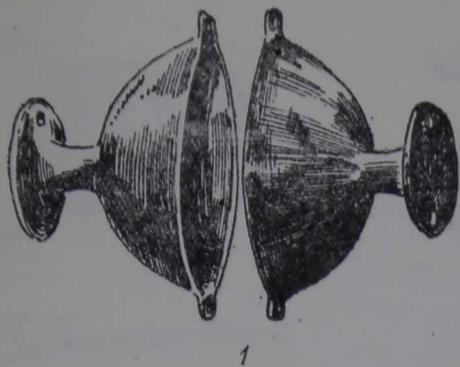
6

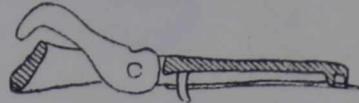
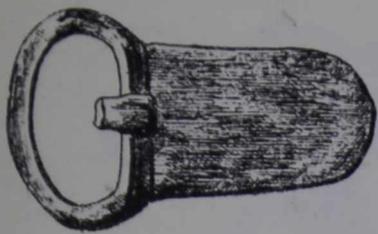

7

8

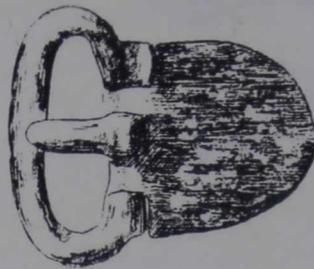
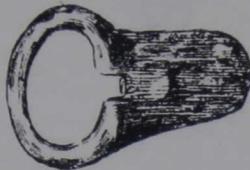
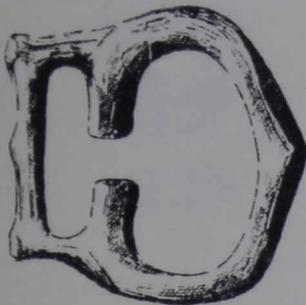

1

2

3

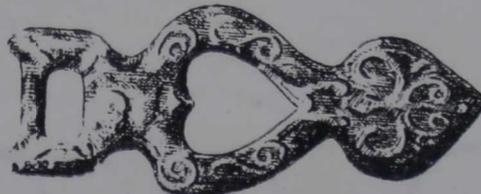
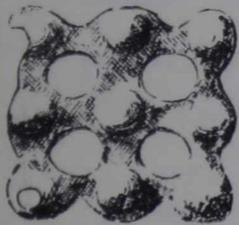

4

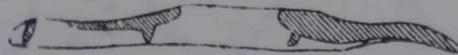
5

6

8

7

9

10

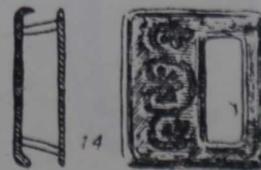
11

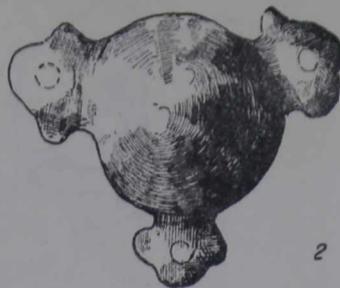
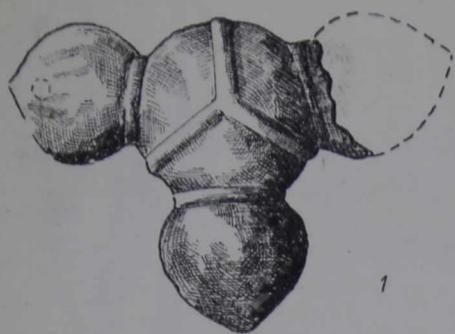
12

13

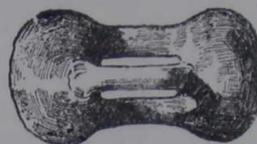
14

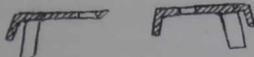
3

4

5

6

7

8

9

10

11

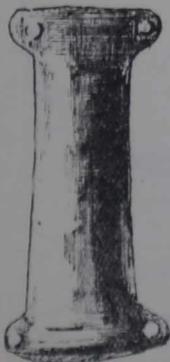
12

13

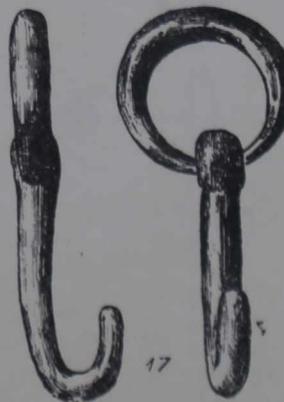
14

15

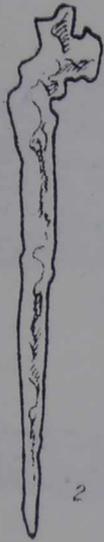
16

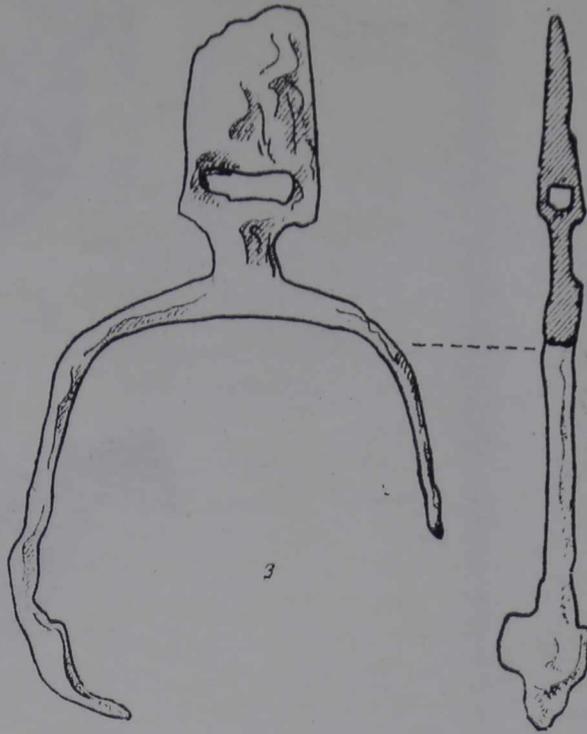
17

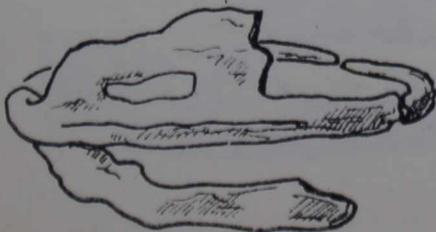
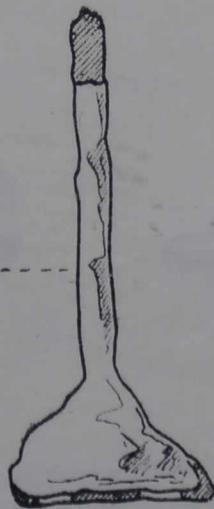
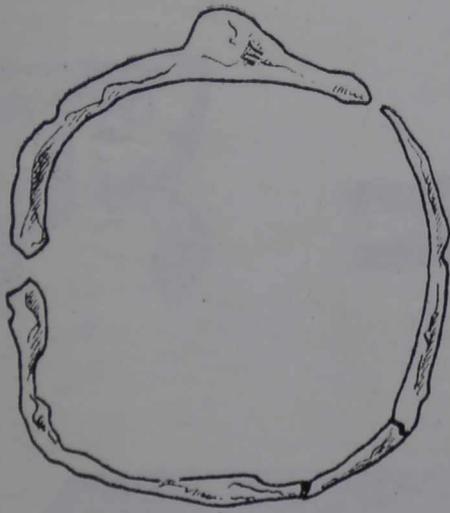
1

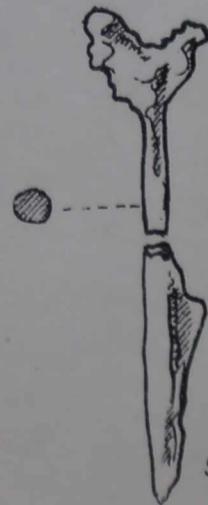
2

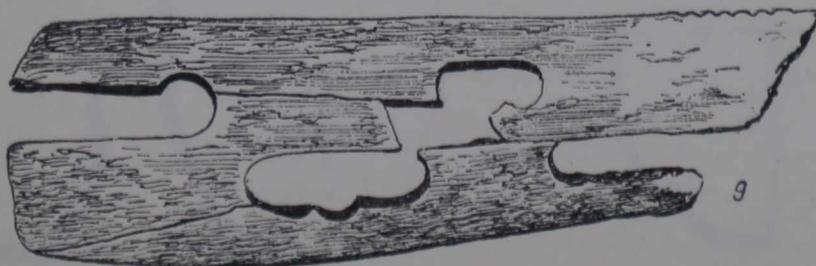
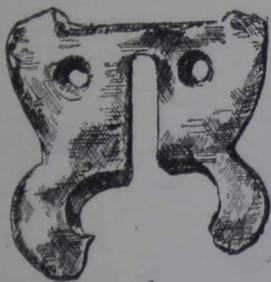
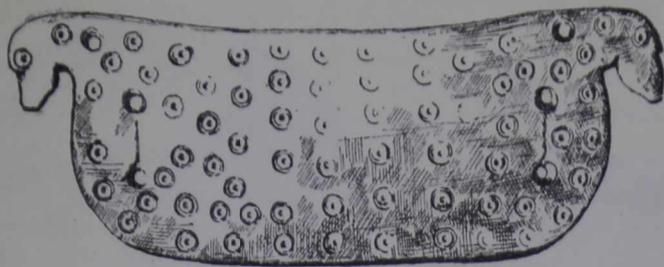
3

4

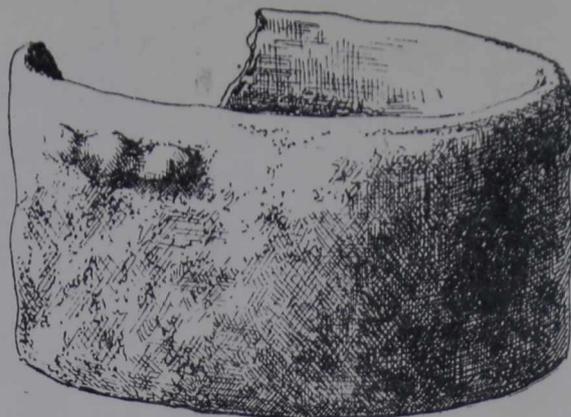

5

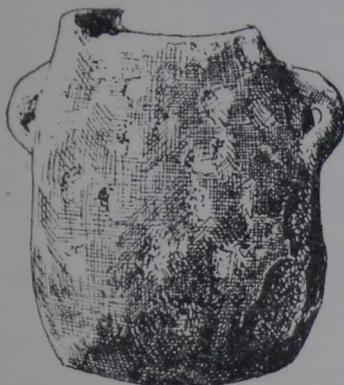

1

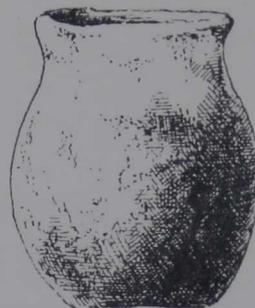
2

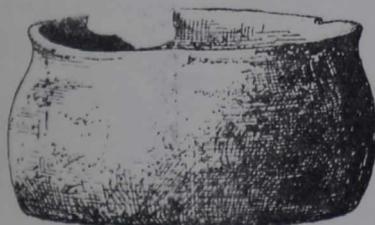
3

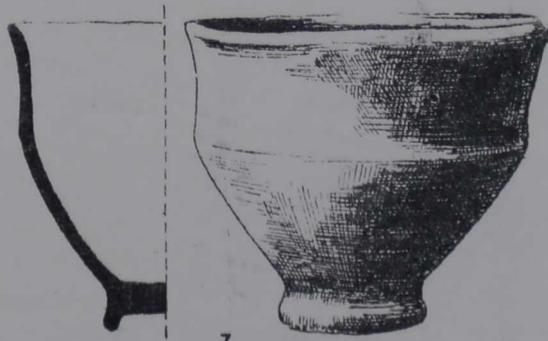
4

5

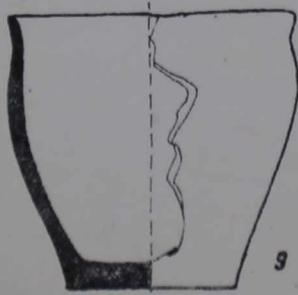
6

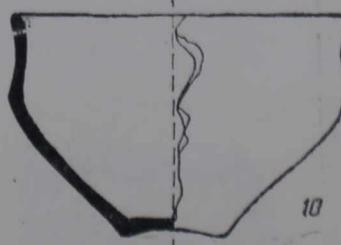
7

8

9

10

1

2

3

4

5

6

1

2

3

4

1

2

3

4

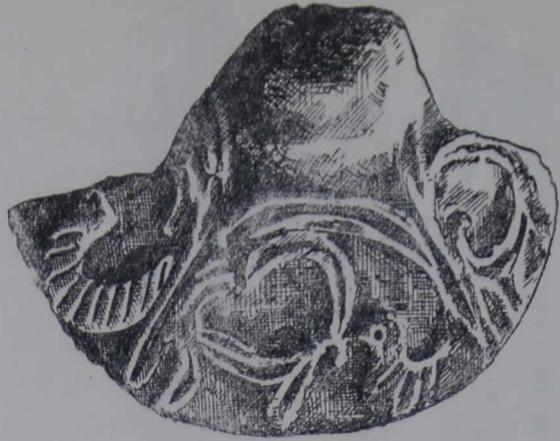

5

6

1

9

2

3

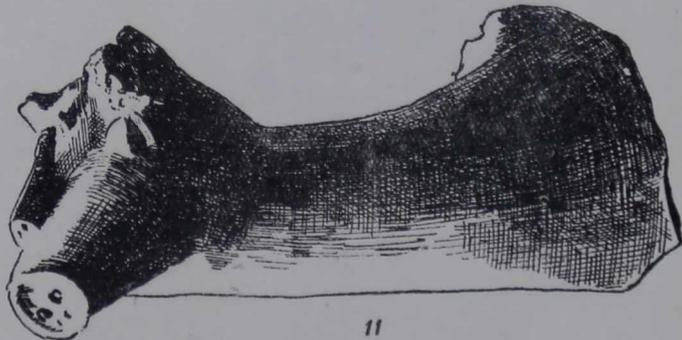
10

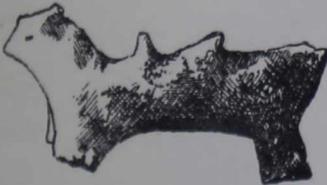
4

5

11

6

8

12

1

2

3

4

5

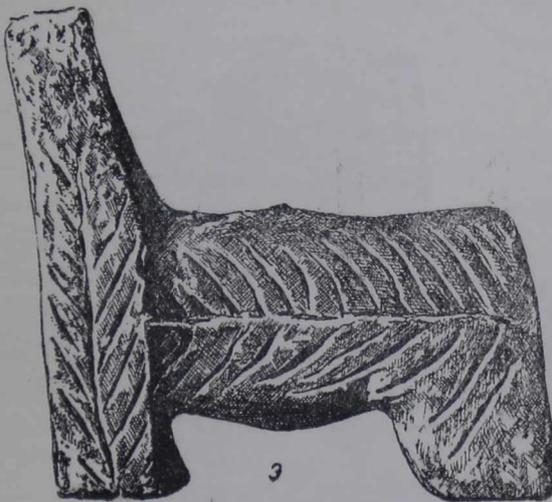
6

1

2

3

4

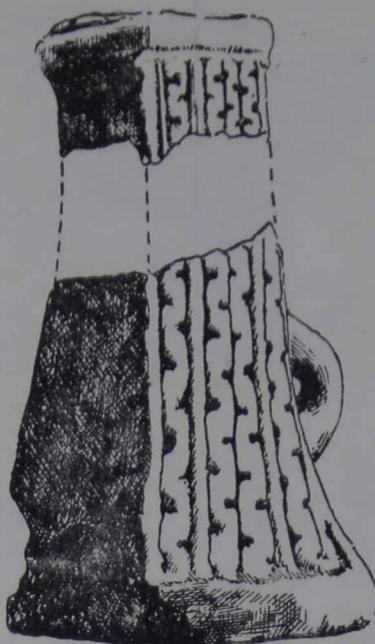
5

6

1

2

3

4

5

6

1

2

3

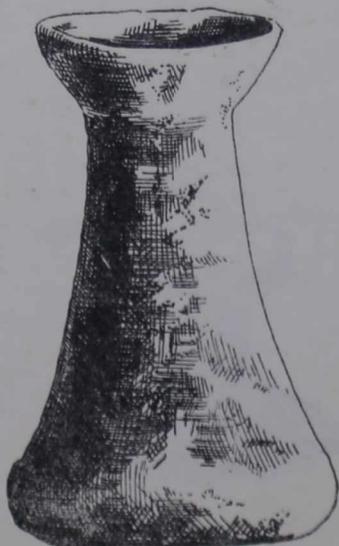
4

5

6

7

8

1

2

3

4

5

6

7

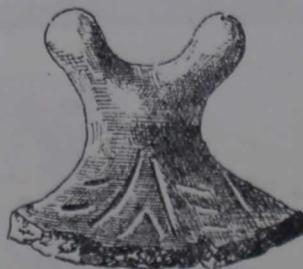
8

9

10

11

12

1

2

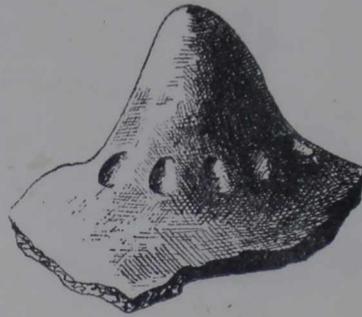
3

4

5

6

7

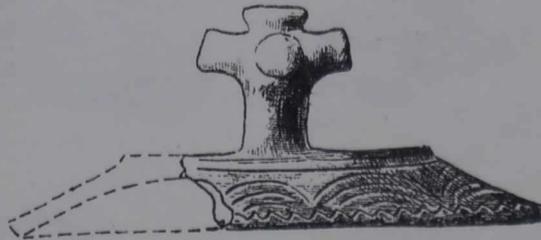
8

9

10

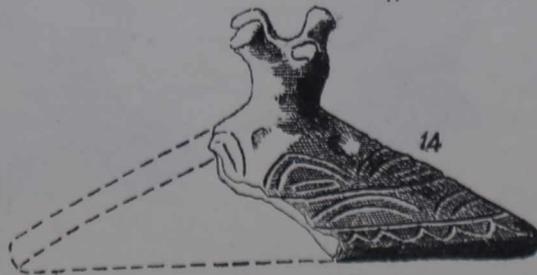
11

12

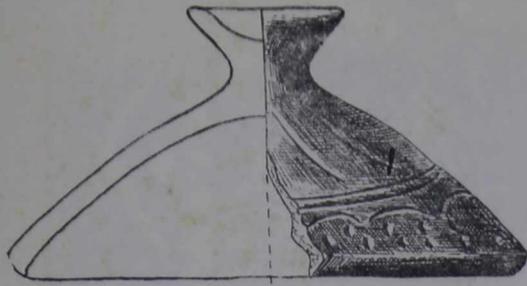
13

14

15

1

2

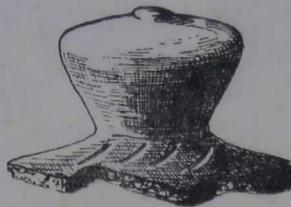
3

4

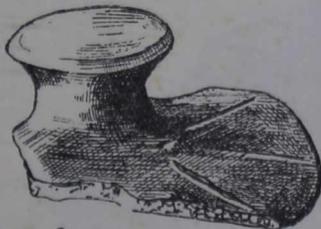
5

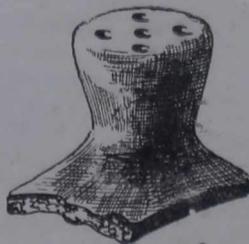
6

7

8

9

10

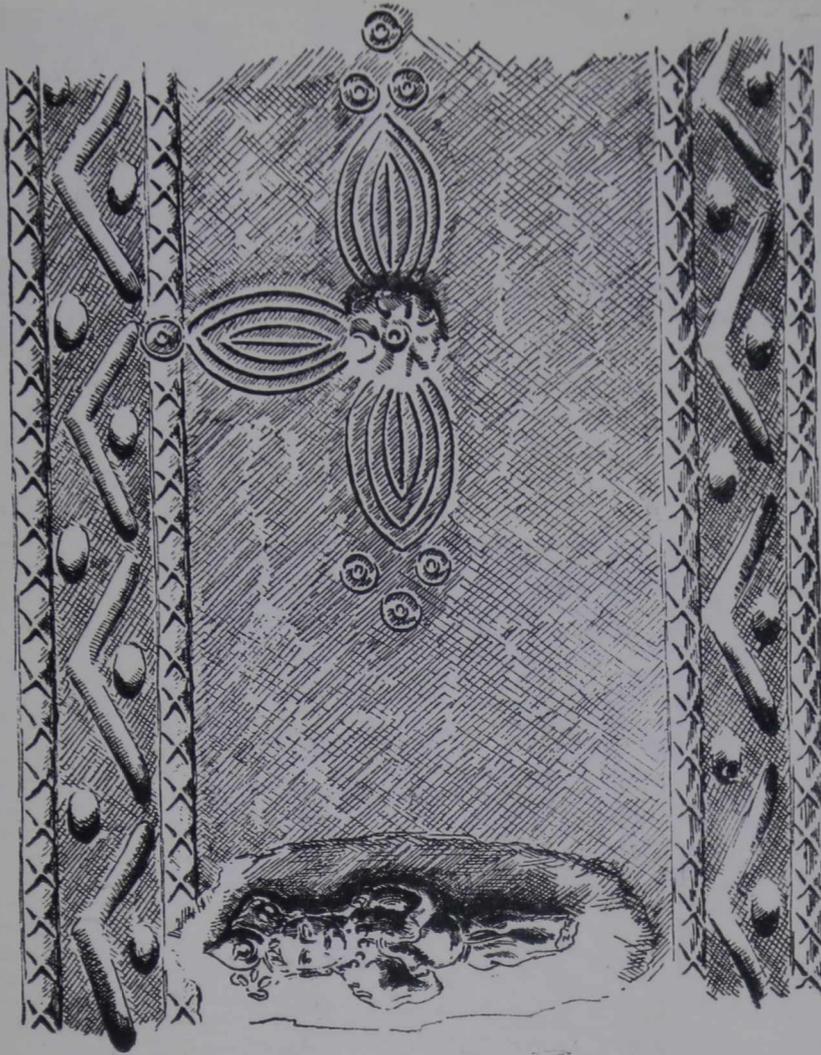
11

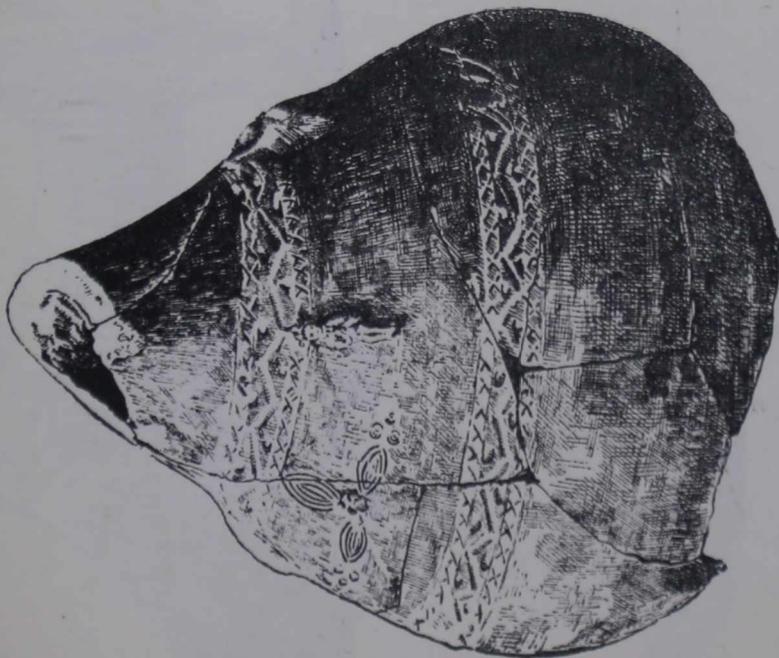
12

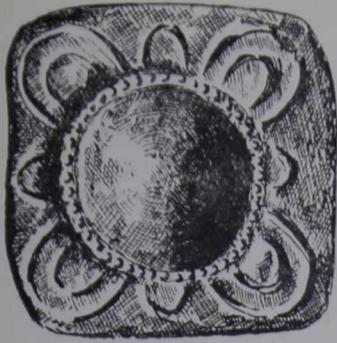

13

2

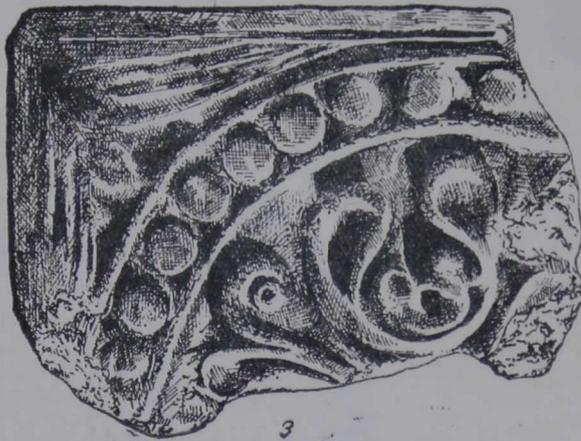

1

2

3

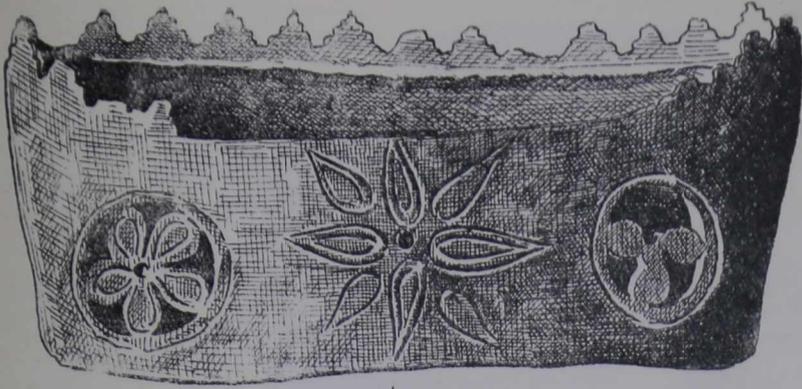

4

5

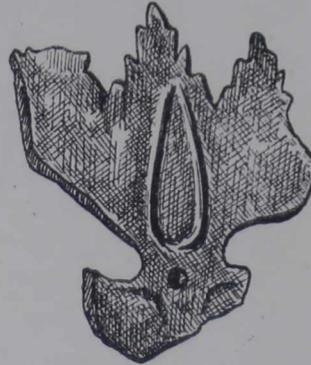
1

2

4

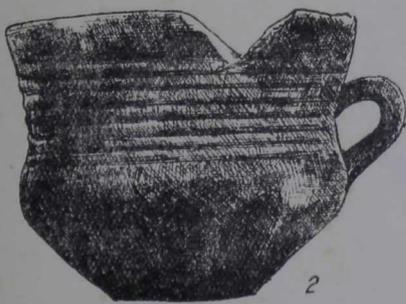
3

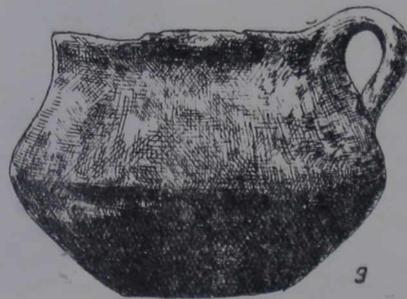
5

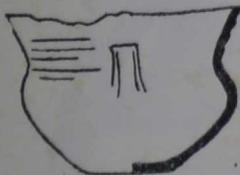
1

2

3

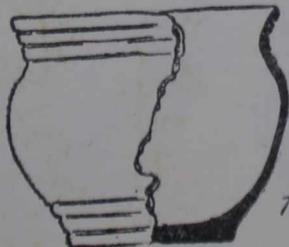
4

5

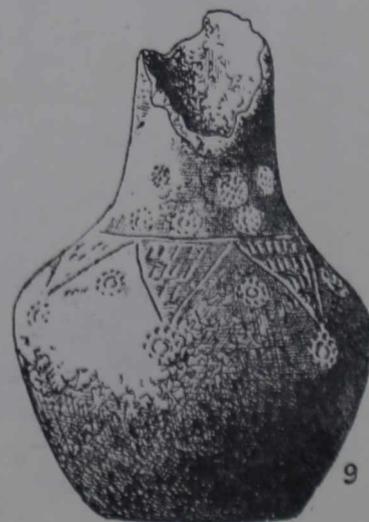
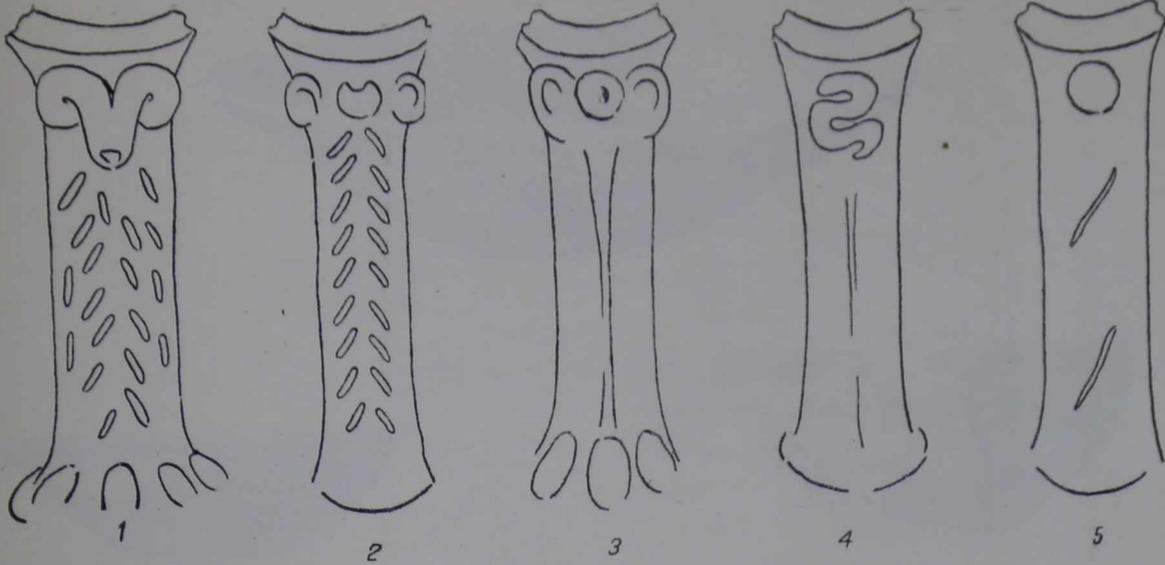
6

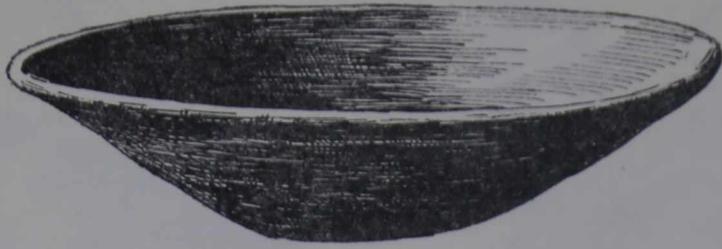

7

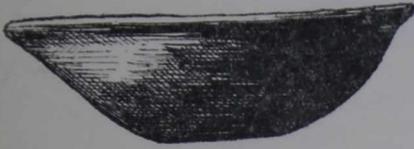

8

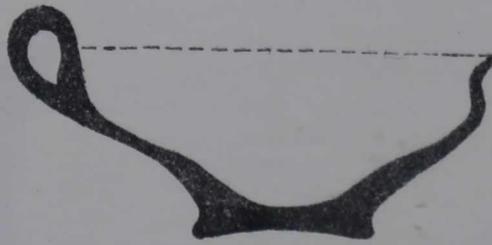
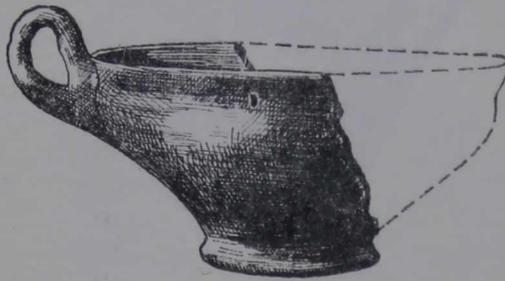
1

2

3

4

5

6

1

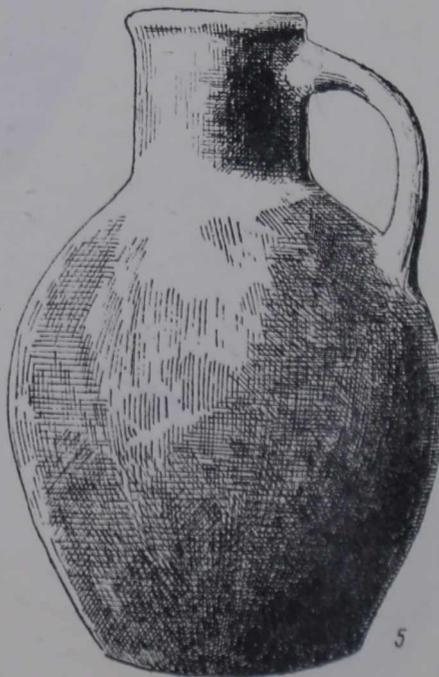
2

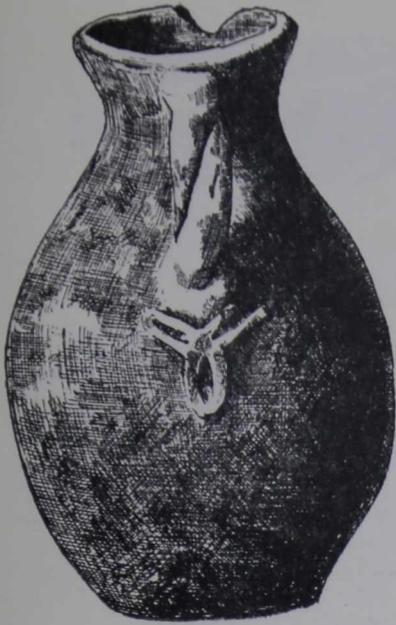
3

4

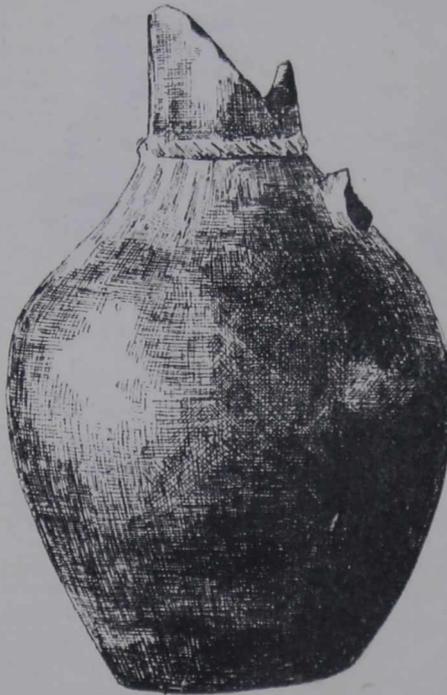
5

1

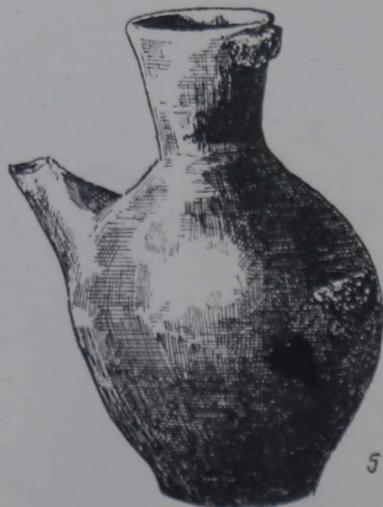
2

3

4

5

1

2

3

4

5

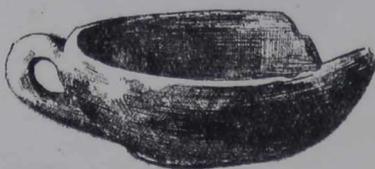
6

7

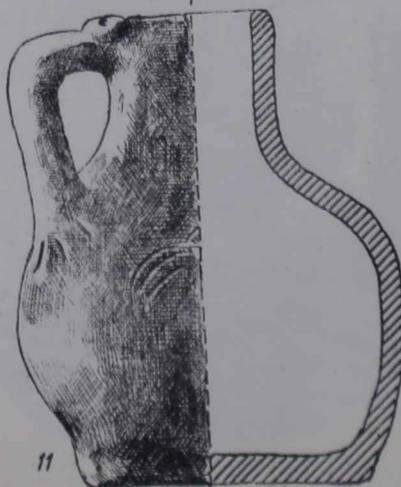
8

9

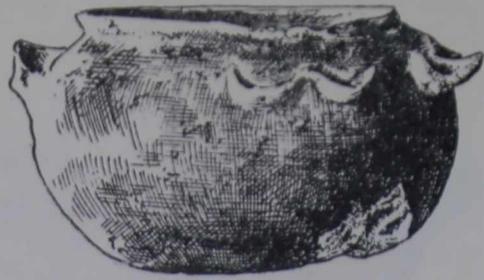
10

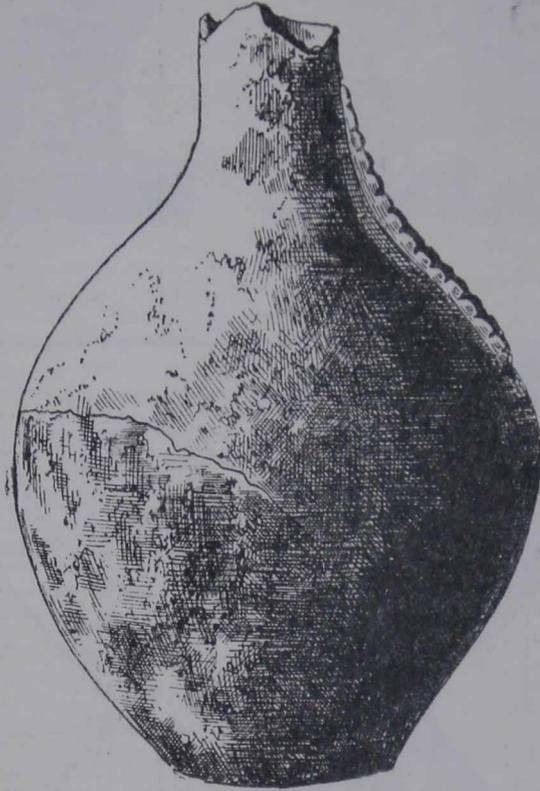
11

1

2

3

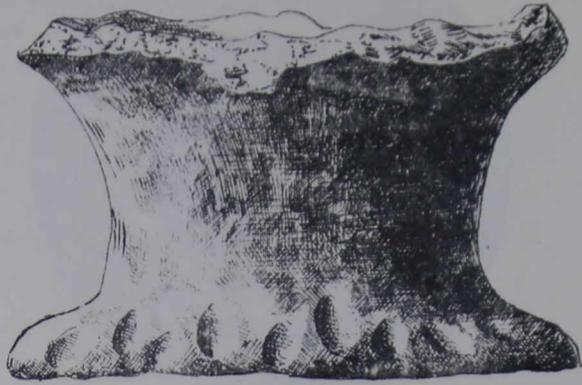
4

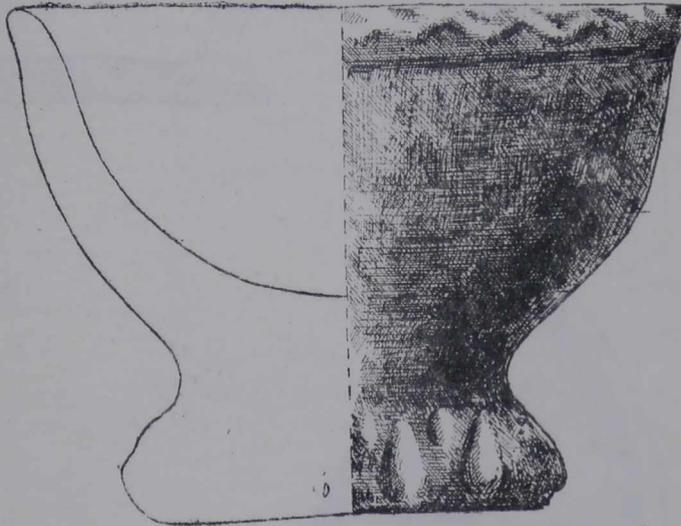
5

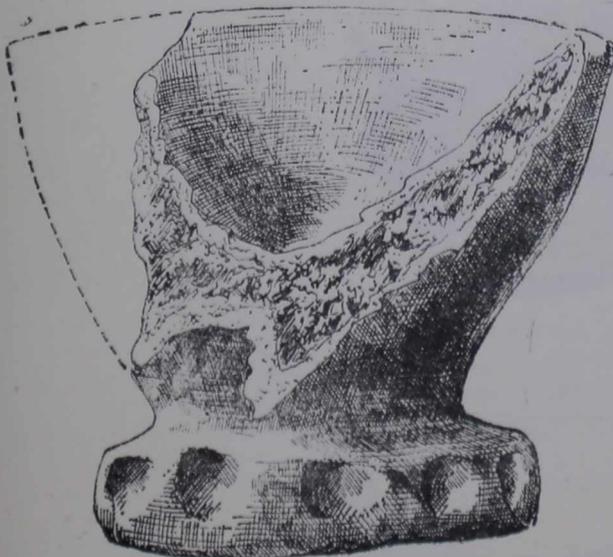
1

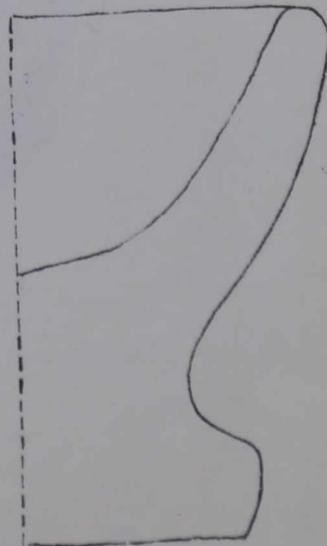
2

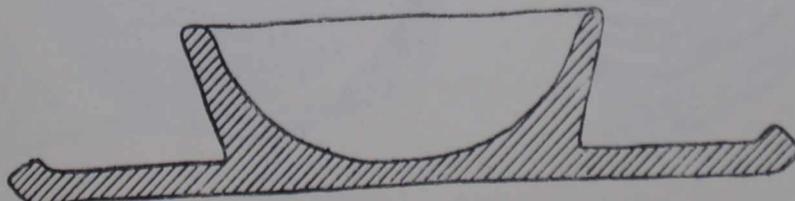
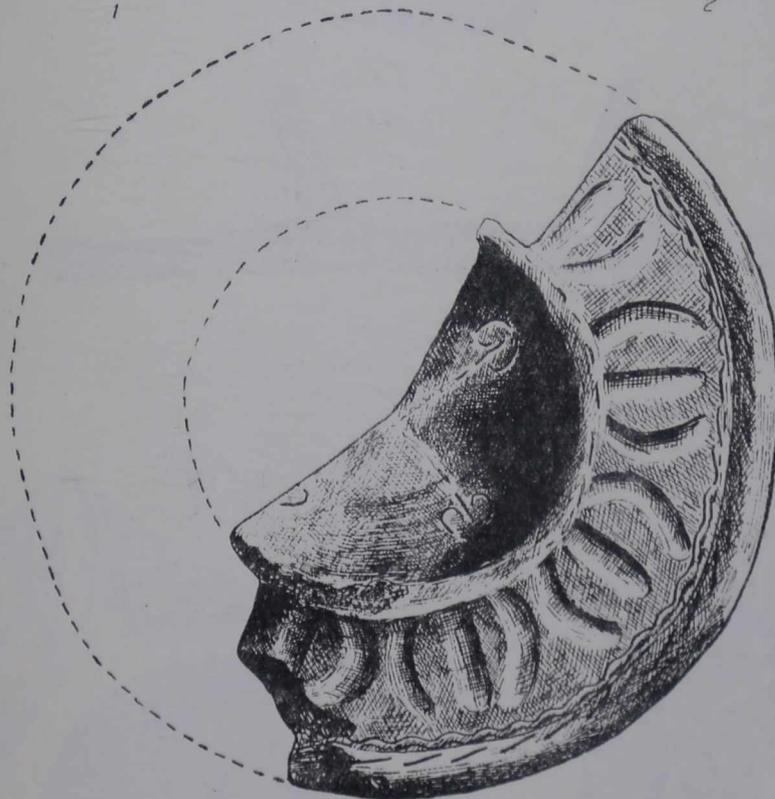
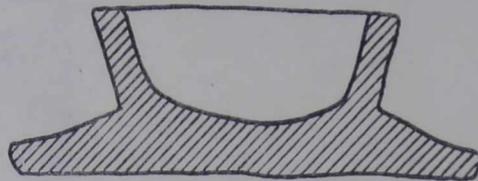
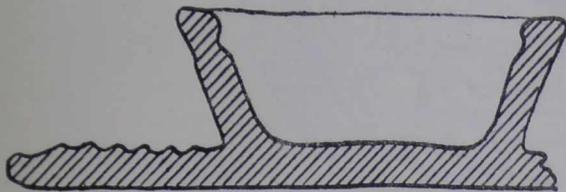
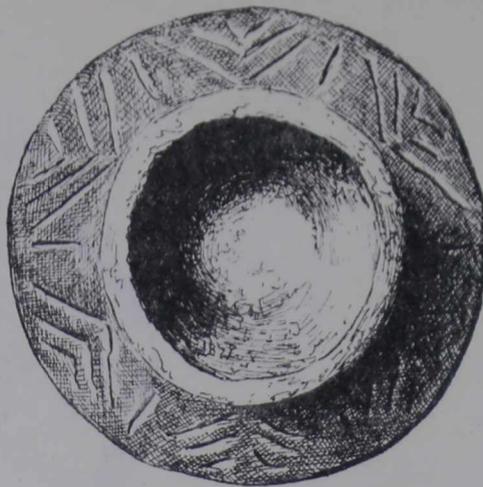
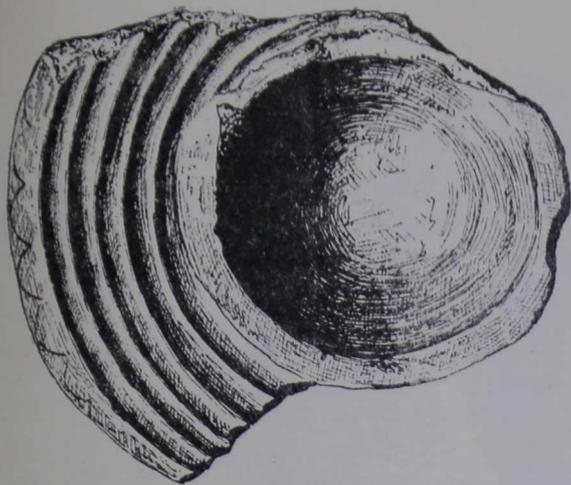

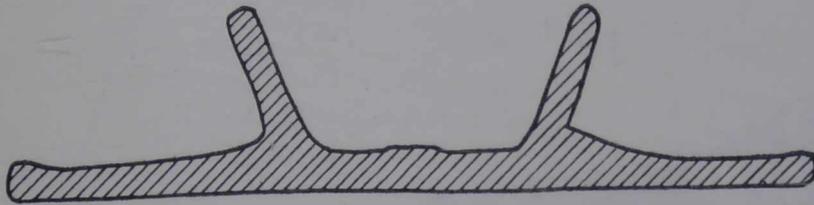
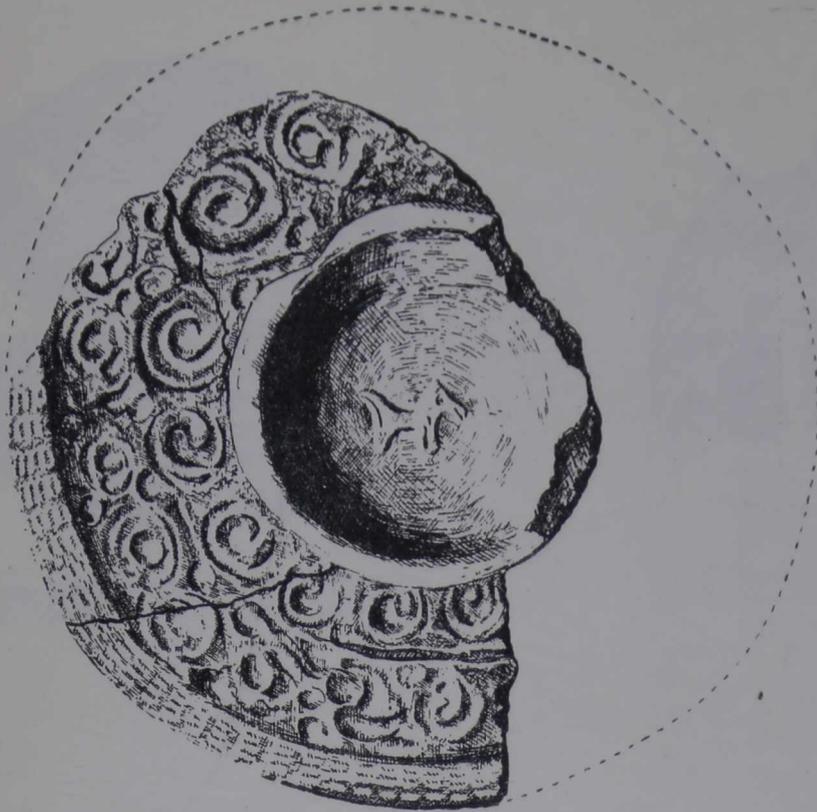
3

4

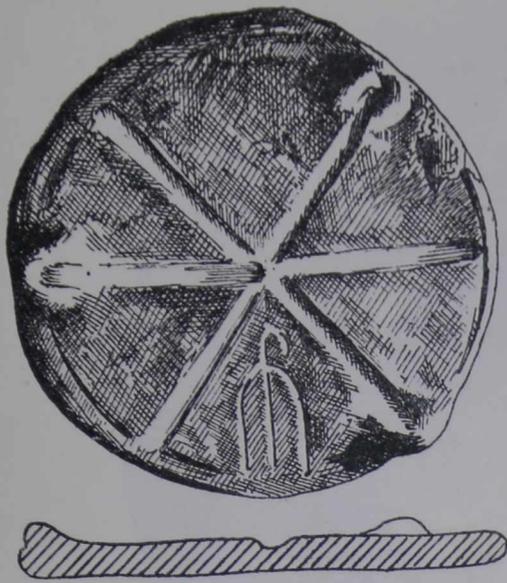
1

2

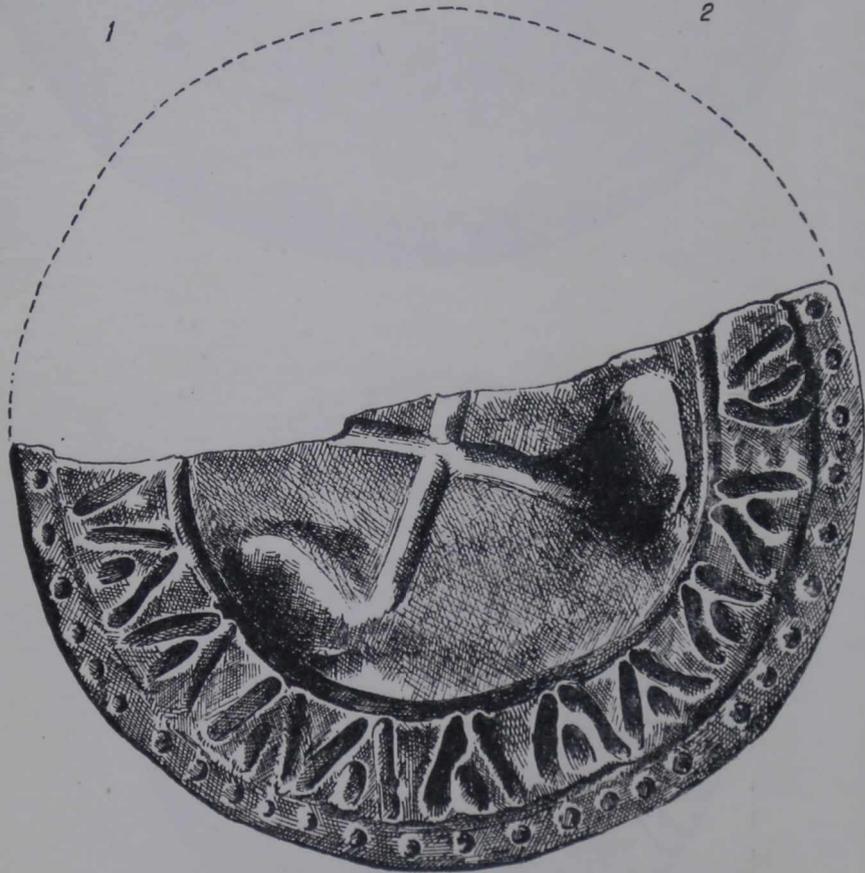
3

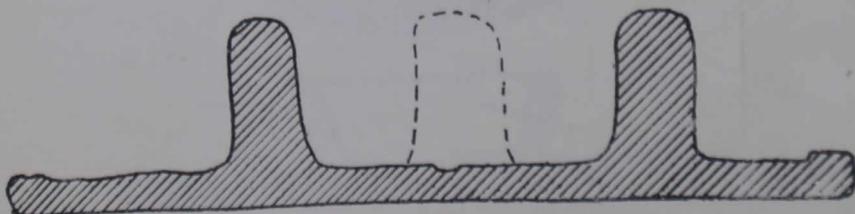
1

2

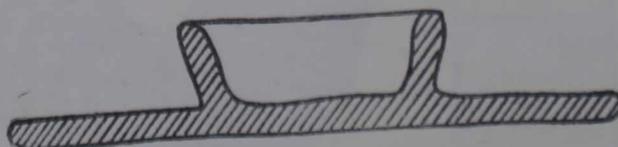

3

1

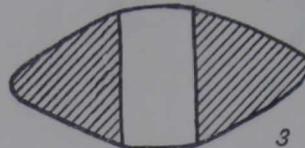
2

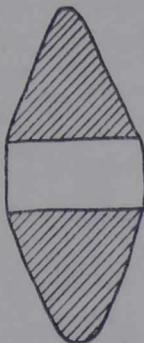
1

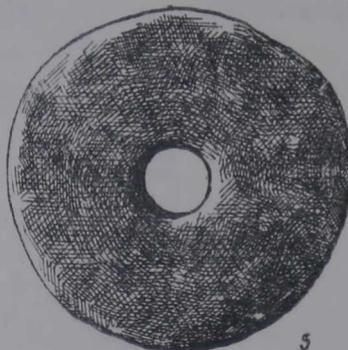
2

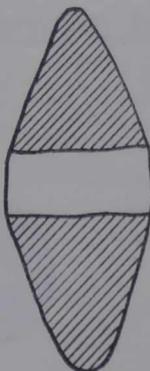
3

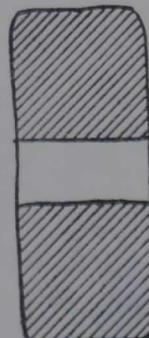
4

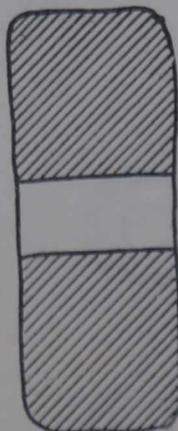
5

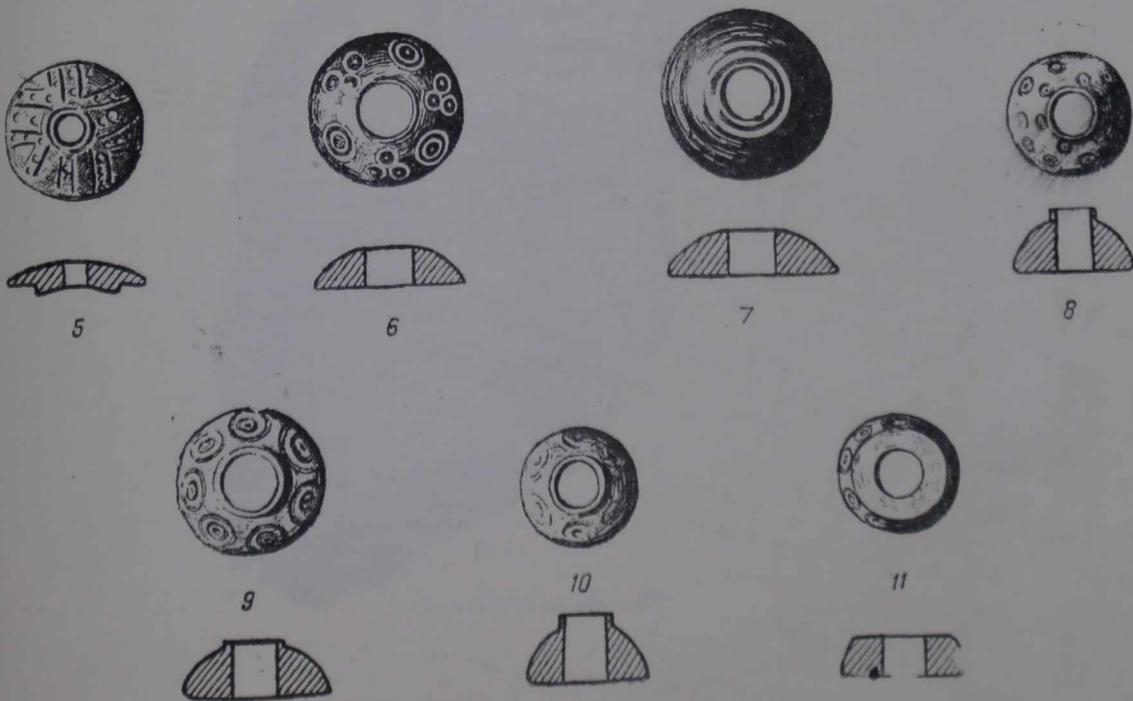
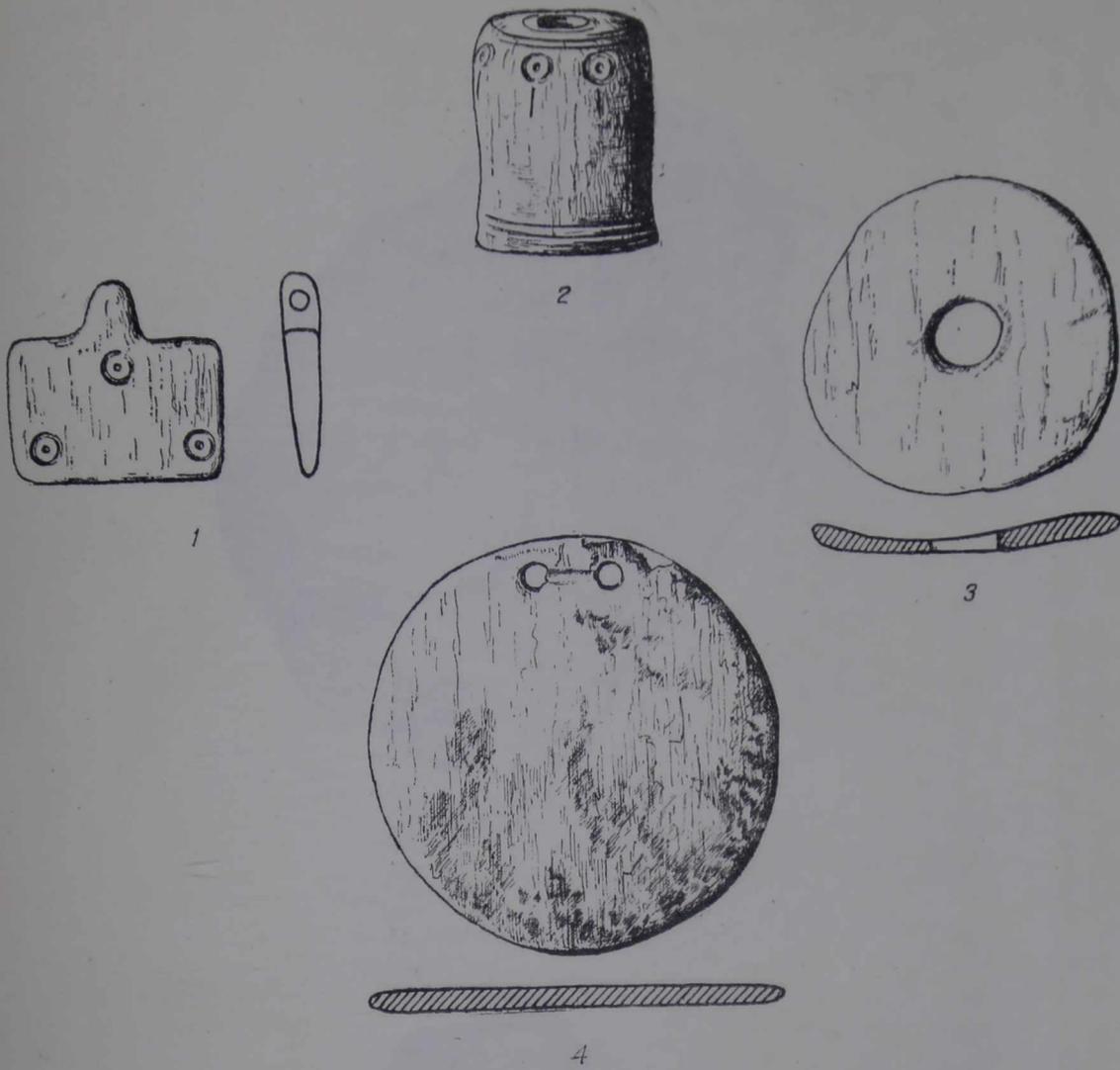
6

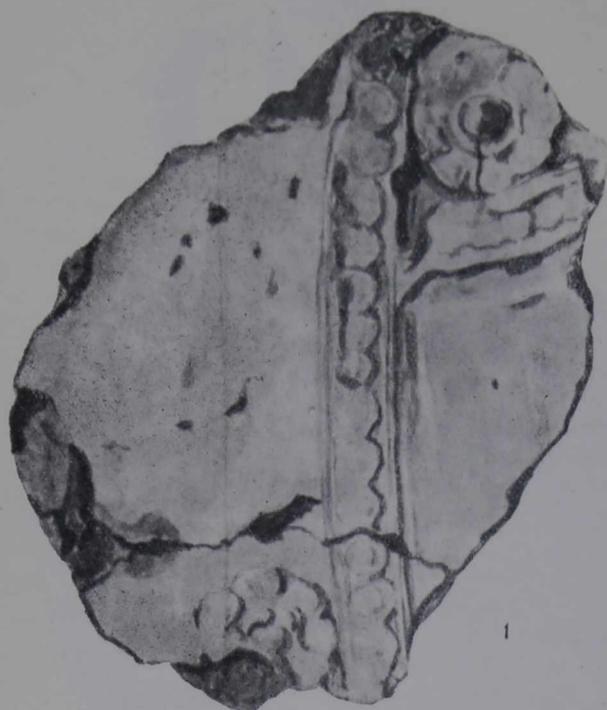

7

8

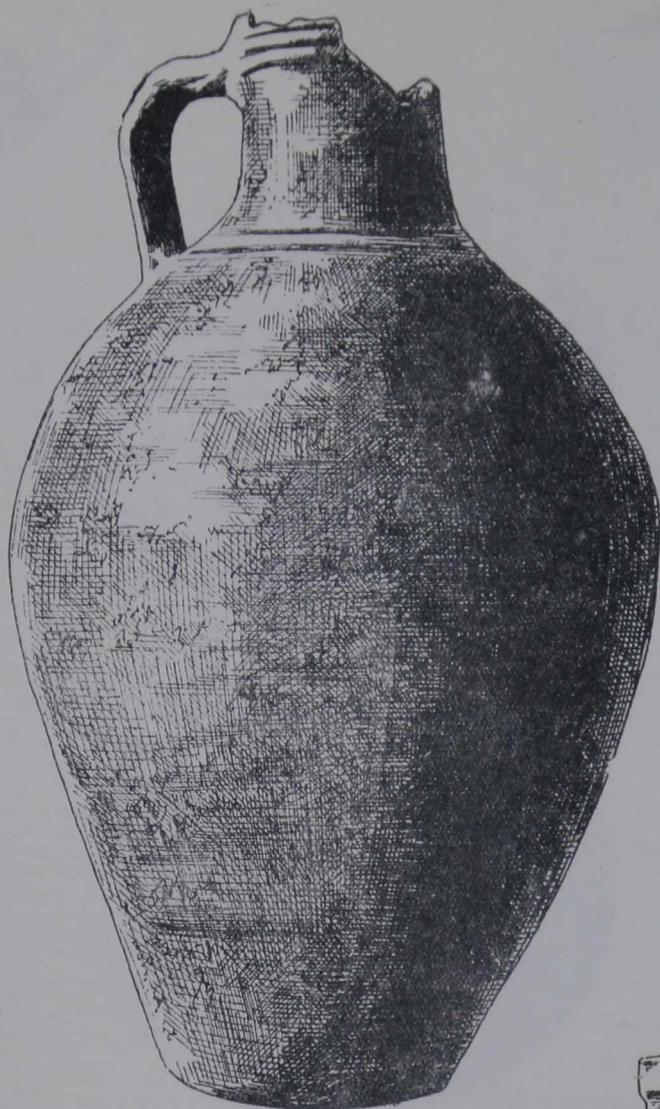

1 0 1 2 3cm

1 0 1 2 3cm

1

2

3

1

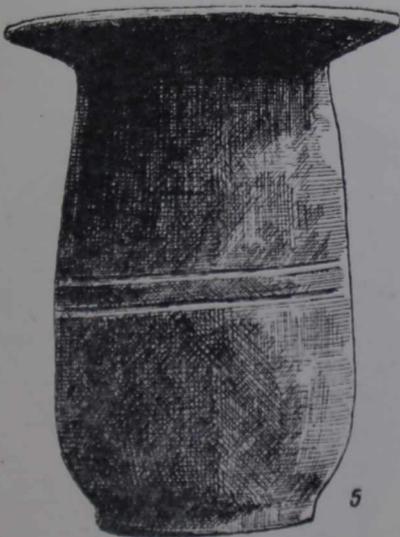
2

3

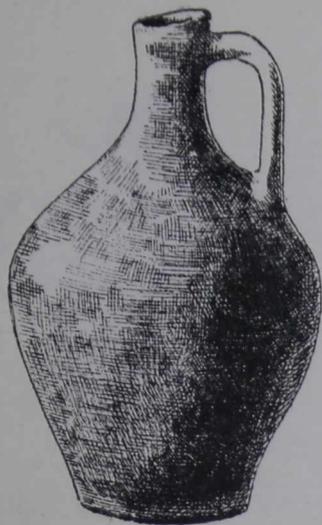
4

5

6

1

2

3

4

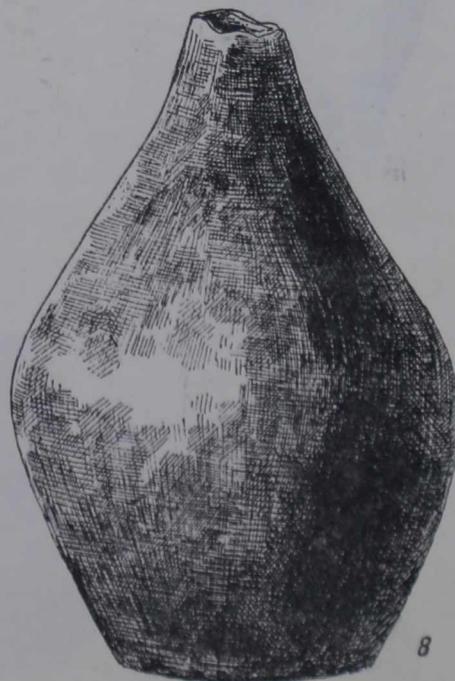
5

6

7

8

1

2

3

5

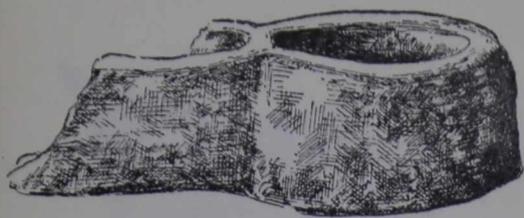
4

6

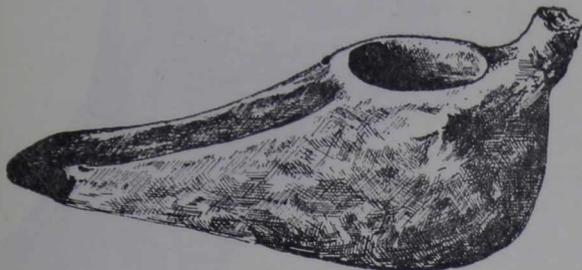
7

1

2

3

4

5

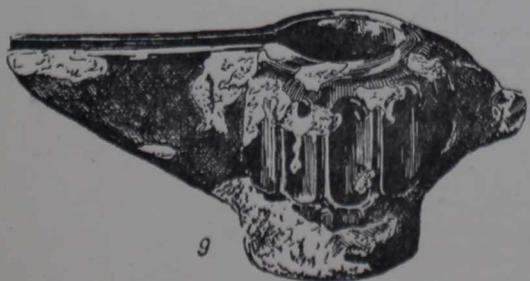
6

7

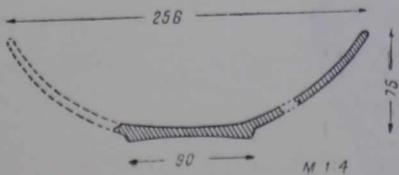
8

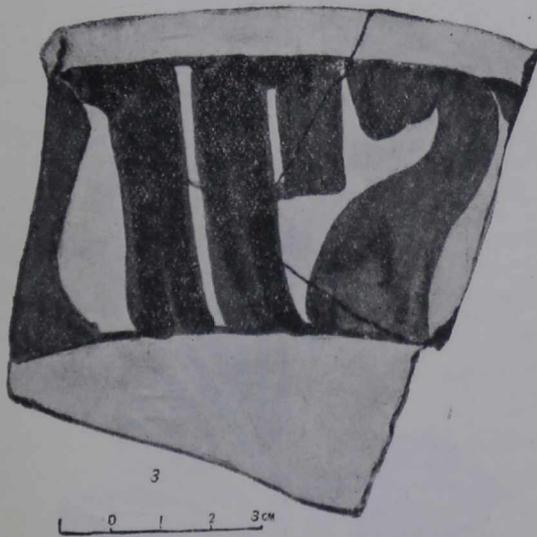

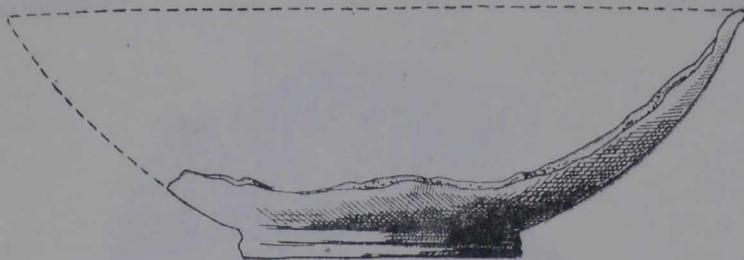
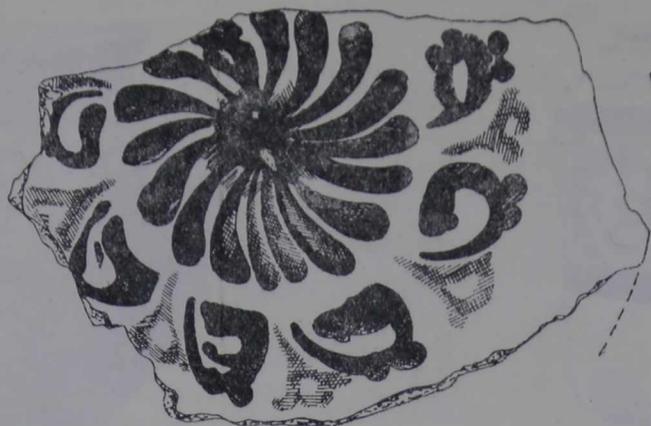
9

10

1

2

3

4

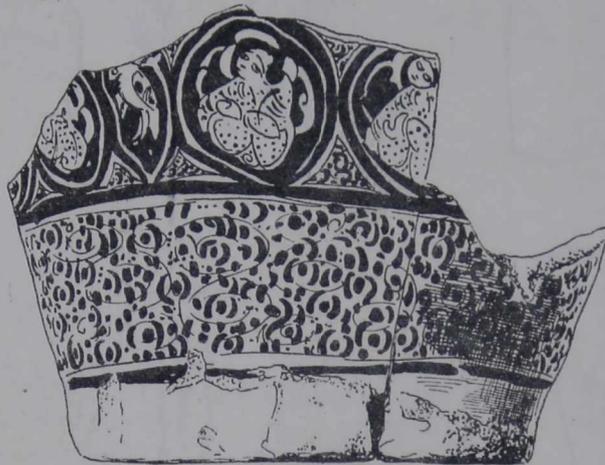

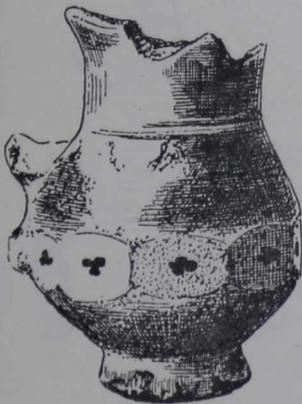
1

2

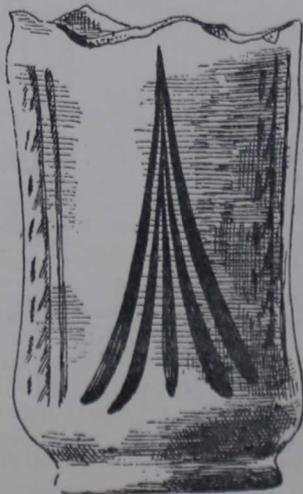
3

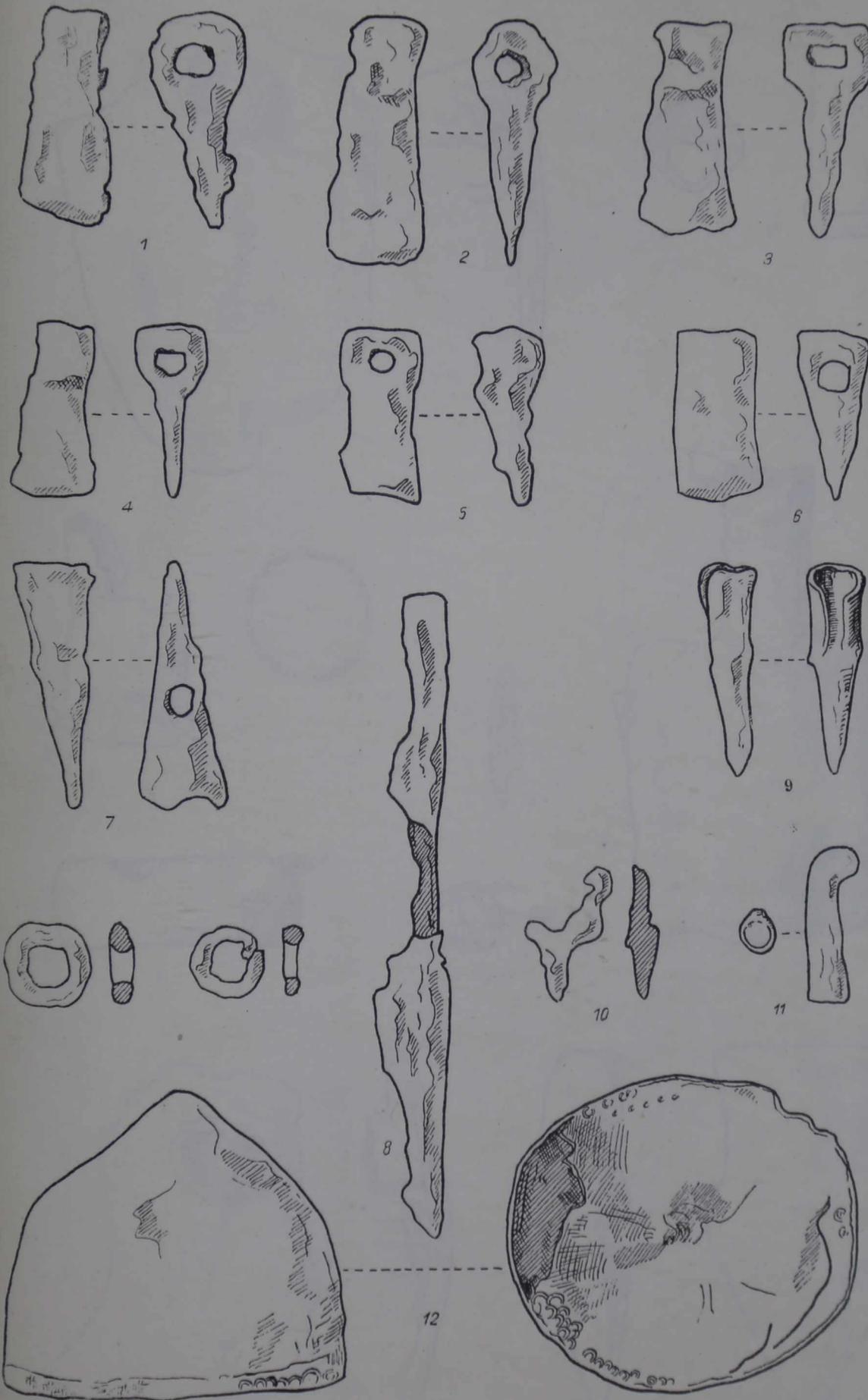
4

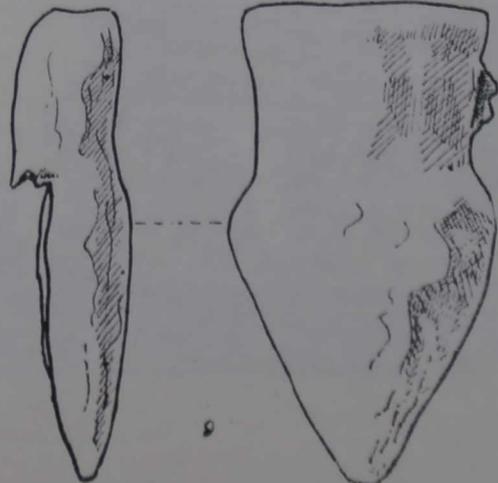
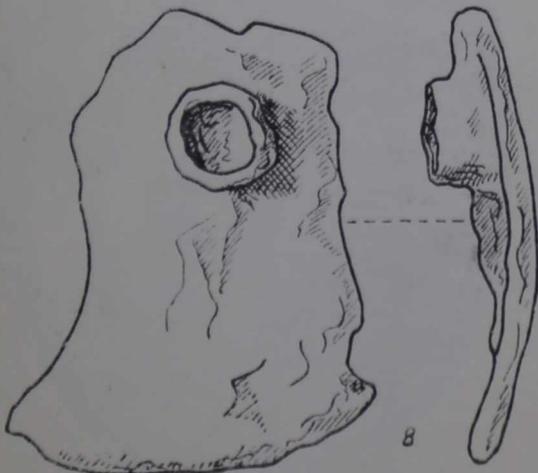
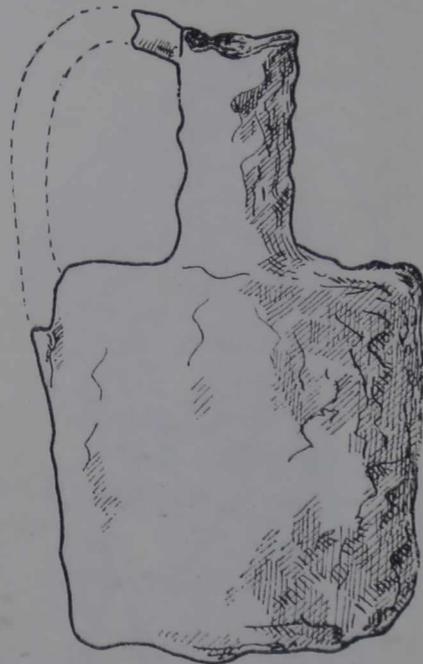
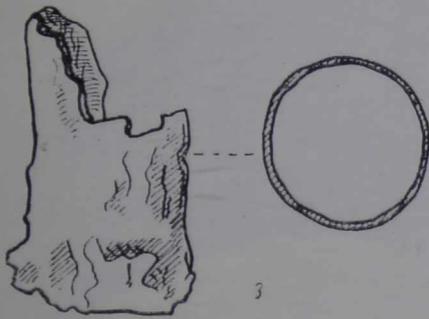
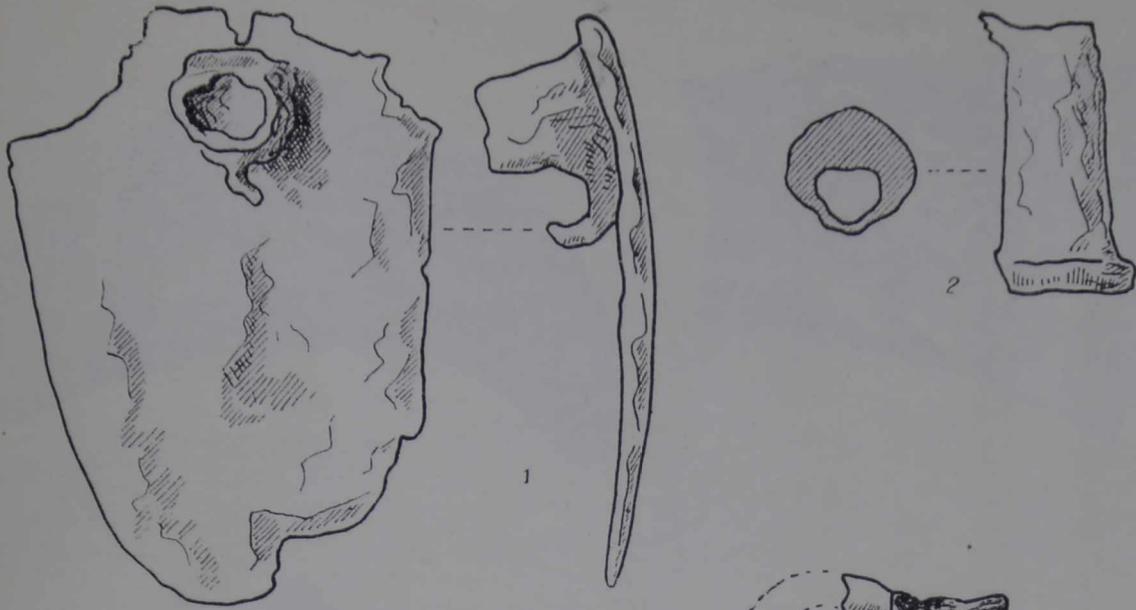

5

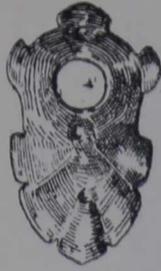

6

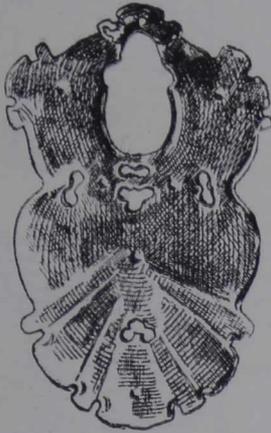

1

2

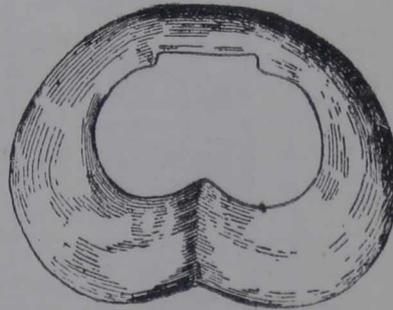
3

4

5

7

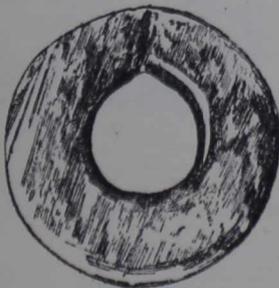
6

10

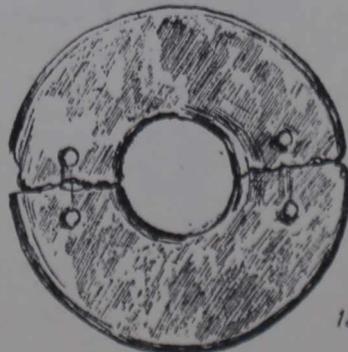
8

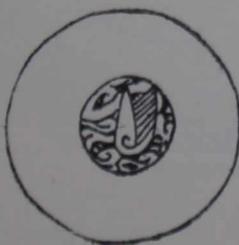
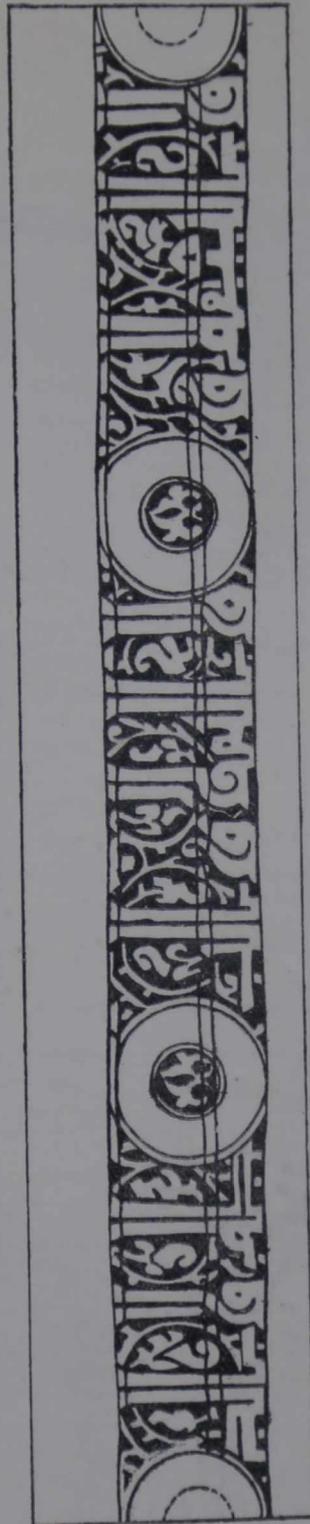
9

11

12

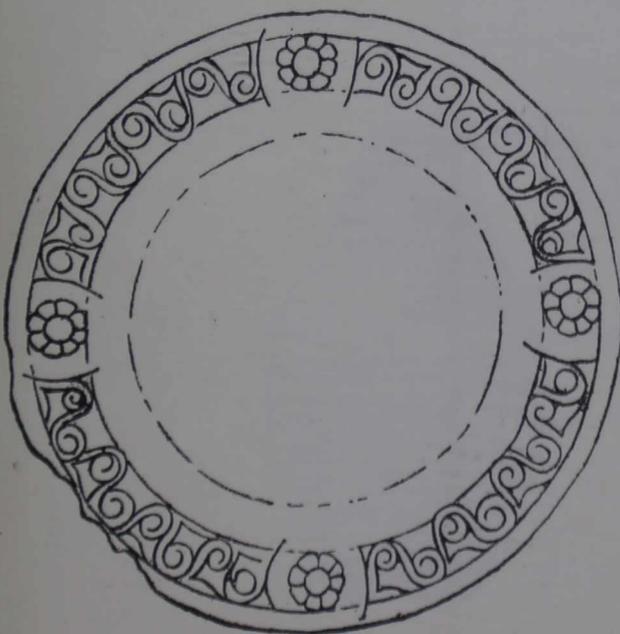
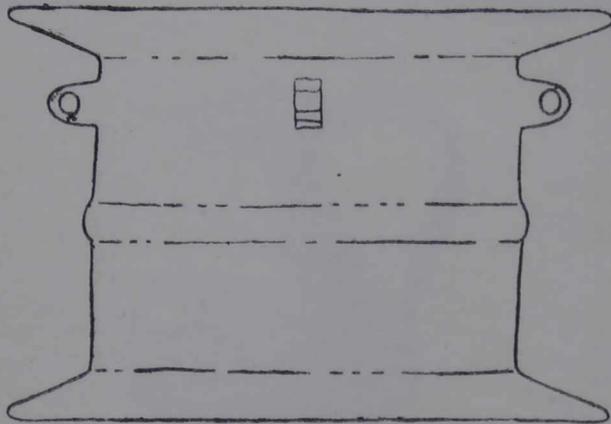
1

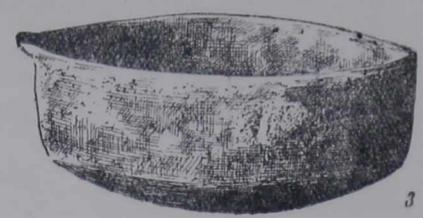

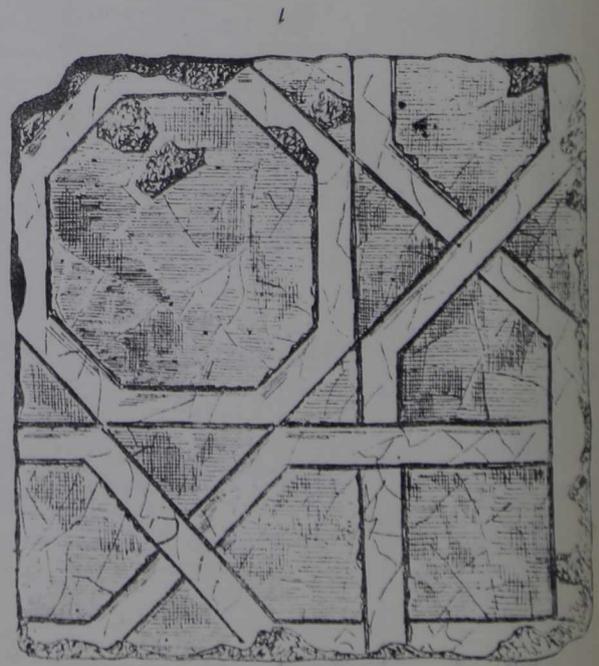
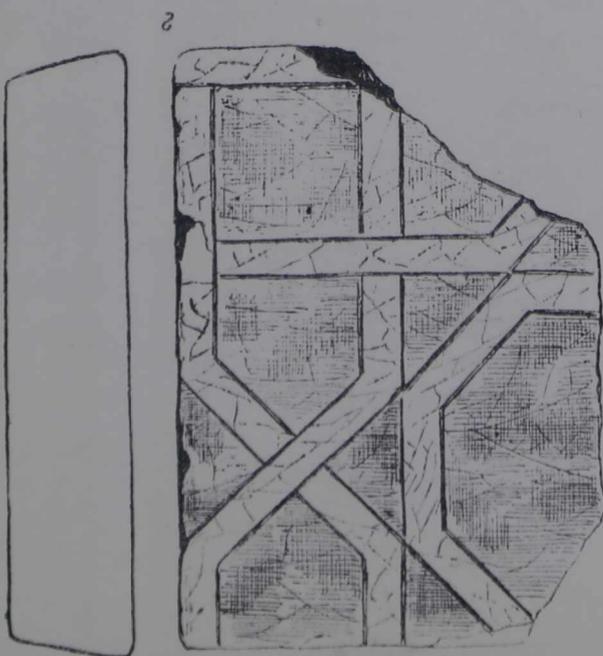
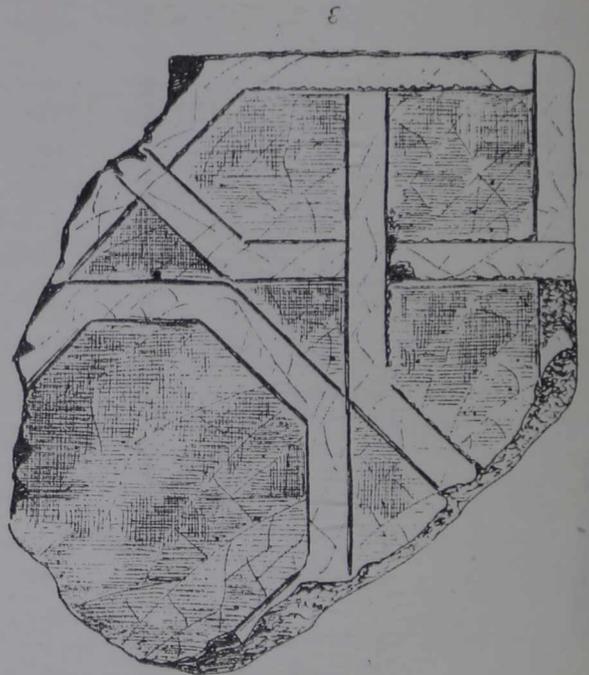
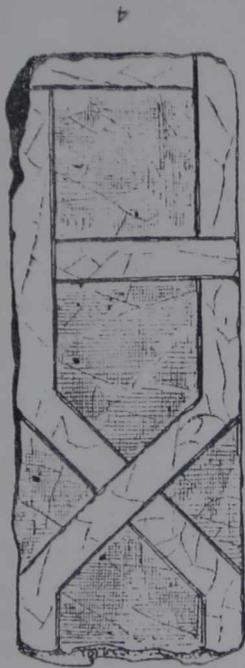
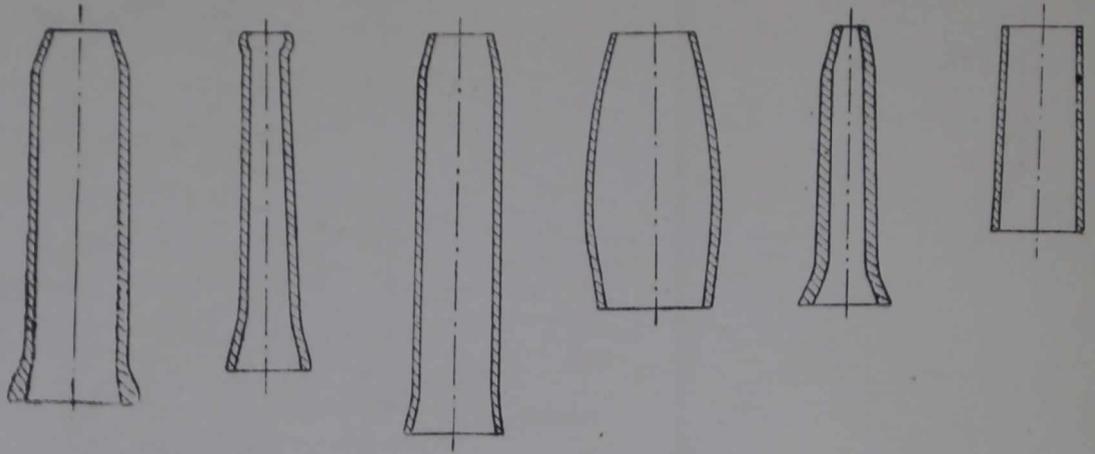
2

3

Монголо-Тамирские комплексы	XIII-XIV вв.	
Караханиды	XI-XIII вв.	
Корлукский этап	VIII-X вв.	
Тюрко-савдский этап	V-VIII вв.	
Гуны	IV-V вв.	
Усуни	IV-V вв.	
Саки	V-III вв.	
Саки	VIII-VI вв.	
Эпоха бронзы	Кавказская степь	
Эпоха бронзы	Андроновская степь	

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Академии Наук СССР*

*

Технический редактор *Р. А. Аронс*.
Корректор *Л. С. Халиманович*

*

РИСО № 3568. Подписано к печати 18/IV 1950 г. М.-16807.
Бумага $60 \times 92\frac{1}{8}$. Бум. л. $21\frac{5}{8}$. Учетно-изд. л. 30.
Печ. л. $43\frac{1}{4} + 2$ вкл. Тираж 2000. Заказ № 1500
Цена в перепл. 27 рублей.

1-я тип. Издательства АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
19	1	1 снизу	1933	1923
21	2	16 »	Кудамы ибн-Хордад- беха	Кудамы и ибн-Хор- дадбеха
30	1	29 сверху	(713—741)	(713—742)
83	2	11 снизу	тюркского	тюркешского
84	2	15 сверху	Р. С. Свердлов	Р. П. Свердлов
103	1	12 »	Т. Даниляров	Т. Данияров
148	2	8—9 »	Ninca Biloba	Ginkgo biloba
150			Данилов Т.	Данияров Т.
150			Свердлов Р. С.	Свердлов Р. П.
158	1	18—19 сверху	И. А. Бенедиктов	И. К. Бенедиктов

Материалы и исследования по археологии СССР, № 14 («Чуйская долина»).

